Искандер Гилязов

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны

Казань - 1998

ББК 63.3 (2Рос36) 622
Г 47

*Книга издана при финансовой поддержке **Гилязова Рашата Аязовича** и Генерального менеджера АОЗТ "Александровский Пассаж" **Салимзянова Султана Шавкатовича***

Научный редактор: академик Академии наук
Республики Татарстан ***М.А.Усманов***

Г 47 Гилязов И.А. НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ (КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ ИЗ ПОВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКИХ ТАТАР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ).

Монография посвящена исследованию проблем, которые в нашей исторической литературе практически никогда не освещались - изучению попыток нацистской Германии в годы второй мировой войны привлечь к военному и политическому сотрудничеству восточные народы СССР. Речь идет в основном о создании Восточных легионов в составе вермахта, в том числе и об истории Волго-татарского-легиона "Идель-Урал". Исследование написано на основании большого количества архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот. Все стремления гитлеровской Германии использовать в годы войны на своей стороне представителей народов СССР были насквозь лицемерны и поэтому закончились закономерным провалом. В данной книге на примере восточных народов, в первую очередь поволжско-приуральских татар, делается попытка объективного освещения этого пока еще малоизученного явления.

ISBN 5-93139-002-2

© Гилязов Искандер Аязович, 1998
© Журнал "Панорама-Форум", 1998
© Обложка. М. Хасанова, 1998

Издательство "Мастер Лайн"
Лицензия №189 выдана 28.05.96
Министерством информации и печати РТ

Подписано в печать 20.09.98. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16.
Тираж 1000. Заказ К40

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война, вторая мировая война в целом, воспринимается нами как грандиозная трагедия и великий подвиг одновременно, и понятно, что в отечественной исторической науке исследовали ее очень внимательно. Казалось, что история войны изучена вдоль и поперек. Очень подробно рассмотрены в исторической литературе военные события, трудовая деятельность тружеников тыла, жизненный путь крупнейших полководцев. По истории войны опубликованы тысячи монографий и статей, увидела свет капитальная "История второй мировой войны". Память о войне, о ее миллионах жертв жива в сердцах миллионов наших сограждан, особенно ветеранов войны, которых с каждым годом становится все меньше и меньше.

Если взглянуть на громадную по масштабам отечественную историографию Великой Отечественной войны, то можно обратить внимание на то, что война изучалась историками все же выборочно, лишь с одной стороны - привлекались сюжеты, так сказать, "выигрышные", позволяющие показать величие подвига советского народа. Это вполне понятно, и я не собираюсь подвергать сомнению такой подход. Но любая война это явление настолько многообразное, многоплановое, что в силу разных причин отдельные важные сюжеты ее истории так и остаются не до конца проанализированными, даже не совсем известными. Есть, оказывается, немало белых пятен, немало неизученного, незнакомого и в истории второй мировой войны.

Среди таких проблем - весьма щекотливая и неоднозначно воспринимаемая тема советского коллаборационизма в годы войны или тема военного и политического сотрудничества определенной части советских граждан с Германией. Очевидно, что многие читатели слышали о генерале Власове и власовской Русской Освободительной армии, о Восточных легионах, созданных гитлеровцами из военнопленных представителей народов СССР, в том числе и о легионе "Идель-Урал". Не могла не упоминаться эта тема при исследовании жизненного пути и судьбы Мусы Джалиля. У нас складывалось мнение, что такие военные формирования являлись жалкими, абсолютно беспомощными придатками вермахта, состоящими сплошь из изменников и предателей. Если уж шли в них честные люди, то только с ясным намерением обратить против врага полученное оружие. Получалось так, что восточные легионеры затем почти все перебежали к партизанам - в Белоруссии, на Украине, во Франции. После прочтения работ известного писателя и журналиста, исследователя жизни и творчества Мусы Джалиля Рафаэля Мустафина, например, у меня создавалось впечатление, что сформированные немцами Восточные легионы буквально во всем противостояли врагу, упорно сопротивлялись всем попыткам использовать их в борьбе против советских войск. И понятно, что так хотелось бы это представлять. Но все оказывается далеко не так просто и не так гладко.

Коллаборационизм в годы второй мировой войны был явлением распространенным и имел место практически в каждой оккупированной стране. И в каждой стране он имел свою природу, свои специфические черты. Для выявления особенностей коллаборационизма необходимо очень ясно понимать общие условия его развития - политические, военные, даже психологические. Рассматривать эти условия правильнее всего будет в комплексе. Только в таком случае можно получить максимально полное и возможно объективное представление и о сотрудничестве советских граждан с Германией в годы войны. Если мы обратим внимание только на чисто количественные показатели, то станет ясным, насколько сложна оценка этого явления. Хотя более подробные цифры будут приведены в тексте книги, упомянем здесь, что во время войны в германских вооруженных силах служило от 700 000 до одного миллиона советских граждан, в основном из числа военнопленных. Из них же были составлены национальные военные соединения - в 1942-1943 гг. Восточные легионы, казачьи и калмыцкие части, в 1944 г. началось формирование Русской Освободительной армии под командованием генерала Власова. В самой Германии возникли различные национальные представительства - комитеты, в 1944 г. был создан Комитет освобождения народов России. Объяснять указанные факты лишь элементарным предательством, желанием военнопленных выжить в трудной ситуации было бы в значительной степени упрощением проблемы. На нее, при всей ее болезненности, следует взглянуть более широко и непредвзято.

Оговорюсь сразу, что в данной книге я менее всего хотел бы предстать в роли обвинителя или защитника, и не собираюсь никого оправдывать или очернять, не считая это в данном случае своей целью. Навешать ярлыки и окрасить исторические события только в черный и белый цвета, в принципе, очень просто. Я же, как историк, поставил перед собой цель рассмотреть сложнейшую тему советского коллаборационизма в годы второй мировой войны, на примере тюркских народов, в том числе и поволжских татар, и хотел бы по мере сил познакомить читателя с разными ее сторонами и высказать свои собственные суждения о феномене коллаборационизма. Я исхожу из того, что война - это такое страшное испытание, такое многообразное явление, такой перелом в судьбах стран, народов и отдельных личностей, что ее последствия в психологическом восприятии каждого отдельного человека, в его поступках, в каждой конкретной ситуации могли быть разными. Поэтому и природа коллаборационизма как явления далеко не так проста и не так однообразна.

Я вполне осознаю, что даже одно обращение к этой теме может быть воспринято однозначно негативно. За примером ходить далеко не надо. Когда в журнале "Татарстан" появилась моя статья, посвященная деятельности профессора фон Менде, один энергичный журналист в газетной рецензии сразу же представил статью как ревизию отношения к подвигу Мусы Джалиля (который, кстати, в той статье вообще не упоминался). Логика автора была проста: раз пишет на такую тему, значит поддерживает и оправдывает фашистов, раз написал статью о фашистском профессоре, значит хочет сделать из него героя. По-видимому, рецензенту никак не удалось понять простой истины: историк дол-

жен писать о прошлом так, как оно действительно было, воспринимая разные стороны этого прошлого, в том числе и те, о которых может быть писать и не слишком приятно или даже больно. Замалчивать факты и события истории - совершенно неправильно, непродуктивно и даже вредно. Я не делаю героев из всех людей, которые в годы войны перешли на сторону немцев, а, скорее всего, стремлюсь представить те обстоятельства, которые сделали возможными такое явление. Но точно также я не хочу представить их всех предателями, ибо "чистое предательство" в таком масштабе, какой имел место в годы второй мировой войны, представляется просто невозможным.

Хочу также подчеркнуть следующее (опять-таки предвидя возможные нарекания). Я пишу о национал-социализме, о национал-социалистской Германии (кстати, сознательно не употребляя понятие "немецкий фашизм", считая, что между немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом при самом ближайшем их родстве имеется определенная разница, но это уже предмет отдельного разговора), упоминаю военных и политических руководителей "третьего рейха" и стараюсь при этом быть более беспристрастным и избегать лишней эмоциональности, не употребляя сентенций типа "кровавый, взбесившийся маньяк" или "матерый фашистский волк", которые более свойственны публицистике. А я не публицист, не журналист, и поэтому, имея уже определенный опыт, хочу отметить: от того употребляю ли я подобную риторику или нет, мое отношение к Гитлеру, к национал-социализму, к фашизму, к деяниям оккупантов как к преступникам, к преступной идеологии, преступной деятельности не меняется. Это очевидная истина, но все же вынужден ее упомянуть.

Книга эта создавалась на основании довольно длительной работы в немецких архивах. В ее основу положены документальные материалы различных учреждений национал-социалистской Германии, как военных, так и гражданских. Особое место среди них занимают материалы Министерства иностранных дел, Министерства по делам оккупированных восточных территорий, Главного управления СС, командования Восточных легионов и различных военных соединений вермахта. В каждом отдельном случае работы с документацией того времени не упускались из виду их происхождение, их идеологическая направленность, и тот факт, что все они являлись продуктом жестокого тоталитарного режима. Поэтому необходимость строгого критического подхода к ним являлась для меня очевидной. Сохранность архивных материалов по теме книги оставляет желать много лучшего, и в силу различных причин немалое количество источников оказались утерянными. К сожалению, недоступными для меня остались материалы из архивов КГБ (ФСБ). Правда, часть документов из архива КГБ РТ, а именно, так называемые "фильтрационные дела", несколько лет назад были рассекречены и переданы в фонды Национального архива Республики Татарстан. Эти материалы в данную книгу включены не были, и я планирую в будущем обратиться и к ним как вполне самостоятельному и своеобразному комплексу источников.

Тема советского коллаборационизма в историографии представлена очень неравномерно: как уже отмечалось, в отечественной исторической литературе

такой проблемы как объекта исследования просто не существовало. Свои точки зрения на сотрудничество с советскими гражданами во время второй мировой войны и почти сразу же после войны высказывали непосредственные участники событий с германской стороны. В результате возник довольно широкий круг мемуарной литературы, отличающейся, естественно, высокой степенью субъективности. Позднее появились и самые различные исследования (особенно американских и немецких историков), также представляющие разные подходы и разное понимание этой сложной проблемы. В заключительной части данной книги будут даны некоторые оценки подобным публикациям, поэтому сейчас детальнее останавливаться на них я не буду.

Эта книга написана при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung), который сделал для меня возможным проведение целенаправленной работы в немецких архивах и библиотеках, за что хочу выразить свою искреннюю благодарность Фонду.

Разнообразную помощь при работе оказали мне также многие ученые, писатели, общественные деятели из Германии и России. Я очень благодарен всем коллегам из Семинара по восточноевропейской истории Кельнского университета (в особенности, его руководителю профессору Андреасу Каппелеру и коллеге Кристиану Ноаку), профессорам Йосту Дюльферу, Герхарду Зимону (Кёльн), Герхарду Хёппу, Ингеборг Бальдауф (Берлин), доктору Патрику фон цур Мюлену (Бонн), доктору Иоахиму Хоффману (Фрайбург); писателю Рафаэлю Мустафину и заместителю главного редактора "Книги Памяти" Михаилу Черепанову (Казань); руководителю Центра общественных связей КГБ Республики Татарстан Ровелю Кашапову. Ценные советы получал я также от моих коллег по кафедре истории татарского народа Казанского университета профессора Миркасыма Усманова, доцентов Дины Мустафиной и Завдата Миннуллина.

Особо хочу поблагодарить современников описываемых событий: бывшего руководителя Татарского посредничества Хайнца Унглаубе (Лауэнбург) и бывшего члена "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" Гарифа Султана (Мюнхен). Беседы с этими двумя лицами позволили мне более ясно понять описываемые события.

Неоценимую помощь оказали мне сотрудники немецких архивов: Федерального архива в Кобленце, Федерального архива в Потсдаме, Федерального военного архива во Фрайбурге, Политического архива Министерства иностранных дел в Бонне, Бранденбургского земельного архива в Потсдаме, Института современной истории в Мюнхене, Архива федерального уполномоченного по делам Министерства безопасности бывшей ГДР в Берлине.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ

Историю Восточных легионов вермахта и в целом сотрудничества представителей восточных народов СССР с национал-социалистами в период второй мировой войны необходимо начинать собственно не с факта создания этих военных формирований. Началась она намного раньше и восходит, пожалуй, к предвоенному периоду, когда еще только продумывались планы ведения войны с Советским Союзом. Хотя в то время, конечно, ни о каком сотрудничестве с представителями "низшей расы" и речи быть не могло, и "размышлениям" подобного рода предавались не первые лица государства и партии, а лишь отдельные представители научных, военных или дипломатических кругов. При этом немецкая сторона не упускала из виду языковые и этнические особенности различных народов, своеобразие их исторического развития (особую привлекательность имели тогда сюжеты, в которых другие национальности противопоставлялись Русскому государству и русскому народу). Что касается поволжских татар, то в использовании их в военном столкновении против СССР актуальность для немецкой стороны приобретали два фактора: во-первых, принадлежность татар к тюркскому миру; во-вторых, исповедание ими мусульманской религии.

Поэтому, вероятно, можно считать вполне уместным рассмотрение в данной книге указанных сюжетов. Исходя из этого, в первой главе будут рассматриваться вопросы, которые, надеюсь, многим из наших читателей также покажутся важными: каковы же были представления в Германии о тюркских народах, о тюркской национальной идее, а на определенном этапе и о возможностях сотрудничества с тюркскими народами? Чем был для немцев ислам, как они относились к мусульманам вообще? В поисках ответов на эти вопросы мне, возможно, придется в некоторой степени нарушить хронологический принцип изложения и порой забегать вперед, приводя факты даже из заключительного периода войны, но это сделано с целью более полного и последовательного представления об обсуждаемых сюжетах.

Кроме того, очень важным мне показалось до разговора о тюркском и исламском факторе дать пояснения об общих представлениях нацистов перед войной о Советском Союзе и его многонациональном населении, в том числе и о татарах, и обязательно сказать, как видели они будущее этой страны и ее народов. Это, по-моему, более ясно очертит контуры предстоящего разговора о коллаборационизме во время войны. Уверен, что у читателя, особенно у искушенного, хорошо знакомого с историей второй мировой войны в целом, есть определенные знания на указанную тему, но думаю, что нелишним будет увидеть ее в систематизированном и обобщенном виде, тем более, что к проблемам настоящей работы она имеет самое прямое отношение.

Представления нацистов о восточных народах Советского Союза. Планы относительно будущего этих народов.

Многонациональный характер населения Советского Союза в предвоенных планах Германии оценивался чаще всего лишь с той точки зрения, что межнациональные противоречия в СССР якобы настолько глубоки, что Союз представляет из себя "колосса на глиняных ногах". Национал-социалистская пропагандистская машина исходила из того, что СССР вследствие подобных противоречий разрушается, и достаточно даже слабого толчка, чтобы всё в одночасье развалилось. И по-видимому, в силу этого абсолютно никакой **продуманной** политики по отношению к советским национальностям, и тем более по отношению к восточным народам, и не планировалось, и не проводилось вплоть до 1942 г., когда в войне наметился очень тревожный для немцев поворот. И в то же время в Германии наличествовали какие-то представления о населении этого "колосса", особенно "живописные" в изложении геббельсовской пропаганды, и, конечно, имелись конкретные планы относительно административного устройства завоеванных на востоке территорий и судьбы народов, населяющих эти земли. Именно об этом и пойдет речь в данной главе.

Вначале о некоторых конкретных фактах.

В конце 30-х годов Внешнеполитический отдел нацистской партии (НСДАП) активизировал деятельность по сбору и анализу материалов о будущем противнике. Соответствующее поручение было дано Институту по исследованию России (Rußland-Institut), созданному в рамках Высшей школы по изучению зарубежных стран. Координировал эту работу в указанном Институте профессор Герхард фон Менде, автор монографии, посвященной национальному движению тюркских народов Российской империи и СССР.[1] На то время книга фон Менде являлась единственным крупным исследованием в западной историографии по национальному вопросу в СССР. Исходя из своей концепции о перспективности сотрудничества Германии с тюркским миром вообще, фон Менде взялся за дело основательно.[2] В 1937 г. он поставил вопрос о создании в Институте тюрко-татарской библиотеки и привлек для этой цели татарского эмигранта Ахмета Темира, работавшего в Германии над диссертацией. Перед Ахметом Темиром были поставлены следующие конкретные задачи: описание книг, полученных для библиотеки; составление персональной картотеки деятелей науки, культуры, политики из представителей тюркских народов СССР; сбор картографических материалов и демографической статистики о Татарстане и Башкирии. По данным 1940 г. Институт получал четыре тюркоязычных газеты - "Кызыл Татарстан", "Кызыл Узбекистон", "Совет Туркменистаны" и "Коммунист" (Баку). На основании их материалов составлялись ежемесячные обзоры. К тому времени А.Темир в корреспонденции фон Менде именовался руководителем тюрко-татарского отделения Института по изучению России и одновременно докторантом Берлинского университета.

Когда в 1939 г. Имперская служба безопасности (РСХА) начала готовить для различных германских инстанций ежемесячные "Сообщения о положении в Советском Союзе" под грифом "Секретно", то указанные выше лица были активно привлечены к этому мероприятию. В основу сообщений клались матери-

лы периодических изданий, в том числе и местных. При этом не упускался из виду национальный вопрос и в одном из выпусков отмечалось, что "даже в средствах массовой информации, которые специально издаются для национальностей СССР, вряд ли можно найти что-либо существенное об их жизни. Орган обкома и Верховного Совета ТАССР "Кызыл Татарстан" пишет при этом, что борьба против буржуазно-националистических элементов будет беспощадно продолжена".[3]

4 июля 1940 г. профессор фон Менде отправил руководителю Внешнеполитического отдела НСДАП Георгу Ляйббрандту (в годы войны ответственный сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных территорий) полный отчет о проделанной работе. Тогда ему помогали все тот же А.Темир и Вели Каюм-хан (позднее - лидер Туркестанского национального комитета). Каждый из них должен был обращать внимание на какие-то конкретные моменты: А.Темир, например, в своих ежемесячных обзорах обязательно выделял культурно-политический аспект, а более всего - последствия насильственного перехода тюркских народов на кириллицу, а также обобщал все кадровые перестановки в национальных республиках, что, по мнению фон Менде, "позволяло делать выводы о персональной политике по отношению к тюркским народам". Лишь четыре тюркоязычных газеты для получения сведений обо всех сторонах жизни народов СССР - это было очень мало (на это не раз обращал внимание своего начальства и сам фон Менде). К тому же понятно, что объективность информации, почерпнутой из газет сталинского периода, может быть поставлена под серьезное сомнение. Но работа в этом направлении в Германии велась, отчеты, составленные на основании изучения тюркоязычной прессы регулярно направлялись для сведения в различные инстанции (например, в Министерство иностранных дел).[4]

Весной 1938 г. некий Теодор Оберлендер (позднее, во время войны, руководитель особого военного соединения "Бергман", с начала 50-х годов профессор, затем федеральный министр по делам беженцев и интернированных) получил задание от шефа абвера адмирала Канариса провести скрупулезное исследование неудач военных кампаний периода гражданской войны в России - походов Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича. В своем отчете Оберлендер выдвинул в качестве двух главных причин неуспеха белого движения, во-первых, полное невнимание к проблемам нерусских национальностей; во-вторых, нерешенность земельного вопроса. Обратим внимание, что национальный вопрос был поставлен экспертом на первое место. Оберлендер отметил в своем отчете, что любое невнимание со стороны Германии к этим двум кардинальным проблемам будет играть только на пользу большевизму, о чем он и предупредил Канариса. Известно, что этот материал был представлен для ознакомления и Гитлеру, однако отклика никакого не получил.[5]

На протяжении 1940 г. в рамках национал-социалистской партии при финансовой поддержке МИД был сформирован Восточный отдел (Oststelle) под руководством Г.Ляйббрандта со следующими задачами: "1. Наблюдение за политической деятельностью всей эмиграции из Российской империи и СССР во всем мире. 2. Наблюдение за национальным вопросом в СССР. 3. Наблюдение за деятельностью Коминтерна". В марте 1941 г. Ляйббрандт составил отчет о проделанной им работе, и заметил, что отдел подробно изучал прежде всего эмигрантскую

прессу: русскую, украинскую, белорусскую, казачью, грузинскую и различных тюркских народов. Он обратил внимание на серьезные финансовые трудности, которые испытывали большинство эмигрантов из восточных народов, потерявшие после начала мировой войны финансовую поддержку со стороны Польши.[6]

Перед самым началом войны против Советского Союза и внешнеполитическое ведомство нацистской Германии - Министерство иностранных дел заявило о серьезных намерениях по изучению противника. Весной 1941 г. сотруднику МИД Гросскопфу было дано поручение организовать так называемый Комитет по России.[7] Функции этого Комитета не были определены до конца, ибо он в итоге так и не был создан, вместе с тем известно, что Гросскопф пытался привлечь к сотрудничеству - и не безуспешно - и Герхарда фон Менде, и другого специалиста по восточным вопросам Оскара фон Нидермайера.

Сразу после начала войны, 25 июня 1941 г. по поручению МИД пространную справку о тюркских народах составил сотрудник Министерства Алимджан Идриси, считавший тюркские народы СССР абсолютно едиными и готовыми в подавляющем большинстве поддержать германское наступление.[8]

В недрах другого министерства - Министерства по делам оккупированных восточных территорий, которое возглавлялось Альфредом Розенбергом, в самом начале войны - точная дата, к сожалению, неизвестна - была составлена и справка о различных народах восточноевропейской части СССР. Автор записки некий доктор X., подпись которого неразборчива. Приведу лишь некоторые мысли автора о поволжских татарах. Он отмечал их распыленность и расселение на различных территориях. "Их мусульманская религия и растущий общий уровень образования принесли немало головной боли государственным мужам империалистической России", - подчеркивал автор, видимо, подразумевая, что в силу сказанного Германия на татар вполне может положиться. Автор справки был неплохо знаком с историей татар в целом. Он отмечал, что их история тесно связана с судьбой государства булгар, что после нашествия татаро-монгол в структуре Булгарского государства немногое изменилось, но языком их постепенно становится родственный татарский. В Казанском ханстве же по-прежнему жили булгары, так что новое государство может быть рассмотрено в качестве наследника булгарского государства. Как видим, рассуждения не дилетантские, но для кого составлялась справка, какова ее судьба, были ли учтены приведенные мысли впоследствии - это остается загадкой.[9]

В марте 1942 г. в Берлине под покровительством Министерства Розенберга состоялась конференция на тему: "Задачи науки на Востоке". На этой конференции с большим докладом на тему: "Проблемы народностей Востока" выступил профессор Герхард фон Менде.[10] В докладе он заявил, что война против Советского Союза поставила перед германской наукой совершенно новые задачи, поскольку армия и германские гражданские власти на оккупированных территориях столкнулись непосредственно с населением Советского Союза, который до войны оценивался как противник лишь абстрактно, и можно было лишь отвлеченно судить об его военном или экономическом потенциале, а не о национальном составе. Докладчик заметил следующую общегерманскую тенденцию: как

до войны, так и в ее первые годы, в Германии в целом господствовали очень смутные представления о народах Советского Союза, который многим рисовался все-таки страной с единым русским населением или же в ином случае страной с глубокими национальными противоречиями. Немцы столкнулись в войне с народами, с которыми они ранее не имели вообще никаких контактов, тем более не знали ничего об их образе жизни, духовных устремлениях, политических целях и желаниях. Он отметил наличие в Германии устойчивых стереотипов, приведя пример с представлениями о татарах и дагестанцах. Мало кто знает о традициях, правовых нормах, хозяйстве и культурном развитии дагестанцев, зато всем известно, что они носят шапки и бурки из овчины, а на боку у каждого мужчины висит кинжал. Татар же поголовно смешивают с монголами, под именем татар известны и народы, которые сами себя никогда так не именовали и которые во многом друг от друга отличаются.

Выступление фон Менде на конференции, призвавшего своих коллег глубже и серьезнее изучать историческое развитие народов Востока, было сделано с определенной политической целью, оно содержит обязательные реверансы в сторону национал-социалистской расовой теории. Оно явственно показывает, что ни в науке периода национал-социализма, ни тем более в общественном мнении Германии того времени не было ясных представлений о национальностях СССР, а значит и о путях возможного сотрудничества с ними.

В том же 1942 г. в Германии начала издаваться книжная серия "Библиотека восточных территорий", в которой появляются не только брошюры, посвященные отдельным территориям СССР, но и отдельным группам народов, в частности книга "Народы восточных территорий" под редакцией уже упоминавшегося выше Г.Ляйббрандта.[11] Эта публикация, содержащая среди прочих и главу о народах Поволжья и Приуралья "Идель-уральцы", носит исключительно информативный характер. Ее авторы явно стремятся восполнить имеющиеся пробелы: познакомить своих читателей с историей и современным положением народов СССР, почти не прибегая при этом даже к обычной идеологической риторике.

Осенью все того же 1942 г. и снова в Берлине состоялось еще одно крупное заседание ученых-востоковедов, на котором с докладом о тюркских народах СССР выступил известный тюрколог Иоханнес Бенцинг.[12] Обращает на себя внимание его констатация: "Еще совсем недавно средний немец не имел никакого представления о том, что царская Россия или затем и Советский Союз включают в себя такое количество тюркских народов, которые по числу душ превышали даже количество жителей Турции". На его взгляд, даже в кругах ученых, которые по роду своей деятельности с тюркской проблематикой не сталкиваются, знания о тюркских народах в Германии весьма поверхностны. В последнее время определенный перелом наметился, замечал Бенцинг, но тюркология до сих пор остается "падчерицей" исламоведения и семитистики. Этому докладу также была свойственна информативность. Объяснялось это тем, что он был лишь призван констатировать уровень и качество знаний научной общественности о тюркских народах. Им, по заключению Бенцинга, была уготована особая роль в "событиях на Востоке" - этот вывод тюрколога был подтвержден тезисом из доклада Гитлера от 26 апреля 1942 г. о татарах, которые "борются против большевизма".

Исходя из вышеприведеных фактов, можно предположить, что если не в самом начале войны, то по крайней мере с 1942 г. в Германии наметился серьезный интерес к восточным, к тюркским народам СССР. Но это, пожалуй, не совсем так. Во-первых, направленность идеологической и пропагандистской работы режима не определялась желаниями таких лиц как фон Менде или Бенцинг. Все зависело от непредсказуемой позиции нацистских лидеров, в первую очередь самого Гитлера. Во-вторых, даже если и говорить о каком-то интересе к тюркским народам с 1942 г., следует помнить, что он во многом оказался вынужденным, зависимым. Он напрямую оказался связан и с конкретной ситуацией на Восточном фронте, и со все увеличивающимся количеством военнопленных, и с взаимоотношениями Германии с Турцией и исламским миром.

Попробуем взглянуть на вопрос несколько с иной стороны - как же виделись тюркские народы СССР не узким специалистам, а нацистской верхушке и массам обывателей в Германии?

Общеизвестно, что в национал-социалистской теории многие народы относились к категории "Untermensch" (дословно можно перевести как "ниже людей", "недочеловеки") - термин этот активно встречается в нацистской прессе с августа 1941 г. По мнению А.Даллина, возможно, первым употребил его Густав Херберт в газете "Völkischer Beobachter" (Мюнхен) от 6 августа 1941 г.[13] При этом пропагандистская машина рейха не жалела красок, убеждая обывателя в том, как же должны выглядеть эти "унтерменши". И обратим внимание, что им, как правило, приписывались азиатские, чаще монголоидные черты. И получалось, что славяне-русские стали "недочеловеками", попав под воздействие татар и монгол (что в нацистской терминологии было абсолютным синонимом). Логично теперь предположить и спросить, что если русские согласно учению национал-социализма были "унтерменш", то кем же тогда можно было считать азиатские народы СССР, "татар", "монгол", "азиатов" в терминологии нацистских теоретиков?[14]

Гитлер еще в 1930 г. в беседе с Отто Штрассером выразил мнение, что Советский Союз является образованием со славяно-татарским телом и еврейской головой.[15] В 1931 г. он представлял Россию как "гетерогенный конгломерат народов, отличающихся языками и своеобразными чертами", различия между которыми следовало бы использовать в пользу Германии.[16]

25 июня 1941 г. газета "Völkischer Beobachter", официальный орган НСДАП, делала "пояснение": "большевизм это ничто иное как современная форма той силы, которая была приведена в движение Атиллой и Чингисханом". В официальной периодике Германии встречаем следующие высказывания:

- журнал "Немецкая почта с Востока" (август 1941 г.) - русские именуются "славяно-монгольской смесью народов";

- журнал "Национал-социалистский ежемесячник" (август 1941 г.) - "большевизм - это политическое кочевничество, которое восходит к последствиям татарского нашествия";[17] "татарское нашествие, которое привело к более чем 200-летнему господству татар в Восточной Европе, способствовало и расовым преобразованиям на этих территориях, что проявилось в духовном и психическом расслоении восточных людей".[18]

3 октября и 11 декабря Гитлер в своих речах употреблял термин "монгольский штурм" при характеристике Красной Армии.

10 октября 1941 г. командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Райхенау отмечал в приказе: "Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение ее власти и истребление азиатского влияния на европейскую культуру".[19]

В ноябре 1941 г. Гитлер заявил, что большевистский режим целеустремленно уничтожал или ссылал в Сибирь блондинов-русских, на их место в Европейскую часть России переселялись монголы, "чтобы и в расовом отношении уничтожить русский народ и превратить его в азиатов". Цитату эту не следует, правда, воспринимать как проявление симпатий Гитлера к русскому народу, к которому, как известно, он питал чувство патологической ненависти.[20]

В официальном "теоретическом" органе нацистской партии "Национал-социалистском ежемесячнике" от декабря 1941 г. читаем: "Татаро-монгольская кровь определила жизненный стиль Востока, и его духовные основы были использованы еврейским большевизмом, чтобы достигнуть "диктатуры пролетариата". Германия же и национал-социализм в представлении автора должны были защитить мир от "азиатской" опасности.[21] Вся национал-социалистская пропаганда, в том числе и сам Гитлер, широко использовали этот термин - "азиатская опасность". В будущем завоевании России они видели создание своего рода стены, которая якобы должна была оградить цивилизованный мир от "надвигающейся угрозы". Азия для них являлась таинственным и темным "людским резервуаром", из которого время от времени исходят мощные волны, способные поглотить Европу.[22]

Верхом такого пропагандистского оболванивания населения Германии стала иллюстрированная брошюра "Унтерменш", изданная образовательным отделом СС в 1942 г. Эта расистская брошюра была направлена именно на разжигание ненависти ко всем народам на востоке и в первую очередь к азиатским. Достаточно привести только несколько цитат из этого "исследования": "Вечно сгущаются в далекой степи силы разрушения, собирают Аттила и Чингисхан свои гуннские орды и бешено мчатся по Европе, это Апокалипсис воочию, оставляющий после себя огонь и смерть, насилие, убийства и ужасы..." Вот как представлены в брошюре восточные народы: "Их раскосые глаза горят от жажды убийства и за ними стоит пустыня, убийство, пожары и уничтожение".[23] Если учесть мощь пропагандистского аппарата Германии периода нацизма, то легко понять, как представляли себе народы Востока рядовые обыватели, а самое главное рядовые солдаты - исполнители воли Гитлера. При этом отмечу, что в Германии в период подготовки к войне массовыми тиражами распространялись брошюрки, серии рисунков о будущем противнике - на иллюстрациях врагу всегда придавались азиатские черты.[24] Интересно здесь же отметить, что и этот образец нацистской пропаганды вызвал осторожные вопросы у представителей МИД. 6 июня 1942 г. сотрудник МИД Диттманн встретился с представителей СД (службы безопасности) Грефе и выразил ему свое мнение о брошюре: "Я обратил его внимание на то, что Атилла и Чингисхан представлены как родоначальники большевизма и всего недочеловеческого, а это вызывает негативную реакцию у азербайджанцев, северокавказцев, а также японцев. Грефе же пояснил, что те-

зисы СС представляют тюрко-татар больше как отличные от нас народы, но не как народы второго сорта".[25] Из этого следовало, что брошюра СС никаких враждебных намерений относительно восточных, в том числе и тюркских, народов не имела, что было, безусловно, далеко от истины.

И совсем не случайно, что в первые месяцы войны против Советского Союза, когда в руках наступающей гитлеровской армии оказались сотни тысяч советских военнопленных, а среди них немало представителей восточных народов, то большинство немецких солдат восприняли их именно как типичных представителей "недочеловеков". В многочисленных газетах публиковались фотографии военнопленных, в комментариях к которым особо отмечалось, как они выглядят, обязательно употреблялись при этом такие выражения как "дегенеративные ориенталы", "дикие азиатские, монгольские лица" и пр. Очень часто именно с ними расправлялись в первую очередь. И не только военнопленные евреи, но и мусульмане - татары, представители среднеазиатских и кавказских народов, подвергнутые обряду обрезания (даже об этом обряде рядовые немцы не имели представления, связывая его только с евреями), расстреливались в первые недели войны сотнями и тысячами.[26] Такие военнопленные цинично именовались "азиатами" и после "сортировки" целенаправленно и хладнокровно уничтожались - приведу, например, факт "сортировки" более 700 человек из восточных национальностей в лагере Седльце под Варшавой, которым, правда, удалось избежать расстрела после энергичного вмешательства профессора фон Менде, являвшегося представителем Восточного министерства в этом лагере.[27]

Шеф Имперской службы безопасности Гейдрих 17 июля 1941 г. подписал так называемый "Оперативный приказ № 8", в котором предусматривались "чистки" в лагерях для советских военнопленных на территории Польши. Такие "чистки" проводились "айнзатцкомандами" - группами из 4-6 человек, представителей службы безопасности (СД) и гестапо. Им приказывалось "освободить вермахт от пленных, являющихся движущей силой большевизма и политически нежелательных элементов". Под "нежелательными элементами" имелись в виду евреи, политические и административные работники, представители интеллигенции. Позднее выяснилось, что эти "команды" проводили и массовые экзекуции "азиатов". В сентябре 1941 г. на одном из совещаний военного руководства, которое рассматривало вопросы обращения с военнопленными, Отто Бройтигам, офицер связи Восточного министерства при Верховном главнокомандовании вермахта, жаловался, что "айнзатцкоманды" часто переходили границы уничтожения, официально предусмотренные в "Оперативном приказе № 8". Он отмечал, что команды расстреливали и всех обрезанных военнопленных, в частности татар, представителей кавказских и среднеазиатских народностей, относя их к евреям. Когда же Бройтигам на совещании обратил внимание на эти факты, шеф гестапо Генрих Мюллер заявил, что он впервые слышит, чтобы магометане практиковали обычай обрезания. Однако вскоре Мюллер издал новый приказ, требуя, чтобы его подчиненные приняли это во внимание.[28] Кстати говоря, в дальнейшем Гейдрих неоднократно дополнял свои указания по вопросу об "отборе" военнопленных: 12 сентября 1941 г. он приказал: пленных украинцев, белорусов, кавказцев и представителей тюркских народностей истреблять толь-

ко в тех случаях, когда речь идет о "фанатически настроенных большевиках, политических комиссарах или других опасных функционерах".[29]

Некоторые германские чиновники уже в первые месяцы войны высказывали свое, несколько иное отношение к "азиатским" военнопленным. Например, сотрудник МИД Гросскопф писал 7 июля 1941 г. министру иностранных дел Риббентропу: "Нам не стоит в настоящее время активно включаться в обсуждение вопросов обхождения с советскими национальностями. Но нежелательным является представление о неполноценности азиатских народов - монголов, татар, киргизов, кавказцев и пр."[30] Тот же Гросскопф вообще считал неправильным использование термина "азиаты" по отношению к восточным народам СССР: 15 ноября 1941 г. он выступил против официального и широкого его применения, так как по его мнению он носит определенный негативный оттенок. На это представитель Верховного командования вермахта Брайер ответил: "Выражение "азиаты" ни в коем случае не несет негативного оттенка - его скорее можно понимать как определение, показывающее особое к ним отношение. Согласно приказу Верховного командования от 12 ноября 1941 г. азиаты размещаются в особых лагерях, а комиссии Восточного министерства с августа разыскивают среди них "ценные элементы".[31]

Позднее военная ситуация изменила в какой-то степени и идеологические ориентиры, о чем косвенно свидетельствуют и приведенные выше мнения некоторых германских ученых того времени.

С 1942 г. восточные и тюркские народы в национал-социалистской пропаганде постепенно "реабилитируются". А.Даллин считает, что все началось с того, что Гитлер в указанной выше речи от 26 апреля 1942 г. перечислил восточные народы, принимающие участие в борьбе с мировым врагом - большевизмом, и на первое место поставил татар (не совсем ясно, правда, что за "татар" имел в виду фюрер?)[32] В августе 1942 г. Министерство пропаганды Геббельса дало указание прессе, не включаться в полемику против татар и туркестанцев, а в марте 1943 г. пресс-службой Министерства было замечено: "Если мы захотим высказать недружественные мысли в отношении татар, которые нам, немцам, ничего плохого никогда не сделали, и ни в царской России, ни в Советском Союзе не создали и не предприняли ничего против Европы, то мы становимся запоздалыми жертвами старой царской агитации. (...) Для того, чтобы найти козла отпущения за все те прегрешения и ущерб, имевшиеся уже в старой России, все мусульманские народы именовались нами "ужасными татарами", чьим средневековым господством и объяснялись все современные противоречия".[33]

Соответствующие указания были сделаны и действующей армии - вермахту, особенно в связи с созданием Восточных легионов: легионеры, туркестанцы и татары, были названы "товарищами и помощниками, к национальным особенностям которых следует относиться с пониманием и тактом".[34]

С 1943 г. во многих немецких газетах уже начали появляться пропагандистские статьи о восточных народах и о Восточных легионах, что следует рассматривать именно в рамках кампании их "реабилитации". Приведу лишь несколько примеров. 21 февраля 1943 г. берлинская газета "Das Reich" опубликовала статью Эрвина Кирххофа "Новые союзники" с приложением фотографии:

"Татарские добровольцы проходят военную подготовку". 22 августа в газете "NS-Zeitung Westmark"(Мец) и 26 августа 1943 г. в газете "Egerer Zeitung"(Эгер, в настоящее время - Хеб) появилась статья с идентичным текстом "Восточные народы в борьбе с большевизмом". Такое же название носила и объемная статья Курта Клитмана в газете "Deutsche Wochenschau" (Берлин) от 9 мая 1944 г. 15 июля 1944 г. газета "National Zeitung" (Эссен) опубликовала статью Ойгена Дюрксена "Восточные добровольцы на всех фронтах". 21 августа 1944 г. к этой теме в статье "Восточные добровольцы в германской армии" обратился печатный орган НСДАП "Völkischer Beobachter". В качестве цели восточных народов газета "Angriff" в статье "Кто они, добровольцы с Востока?" провозгласила "освобождение от советского гнета и национальную свободу".

Попыткой оценивать новоиспеченных "союзников" на трезвую голову можно считать предписание канцелярии НСДАП о правильном употреблении некоторых этнических терминов на Востоке, датированное 15 мая 1943 г. При этом партийными чиновниками было учтено, что этноним "татары" многими немцами воспринимается как символ чего-то негативного, темного. "Определение "татары" не содержит для самих татар ничего унизительного, поэтому не существует никаких сомнений в употреблении этнонима "крымские татары" для татарского населения Крыма. Остаются в силе и такие определения, как "поволжские татары" или просто "татары", "башкиры", наименования отдельных финских народов Поволжья, каковых однако чаще всего объединяют под собирательным названием "идель-уральцы". Для азербайджанских же татар правильнее применение определения "азербайджанцы".[35]

Изменение официальных представлений о татарах и вообще о восточных народах, с одной стороны, абсолютное отсутствие при этом объективной информации о них, с другой, подтверждают то, что в декабре 1942 г. Гитлер уже позволял себе "шуточки" в их отношении. Он заявил Мартину Борману: "Я намереваюсь стать религиозным деятелем. Скоро я буду высшим главой татар. Арабы и марроканцы уже называют мое имя в своих молитвах. А у татар я стану ханом. Только одно я не могу себе позволить: есть вместе с ними баранину. Я вегетарианец".[36] Кстати говоря, в том же декабре 1942 г. он выразил свое "доверие" тюркским народам, допустив при этом вольное смешивание этнических и религиозных понятий: "Настоящие тюркские народы являются мусульманами (...) Единственно кому я могу доверять - это чистым мусульманам, настоящим тюркским народам". Хотя он тут же оговорился: "Насколько они ценны в военном отношении - этой другой вопрос, этого я оценивать не могу", подчеркивая, видимо, свое "доверие" лишь в отношении политическом.[37]

Однако было очень нелегко изменить уже вбитые в головы обывателей представления. Основная масса немцев, как гражданских, так и военных, предвоенных стереотипов преодолеть не смогла, что создавало немало проблем как для "восточных добровольцев", так и для их немецкого начальства. Об этом еще будет сказано ниже.

Итак, представления о восточных, тюркских народах Германии периода нацизма складывались и развивались как исключительно непоследовательные. Историки-тюркологи (фон Менде, Бенцинг) имели все-таки цельное представ

ление об уровне этнического и общественного развития тюркских народов СССР, об их исторической судьбе, хотя и поставили эти свои знания на службу преступному режиму. Правда, некоторые специалисты, дипломаты и политики, вроде А.Идриси и В. фон Хентига, и об этом также будет идти речь ниже, и пытались все свести к элементарному розыгрышу пантуранистской карты.[38] Резко негативное, стереотипное представление сохранялось у большинства населения Германии, и никакие директивы и указания сверху его изменить не могли. Из стороны в сторону колебалось мнение нацистской верхушки, которая во многих вопросах отличалась постоянной непоследовательностью. Уровень знаний о тюркских народах так и остался самым примитивным, попытка же изменить мину, в ходе войны повернуться к тюркским народам лицом, была вызвана исключительно военной необходимостью, оказалась очень неуклюжей и желаемого эффекта не имела. Тем более, что официальные представления о будущем государственном устройстве для народов СССР в случае военной победы Германии остались неизменными и совсем уж непривлекательными для большинства этих народов.

Именно на этом вопросе сейчас остановимся: какая же судьба была уготована восточным народам СССР в случае победы Германии в войне?

В этой связи приведу одну цитату из упоминавшейся выше справки А.Идриси "Тюрко-татары в России", подготовленной по указанию МИДа 25 июня 1941 г. Автор выражал мнение: "Советский Союз развалится под ударами победоносной германской армии, и будет позволено создать пять государств: Россия, Украина, Кавказская федерация, Сибирь и Туркестан".[39] Именно эти слова "будет позволено", пожалуй, являются лейтмотивом германской политики в этом вопросе, и одновременно выражением несбывшихся надежд коллаборационистов из различных народов Советского Союза.

Перед началом войны Германия ни в одном из проектов военной компании не предусматривала опоры на какие-либо национальные силы внутри СССР. Поэтому не было определенного мнения о будущем (в случае победы) устройстве национальнах окраин. В общем же представление об административном управлении завоеванными территориями складывалось следующее.

Ясное изложение целей войны Гитлером было сделано на совещании с Кейтелем, Герингом, Розенбергом и Ламмерсом 16 июля 1941 г.: "Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем, чтобы, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею и, в-третьих, эксплуатировать ее".[40] На том же совещании причем было отмечено: "Вопрос о создании военной власти к западу от Урала не должен ставиться никогда, даже если мы сто лет должны воевать за это. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха будет гарантирована только тогда, когда к западу от Урала не будет существовать никакой иной военной силы, охрану этой территории от всех возможных опасностей берет на себя Германия".[41]

Вопрос же о том, как "разрезать" территорию, дискутировался довольно долго, еще с предвоенных лет. Особую активность проявлял при этом Альфред Розенберг. Хотя он не видел серьезного качественного различия, например, между русскими и татарами, все-таки в его представлениях главным врагом немцев являлись русские. Исходя из своих чувств к великороссам он и сформулировал свою

концепцию: "Московия" для него была ядром, символом русско-монгольской косности и отсталости. И еще в 1927 г., т.е. до прихода нацистов к власти, в своей брошюре "Будущий путь германской внешней политики" он призывал руководство страны поддерживать всемерно сепаратистские движения внутри СССР.[42] Он рассчитывал на поддержку нерусских народов в борьбе против русских, что привело к идее так называемого "санитарного кордона" для изоляции "Московии" от внешнего мира: он делил территорию СССР на семь частей - Великороссия (Московия), Белоруссия, Украина (с включением Крыма), Балтика, Дон, Кавказ и Туркестан. Примерно так выглядели представления Розенберга к апрелю 1941 г.

2 апреля 1941 г. Розенберг составил памятную записку о своем разговоре с Гитлером, в котором ориентиры на будущее было поставлены очень четко: "Главная цель в борьбе с СССР - продолжительное политическое ослабление, для чего предусмотрено три пути:

во-первых, полное уничтожение большевистско-еврейского государственного управления, создание нового государственного аппарата при этом поддерживаться не будет;

во-вторых, разумное хозяйственное использование, для чего необходимо удалить все технические достижения, т.е. использовать эти территории лишь как сырьевой придаток;

в-третьих, разделение больших территорий ядра русской страны на вновь образованные административные единицы. Этим и для других областей откроется возможность для противостоянии Московии".[43] Как видим, национальной государственности в плане нет и в помине.

К началу войны однако представления Розенберга в некоторой степени изменились, о чем свидетельствует его речь перед высшими нацистскими руководителями накануне нападения на СССР - 20 июня 1941 г.[44] Число предполагаемых "рейхскомиссариатов" сократилось до четырех - Украина, Остланд (Восток) (т.е. Прибалтика и Белоруссия), Москва и Кавказ. "Рейхскомиссариаты" опять-таки виделись лишь как административные единицы.

Я не буду вдаваться во все подробности этого плана, тем более, что по этому вопросу существует обширная литература.[45] Коснусь лишь тех моментов, которые имеют непосредственное отношение к судьбе восточных народов СССР, в том числе и татар, которая была уготовлена им в нацистских планах.

20 июня 1941 г. Розенберг заявил: "Россия никогда не была национальным государством, а всегда являлась государством многонациональным. (...) Все эти народы оставались враждебными русским. (...) Задача нашей внешней политики представляется мне следующей - в разумном и целенаправленном виде учесть стремление к свободе всех этих народов и облечь их в **определенную** (выделено мной - И.Г.) форму государственности. Это значит на огромной территории Советского Союза органически нарезать государственные образования и настроить их против Москвы, чтобы на ближайшие столетия освободить германский рейх от дурного давления с Востока". Представления Розенберга о будущем СССР отличались еще большей сумбурностью, чем таковые Гитлера. Если взгляд Гитлера можно кратко сформулировать как "борьба против всех и всего" с целью порабощения и угнетения, то Розенберг, как видно из вышеприведенной цита-

ты, вроде бы склонялся к привлечению некоторых национальностей СССР в роли союзников Германии, но, например, по отношению к русским полностью смыкался с точкой зрения Гитлера.

Обращает на себя внимание, что из концепции Розенберга исчез Туркестан. На этом настоял сам Гитлер, ограничив ближайшие планы лишь европейской территорией СССР. Большая часть последней должна была по планам нацистов войти в состав рейхскомиссариата Москва с подразделением на следующие генерал-комиссариаты - Москва, Ленинград, Тула, Казань, Горький, Уфа, Пермь, Вятка. Как видим, **никаких** национальных, суверенных образований в виду не имелось. Речь шла только об политико-административных единицах. "Путь самоуправления ведет к самостоятельности! Демократическими методами нельзя удержать то, что однажды было взято силой" - говорил Гитлер в июле 1941 г."Малые суверенные государства не имеют права на существование" - подчеркивал он же в августе 1943 г.[46] Позиция главного наци таким образом была и оставалась вполне определенной - опора только на немцев, только на силу, не допускалось никаких мыслей о самоуправлении или о самостоятельности народов СССР в послевоенном устройстве его территории. И на заключительном этапе войны его позиция по данному вопросу принципиальных изменений не претерпела - 22 сентября 1944 г. шеф рейхсканцелярии Ламмерс сообщал министру Розенбергу о том, что фюрер не имеет никаких возражений по поводу политического руководства восточными народами в духе директив, разработанных Восточным министерством, но "не желает при этом, чтобы представителям восточных народов давались какие-либо обещания относительно их политического будущего".[47]

Примерно такую же позицию занимали и другие вожди рейха: министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп дал 5 апреля 1943 г. следующую директиву: "Для каждой отдельной страны и для каждого народа в надлежащее время придется принимать особое решение. Однако уже сейчас совершенно ясно, что будущая Европа сможет существовать только в том случае, если будет полностью утверждено господствующее положение великого германского рейха. (...) Поэтому мы должны сначала ограничиться тем, что пообещаем разным народам предоставление каждому из них подобающего места в будущей Европе. Однако от более углубленного обсуждения этого вопроса вообще следует воздержаться".[48] Этому указанию большинство немецких чиновников и инстанций - военных и гражданских - неукоснительно следовали. Так, например, один из представителей Главного управления СС, ответственный за работу с тюркскими и мусульманскими народами СССР Райнер Ольша заявил уже после войны советским следственным органам: "Образование комитетов (о них речь пойдет в третьей главе - И.Г.) вовсе не означало, что Германия была намерена признать в будущем независимость народов, которые они должны были представлять. Она была заинтересована только в том, чтобы, создавая видимость поддержки антисоветчиков-националистов, привлекать к себе людей и держать их у себя на поводу".[49]

Показательно, что во время проведения курултая народов Идель-Урала в марте 1944 г. в Грайфсвальде, когда большинство депутатов-националов рассуждали о будущем "свободном государстве" Идель-Урал, **ни один** из германских "высоких гостей" эти мысли не поддержал, ограничиваясь, как правило, туманными из-

речениями о "совместной борьбе Германии и тюркских народов против большевизма".[50] И это было характерно для всей фразеологии тогдашнего германского военного и политического аппарата.

Как видно из рассмотренного, нет абсолютно никаких указаний, даже намеков на то, что в случае военной победы над СССР гитлеровцы предусматривали создание тюркского государства в той или иной форме. Поэтому не совсем корректно звучит в этой связи утверждение советского историка Х.-М.Ибрагимбейли, который приводит сведения о создании пантюркистского "комитета экспертов" под эгидой Германии. Как будто бы "на этот "комитет экспертов" и надеялось гитлеровское руководство, планируя создание на советской территории, населенной тюркоязычными народами, буферного "восточно-тюркского государства".[51] Но фактически **никто из реальных лидеров** Германии в начале и в ходе войны никакого буферного государства восточных тюрков не предусматривал. По крайней мере по имеющимся документам того времени такой вывод сделать нельзя. В предвоенных материалах (например, в "теоретических" изысканиях А.Розенберга), подобные мысли встретить можно, но они так и остались на уровне лишь предположений, изменившись с началом войны против СССР. Но, как отмечал Честмир Аморт, "нацисты и в Азии намеревались создать обширную федерацию полуавтономных государств под немецким контролем, на территории от Урала до Самарканда и озера Зайсан. В эту федерацию должны были войти Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан. Некоторые из нацистских фантазеров придумывали и общие названия для этой административной единицы: "Гростуркестан", "Пантуркестан" и даже "Империя Магомета". Подготовительные работы по созданию "Пантуркестана" нацисты поручили так называемому "Национально-туркестанскому комитету единства", состоявшему из белоэмигрантов во главе с Вели Каюм-ханом".[52] Но и это утверждение историка, пожалуй, требует корректировки. Действительно, нацисты пытались использовать национальные антисоветские силы из представителей разных народов в своих военно-политических целях. Совершенно иные задачи ставились и перед национальными комитетами, один из которых назван в приведенной цитате. Но как было показано выше, как бы там не считали и не надеялись некоторые представители этих народов, **конкретных** обещаний об будущей **самостоятельной** государственности в годы войны им так и не было дано.

Мы уже отмечали, что в вопросе будущего национально-государственного устройства территории СССР, очевидно, конформистскую позицию, несколько отличную от позиции Гитлера, занимал Розенберг. Но, что более удивительно, среди представителей той же нацистской верхушки были и такие, кто не только не соглашался с официальной позицией фюрера в этих вопросах, но и открыто высказывал об этом свое мнение. Крупный специалист по Советскому Союзу, бывший до начала войны послом в Москве Фридрих Вернер фон Шуленбург, который в 1942 г. возглавлял XIII-ое Управление германского МИДа, имел свой подход к проблеме будущего советских народов и поддерживал идею самоопределения их после германской победы. Он считал, что Германия должна вначале помочь в создании самоуправления этих народов, а затем и способствовать формированию антисоветских русского и других национальных правительств. Эти

правительства будут рассматриваться Германией в качестве союзников, причем к этим новым независимым государствам она не будет иметь никаких территориальных претензий. Правительствам будет предоставлена возможность вступления в будущее Европейское сообщество на основе равноправия, но при ведущей роли Германии в Европе. На случай же, если окажутся более привлекательными идеи о сообществе народов России, чем стремления к независимости, тогда, по мнению Шуленбурга, Германия должна помочь в создании Российского федеративного государства с широкой автономией для всех проживающих в ней народов.[53]

Очень любопытным представляется мнение одного из немецких дипломатов, современников Шуленбурга Ханса фон Херварта о том, что в конце 30-х - начале 40-х годов "представление о том, чтобы помочь меньшинствам СССР при создании собственной государственности тогда было менее утопичным, чем это представляется сегодня, если учитывать, что некоторые народы были совсем недавно присоединены, что мечты о независимости были очень живучи".[54]

Однако, как было уже показано выше, взгляды Гитлера на будущее были абсолютно противоположными, поэтому, вероятно, не только Шуленбург, но и весь МИД, были полностью отлучены от проведения политики на оккупированных территориях - эти функции были переданы военным и созданному по этому случаю ведомству - Министерству по делам оккупированных восточных территорий, о котором будет еще сказано ниже. Хочу также подчеркнуть, что преувеличивать приведенные факты не следует - действительно Шуленбург имел и открыто высказывал свое мнение о стране, в которой он долго работал, но в жесткой и непримиримой оппозиции к Гитлеру он ни в коем случае не был, и противником режима по крайней мере в начальный период войны не являлся. Речь шла скорее о тактических расхождениях в оценках политической перспективы. Хотя вероятно, пропасть между ними постепенно углублялась, и Шуленбург, как известно, в 1944 г. примкнул к заговорщикам, осуществившим покушение на Гитлера, за что и поплатился жизнью.

Итак, подытоживая вышесказанное, можно отметить следующее: планы нацистов относительно будущего восточных народов СССР, в том числе и тюркских не были тщательно разработаны, в особенности если сравнивать с планами их относительно будущего Украины, Белоруссии или Прибалтики - территорий, которые немцами были оккупированы или которые они надеялись в самое ближайшее время оккупировать. Представления германской верхушки и рядовых обывателей об этих народах в период второй мировой войны во многом были идентичны. Они основывались порой на примитивных стереотипах и отличались невежеством и непоследовательностью. Реверансы же некоторых вождей рейха, в том числе и самого Гитлера, в сторону тюркских или мусульманских народов, могут быть восприняты лишь как "лозунги дня", вызванные к жизни стечением обстоятельств, препятствовавших претворению в жизнь нацистских планов обустройства Европы и мира в целом. Попытки отдельных дипломатов или ученых строить свою политику с учетом политических или этнических реалий, на основе сравнительно трезвого осмысливания национального состава населения СССР, историко-культурных традиций его народов просто-напросто потонули в неслаженном хоре прочих нацистских лидеров и теоретиков.

В послевоенные годы многие из участников событий занялись написанием мемуаров, в которых пытались не только представить себя, естественно, в лучшем свете, но и разобраться, в чем же состояла главная ошибка гитлеровского руководства и перед войной и уже в ходе военных действий. При этом вопрос об отношении к национальностям Советского Союза, об их политических перспективах в мемуарной литературе не обделен вниманием. Об этом однако также пойдет речь ниже, когда мы будем подводить итоги.

Фактор тюркский.

В первые годы второй мировой войны во многих официальных актах Германии, на страницах газет и журналов замелькали такие термины как Туран, пантуранизм (туранизм), пантюркизм. В Министерстве Иностранных дел была заведена особая папка документов под грифом "Пантуранизм", включающая десятки актов, в МИДе был назначен ответственный за эти вопросы дипломат, германское посольство в Турции постоянно докладывало о состоянии и перспективах развития пантуранистского движения в этой стране.

Так что же это было - случайность или закономерный шаг со стороны Германии, пытавшейся в своих интересах использовать и тюркский фактор? Прежде чем начать поиск ответа на этот вопрос, обратимся к событиям, хронологически более ранним и внесем терминологическую ясность.

Слово "Туран" - это древний иранский термин, как правило противопоставляемый понятию "Иран" (Иран-Туран). Означал он у персов мир кочевых тюрков, соседствовавших с Ираном с севера. Мир этот представлялся персам традиционно враждебным, темным, диким, варварским. Слово "Туран" носило явственно негативный оттенок: в таком смысле оно, например, встречается в поэме Фирдоуси "Шах-наме". Но, как это нередко бывает в истории, в более позднее время термин был принят и учеными (в XIX в. его пропагандировал знаменитый венгерский тюрколог А.Вамбери), и самими тюрками как обобщающее название для тюркских и угро-финских народов.

Туранизмом (или пантуранизмом) в исследовательской литературе обычно называют движение или идею политического, культурного и этнического единства всех тюркоязычных народов, к которым относят также венгров, эстонцев и финнов. Сразу отметим, что среди угро-финнов туранские идеалы особо широкого распространения не получили: разве что в Венгрии, где существовало и Туранское общество, и с 1913 по 1970 год издавался журнал "Туран". Туранизм (пантуранизм) в широком смысле понятие более объемное, чем тюркизм или пантюркизм, объединяющий лишь тюркские народы. Но, скажем прямо, что какого-то устоявшегося понимания этих двух терминов нет даже у исследователей, специально занимавшихся этими вопросами. Так, если Чарлз Хостлер понимает под понятием "пантюркизм" движение тюркоязычных народов, то турецкая исследовательница Зехра Ондер, цитируя Хостлера, произвольно заменяет "пантюркизм" "пантуранизмом".[55] Именно так, по-разному понимались эти термины на протяжении десятилетий и учеными, и политиками. При этом и сами сторонники тюркского единства часто употребляли эти понятия как синонимы. Следуя та-

кой традиции, и мы будем употреблять эти термины в качестве синонимов. К этому вынуждает нас и цитирование многочисленных источников и литературы.

Пантюркистская идея между тем имеет довольно длительную историю как в Турции, так и в России.[56] В данном случае, однако, ее характеристика не является для нас главной задачей, поэтому остановимся лишь на наиболее важных отправных моментах.

Идея единства тюркских народов расцвела и получила заметное развитие в XIX - начале XX вв. среди российских тюрков, в первую очередь среди азербайджанцев, крымских и поволжских татар. Достаточно вспомнить имена неутомимого просветителя Исмагила Гаспринского и его газету "Тарджиман" или крупного ученого Юсуфа Акчуру. Революция 1905-1907 гг. дала известный шанс для осуществления идеалов тюркского единства, но в результате усиления имперских тенденций в российской внутренней политике после 1907 г. многие сторонники тюркского единства эмигрировали в Турцию. С этого времени указанные идеи активно развиваются в Турции, например, журналом "Тюрк йурду", который с 1911 г. издавался Юсуфом Акчурой. Наиболее заметным их поборником становится философ и поэт Зия Гёкальп. Его стихотворение "Туран", написанное в 1911 г., стало, по словам Ч.Хостлера, "первым воззванием за тюркское единство в поэтической форме", и через это очень широко известным.[57] Последние строфы этого "воззвания" гласят: "Родиной тюрков является ни Турция, ни Туркестан, их родина - это широкая и вечная страна - Туран". З.Гёкальп идеализировал доисламское прошлое тюркских народов, призывая вернуться к истокам, очистить язык от арабизмов и фарсизмов. При этом важнейшим интегрирующим фактором для тюрков по Гёкальпу являлся язык, а не какие-то расовые, антропологические или этнические признаки.

Номинация "Туран" становится в Турции очень популярной, даже символической. Сторонники туранской идеи развивают активную пропагандистскую деятельность: Халидэ Эдип Адивар публикует роман "Новый Туран", Али Тевфик выступает с серией статей "Дневник тураниста".[58]

События первой мировой войны еще более оживили надежды туранистов на создание Туранского государства. Они надеялись, что пантуранистские планы Турции будут поддержаны европейскими державами. Но политика всегда остается политикой - их чаяния и мечты так и остались тщетными. Пожалуй, одной из наиболее ярких фигур туранистского движения в это время являлся турецкий военный министр Энвер-паша, мечтавший о лаврах Тамерлана и вознамерившийся в реальной жизни осуществить свои мечты.[59] В феврале 1918 г. он возглавил поход на Баку, завершившийся взятием города. Идеи Энвера-паши однако не находили понимания и поддержки у нового лидера Турции - Мустафы Кемаля Ататюрка, которому идеи туранизма вообще были чужды. Энвер-паша эмигрировал в Среднюю Азию, где трагически закончил свою жизнь в 1922 г. Мустафа Кемаль - основатель Турецкой республики - в своей внешней политике был, безусловно, прагматиком. Он рассчитывал на мирные отношения со своим северным соседом - Советским Союзом, а потому очень прохладно относился к идеям тюркского единства, сразу заявив, что "туранизм - это вредная концепция".[60] Как замечает Лотар Крекер, его (Ататюрка) национализм "заканчивался на границах Турции".[61]

При Ататюрке в Турции даже начались гонения против известных туранистов и их печатных изданий. По мнению авторитетного знатока истории Турции Готтхарда Йешке, самым последним выражением туранизма во времена Мустафы Кемаля стал "Тюркский ежегодник", изданный Юсуфом Акчурой в 1928 г.[62]

Итак, вне всякого сомнения, пантуранизм или пантюркизм в целом, накануне второй мировой войны переживал кризис. Это, конечно, не означает, что идеи тюркского единства в кемалистской Турции совсем заглохли. Оставались по крайней мере крупные личности, которые ее представляли и пропагандировали по мере сил и возможностей (упомянем лишь имя выдающегося тюрколога Ахмед-Заки Валиди Тогана, который из-за своих пантюркистских взглядов оказался в оппозиции к Ататюрку и был вынужден покинуть Турцию - с 1932 по 1938 год он находился в Германии).

Теперь вполне естественным представляется вопрос: как же так получилось, что нацистская Германия всерьез заинтересовалась туранистским движением, уже почти незаметным в конце 20-х и в 30-е годы?

Турецкая и общетюркская проблематика в принципе всегда привлекала немецких исследователей, даже в период первой мировой войны и после ее трагического для Германии окончания. Работы аналитического характера, оценивающие потенциал общетюркского национального движения, появлялись часто. Тон их был разным. Известный ориенталист Карл Броккельман, например, отзывался о шансах пантуранизма среди российских тюрков очень пессимистически, так как, по его мнению, среди них широко распространились идеи русской революции.[63] Несколько иначе мыслил другой исследователь - Карл Випперт.[64] Он ясно понимал, что в Европе совсем мало знают о тюркских народах, и когда говорят о европейцах, то, как правило, имеют в виду народы славянского, германского или романского происхождения. Другие же при этом остаются в стороне. Между тем, в недалеком будущем они, вероятно, будут играть серьезную роль в судьбах Европы, среди таких народов Випперт на первое место ставит тюрков. Он отмечает их тесную связь с финнами, венграми и эстонцами. По мнению ученого, в настоящее время (т.е. в 1922 г.) туранская идея еще не созрела окончательно и не овладела массами и что вполне возможно в недалеком будущем "извержение народного вулкана" с целью создания великого Туранского государства от Константинополя до Волги и до гор Алтая. Финские народы при этом должны как родственники тюрков оказаться в сфере их влияния. В 20-е годы, как считал Випперт, представители этой радикальной идеи были немногочисленны, а спектр мнений среди туранистов - еще слишком широк: одни из них уповали на слабость Советского государства и на советско-английские противоречия, другие надеялись расширить самостоятельность возникших советских тюркских республик. Завершая свою статью, Карл Випперт говорил о том, что туранизм как движение, как идея находится в детском возрасте, и вполне возможно, вскоре он станет "значительным фактором в борьбе политических сил в Европе". Правда, автор тут же делает оговорку, ибо события могут пойти и по иному сценарию, но менее вероятному: туранизм останется ограниченным в узком круге сторонников, не развиваясь в политическом отношении и бесславно "утонет в теневом царстве мертвых понятий".

Итак, в Турции при Ататюрке пантуранизм явно был не в чести, среди советских тюркских народов идеи общетюркского единства в 20-30-е годы, в условиях усиливающейся сталинской диктатуры вообще не могли развиваться. Оптимистический же в целом прогноз Карла Випперта о перспективах этого движения, по-видимому, был в Германии не единственным и не случайным, так как в начале второй мировой войны идеи Турана привлекли пристальное внимание германской дипломатии. В какой-то степени этому интересу способствовало, возможно, что после смерти Ататюрка в 1938 г. ставший президентом Исмет Иненю несколько смягчил давление на туранистов: после шестилетней вынужденной эмиграции в Турцию вернулся Ахмед-Заки Валиди, с мая 1939 г. Р.Огуз Тюркхан начал издавать радикальный журнал "Бозкурт". Может быть, внимание национал-социалистских теоретиков привлек крайний национализм отдельных туранистов, и с помощью своеобразных "братьев по духу" они надеялись найти поддержку своим далеко идущим внешнеполитическим планам.

Особенно заметно возрос интерес к пантуранизму в Германии в период подготовки и после нападения на Советский Союз, так как, во-первых, стало возможным привлечь многочисленные тюркские народы СССР к "борьбе против большевизма"; во-вторых, разыграв тюркскую карту, можно было оказывать давление и на Турцию. Наиболее активной инстанцией при этом становилось Министерство иностранных дел Германии.

Уже в апреле-мае 1941 г. МИД рассматривал вопросы о будущих кандидатурах, ответственных за работу с различными народами СССР, намечались персоналии для работы с кавказскими, среднеазиатскими народами, крымскими и поволжскими татарами, калмыками. Предусматривалось создание при МИДе так называемого "Комитета по России". 28 апреля, например, согласие на работу в Комитете дали известные специалисты профессор Герхард фон Менде и Оскар фон Нидермайер[65] (правда, с началом войны они будут заметнее в других инстанциях: фон Менде начнет работать в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий - Восточном министерстве, а фон Нидермайер позднее будет командовать 162-й тюркской дивизией).

Надо отметить, что достаточно авторитетные дипломаты еще тогда скептически отзывались о перспективах пантуранизма: уже упоминавшийся граф Фридрих Вернер фон Шуленбург, который до 22 июня 1941 г. был послом в Москве, и советник посольства Густав Хильгер предупреждали: "Вызывает сомнение, что в СССР под влиянием немецких военных успехов "автоматически" возникнет пантуранистское движение, так как здесь отсутствуют предпосылки для этого. В широких массах мусульманского населения в СССР пантуранистская идея не имеет притягательной силы".[66] Кстати говоря, тот же Хильгер 25 июля 1941 г. выскажется еще более определенно: среди тюркских народов Советского Союза пантуранизм как идея, по его мнению, никакой перспективы не имел. "Разве что азербайджанцев может привлечь пантуранистская агитация, а казанские и крымские татары, хотя и являются мусульманами, из этой агитации выпадают, потому что соответствующие идеи им чужды".[67]

Но идея была подана, она казалась очень привлекательной и перспективной, потому и началась ее эксплуатация. Очень вероятно, что масла в огонь подливали

и весьма субъективные, во многом неточные справки некоторых сотрудников МИДа. Пример тому - материал "Тюрко-татары в России", написанный по поручению Министерства Алимджаном Идриси 25 июня 1941 г. (!) и выдержанный в строго пантюркистском духе.[68] Вот как автор представлял будущее: тюркский народ, насчитывающий в СССР 27-30 миллионов человек, получит, наконец, возможность создать свое единое государство. В СССР же этот народ был искусственно разделен на отдельные республики - Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Татарстан, Башкирия и др. (в список вошел и Таджикистан, видимо, с учетом большого количества узбеков, проживающих в этой республике). По мнению А.Идриси, это разные племена одной семьи восточных тюрков, и разница в их языке гораздо меньше, чем разница между саксонским, баварским и вюртембергским диалектами немецкого языка. Все тюркские народы, как считал А.Идриси, пылают якобы ненавистью к евреям. Среди них, правда, есть примерно 100 тысяч коммунистов, но убежденным коммунистом никто из них не является. Никто из тюрков не желает также сотрудничать с теми политическими авантюристами-эмигрантами, мечтающими создать сепаратистские государства - Крым, Азербайджан, Татарстан и Башкирию. А.Идриси убежденно подчеркивал, что не только население, но и все тюркские коммунистические лидеры, ставленники Сталина, хотят создать единое тюркское государство. Германия теперь должна обратить особое внимание на эти народы и оказать им поддержку.

Заслуживает упоминания и предложение автора по поводу вышесказанного: создать в МИДе специальное отделение, которое рассматривалось бы как единственная инстанция по вопросам будущности тюркских народов. Все иные предложения, которые поступают в Министерство и в Высшее командование вермахта, учитываться не должны. Нетрудно догадаться, кого видел А.Идриси во главе этого отделения. Он предлагал также срочно организовать радиопередачи на различных тюркских диалектах (кстати говоря, в дело радиопропаганды на тюркских языках А.Идриси подключится позже очень активно, но в другом министерстве - Министерстве пропаганды). По идее автора, все плененные в ходе боевых действий тюрко-татары должны немедленно доставляться в Берлин для получения от них необходимой информации. А сепаратистов, ратующих за независимые Азербайджан, Туркестан и Идель-Урал, следовало бы гнать в шею.

Этими предложениями автор не ограничился. Он приложил к справке список тех самых "сепаратистов", которым, по его мнению, более всего нельзя доверять (тем самым справка больше получает характер тривиального доноса): среди них Мехмет Эмин Расульзаде, Мустафа Чокай-оглу, Гаяз Исхаки, Ахмед-Заки Валиди, Рашид Рахмати, Абдул-Гани Усман, Джафер Сеид-Ахмед - виднейшие деятели национального движения тюркских народов, объединявшиеся тогда в лигу "Прометей" ("темная организация", по словам Идриси). К слову сказать, и позже Идриси будет преуспевать на поприще составления подобных "характеристик", имея, мягко говоря, натянутые отношения практически со всеми лидерами тюрко-татарской эмиграции.

27 июня 1941 г. другой крупный чиновник германского МИДа Вернер Отто фон Хентиг сообщал, что в первые дни после начала войны против Советского Союза он имел встречи с представителями многих тюркских народов - татар,

башкир, узбеков, казахов. Он отметил, что тюркские народы до сих пор сохранили свою организацию и имеют надежных людей в России и Турции. Однако, в сообщении еще нет речи о сотрудничестве и необходимости поддержки национального движения тюрков. Фон Хентиг, как опытный дипломат, весьма осторожен в выводах.[69]

25 июля 1941 г. германский посол в Турции Франц фон Папен обращал внимание МИД, что с немецкими военными успехами в войне против СССР автоматически возрастает и пантуранистское движение (вспомним приведенные выше слова Шуленбурга и Хильгера!). Каждый тюрок, по мнению посла, имеет ясное племенное и расовое самосознание, и все его пожелания в этих сферах связаны не с Англией, а с Германией. Фон Папен предложил по возможности расширить пропагандистскую кампанию среди тюркского населения СССР, подчеркивая при этом единство их национальных целей, а также срочно начать работу по отделению всех военнопленных тюркского происхождения для возможного их будущего участия в военных действиях.[70]

Тот же фон Папен 5 августа подготовил и направил в МИД справку о пантуранизме и пантуранистском движении и о его лидерах в Турции.[71] Он снова отмечал, что интерес к пантуранизму растет, что лидеры его все активнее выступают за изменение границ Турции. Среди таких лидеров назывались: Шюкрю Ёыбагче, Нури Киллигиль (или Нури-паша, брат упоминавшегося Энвера-паши), Ахмед-Заки Валиди, Джафер Ахмед, Мемдух Шефкет, генерал Хюсню Эмир Эркилет. Турция, по мнению немецкого дипломата, поддерживает движение восточных тюрков по созданию независимого государства, но под своим влиянием. Поэтому Германия должна учитывать фактор возможности возникновения сильного государства на юго-востоке в своей борьбе с Советским Союзом. В войне с Россией Германия не может опереться на Украину, поскольку украинцы являются славянами и в любой момент могут вспомнить о своих корнях, а с тюрками же подобная вероятность исключается.

В тот же день, 5 августа, турецкий посол Гереде посетил государственного секретаря МИД Германии Вайцзеккера, допустив во время встречи, пожалуй, неосмотрительные и слишком прямолинейные высказывания: о возможности активной антисоветской пропаганды через тюркские народы СССР и о создании в будущем по крайней мере на Кавказе буферного государства, а к востоку от Каспия самостоятельного Туранского государства. Буквально через две недели, 19 августа, тот же посол проявил куда большую осторожность в высказываниях (по-видимому, получив “ценные указания” из Анкары): на встрече с министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом он пояснил, что его страна не имеет никаких амбиций вне настоящих ее границ, добавив, правда, “по крайней мере не в своей официальной политике”.[72]

Итак, с началом войны налицо определенный интерес со стороны Германии к туранистскому движению. Создается впечатление, что руководство во всяком случае германского МИДа считало туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, чтобы оно смогло оказывать давление на официальную Анкару в деле военной поддержки Германии под видом заботы о судьбе своих тюркских собратьев в СССР. При этом видно однако и то, что турецкое правительство

проявляло большую осторожность, открыто дистанцируясь от туранистских ли
деров. Да, руководство германской дипломатии все-таки явно заблуждалось
оценке потенциала пантуранистского движения в Турции, которое скорее сво
дилось к деятельности пусть авторитетных, но все же отдельных политико
Одним из таких политиков являлся Нури Киллигиль, или, как его чаще назы
вают, Нури-паша, брат Энвера-паши.

Его личность, можно сказать заинтриговала германский МИД уже в первы
дни войны с СССР, ибо последний практически сразу же заявил о своей озабо
ченности судьбами тюркских народов. Он выразил желание отправиться в Бер
лин, чтобы консультировать германское правительство по тюркскому вопрос
Кстати говоря, такое же желание высказал и Ахмед-Заки Валиди, подавший
июле 1941 г. заявление о выдаче ему германской визы, но ему было в том отказа
но.[73] Но Нури-паша с подобным заявлением имел успех и в сентябре месяц
прибыл в Берлин. Тогда брату Энвера-паши было за 50 лет, он считался в Тур
ции преуспевающим фабрикантом. 11, 19 и 25 сентября он провел обстоятел
ные переговоры с государственным секретарем МИД Эрнстом Верманном, по
ле которых Верманн составил очень подробный отчет об их ходе и содержани
Этот отчет в полной мере отражает мнения, которые господствовали в Германи
по отношению к пантуранизму, поэтому взглянем на него повнимательнее.[74]

Документ подразделен Верманном на четыре части: о личности Нури-паш
о сущности пантуранистской идеи, выводы и конкретные предложения на теку
щий момент. И вот о чем в нем идет речь.

Пантуранистское движение имело целью создание самостоятельных государ
ственных образований тюркских народов. Несмотря на то, что оно предполагал
известное изменение ныне существующих границ, Турция не будет аннексиро
вать их территорию, а окажет лишь политическую поддержку. Речь при этом
первую очередь шла об Азербайджане и Северном Кавказе, затем о Крыме и По
волжье-Приуралье, и лишь затем о Туркестане (Средней Азии). Причем Нури
паша заверял германский МИД, что официальное турецкое правительство при
держивается концепции Ататюрка о чисто национальном государстве лишь и
практических соображений, что это лишь политика целесообразности, в осно
ве которой лежит страх перед Советским Союзом. Теперь же, когда Германи
успешно ведет войну с Советским Союзом, этот страх более не имеет основа
ний. Но Нури-паша сразу же хотел успокоить германское руководство, турец
кие амбиции, по его мнению, никакого территориального характера не носили

Для Верманна было совершенно очевидно, что Турция сможет реализоват
пантуранистские идеи только с помощью Германии, т.е. пантуранистски настроен
ная Турция одновременно должна быть и прогермански настроенной Турцией
Потому Германия должна проявлять к пантуранистам самое серьезное внима
ние и поддерживать их всячески. Что же касается перспективы, то к идеям созда
ния полностью самостоятельных тюркских или тюркского государств посл
военного поражения Советского Союза германский дипломат отнесся очен
своеобразно. Когда речь шла о Закавказье или о Поволжье, то для Германии п
Верманну было политически **невыгодно** возникновение в этих регионах самосто
ятельных да еще протурецки ориентированных государств (с учетом полити

ческой нестабильности самой Турции). Иначе обстоит дело со Средней Азией. В сферу непосредственного влияния Германии эти территории не входят, с большей долей вероятности можно утверждать, что и входить не будут. А создание здесь Туркестанского государства должно существенно ослабить международные позиции Англии, потому эта идея с германской стороны заслуживает поощрения и поддержки. Такая точка зрения в ходе войны сыграет свою роль в формировании германской политики по отношению к тюркским народам СССР: она так и останется во многом неясной, непоследовательной и противоречивой. Получалось, что Германия вроде бы и поддерживала национализм восточных народов, но была одновременно и против стремления некоторых из них к государственности.

Во время переговоров Нури-паша обратился к Германии с рядом конкретных предложений:

1. Необходимо отделить всех тюркских и мусульманских военнопленных из числа всех советских военнопленных и создать для них особый лагерь подобно тому, который существовал в годы первой мировой войны в Вюнсдорфе неподалеку от Берлина.[75] Затем предлагалось проверить, насколько возможно использование этих военнопленных в качестве боевых отрядов пантуранистского движения.

2. Управление тюркскими и мусульманскими народами на занятых Германией территориях должно быть сосредоточено в руках самих тюрок - это было, пожалуй, пожелание на перспективу.

3. Нури-паша сам хотел играть заметную роль в туранистском движении, он был готов переехать в Германию, чтобы заняться организацией работы с тюркскими военнопленными. В дальнейшем он полагал возможным создание в Берлине Туранского пропагандистского центра со своим участием.

В конце своего отчета Верманн подчеркнул, что Нури-паша уезжает из Берлина несколько разочарованным, ибо здесь его встречали не с распростертыми объятиями. Сам же дипломат выразил весьма осторожный оптимизм в этом вопросе.

И все же игра началась. В начале октября при поддержке немецкого посла фон Папена была организована поездка двух турецких генералов на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров.[76] Их сопровождал в поездке бывший еще в то время представителем МИДа при командовании 11-й армии Вернер Отто фон Хентиг. Али Фуад Эрден, начальник Военной академии Турции, и Хюсню Эмир Эркилет, уже находившийся на пенсии, по воспоминаниям фон Хентига, меньше интересовались "нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России". Оба генерала высказали серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных. Эрден, как официальное лицо, при этом еще должен был как-то сдерживать свои эмоции и следить за высказываниями, но Эркилет, фактически частное лицо, представляя интересы тюрко-татарской эмиграции в Турции, высказывался совершенно определенно и ясно.[77] Их визит, по мнению Герхарда фон Менде, стал последним толчком к созданию так называемых Восточных легионов.[78]

10 октября 1941 г. ответственным специально за пантуранистское движение в МИДе был назначен крупный дипломат, знаток арабского и мусульманского мира в целом Вернер Отто фон Хентиг. При этом предполагалось, что он создаст в МИДе отдельный комитет по пантуранистскому вопросу.[79] 4 же октября, еще

до назначения, он составил первую справку о туранизме, совершенно четко по-яснив, как Германия может использовать враждебные русским пантуранистс-кие силы: через радиопропаганду, листовки, издание журнала для мусульманс-ких военнопленных латинскими буквами на "диалекте Гаспринского", засыл-ка шпионов в области, заселенные тюрками, активная работа с тюркскими во-еннопленными: отделение их от остальных, большая для них свобода, лучше обеспечение, применение их вначале на сельскохозяйственных работах, работу военнопленными постоянно использовать и в пропагандистских целях. Глав-ной целью следовало считать по Хентигу военную переподготовку, создани школ для офицеров в особых лагерях и присоединение тюркских военны формирований к немецкой армии. Фон Хентиг отмечал особые заслуги в это области Алимджана Идриси, с помощью которого он намеревался установит хорошие контакты с лидерами тюркской эмиграции.[80]

14 октября фон Хентига посетил предприниматель из Турции Ахмед Вал Менгер, имеющий татарское происхождение, вместе с А.Идриси. По словам гер-манского дипломата, Менгер принадлежал к пантуранистскому движению работал вместе с Нури-пашой и генералом Эркилетом. На этот раз он вырази желание помочь Германии в работе с тюркскими военнопленными: при их ре-гистрации, установлении личности. Менгер также предложил поставлять дл военнопленных через турецкое Общество Красного Полумесяца пищу и одежду.

Фон Хентиг проявил себя и на поприще теоретического осмысления фено-мена пантуранизма - 18 октября он выступил вообще против применения тер-мина "пантуранизм" или "туранизм". По его мнению, термин этот, явно неудач-ный, следовало бы заменить "тимуризмом" или "чагатаизмом" (что, кстати го-воря, больше тяготеет к среднеазиатским тюркам). Правда, в том документе фо Хентиг отмечает, что работа МИДа в первую очередь должна быть ориентирова на на народы, которые в географии ранее объединялись термином "Татария" чтобы пробудить в них чувство принадлежности к одному единому народу. Лю-бопытно, что мнение этого дипломата о казанских татарах совершенно инос чем у упоминавшегося выше Густава Хильгера: "в этой работе мы не должн упускать возможности сотрудничества с поволжскими татарами, потому что и всех тюркских народов СССР они являются наиболее образованными, деятельным и политически наиболее ценными элементами".[82]

Почти то же повторял фон Хентиг позднее в письме Верманну от 20 январ 1942 г.: "по вопросу о пантуранизме лучше всего иметь дело с поволжским татарами".[83] Очевидно, что даже среди сотрудников МИДа не было единог мнения о тюркских народах СССР. Раз уж речь зашла о взаимопонимании, от-метим сразу, что вообще среди высших германских инстанций в период войн часто не было и следа элементарного взаимопонимания. Так, на исключительно право ведения работы среди народов СССР на оккупированных и еще не заняты территориях постоянно претендовали и Восточное министерство А.Розенберга, Министерство иностранных дел, и Внешнеполитическое ведомство НСДАП, Главное управление СС, и руководство вермахта. Все они очень ревниво, есл не сказать больше, относились друг к другу, стремясь в лучшем свете предстат перед Гитлером. Постоянная конкуренция между различными ведомствами на

нистской государственной машины так и не была преодолена в годы войны. Хотя справедливости ради можно привести и обратный пример: фон Хентиг в письме государственному секретарю Вёрманну от 20 января 1942 г. отмечал плодотворность совместной работы и полное взаимопонимание между ним и руководителем Внешнеполитического отдела НСДАП, рейхсляйтером Георгом Лайббрандтом в работе с крымскими и поволжскими татарами.[84] Правда, обратных примеров можно было бы привести гораздо больше.

Между тем в преддверии весенне-летнего наступления германской армии 1942 г. общий интерес к пантуранизму в Германии нарастал. Обсуждение вопросов выносилось уже на страницы печати, причем не только специализированных "теоретических" журналов, но и газет. Так, здесь мы можем упомянуть и весьма информативный материал "Туранский идеал" за подписью В.ф.Д. в газете "Frankfurter Zeitung" от 17 января 1942 г., и довольно объективную в высказываниях статью "Туран" (без упоминания имени автора) в газете "National Zeitung" (Эссен) от 4 февраля того же года. В последней, например, отмечается, что туранская идея является большей частью фантазией, а современная Турция - это довольно реалистическая власть, чтобы поддаваться этим фантазиям.

Не оставались в стороне и крупные "теоретики". Некий доктор Франц Роннебергер рассмотрел историю пантуранизма под углом зрения "духовного родства" его с национал-социализмом.[85] "Главный" эксперт Вернер Отто фон Хентиг также посчитал необходимым высказать свое мнение и внести терминологическую ясность в употреблении различных этнических понятий.[86] Рассмотрев историю борьбы за единство тюркских народов, автор подводит к мысли о том, что несмотря на все попытки привить к нему слово "Туран", "Туран так и остался страной мечты, и от него сохранились разве что какие-то следы в Венгрии да и языческие праздники в Эстонии и Финляндии". Фон Хентиг однако этим самым вовсе не отвергает идею единства тюркских народов, а предлагает впредь именовать ее, как мы уже отмечали выше, "чагатаизмом", так как "тюркские племена к востоку от Волги, от Урала и до центра Монголии были завещаны Чингисханом своему второму сыну Чагатаю. А территорию от Волги и до Великой Китайской стены следовало бы, как и на старых картах, называть Татарией".

Фон Хентиг пытался последовательно провести в жизнь терминологические изменения: к этой теме он возвратился в своей справке "Три термина - две проблемы" (начало 1942 г.), где подчеркивал: "Туран - это страна мечты, Туркестан - географическая территория, но такой страны и языка нет, татары же - реальный тюркский народ, обладающий особыми духовными силами и который уже встречался в истории".[87] В отчете о состоянии пантуранского вопроса от 25 февраля 1942 г. он вновь предлагал употреблять общий этноним "татары" в отношении всех восточных тюрков, включая даже узбеков и таджиков. Тогда, по мнению фон Хентига, это название постепенно привьется.[88] Конечно же, подобные предложения можно расценивать лишь как фантастические и нереальные, что в итоге подтвердила и сама жизнь. Пожелания и предложения немецкого дипломата каких-то серьезных последствий не имели и остались только на бумаге.

Информационные материалы о состоянии пантуранистского движения получались германским МИДом не только собственно от своих чиновников, но и

от представителей самих тюркских народов. В начале 1942 г. такую справку сост вили три автора: доктор Шемсель Банат, доктор Харун Ильмен и Кемаль А тай.[89] Справка выдержана строго в пантюркистском духе, об этом можно судить следующему пассажу авторов: "современные этнонимы - татары, туркмен узбеки, башкиры - это сплошь надуманные конструкции, и мы не будем пр нимать их во внимание, а употреблять по отношению к ним термин "тюрки Несмотря на это, а также на ряд серьезных фактических ошибок (утверждени о том, что Золотая Орда основана Бату в 1224 г.; что одним из арабских авторо писавших о Золотой Орде, был Ибн-Фадлан), в заслугу авторам необходим поставить попытку разрушить общеевропейские стереотипы о тюркских народа Они протестовали против представления о татарах, как о варварах и дикарях. ноября 1941 г. многие немецкие газеты опубликовали один и тот же матери со следующими словами: "имеющаяся в России налицо дегенерация и выро дение фактически связаны с татарским господством. Русская душа была отравле этим кровавым террористическим господством, которое осуществляли татары Авторы, о деятельности которых у нас, к сожалению, нет никаких данны сравнивают политику Золотой Орды по отношению к Москве с политикой Ру ского государства в Среднем Поволжье, приходя к выводу, что никакого "ва варского" неограниченного притеснения русских со стороны татар в то врем не было и что именно Золотая Орда способствовала сплочению русских вокр Москвы и единению Русского государства, что тюрки ни в коем случае не влия отрицательно на развитие русской культуры, науки, а лучшие представите тюркского народа пополнили ряды русских ученых и деятелей культуры.

Заслуживает внимания одна из многочисленных справок по вопросу о во можностях и перспективах пантуранизма от 5 января 1942 г., подготовленная МИДе и автор которой неизвестен (на справке стоит лишь заголовок: "Сообщ ние нашего доверенного лица").[90] В справке отмечено следующее: в Турци идея пантуранизма играет значительную роль, недооценивать которую нельз Под этой идеей подразумевается "проблема или возможность объединения каки либо способом различных тюркских народов, проживающих в Азии". Способ и варианты для решения этой проблемы могут быть различными: самые далек идущие теоретики считают, что это объединение должно включать в себя те риторию до Великой Китайской стены и большую часть Советского Союза, том числе и Европейской части СССР. Они аргументируют свои мысли ист рическими предпосылками, языковым или религиозным единством тюркск народов. Однако, наиболее актуальна сегодня не сама идея, а собственно тур нистское движение, которое в настоящее время ориентировано на освобожд ние тюркских народов, живущих большей частью в Советском Союзе. При эт нет ясности в понимании той государственной формы, на которую нацеле это освободительное движение: то ли автономные образования, то ли федеративн система или же вообще полное подчинение тюркских народов современной Турци Автор справки полагал, что в обозримом будущем идея эта не может быть ре лизована, но тем не менее Турция ею занимается очень активно. Одна правящие круги этой страны понимают, что Турция ни в коем случае не име права стремиться к господству над остальными тюркскими народами, что сегод

важнее та самая освободительная борьба тюркских народов СССР. Автор, бесспорно, представлял, каких выводов от него ожидают руководители в первую очередь МИДа - именно такие выводы он и сделал: Турция должна стать потенциальным союзником Германии, а тюркские народы под эгидой Турции вступят в "освободительную" борьбу. Так что факты в справке подобраны вроде реальные, и этапы развития пантуранистской идеи в Турции выявлены точно, и личности ведущих лидеров идеи в Турции перечислены точно. Но выводы политического эксперта все-таки от реалий жизни оказались далекими.

В январе 1942 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп проинструктировал своих подчиненных о необходимости в дальнейшем активно поддерживать пантуранистское движение.[91] Но в то время уже явно наметилась тенденция к тому, что вопросы эти все заметнее переходили в ведение главного соперника МИДа - Восточного министерства. В этом ведомстве народами Кавказа, Поволжья, Средней Азии занимался основной эксперт, профессор Г. фон Менде. Соперничество двух ведомств нарастало. По мнению Иоханнеса Глазнека, главным предметом спора между МИД и Восточным министерством в первой половине 1942 г. стал вопрос об их компетенциях, о разумных пределах поддержки пантуранизма с тем, чтобы это не помешало собственно военным, экспансионистским целям.[92] Из сферы чисто дипломатической, в которой большое место занимали сбор информации, различного рода справки о возможности дальнейшего использования пантуранистского движения в интересах Германии, тесные контакты с заинтересованными лицами (так, в январе 1942 г. в Берлине побывали два видных представителя крымско-татарского национального движения Эдиге Мустафа Кирималь и Мустежиб Улкюсаль и выразили пожелание создать в Крыму национальное самоуправление крымских татар, но понимания в Берлине не нашли и уехали безусловно разочарованными),[93] пантуранистский вопрос переходил в сферу военно-политическую (хотя, конечно, разница между войной и дипломатией тогда и была безусловно символической). Желательного, но остававшегося чисто теоретическим, объединения тюркских народов, тем более под эгидой "дружественной" Турции явно не получалось. Поэтому Восточное министерство и Высшее командование вермахта перехватили инициативу и начали в первой половине 1942 г. конкретную работу по созданию военных формирований отдельных тюркских народов, так называемых Восточных легионов, история которых уже представляет отдельную проблему.

Но МИД, можно сказать, некоторое время еще сопротивлялся. В июне 1942 г. в Берлине вновь побывал Нури-паша и имел беседы во внешнеполитическом ведомстве. Правда, тон его уже значительно изменился: Турция, по его мнению, была заинтересована лишь в культурном влиянии на мусульманские области СССР и лишь в "независимости" Крыма и Кавказа. Примерно в таком же духе высказывался и генерал Эркилет 24 июля 1942 г. при встрече с послом фон Папеном.[94]

Однако все уже было предопределено - пантуранистское движение, так ничего и не показав, становилось для Германии неактуальным. 12 сентября 1942 г. Гитлер предписал, чтобы фон Папен полностью прекратил все контакты с турецкой стороной по поводу будущего Закавказья и Закаспия. Это, пожалуй, можно считать и окончанием попыток использования пантуранистов Германией в своих военно-

политических интересах. По крайней мере, толстая папка документов в архив МИД под грифом "Пантуранизм" завершается бумагами за август 1942 г. В то ж время было бы неправильно утверждать, что интерес к тюркскому фактору с августа-сентября 1942 г. в Германии пропал абсолютно, ибо вплоть до 1944 г. тот ж посол Ф.фон Папен в своих донесениях из Анкары непременно упоминал активны пантуранистов и давал отдельные оценки движению в целом. Кроме того, тюркский фактор учитывался и при создании уже упоминавшихся Восточных легионов и так называемых национальных представительств-комитетов в 1943-1944 гг.

Любопытно, что идея тюркского единства вновь всплыла и обсуждалась в самом конце войны - осенью 1944 г. Некоторые представители Главного управления СС пытались было ее возродить. Особенно активно обдумывал проблем пантуранизма руководитель Отдела Туран-Кавказ доктор Райнер Ольша, который в СС считался крупным специалистом по истории и экономике Средней Азии. Вначале он обратился за советом и помощью к некоторым ученым с просьбой оценить историческую перспективу. Ответы для него были неутешительными 12 октября 1944 г. два видных тюрколога - Готтхард Йешке и Бертольд Шпулер представили Ольше свои мнения. Йешке отметил, что "вопрос этот в настоящее время полностью утратил свое значение, впрочем и в прошлом он играл чисто теоретическую роль: лишь дважды он был достоин упоминания - в 1918 г. когда турецкие войска вступили на Кавказ, и в 1942 г., когда германские войска овладели Ростовом и продвигались на юг". Почти то же самое высказал в своей справке и Б.Шпулер: "Пожалуй, только у азербайджанцев этот вопрос играл определенную роль, в остальном он никакого почти значения не имеет".[95] И все же Райнер Ольша осторожного энтузиазма в развитии указанной идеи не утратил. К концу октября 1944 г. он подготовил для руководства СС объемную справку о пантуранизме. В ней он дал подробную историю этого вопроса, отметив, что "сейчас такого активного туранистского движения как в годы первой мировой войны нет, но есть тюркские народы и есть тюркский фактор, и это надо обязательно учитывать". Ольша ясно выразил давние чаяния германского руководства: "Хорошо бы создать враждебный русским тюркский блок на южной границе, который стал бы постоянным союзником Германии, чтобы держать славянство в клещах".[96]

В подготовительном материале к указанному документу (датирован он 1? октября 1944 г.) Ольша сравнивает два таких понятия как "тюркизм" и "туранизм" и приходит к выводам, и некоторые из них следует упомянуть. Райнер Ольша видит разницу между этими понятиями, вполне справедливо отмечая, что туранизм - явление более широкого плана, чем тюркизм. Он считал, что лишь некоторые представители тюркской идеи мечтают о создании "великого тюркского государства", которое, по его мнению, вообще было бы нежизнеспособно из геополитических соображений. Основная же часть тюрков желает лишь "более тесного культурного объединения самостоятельных тюркских государств". Идеи тюркизма, по мнению эсэсовского эксперта, могли быть использованы и поддержаны в интересах Германии как противовес русскому влиянию, а вот туранизм - это концепция антиевропейская, правда, не являющаяся реально опасной.[97]

Как видим, представления о тюркском (туранском) факторе в Германии к концу войны получили определенное развитие, и мы можем говорить даже о новом подходе к этому вопросу. Однако справка Ольши, как и все предыдущие попытки использования идеи тюркского единства, каких-либо заметных политических последствий не имела, если не учитывать чисто военного мероприятия - создания в самом конце войны Восточнотюркского боевого соединения СС, о котором речь еще пойдет ниже. Возрождение пантуранистского мифа в недрах СС можно оценивать, с одной стороны, как попытку показать СС как потенциального спасителя нации и судьбы войны в противоборстве с другими инстанциями рейха, с другой - как вообще одну из попыток нацистов найти средство для осуществления перелома в войне.

При разговоре о пантуранизме уместно было бы сказать и о реакции, которую он вызывал в двух наиболее заинтересованных и затронутых им странах - в Турции и Советском Союзе.

Официальное турецкое правительство никакой поддержки пантуранистам не оказывало, но и из виду никогда их не упускало, занимая в начальный период войны выжидательно-благожелательную позицию. При этом турецкие власти очень внимательно следили за развитием обстановки на советско-германском фронте. Политика их в указанной сфере была двойственной, и объяснение тому представляется вполне логичным: с одной стороны Турция никак не могла забывать, что в Советском Союзе проживают миллионы представителей тюркских народов и, конечно, симпатизировала им, но и открыто поддержать пантуранистские идеалы она не решалась, ибо страх перед могучим соседом был очень велик. Когда посол фон Папен открыто спросил у турецкого президента Исмета Инёню его мнение о территориальных притязаниях пантуранистов, то получил ответ, что об этом президент желает говорить только тогда, когда русский поход германской армии даст действительно заметный результат (это было сказано, кстати говоря, 28 августа 1941 г., когда, казалось, что победа Германии абсолютно предопределена).[98] 6 апреля 1942 г. министр иностранных дел Турции (будущий премьер-министр) Сараджоглу заявил тому же фон Папену, что турецкое правительство не может официально поддержать Германию в решении пантуранистского вопроса, но что он разрешил лицам неофициальным устанавливать по этому поводу контакты с Германией.[99] Тогда же он сказал: "Это само собой разумеется, что Турция не может не быть заинтересованной в судьбе 40 миллионов человек тюркского происхождения в России. Из географических соображений в будущем переустройстве России вряд ли возможно объединение этих областей с Турцией. Может быть, однако, что они могли бы получить самоуправление с сильным турецким влиянием. Затем было бы необходимым отправить тысячи молодых людей из этих областей в Турцию, чтобы создавать тюркское самосознание у угнетенного населения".[100]

Но вот положение на фронте изменилось - изменился и тон турецких политиков. Депутат Нежмеддин Садак 7 июля 1943 г. выступил с резкими нападками на пантуранистов: "турецкая внешняя политика не имеет никаких расистско-империалистических целей. Подобное свойственно лишь примитивным обществам, которые базируются на племенной или религиозной принадлежности. Хотя

Турция националистическая страна, но она не настроена ни пантюркистски ни панисламистски. Стремиться к объединению всех тюрков или мусульман это было бы не только утопично, но и против основных принципов турецкой внешней политики". Журналист Ф.Эркман опубликовал брошюру под названием "Самая большая опасность", отмечая, что такие люди как Ахмед-Заки Валиди, Гаяз Исхаки или Мухаррем Февзи Тогай сами являются татарами или азербайджанцами и своей пантуранистской пропагандой наносят огромный вред нейтральной политике Турции.[101] 19 мая 1944 г. президент Иненю публично осудил пантуранистов: "Мысли о Туране вредят нам. Со времени нашего национального освобождения нас связывает дружба с Советами. Наша национальная политика стоит далеко от мысли искать приключения вне пределов страны. Туранисты являются бессовестными подстрекателями и совратителями молодежи. Против их мыслей, которые могут привести нас только к несчастью, мы будем защищаться со всей силой".[102] Действительно, страх перед советскими санкциями в Турции оказался очень велик. Как раз в мае 1944 г здесь начались аресты видных пантуранистов, среди них, например, Р.Огуз Тюрккан, Абдулкадир Инан, Мухаррем Февзи Тогай, Ахмед-Заки Валиди, Акдес Нимет Курат, Хюсню Эмир Эркилет и многие другие (всего было арестовано несколько десятков человек, здесь называются лишь известные нашему читателю имена).[103] В сентябре 1944 г. в Стамбуле открылся судебный процесс "подстрекателей", против которых было выдвинуто обвинение в распространении расистских пантуранистских взглядов в основании тайных обществ. 29 марта 1945 г. большинству обвиняемых был вынесен приговор: принудительные работы сроком от двух до десяти лет. Правда, уже в октябре того же года военный суд этот приговор отменил.[104] Тем не менее, пантуранизм на долгое время сошел с политической арены Турции.

А что же Советский Союз? Конечно же, страна, в которой проживали миллионы граждан тюркского происхождения, не могла равнодушно следить за розыгрышем пантуранистской карты Германией. Это особенно ярко прослеживалось на страницах периодической печати. Доставалось при этом, однако, Турции, которая как будто стояла за спиной пантуранистов. Это было совершенно откровенным предупреждением, даже угрозой, демонстрируемой для сдерживания Турции от ввязывания в войну на стороне Германии. Советская периодика прямо обвиняла турецкое правительство в расистской пропаганде, а пантюркистов пантуранистов именовала не иначе как открытыми "фашистскими агентами", подготовленными задолго до начала второй мировой войны.[105] Даже официальные преследования пантуранистов в Турции не сбили с толку бдительных советских журналистов: после арестов и открытия судебного процесса в Стамбуле газета "Известия" тем не менее язвительно вопрошала: почему же такое опасное движение могло столь долго развиваться перед глазами турецкого правительства? Газета обвиняла турецкое руководство в пассивности - по-видимому, в Советском Союзе не были удовлетворены масштабами проведенных арестов.

Таким образом, идея использования тюркского фактора Германией в первые годы второй мировой войны, зародившаяся в недрах германского МИДа, провалилась. Тюркское единство во имя идеалов создания общего Туранского

государства, во имя борьбы с большевизмом и Советским Союзом оказалось на поверку мифом, утопией чистой воды. Его не было и в самом начале XX в., когда только формировалось национальное самосознание многих тюркских народов, развивавшихся в политическом, социальном, культурном плане разными путями, его не оказалось и в 30-40-е годы, когда политическая ситуация изменилась в корне. Даже Турция, на которую германская дипломатия возлагала такие надежды, не поспешила собирать тюркских собратьев под свое крыло, используя военное нападение Германии на Советский Союз, а наоборот - явно дистанцировалась от туранской идеи, не желая портить отношений с северным соседом. Германское внешнеполитическое ведомство же, как получилось, создало “много шума из ничего” и прежде всего во имя амбиций своего руководства в соперничестве с другими заинтересованными учреждениями “третьего рейха”, в первую очередь с Восточным министерством А.Розенберга. А это в целом было одной из ошибок, естественно не решающей, допущенных Германией в ходе войны. Однако не следует забывать, что была и другая, не дипломатическая сторона использования тюркских народов СССР (в числе других) Германией в своих интересах - это создание так называемых “добровольческих соединений” вермахта и СС. Об этом уже кратко упоминалось выше, и об этом, думается, следует сказать особо.

Фактор исламский.

В отличие от фактора тюркского, так сказать этнического, исламский фактор, как конфессиональный, был Германии предвоенной поры более знаком. И все же, вероятно, и здесь следует упомянуть некоторые факты из далекой и близкой истории и привести примеры из истории проникновения мусульманства в Германию, о контактах немцев с мусульманским миром и о метаморфозах подобных контактов, особенно в период национал-социалистской тирании. Следует только подчеркнуть, что речь в этом параграфе пойдет в первую очередь об исламе в самой Германии, а не о германо-мусульманских или германо-арабских взаимоотношениях в целом. Конечно, последние сюжеты также будут затронуты, но лишь в связи с основной темой.

Вероятно, нелишним будет вспомнить, что еще во времена Карла Великого, т.е. в VIII-м в., дипломаты мусульманского Востока уже появлялись в его империи. Намного позднее, уже в XVIII веке, прусский король Фридрих Вильгельм I пригласил к себе на службу турецких гвардейцев и в 1732 г. даже повелел открыть для них молельный дом в Потсдаме. С этого факта Мухаммад Абдулла вообще начинает историю ислама в Германии.[106] Из событий того же XVIII в. упомяну и факт прибытия в Пруссию из России 73 татарских уланов (вероятнее всего, из Крыма) - представителей многих дворянских фамилий, из которых было создано первое в прусской армии кавалерийское подразделение с пиками.[107] В конце этого столетия, а затем и на протяжении XIX в. представители ислама в Германии обосновывались уже намного чаще, чем раньше, что являлось результатом военно-политического сотрудничества или противостояния (например, между Турцией и Пруссией). То есть можно обратить внимание на то что контакты Германии с исламом были достаточно давними. Также давно в стране проживали и немногочисленные приверженцы ислама.

Обратимся к фактам, хронологически более поздним, когда Германии впервые пришлось столкнуться на своей собственной территории с десятками тысяч мусульман, а именно к периоду первой мировой войны. К тому же, многие из лиц, которые оказались втянуты в описываемые события, не сойдут с исторической сцены и будут играть на ней определенную роль и в 20-40-е годы. Даже официальную позицию государства в периоды двух мировых войн по отношению к исламу можно в какой-то степени сравнивать, и при сравнении обнаружить любопытные параллели.

В ходе первой мировой войны в германском плену оказались многие солдаты российской армии, а также выходцы из африканских и азиатских колоний Англии и Франции, воевавшие на стороне Антанты. Зимой 1914-1915 гг. по указанию императора Вильгельма 2, неподалеку от Берлина, всего в 20 км южнее, между небольшими городками Цоссен и Вюнсдорф были созданы два специальных лагеря для военнопленных мусульман - "Лагерь на виноградной горе" (Weinberglager) и "Лагерь полумесяца"(Halbmondlager). В первом лагере были сосредоточены представители мусульман России, кроме того грузины и армяне. Во втором - военнопленные из французских и британских колоний (Западной и Северной Африки. Индии), арабских стран. Два лагеря находились в тесном контакте, и в последующем было принято именовать оба лагеря одним обобщающим названием - Вюнсдорфский лагерь для военнопленных мусульман. Основания для создания таких специфических лагерей были понятными. Немецкий мусульманин Альберт-Халид Зайлер-Хан считал, что император Вильгельм с симпатией относился к мусульманам, несмотря на то, что они с оружием в руках сражались против Германии. Именно такая причина создания лагерей и была объявлена и пропагандировалась официально. При этом уточнялось, что Германия желает убедить всех мусульман, которые еще сражаются на стороне Антанты, в своих бескорыстных дружеских чувствах к исламу. Очевидно, однако, что объяснение этих "дружеских чувств" было весьма прозаичным: на религиозной основе расколоть вражеский лагерь, привлечь мусульманские державы на свою сторону. Основной упор в этой политике делался на Турцию, которая в ноябре 1914 г. объявила священную войну - "джихад" Великобритании, России и Франции и которая должна была объединить в этой борьбе всех союзных Германии мусульман и даже "революционизировать" мусульманские народы (этот термин позднее, в годы второй мировой войны, будет вновь употребляться и именно в этом же контексте теоретиками из Главного управления СС!).

В первом из лагерей для молений был возведен минарет, а во втором - большая деревянная мечеть. Мечеть была выкрашена в красный и белый цвета. Диаметр ее составлял около 18 метров, высота - 12 метров, высота минарета - примерно 23 метра. Церемонию освящения мечети 13 июля 1915 г. в присутствии многочисленных дипломатов, чиновников из МИДа и других германских официальных учреждений провел турецкий посол Ибрагим Хакки-паша.[108]

Сами лагеря для военнопленных являли собой довольно любопытное образование. Они были не таким большим по площади: в годы первой мировой войны в двух лагерях находилось около 15 000 мусульманских военнопленных (из

них около 4 000 - в "лагере полумесяца"). Среди военнопленных преобладали татары, арабы, индийцы.[109] Вряд ли обоснованным является мнение Патрика фон цур Мюлена, который считает, что в лагере во время первой мировой войны содержалось более 100 тысяч военнопленных мусульман.[110] Очевидно, что мусульмане в германском и австро-венгерском плену содержались не только в Вюнсдорфском лагере, но и в других пунктах (например, на территории Венгрии). Любопытно, что сам феномен нахождения в подобных лагерях мусульманских военнопленных уже тогда привлек внимание немецких и австрийских исследователей-фольклористов, поспешивших использовать предоставившуюся возможность для сбора материалов, а затем и для их публикации (упомяну здесь имя такого ученого как Игнац Кунощ, татарскому читателю его имя известно по публикациям Ленара Замалетдинова).[111] Жизнь мусульман в Вюнсдорфе вообще не очень походила на известные нам представления о тяготах плена. Здесь кроме мечети была довольно богатая библиотека, имелся оркестр народных инструментов, выходили газеты: на немецком языке издавалась общелагерная газета, газета "Кавказ" - параллельно на нескольких кавказских языках, газета "Эль-Джихад" - на татарском, арабском и русском языках,[112] газеты "Яна тормыш" и "Татар иле" - на татарском языке,[113] "Индостан" - на хинди, "Картвели" - на грузинском. Эти газеты полностью готовились к печати самими военнопленными и печатались в небольшой лагерной типографии (частично, правда, и в имперской типографии в Берлине). Для военнопленных на разных языках издавались и другие печатные материалы (скажем обзоры военных событий и произведения художественной литературы). С 1916 г. фактическое руководство лагерем по поручению германского Военного министерства начал осуществлять Алимджан Идриси. Он же стал и имамом мечети. При А.Идриси первую скрипку в жизни лагеря и мечети начали безусловно играть казанские татары, которых он всячески поддерживал. А Вюнсдорфская мечеть с этого времени стала практически главным центром ислама в Германии, являясь единственной мечетью в этой стране и привлекая не только проживающих здесь верующих, но и различных мусульманских беженцев, эмигрантов.

Совсем недалеко от Вюнсдорфа, в Церенсдорфе, располагалось и мусульманское солдатское кладбище с небольшим молельным домом посередине и с четким подразделением на части - татарскую, индийскую, африканскую и др.[114] На каждой из частей кладбища были установлены монументы с пояснением, кто здесь покоится. В татарской части, например, надпись на монументе гласила по-немецки: "Могилы мусульман - казанских татар, которые погибли в плену во время мировой войны при императоре Вильгельме 2". По крайней мере в 1937 г. это кладбище еще существовало и содержалось мусульманской общиной Берлина в надлежащем порядке.[115] 22 августа 1937 г. Немецко-Мусульманское Общество, о котором речь пойдет ниже, устроило для всех желающих экскурсию на автомобилях "По следам ислама в Берлине и окрестностях". Участники экскурсии почтили память павших мусульман на кладбище в Хазенхайде, посетили затем место лагеря в Вюнсдорфе и солдатское кладбище в Церенсдорфе.[116] По данным Альберта-Халида Зайлер-Хана на последнем кладбище было захоронено около 2700 солдат: из них 1100 российских мусульман, 700 африканцев, 600 индийцев и др.[117]

В 1918 г. первая мировая война закончилась. Но лагерь в Вюнсдорфе еще некоторое время существовал, пока шел процесс репатриации бывших военнопленных. История существования этого лагеря очень любопытна. В годы второй мировой войны она будет упоминаться германскими инстанциями не раз в качестве примера отношения Германии к исламу, поэтому проследим, насколько возможно, за его судьбой.

После войны лагерь продолжал оставаться центром притяжения прежде всего для поволжских татар, волей судьбы оказавшихся в Германии. Финансовое положение бывших военнопленных, проживавших в лагере, было непростым и очевидно становилось все напряженнее, о чем, например, красноречиво свидетельствует следующий документ. 1 августа 1921 г. лагерный мулла Камалетдин Бадри (в немецкой документации - Кемаледдин Бедри) направил письмо в МИД Германии с просьбой оказать проживающим в лагере татарам финансовую поддержку в проведении 17 августа Курбан-байрама. Как оказалось, с 1915 г. проведение всех религиозных празднеств в лагере финансировалось Военным министерством, затем помощь оказывал специально созданный благотворительный комитет, но к 1921 г. эти источники иссякли. Мусульмане обратились поэтому в МИД, но здесь их ждало разочарование: уже 4 августа МИД прислал отказ в просьбе.[118] Пришлось им, видимо, что-то придумывать самим.

1 мая 1922 г. Вюнсдорфский лагерь был расформирован и закрыт. На его месте осталась однако небольшая татарская колония, объединенная вокруг мечети. Как писал все тот же Зайлер-Хан, "на некоторое время лагерь стал прибежищем для русских эмигрантов, в подавляющем большинстве татар". Проживало здесь, по его мнению, около 200 татарских семей, овладевших в достаточной степени немецким языком.[119] Часть из этих эмигрантов работала на близлежащих промышленных предприятиях, некоторые обучались в Берлинском университете. Трудно сказать, какими путями они получили необходимое разрешение на право жительства в Германии, ибо после окончания войны здесь очень строго следили за тем, чтобы репатриация бывших военнопленных была полной. Колония получила в пользование и два барака со всеми необходимыми для жизни принадлежностями, за что колонисты платили соответствующую плату финансовым учреждениям города Цоссена. Алимджан Идриси, остававшийся имамом мечети, создал в 1918 г. одно из первых официально зарегистрированных объединений мусульман в Германии: "Общество поддержки российско-мусульманских студентов", имевшее, очевидно, благотворительный характер, подобно многочисленным русским эмигрантским организациям в этой стране.[120] До 1924 г. финансовое положение колонии было, по-видимому, терпимым, но 11 ноября 1924 г. А.Идриси от имени Общества обратился в Министерство внутренних дел, сообщая, что в начале года почти все члены Общества остались без работы, у них не осталось средств для уплаты членских взносов и аренды бараков в Вюнсдорфе. Идриси просил определенных финансовых послаблений и льгот, в чем нашел поддержку у представителя МВД Кюнцера. Последний переправил указанную бумагу в Министерство финансов, сопроводив ее собственной просьбой "поддержать дружественное Германии объединение".[121] Но Министерство финансов, скорее

шего, имело свои соображения. Во всяком случае, Общество поддержки российско-мусульманских студентов в архивных материалах больше не упоминается.

Однако А.Идриси на этом не успокоился. К концу того же 1924 г. он заручился поддержкой турецкого, афганского, персидского и египетского посольств и 27 декабря создал под своим председательством еще одно общество - "Мусульманское объединение почтения к Аллаху" (немецкое название -"Verein für islamische Gottesverehrung"; арабское - "Хайат Ша'аир Исламия"). В руководство данного Общества вошли следующие лица: А.Идриси, Зеки Кирам, Осман Токумбет, М.Хасан, Хашем, Й.Баракат (о происхождении и деятельности многих из них данных у нас пока нет). Главными задачами организации было объявлено: соблюдение исламских традиций и обрядов, решение споров между мусульманами и установление между ними братских отношений. Но "братские отношения" очень часто оставались лишь благим пожеланием. И события последующих лет, в том числе и относящиеся к взаимоотношениям различных мусульманских организаций в Германии, раскрывают это со всей очевидностью.

С 1922 г. в Берлине под руководством профессора Абдул-Джаббара Хайри из Стамбула было создано "Исламское объединение Берлина"("Islamische Gemeinde zu Berlin"; "Эль-Джама'ат-уль Исламие фи Берлин", ИОБ). Торжественно объявлено было об этом и в Вюнсдорфской мечети. Очень скоро в объединении наметились противоречия, прежде всего по вопросу о строительстве новой мечети в Берлине и о контроле над ее деятельностью. Представители секты "Ахмадия Анджуман Исха'ат-и Ислами" выступили в данном случае инициаторами конфликта. Стали распускаться слухи, что профессор Хайри в 1918 г. побывал в России, где его тепло принимал Ленин. Затем он будто бы с крупной суммой денег вернулся в Германию.[122] В то время представители мусульманской общины Германии активно обсуждали возможности строительства мечети в Берлине. Имелось два проекта ее возведения: один предполагал район вокзала Витцлебен, другой - площади Фербеллинер Платц. По первому проекту, который защищался представителями секты Ахмадия, строительство даже было начато в 1923 г., но затем приостановлено и вообще свернуто вследствие финансовых трудностей. Второй же проект оказался более удачным: 9 октября 1924 г. в берлинском районе Вильмерсдорф на улице Бриннерштрассе был торжественно заложен первый камень новой мечети, сооружавшейся по проекту архитектора Херманна. Строительство это продолжалось довольно быстро, и здание, напоминавшее по архитектуре знаменитый Тадж-Махал, уже было освящено 26 апреля 1925 г., хотя регулярное богослужение началось только год-два спустя.

Тогда же окончательно решилась и судьба все еще существовавшей Вюнсдорфской мечети. Свою роль в распространении и развитии ислама в Германии она, безусловно, сыграла. Как писал упоминавшийся выше Халид-Альберт Зайлер-Хан: "Можно сказать, что тогда почти все мусульмане Берлина и многочисленные мусульманские гости из других частей Германии тянулись в Вюнсдорф, чтобы исполнить свои религиозные потребности и обязанности".[123] Уже после возведения новой Берлинской мечети, 2 июля 1925 г., в честь праздника Курбан-байрам одновременно два мусульманских общества - "Мусульманское

объединение почтения к Аллаху" Алимджана Идриси и "Исламское объединение Берлина" Абдул-Джаббара Хайри обратились в Министерство иностранных дел с просьбой о передаче именно в их ведение Вюнсдорфской мечети, что, на мой взгляд, является наглядным примером отсутствия взаимопонимания в мусульманских кругах Германии того времени.[124] МИД даже оказался в затруднении: кого поддержать, и обратился к мусульманским посольствам с соответствующим запросом. Вероятно, авторитет А.Идриси в дипломатических кругах был достаточно высок, и они высказались именно за него. После этого МИД официально просил местные власти Вюнсдорфа передать ключи мечети, а значит полный контроль над нею, обществу, возглавляемому А.Идриси.

Следует подчеркнуть, что Министерство иностранных дел в это время практически в любом вопросе выражало полное понимание и поддержку Алимджану Идриси. Однако в финансовом отношении дела мечети и татарской колонии шли все труднее: 17 июля 1925 г. А.Идриси жаловался опять же в МИД на засилие немецких чиновников, которые не дают им нормально существовать. И снова внешнеполитическое ведомство встало на его защиту, письменно поддержав его.

После определенного успеха в борьбе за Вюнсдорфскую мечеть А.Идриси включился в борьбу за влияние в новой берлинской мечети: он начал "выбивать" недостающие для ее окончательного строительства деньги. Трижды в 1927 г., в июле, августе и декабре он обращался к испытанному им неоднократно ведомству - Министерству иностранных дел с такой просьбой. Правда вначале, 25 июля, он получил довольно скользкий ответ в форме ни "да", ни "нет" от представителя Восточного отдела Министерства фон Рихтхофена, но в конце концов, а именно 23 декабря, недостающие для строительства 6000 марок были выделены. Это наверняка повысило его авторитет в мусульманских кругах.

Воодушевленный Идриси после этого вновь вернулся к вопросу о Вюнсдорфской мечети: он очень хотел ее сохранения. 10 апреля 1928 г. он написал обстоятельную справку-просьбу в Министерство финансов, где описал настоящее ее состояние. По его словам, построенное в 1915 г. здание стало слишком ветхим и нуждается в серьезной и основательной реконструкции. Он предлагал три варианта решения этого вопроса: 1. Разобрать мечеть, увезти ее компоненты и построить в обновленном виде в другом виде, если уж ее существование невозможно в Вюнсдорфе; 2. Разломать здание и продать все материалы; 3. Переделать здание для других целей, но оставить его тем не менее в руках возглавляемого им Общества. Министерство финансов и на этот раз отнеслось весьма прохладно к идеям Идриси и уже 3 мая отправило ему отказ в финансировании любого из предлагаемых им проектов. Даже вмешательство МИДа, в который уже раз вставшего на его защиту, уже не смогло ничего изменить. 21 августа 1928 г. было официально объявлено, что мечеть в Вюнсдорфе из-за финансовых соображений разбирается, а материал ее продается. На этом и закончилась история первой мечети Германии.[125]

После указанных событий мусульманская жизнь Германии, конечно же, сосредоточилась в Берлине. Исследователь Мухаммад Абдулла, на мой взгляд, представляет события 20-30-х годов в мусульманской жизни Германии чрезмерно идиллически. В его интерпретации получается, что вначале возникло "Исламское

объединение Берлина", а затем очень мирно на его основе и под его крылом сформировались и некоторые другие организации, в том числе даже и Общество под руководством А.Идриси. Конфликтов между мусульманами будто бы вовсе и не было.

Однако на самом деле все обстояло далеко не так безоблачно, и следовало бы быть гораздо осторожнее в выводах при характеристике исламской жизни Германии 20-30-х годов. Один из первых серьезных конфликтов по поводу строительства мечети в Берлине и контроля над ней уже упоминался выше. Слухи о небезупречном политическом прошлом лидера "Исламского объединения" Абдул-Джаббара Хайри продолжали циркулировать и после разрешения первого спора. В итоге они привели к краху стамбульского профессора: 11 января 1928 г. на общем собрании "ИОБ" он был смещен со своего поста.[126]

М.Абдулла пишет, что в 1930 г. "Исламское объединение Берлина" переименовало себя в "Немецко-мусульманское общество" (Deutsch-Moslemische Gesellschaft, НМО).[127] Однако, взглянем на конкретные документы того времени. 21 августа 1936 г. имам берлинской мечети профессор С.М.Абдулла (одновременно он являлся генеральным секретарем НМО, а председателем был немецкий мусульманин Амин Боосфельд) дал справку в Министерство иностранных дел на имя Ханса Пильгера, отвечавшего в этом ведомстве за мусульманский вопрос. И в указанной справке сообщалось о том, что "Исламское объединение Берлина" (председатель объединения - Риад Ахмад Мухаммад, генеральный секретарь - Хабибур Рахман) продолжает свое существование, что между двумя организациями имеются серьезные разногласия. Они проявлялись по-разному: например, в теологических вопросах; в стремлениях взять под контроль берлинскую мечеть. В борьбе друг против друга общества не гнушались и откровенными провокациями: так, по словам С.Абдуллы, ИОБ распространило такой слух. Будто бы он, С.Абдулла, в интервью индийской газете "Заминдар" сообщил о посещении мечети министром пропаганды Йозефом Геббельсом, после чего министр принял решение о переходе в мусульманство. Все это, как пояснял генеральный секретарь НМО, дело рук Хабибура Рахмана.[128]

К началу 30-х годов в Германии возникло еще несколько исламских объединений, организаций, в чем в какой-то степени можно видеть наличие противоречий в мусульманском обществе. При этом, очевидно, необходимо учитывать следующее. Мусульмане и ислам для Германии были все же совершенно чуждым и новым явлением. Несмотря на раннее появление в Германии отдельных представителей ислама (некоторые примеры этому приводились выше), проникновение мусульманства в эту страну только начиналось. Поэтому официальный Берлин в данном вопросе оставался в выжидательной позиции, не вмешивался во внутриконфессиональные дела, не желая провоцировать конфликты. Власти больше следили за законной стороной деятельности мусульманских организаций: регистрация, направленность их программных заявлений, общий характер деятельности, финансовое положение и т.п. Получается, что противоречия зарождались в самой мусульманской среде. Тому можно дать два объяснения: во-первых, мусульмане в Германии происходили из самых различных стран - Турции, Сирии, Ирана, Индии, Египта, Афганистана и др., они представ-

ляли самые различные течения ислама, и неудивительно, что, адаптируясь в чужой стране, они не могли быстро найти между собой общий язык (причем не только в религиозных вопросах); во-вторых, следует учесть и стремление лидеров мусульманских организаций усилить свое политическое влияние, почти каждый из них стремился стать именно признанным лидером, вождем, наставником, т.е. это элементарное проявление борьбы за власть.

В 20-30-е годы в Германии были создан и ряд других мусульманских организаций.

4 ноября 1927 года в Берлине был основан Исламский институт (ИИ). Почетным председателем Института являлся "старый друг Германии" князь друзов Эмир Шекиб Арслан, но фактическое руководство осуществлял до 1933 г. сирийский турок Нафи Челеби, после его смерти - немецкий мусульманин Мухаммад-Хасан Хоффманн, по данным 1939 г. - уже знакомый нам Риад Ахмад Мухаммад, а в мае 1940 г. председателем был избран также выше упоминавшийся Хабибур Рахман.[129] По мнению организаторов, Институт должен был стать своеобразным мостом: в первую очередь между исламским миром и Германией, а также между представителями различных мусульманских стран в Германии.[130] Институт подразделялся на три отдела: культовый, научный и хозяйственный. Культовый отдел отвечал за соблюдение религиозных обрядов, представление интересов культа перед немецкими учреждениями, духовное руководство над всеми мусульманскими организациями Германии. Научную работу Институт мог проводить, по собственному признанию, в ограниченных пределах, занимаясь больше "созданием благоприятных предпосылок для научной деятельности мусульман и немецких друзей ислама". С этой целью функционировали при нем архив, библиотека, информационное бюро. Хозяйственный же отдел занимался проблемами экономического сближения между Германией и мусульманским миром.

Интересно, что 29 мая 1942 г. в Берлине было зарегистрировано учреждение почти с таким же названием - Центральный Исламский институт (ЦИИ). Его мы можем рассматривать как прямое продолжение упомянутого ИИ. Вероятно, что и в этом учреждении, особенно в первые годы войны, не все обстояло благополучно с взаимопониманием, ибо буквально за несколько лет в руководстве Института упомянуты совершенно разные лица. Так, на начало 1941 г. председателем ЦИИ являлся Абдель Халим Эль-Наггар, в сентябре 1943 г. профессор Хасан Абу-Сауд (кстати говоря, среди членов правления ЦИИ в 1943 г. мы видим еще одного старого знакомого - Алимджана Идриси).[131] Основным покровителем ЦИИ в годы войны был великий муфтий Иерусалима Амин Эль-Хусейни, подробнее о котором мы будем говорить ниже.

31 октября 1932 г. было зарегистрировано как самостоятельное общество Берлинское отделение Исламского Всемирного конгресса. По данным на февраль 1933 г. оно насчитывало 40 членов (из них четверо немцы, остальные - представители Сирии, Ирана, Туркестана, Индии и Турции); генеральным секретарем общества был избран иранец Хосейн Данеш. Центральный орган Исламского Всемирного конгресса располагался в Иерусалиме. Его берлинское отделение, судя по всему, особой активностью не отличалось. Во всяком случае, генераль-

ный секретарь Данеш все время находился в разъездах, и в ноябре 1939 г. Полицай-президент Берлина направил на его имя строгий запрос. Данешу следовало объяснить, насколько реально существование общества, и представить список его членов. Если же общество уже распалось, то, вопрошал Полицай-президент, "осталось ли после него какое-либо имущество?"[132]

Важными факторами исламской жизни в Германии являлись некоторые журналы, а также публикации религиозной литературы. Мусульманские организации проводили действительно активную работу по пропаганде ислама в этой стране. Среди периодических изданий важнейшее место занимал журнал "Moslemische Revue" (издавался в Берлине с апреля 1924 г. по 1940 г.). Его главным редактором и издателем был имам берлинской мечети, генеральный секретарь Немецко-Мусульманского Общества профессор С.Абдулла. Журнал этот был очень насыщенным по содержанию, в нем публиковались материалы самого различного характера: о сущности ислама, комментарии к сурам Корана, статьи по вопросам мусульманской культуры, истории, литературы. Среди авторов журнала были крупные мусульманские теологи из восточных стран, а также многие немецкие мусульмане. В декабре 1939 г. исполняющий обязанности руководителя НМО и журнала "Мусульманское ревю" Бруно Хиллер объявил читателям, что профессор С.Абдулла уезжает с семьей в Индию, просил читателей сохранять верность журналу и обществу, выразив надежду, что все будет идти как и прежде. Но именно с отъездом главного редактора "Мусульманское ревю" прекратило свое существование, вероятно, сыграли свою роль и отсутствие настоящего лидера, и финансовые затруднения, и изменения в политической обстановке в связи с началом мировой войны.

Кроме названного журнала в Германии издавалась и другая мусульманская периодика, журналы "Islamische Gegenwart", "Der Islamische Student", "Islam-Echo". Берлинская мечеть в своем издательстве опубликовала на немецком языке в 1938 г. первое немецко-арабское издание Корана в переводе Маулана Садр-уд-Дина. Увидели здесь свет и другие самые различные издания.

С приходом к власти нацистов в Германии положение мусульман, общий характер мусульманской жизни не могли не претерпеть изменений. При тоталитарном режиме заметнее и строже стал контроль над деятельностью всех организаций, они фактически заново должны были зарегистрировать свое существование, свои программные документы. Мусульманские организации находились под непосредственным контролем Внешнеполитического отдела нацистской партии (НСДАП). Так, в 1936 г. была проверена деятельность Исламского общества Берлина, и 6 марта оно получила "добро" на дальнейшее существование. В 1937-1939 гг. неоднократно проверялись документы Берлинского отделения Всемирного Исламского конгресса - один из запросов Полицай-президента Берлина мы уже коротко упоминали выше. 8 августа 1939 г. долгожданное "никаких запретов от НСДАП нет" получил и Исламский институт. А вот по поводу Немецко-Мусульманского Общества партия выразила "беспокойство", и вот по какому поводу: "слишком разношерстная компания подобралась в Обществе. Здесь допускаются негативные высказывания о национал-социализме и фюрере. При этом к Обществу принадлежат многие евреи, а в 1933-1934 годах Общество

было как бы местом приюта для евреев с Курфюрстендамм (большая улица в центре Берлина - И.Г.)".[133]

В то же время каких-либо серьезных гонений против мусульман и их организаций в Германии периода нацизма не было. Связано это вероятнее всего с тем, что нацисты, не имея каких-то притязаний и претензий к мусульманскому миру в целом (по крайней мере в ближайшем будущем) рассчитывали на его поддержку в борьбе против Англии, давнишнего противника арабско-мусульманского Востока (хотя недоверие к "семитским арабам" всегда сквозило в их политике). Именно тогда из обоих лагерей можно было уже слышать в известной степени лестные отзывы друг о друге. В одном из номеров журнала "Moslemische Revue" в августе 1938 г. некий доктор Зеки Кирам из Турции опубликовал славословия в честь Гитлера и проводимой им политики, закончив их следующим "перлом": "И я скажу так, Аравия проснется в день, когда Аллах ниспошлет Аравии настоящего, верящего в свое дело человека, который призовет затем свой народ так, как призвал немецкий народ Гитлер".[134] Когда же разразилась мировая война, тот же журнал, все-таки стремившийся избегать многих острых углов, не сумел остаться в стороне, опубликовав наукообразную статью доктора Клоппа фом Хофе "Панисламизм, панарабизм и европейская война", в которой упорно проводилась мысль о единстве всех мусульманских народов в борьбе против "мирового империализма".[135]

Свои представления относительно использования исламского фактора в реализации своих далеко идущих военно-политических планов имела и нацистская верхушка. И здесь мы не вправе сказать, что попытка использования исламского фактора в период второй мировой войны в своих интересах была вынужденной или даже несколько неожиданной, вызванной "неудобным" развитием событий (как, например, попытка использования общетюркской или пантуранистской идеи, о чем писалось выше). В данном случае можно говорить о более или менее продуманной политике, контуры которой в целом складывались еще до начала второй мировой войны.[136] Немецкие теоретики, представлявшие в первую очередь Министерство иностранных дел, стремились четко обрисовать ситуацию и понять, какую роль играет ислам в мире и как же можно его использовать в борьбе против "англо-американо-еврейского империализма и большевизма". И в то же время трудно считать, что все эти намерения и довоенные анализы воплотились в детально разработанный план относительно тесных союзнических связей с исламом в борьбе за мировое господство - его очевидно не было вовсе, и многое в становлении и развитии германской политики по отношению к исламу как со стороны гражданских, так и военных учреждений, развивалось все же спонтанно. Потому с определенной долей условности можно назвать исламский мир "союзником про запас" для нацистской Германии в период второй мировой войны. И конечно следует уточнить, что речь шла не просто о политическом или религиозном взаимопонимании и сотрудничестве с исламом как религией, а о стремлении через благоприятное отношение к исламу установить тесные международные контакты в первую очередь с мусульманскими странами.

Подробнее о реальных попытках нацистов использовать исламский фактор во время второй мировой войны будет сказано ниже.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1.

[1] **von Mende, Gerhard**. Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin 1936.

[2] Документы, связанные с указанной деятельностью фон Менде и Ахмета Темира, отложились в архиве Университета им. Гумбольдта в Берлине в папке "Korrespondenz von Mende" (Корреспонденция фон Менде), но листы в данной папке не пронумерованы, поэтому ниже не даются отдельные сноски. В тексте упоминаются лишь даты написания документов.

[3] Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA) - Bonn, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, R 101382, S. 10.

[4] Ibid., R 101382, 101383.

[5] **Raschhofer, Hermann**. Der Fall Oberländer. Eine vergleichende Rechtsanalyse der Verfahren in Pankow und Bonn. Tübingen 1962, S. 19-20.

[6] PA AA - Bonn, U.St.S.Rußland I, R 29905, Nr. 24505, 24507.

[7] Ibid., Pol. XIII, R105196.

[8] См. об этом подробнее: **Гилязов И**. Пантюркизм, пантуранизм и Германия // Этнографическое обозрение.-1996.-№ 2.-с. 92-103.

[9] Bundesarchiv-Potsdam (BA-Potsdam), R 6/502, Bl. 156-163. Кстати говоря, в этом деле помещены справочные материалы не только о поволжских татарах, но и о нагайбаках (л. 40-41); о кряшенах (л. 47-48); о мишарях (л.167-168) и о тептярях (л.170-172) как об отдельных народах. При подготовке справки, судя по всему, использованы материалы переписи населения СССР 1926 г.

[10] **von Mende, G**. Volkstumfragen im Osten, in: Ostaufgaben der Wissenschaften. Vorträge auf der Osttagung deutscher Wissenschaftler. München 1943, S. 80-91.

[11] **Leibbrandt, Georg** (Hrsg.) Die Völker des Ostraumes. Berlin 1942.

[12] **Benzing, Johannes**. Die Türkvölker der Sowjetunion, in: Der Orient in deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst 1942. Hrsg. **H.-H.Schaeder**. Leipzig 1944, S. 18-26.

[13] **Dallin, Alexander**. Deutsche Herrschaft in Rußland. 1941-1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf 1958, S. 81.

[14] См. об этом подробнее: **Dallin, A.**, S. 82, 282-286.

[15] **Anderle, Alfred**. Antibolschewismus und "Ostforschung" bei der Vorbereitung des Zweiten Weltkrieges; in: Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle/Wittenberg, Bd. IX, 1959, S. 30.

[16] Цит. по кн.: **Cecil, Robert**. Hitlers Griff nach Rußland. Graz-Wien-Köln 1977, S. 160.

[17] Цит. по кн.: **Dallin, A.**, S.79.

[18] **Rüdiger, Karlheinz**. Die Freiheit Europas wird im Osten erkämpft, in: Nationalsozialistische Monatshefte, Heft 137, August 1941, S. 644-645.

[19] Цит по кн.: **Мюллер Н.** Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М.: Воениздат 1974, с. 139

[20] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918-1945. Serie D: 1937-1941. Band XIII, Dok.Nr.509.

[21] **Rüdiger, K**. Über den Lebensstil Osteuropas, in: National-sozialistische Monatshefte, Heft 141, Dezember 1941, S. 1013.

[22] **Dallin, A.**, S. 283.

[23] Цит. по кн.: **von zur Mühlen, Patrik**. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf 1971, S. 47.

[24] Приведу в связи с этим весьма показательный случай, произошедший в Берлине с видным представителем среднеазиатской эмиграции Мустафой Чокай-оглу, на которого среди бела дня на улице напал эсэсовец и надавал ему оплеух. Впоследствии нападавший объяснял свое поведение следующим: оказывается, он посмотрел пропагандистский фильм о "недочеловеках", и Мустафа Чокай-оглу оказался для него первым встреченным "экземпляром" таковых. См.: **von zur Mühlen, P.**, S. 56.

[25] PA AA - Bonn, Pol. XIII, Bd. 22, Nr. 203421.

[26] **Jacobsen, Hans Adolf.** Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener, in: **Broszat, M.**; **Buchheim, H.**; **Jacobsen H.A.**; **Krausnick H.** (Hrsg.) Anatomie des SS-Staates, Bd. 2. Freiburg 1965, S. 195.

[27] **von zur Mühlen, P.**, S. 48.

[28] **Датнер Ш.** Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. Пер. с польского. М., 1963, с. 147.

[29] Там же, с. 150.

[30] PA AA - Bonn, Pol. XIII, Allgemeine Akten, Bd.9, Nr. 200026.

[31] Ibid., Bd. 14, Nr.219004; Bd. 20, Nr. 204939.

[32] **Dallin, A.**, S. 284.

[33] Zeitschriftendienst, Nr. 7434, 21.8.1942; Nr. 8577, 26.3.1943.

[34] **Dallin, A.**, S. 284.

[35] BA-Potsdam, R58/225, Bl.268.

[36] **Dallin, A.**, S. 281.

[37] **Heiber, Hellmut** (Hrsg.). Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen. 1942-1945. Stuttgart 1962, S. 73-74.

[38] Подробнее об этом см.: **Гилязов И.** Указ. соч.

[39] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 42-44.

[40] **Мюллер Н.** Указ соч., с. 74.

[41] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1948, Bd. XXXVIII, S 88.

[42] **Rosenberg, A.** Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik. München, 1927, S. 97.

[43] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1947, Bd. XXVI, S. 549.

[44] Ibid., S. 610-627.

[45] Наиболее подробно см.: **Cecil, R.**, S. 158-172; **Dallin, A.**, S.56-70; **Reitlinger, Gerald.** Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland. 1941-1944. Hamburg 1962, S. 39-75, 150-168.

[46] Цит. по кн.: **Dallin, A.**, S. 69-70.

[47] Archiv der Zentralstelle des Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik - Berlin (BStU-Zentralarchiv), RHE 63/88/SU, Bd.2, Bl. 193.

[48] Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма. Пер. с нем. М., 1975, с. 254-255.

[49] Цит по кн.: **Карчевский Ю.В.**, **Лешкин Н.И.** Лица и маски. Уфа, 1982, с. 44.

[50] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.1-8.

[51] **Ибрагимбейли Х.-М.** Крах "Эдельвейса" и Ближний Восток. М.: Наука: 1977, с. 60.

[52] **Аморт, Ч.** Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР.-1966.-№2.-с. 188

[53] von **Herwarth, Hans.** Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931-1945. Frankfurt/Main-Berlin-Wien 1982, S. 242-243.

[54] Ibid.. Джеральд Райтлингер несколько иначе интерпретирует мнения Риббентропа и Шуленбурга, хотя и он подчеркивает, что в МИДе существовали разногласия по поводу будущего народов СССР: "Под влиянием сообщений фон Папена (германский посол в Турции - И.Г.) из Анкары Риббентроп поддержал независимость мусульманских народностей, в то время как бывший германский посол в Москве граф Вернер фон дер Шуленбург предлагал федеративное решение всей русской проблемы и даже возрождение русского господства над всеми меньшинствами" (**Reitlinger, Gerald**. Ein Haus auf Sand gebaut, S. 342)

[55] **Hostler, Charles Warren**. Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türken und der Türkvölker in der heutigen Welt. Frankfurt/Main;Berlin 1960, S. 143; **Önder, Zehra**. Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München 1977, S. 142.

[56] **Landau, Jacob**. Pan-Turkism in Turkey. A Study of Irredentism. London 1981; **Zenkovsky, Serge**. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambrige/Mass. 1960. На русском языке полномасштабное изучение явления тюркизма предпринял совсем недавно Р.Мухамметдинов: **Мухамметдинов Р.Ф.** Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР. СНГ 70-е гг. XIX в. - 90-е гг. XX в.). Казань, 1996

[57] **Hostler**, S. 174.

[58] **Önder**, S.144; **Önder, Z.** Panturanismus in Geschichte und Gegenwart, in: Österreichische Osthefte 19 (2): Maj 1977, S. 96-97.

[59] Наиболее подробную биографию Энвера-паши см.: **Aydemir, Sevket Süreyya**. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver-Pasa. Cilt 1: 1860-1908. Istanbul 1971; Cilt 2: 1908-1914. Istanbul 1971; Cilt 3: 1914-1922. Istanbul 1972.

[60] **Krecker, Lothar**. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt/Main 1964, S. 208.

[61] Ibid.

[62] **Jäschke, Gotthard**. Der Turanismus und die kemalistische Türkei, in: **Schaeder, H.H.** (Hrsg.) Der Orient in deutscher Forschung. Leipzig 1944, S. 251.

[63] **Brockelmann, Carl**. Das Nationalgefühl der Türken im Licht der Geschichte. Halle/S. 1918, S. 22.

[64] **Wippert, Karl**. Der Turanismus, in: Der Neue Orient (Berlin), 6 (4) 1922, S. 202-210.

[65] PA A A (Bonn), Pol.XIII, R 105196.

[66] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 27.

[67] PA AA-Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, Bl. 311698.

[68] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 42-44. Об Алимджане Идриси более подробно будет сказано ниже. Здесь отмечу только то, что в официальных немецких документах он называется Алимджан Идрис. Я же следуя традиции, буду именовать его как принято в татарской периодике - Алимджан Идриси.

[69] Ibid., Bl. 48.

[70] **Krecker**, S. 210.

[71] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 66-69.

[72] **Krecker**, S. 210-211.

[73] **Henderson, Alexander**. The Panturanian-Myth in Turkey Today, in: Asiatic Review 41 (1945), p. 88.

[74] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918-1945. Serie D: 1937-1941. Band XIII, 2: Die Kriegsjahre. Göttingen 1970, Nr.361, S.467-470.

[75] Здесь следует отметить, что уже 24 сентября 1941 г. глава Восточного министерства А.Розенберг обратился к Высшему командованию вермахта с аналогичной просьбой. Трудно судить, насколько эта просьба была связана с предложениями Нури-паши (ADAP.1918-1945, S.469). Тем более, как мы уже видели выше, посол **Ф.фон Папен** то же самое предлагал еще в конце июля. Хотя З.Ондер утверждает, что тюрко-мусульманские легионы и были созданы именно по инициативе Нури-паши (**Önder, Z.** Panturanismus..., S. 99).

[76] **von zur Mühlen, P.**, S. 84.

[77] **von Hentig, Werner Otto.** Mein Leben eine Dienstreise. Göttingen; Zürich 1962, S. 351.

[78] **von Mende, Gerhard**. Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges, in: Vielvölkerheere und Koalitionskriege. Darmstadt 1952, S. 25.

[79] ADAP. 1918-1945, Nr. 431, S.578.

[80] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 154-157.

[81] Ibid., Bl. 195.

[82] PA AA-Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, Bl. 311643-311645.

[83] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61175, Bl. 12.

[84] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88/SU, Bd. 3, Bl.111-112.

[85] **Ronneberger, Franz**. Türkismus und Turanismus, in: Volkstum in Südosten, Dezember 1942, S. 197-202.

[86] **von Hentig, W.O.** Turan-Tatarei, in: Zeitschrift für Politik, Bd.32, 1942, S. 185-188.

[87] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr.61175, Bl. 154.

[88] Ibid., Bl. 164.

[89] Ibid., Bl. 17-22.

[90] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd. 3, Bl.106-109.

[91] ADAP.1918-1945. Serie E: 1941-1945. Bd.1: 12.12.1941-28.2.1942. Göttingen 1969, Nr. 189, S. 348.

[92] **Glasneck, Johannes; Kircheisen, Inge**. Türkei und Afghanistan - Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost) 1968, S. 105.

[93] **Ülküsal, Müstecib**. Ikinci dünya savasinda 1941-1942 Berlin hatiralari. Istanbul 1976.

[94] **Glasneck**, S.109.

[95] BA-Potsdam, NS 31/29, Bl.31-32.

[96] Ibid., Bl. 36.

[97] Ibid., Film 2419, A 2696325-2696326.

[98] **Krecker**, S. 211.

[99] Ibid., S. 213.

[100] Ibid., S.215.

[101] **Önder**, Die türkische Außenpolitik, S.151.

[102] **Jäschke, G.** Die Türkei in den Jahren 1942-1951. Geschichtskalender mit Namen- und Sachregister. Wiesbaden 1955, S. 26.

[103] **Wiesband, Edward**. Turkish Foreign Policy 1943-1945. Smale State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton 1973, p. 243-246.

[104] **Krecker**, S. 221-222.

[105] **Крымский В.** Пантюркисты - фашистская агентура в Турции // Большевик.- № 10/11.-1944, с. 79.

[106] **Abdullah, Muhammad S.** Geschichte des Islams in Deutschland. (=Islam und westliche Welt, Band 5).Graz;Wien;Köln 1981, S. 13.

[107] Ibid., S. 15.

[108] **Seiler-Chan, Albert-Chalid.** Der Islam in Berlin und anderwärts in Deutschland, in: Moslemische Revue 10 (4) 1934, S. 53. Наиболее подробно об истории Вюнсдорфской мечети см.: **Höpp, Gerhard.** Muslime in märkischer Heide: Die Wünsdorfer Moschee 1915-1924, in: Moslemische Revue, 9 (Januar-März) 1989, S.21-28; **Höpp, G.** Die Moschee in Wünsdorf, in: Die Mark Brandenburg, Heft 19. Berlin 1996, S. 32-35; **Höpp, G.** Die Wünsdorfer Moschee: Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland, in: Die Welt des Islams, Bd. XXXVI, 2, 1996, S.204-218.

[109] **Höpp, G.** Die Moschee in Wünsdorf, S. 34.

[110] **von zur Mühlen, P.**, S. 35. Справедливости ради необходимо отметить, что цифры, приведенные в указанной книге фон цур Мюлена, без надлежащей проверки были мной использованы в одной из ранних статей (см.: **Гилязов И.** Там, в иных краях. - Татарстан. - № 3-4. - 1994. - с. 53)

[111] Фольклорные материалы в самом Вюнсдорфском лагере собирал, например, известный тюрколог Курт Вайль: **Weil C.** Tatarische Texte. Nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten. Berlin-Leipzig 1930. В другом лагере Эгер (в настоящее время Хеб) на территории Богемии музыкальный фольклор собирал Р.Лах, сказки и народные песни записывал И.Кунош (см.: **Какuк, Zsuzsa** (Hrsg.) Kasantatarische Volkslieder. Auf Grund der Sammlung von Ignac Kunos. Budapest 1980; **Какuк, Zsuzsa** (Hrsg.) Kasantatarische Volksmärchen. Auf Grund der Sammlung von Ignac Kunos. Budapest 1989.

[112] Сведения о газете "Эль-джихад" см.: **Höpp, G.** Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg 1915 bis 1945. Berlin 1994, S. 8-11, 60-61.

[113] Некоторые сведения о газете "Татар иле"и материалы из нее опубликованы.: **Гарифуллин Д.** Алман җирендә "Татар иле " // Гасырлар авазы - Эхо веков.- № 1/2.- 1996.- 221-226 б.

[114] **Höpp, G.** Zehrensdorf - ein islamischer Friedhof?, in: Moslemische revue, 14 (Oktober-Dezember) 1993, S. 215-223.

[115] По иронии судьбы это кладбище после окончания Великой Отечественнй войны оказалось в расположении Группы советских войск в Германии. За ним никакого ухода не было, и оно пришло в полное запустение, хотя некоторые намогильные памятники сохранились. В настоящее время берлинский профессор Герхард Хёпп ведет работу по восстановлению этого исторического памятника.

[116] См. материалы хроники в журнале "Moslemische Revue" 13 (3) 1937, S. 70.

[117] **Seiler-Chan, A.-Ch.**, S. 55.

[118] PA AA -Bonn, R 83817. Листы в данном деле, как и в некоторых других делах из этого архива, не пронумерованы, поэтому приводится лишь их сигнатуры.

[119] **Seiler-Chan, A.-Ch.**, S. 113.

[120] См. об этом обществе: **Гилязов И.А.** Общество поддержки российско-мусульманских студентов в Берлине. 1918-1925. // Гасырлар авазы - Эхо веков, № 3/4, 1996, с. 193-199. Здесь же опубликован Устав общества.

[121] PA AA -Bonn, Islam; R 78240.

[122] Ibid., R 104801.

[123] **Seiler-Chan, A.-Ch.**, S. 114.

[124] PA AA -Bonn, Islam, R 78240.

[125] Ibid., R 78241.

[126] Ibid., R 104801.

[127] **Abdullah, M.S.**, S. 29.

[128] PA AA (Bonn), Islam, R 104801.

[129] Brandenburgisches Landeshauptarchiv (Potsdam)-(BLHA), Rep.30 Berlin C Tit.148B, VR 12354 (Nr.2314), Bl.4, 25; PA AA, R 104801; **Abdullah, M.S.**, S. 30.

[130] Das Islamische Zentral-Institut zu Berlin.1927-1941. Berlin 1941, S.5

[131] BLHA (Potsdam), Rep.30 Berlin C Tit.148B, VR 12941 (Nr.2840).

[132] Ibid., VR 9828 (Nr.1523), Bl.1, 3, 22, 26.

[133] Ibid., VR 3906 (Nr. 513); VR 8769 (Nr.1350), Bl.12; VR 12354 (Nr.2314), Bl.18.

[134] **Kiram, Zeki.** Ein Moslem über das neue Deutschland. Hitler ist der berufene Mann, in: Moslemische Revue 14 (2), August 1938, S. 60.

[135] **vom Hofe, Klopp.** Panislamismus, Panarabismus und der europäische Krieg, in: Moslemische Revue 15 (3), Dezember 1939, S.76-79.

[136] В 30-е годы в Германии был опубликован целый ряд книг и статей, посвященных роли ислама в мире, в том числе и анализу положения мусульман в Советском Союзе, так что эта тема разрабатывалась довольно активно: **Benzing, Johannes.** Bolschewismus, Turkvölker und Islam. Ein Beitrag zur Nationalitätenpolitik des Bolschewismus, in: Osteuropa 13 (3) 1937-1938, S. 187-194; **Sabry, Mohammed.** Islam, Judentum, Bolschewismus. Steyl.Missionsdruckerei 1938; **Schmitz, Paul.** All-Islam. Weltmacht von morgen? Leipzig 1937; **Schmitz, P.** Moskau und die islamische Welt. München 1938; **Simon, Gottfried.** Islam und Bolschewismus. Wernigerode 1937.

ГЛАВА 2.
ПОПЫТКИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

На упомянутом выше совещании германского высшего руководства с участием Гитлера, Розенберга, Кейтеля, Геринга и Ламмерса 16 июля 1941 г. было заявлено: "Железным правилом должно стать и оставаться: Никому не должно быть позволено носить оружие, кроме немцев! И это особенно важно, даже если вначале может показаться легким привлечение каких-либо чужих, подчиненных народов к военной помощи - все это неверно! Когда-нибудь оно обязательно, неизбежно будет повернуто против нас. Только немцу позволено носить оружие, а не славянину, не чеху, не казаку или украинцу!"[1]

Как видно, сказано было очень категорично и, казалось бы, пересмотра этого жесткого запрета не должно быть и не будет. Но уже к концу 1941 и в течение 1942 гг. под знамена вермахта были поставлены десятки тысяч представителей народов СССР (конкретные цифры будут приведены ниже). В спешном порядке из них формировались Восточные легионы. С чем же был связан такой явственный поворот, такое серьезное изменение запланированной в начале войны политики? Что подтолкнуло германское военное и политическое руководство к созданию военных формирований из восточных народов?

Появление в составе германского вермахта боевых соединений из представителей разных народов Советского Союза явилось далеко не случайным явлением, а прежде всего следствием тех военных и политических обстоятельств, которые сложились к концу 1941 - первой половине 1942 гг.

Основной толчок к созданию Восточных легионов был дан очевидным провалом плана молниеносной войны.[2] К осени 1941 г. стало совершенно ясно, что "блицкриг" захлебнулся, что Германии следует готовиться к затяжной войне, в которой многое будет решаться и от состояния резервов: технических, материальных, людских. С этим у Германии обстояло далеко не гладко, резервов для длительных военных действий было явно недостаточно. Советский же Союз, который в начале войны оказался фактически в катастрофическом положении в результате политических и военных просчетов сталинского руководства, мог все-таки рассчитывать на постепенное наращивание своей мощи, опираясь на значительные людские и природные ресурсы, на психологический, патриотический подъем населения страны.

В качестве других важнейших обстоятельств, способствовавших созданию Восточных легионов, можно выделить следующее:

1. Наличие огромного количества советских военнопленных в руках Германии;

2. Активная германская пропаганда среди населения оккупированных областей СССР и против передовых частей Красной Армии. Это приводило к тому, что многие представители гражданского населения Украины, Белоруссии и

Прибалтики сотрудничали с немцами, что на немецкую сторону, особенно в первый период войны, перешло немалое количество солдат и офицеров Красной армии.

3. Позиция некоторых зарубежных стран, требовавших более человечного обращения хотя бы по отношению к тюркским, мусульманским военнопленным. Наибольшую активность проявляли при этом некоторые политики Турции. Сюда же я бы отнес и активность эмигрантских лидеров из представителей народов СССР, которые с началом войны заметно оживились.

Когда план "блицкрига" провалился, три названных фактора оказали свое влияние на позицию германского руководства. И оно, несмотря на различие точек зрения и серьезные противоречия между вождями и высшими государственными и военными учреждениями рейха, решило в своих интересах использовать сложившиеся обстоятельства. Поэтому будет вполне правомерно остановиться на них подробнее.

Военнопленные в Германии.

Общеизвестно, что нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. стало шоком для Сталина, для его окружения, для всего населения страны, и оно явилось настоящей катастрофой для тех, кто встретил врага первыми - для частей Красной Армии, располагавшихся в западных военных округах, для пограничников. Данные о потерях, в том числе и военнопленными, в источниках и литературе разных лет приводятся порой различные. Но все они жестоко красноречивы в одном - потери Красной Армии в годы войны, особенно в первый год военных действий, были колоссальными.

В середине июля 1941 г. многонациональная Красная Армия потеряла уже около миллиона своих солдат и офицеров, из которых 724 тысячи были пленены. В августе 1941 г. в районе Белосток-Минск потери пленными составили 332 тысячи человек, в районе Умани - 103 тысячи, под Смоленском и Рославлем - 348 тысяч, в районе Гомеля - 30 тысяч. В конце лета - начале осени безвозвратные потери советских военнослужащих, т.е. убитыми и плененными, только на Левобережной Украине составили 616 тысяч.[3]

К ноябрю 1941 г. по данным министра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга, в лагерях военнопленных находилось 3,6 миллиона красноармейцев.[4]

Авторитетный американский исследователь второй мировой войны Александр Даллин приводит цифру 3 миллиона 355 тысяч пленных на конец 1941 г.[5] Х.Штрайт приводит еще более высокую цифру - 3,9 миллиона человек, из них к февралю 1942 г. осталось в живых чуть более 1 миллиона, около 280 тысяч были из плена освобождены на условии сотрудничества с немцами, а остальные 2,6 миллиона - погибли.[6]

Специально занимавшийся изучением этого вопроса Альфред Штрайм приводит официальные данные на 1 мая 1944 г.: общее число военнопленных красноармейцев на этот день составляло 5 163 381 человек, из них погибло, было казнено в плену 2 420 000 человек. К концу 1944 г. численность военнопленных увеличилась еще на 147 тысяч человек. Исследователь считает, что всего за годы

войны в немецком плену погибло или было казнено минимум 2 545 000 советских военнопленных, уточняя, что речь идет именно о людях, которые имели статус военнопленных (т.е. в эту цифру не включены партизаны или гражданские лица).[7]

20 февраля 1945 г. в одной из справок германского учреждения "Fremde Heere Ost" была приведена наивысшая численность официально зарегистрированных на тот день советских военнопленных: 5 734 528 человек.[8] Согласно сведениям немецких историков 60-х годов общая численность советских военнопленных в 1941-1945 гг. дошла до 5,75 млн. человек, из которых 3,3 млн. человек погибли.[9]

Эти цифры, бесспорно, производят страшное впечатление... Они становятся страшными вдвойне, если учитывать и другое: люди, переживающие трагедию плена, своей собственной стране оказались не нужны, более того - она фактически бросила их на произвол судьбы, что было связано с известным сталинским представлением, автоматически превращавшим пленных красноармейцев в предателей и дезертиров.

После 1917 г. большевистское руководство официально не присоединилось к решениям Гаагских конференций 1899 и 1907 гг., на которых были приняты конвенции о законах и обычаях войны. Речь в конвенциях среди прочего шла и о режиме военнопленных. Условия содержания военнопленных еще более подробно были рассмотрены и в Женевской конвенции 1929 г. Советский Союз не подписал и этот международный документ.[10] Поскольку нормы международного права в отношении советских военнопленных в годы второй мировой войны оказались в силу этого недействительными, на них распространились нормы совершенно иные - сталинские. А они были на удивление "просты". Когда к Сталину обратились с предложением разрешить переписку и посылки для военнопленных - советских и немецких одновременно, он ответил: "Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, то он автоматически перестает быть русским. Мы не заинтересованы в установлении почтовой службы для одних немцев".[11] Официально же это мнение было сформулировано в Приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. Приведу несколько наиболее важных выдержек из этого документа, который был принят с грифом "Без публикации".

Пункт 1. "Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава".

Пункт 2. "Если такой начальник или часть красноармейцев вместо организованного отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен - уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, (...) семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи".[12]

Итак, истина для красноармейцев была проста: умирай, но в плен не сдавайся, иначе отвечать будешь не только ты сам, но и твои близкие. Обстоятельства, при которых солдат мог оказаться в плену, как видим, высшее руководство не интересовали вообще.

Вероятно не лишним будет здесь упомянуть и факты, которые до сих пор являются малоизвестными. В конце июня 1941 г., т.е. сразу после начала войны против СССР, немецкое правительство обратилось к Международному Красному Кресту с намерением договориться об условиях содержания военнопленных обеих сторон. До сентября 1941 г. списки советских военнопленных передавались правительству СССР (таково было одно из положений международных договоренностей о статусе военнопленных), но ответной реакции не было. Вообще вопрос о военнопленных в первые месяцы войны стал основанием для настоящей дипломатической игры воюющих сторон, в которую был вовлечен и Международный Красный Крест.[13] О реальных же положительных изменениях в положении военнопленных красноармейцев говорить не приходилось.

Зимой 1941-1942 гг. "немцы предприняли еще несколько попыток установить отношения с советскими властями, чтобы договориться о взаимном соблюдении Гаагской и Женевской конвенций, но вновь получили отказ". Отказ был дан и прямым запросам Красного Креста по этому поводу. 29 мая 1942 г., наконец, от имени советского руководства Молотов в категорической форме отказался подписать Женевскую конвенцию или соблюдать ее условия.[14] Здесь, конечно, уместен серьезный вопрос: что конкретно стояло за этими германскими предложениями, насколько далеко заходила искренность гитлеровского руководства в данном конкретном случае следовать букве международных соглашений? Тем более, если вспомнить, что 8 июня 1941 г. в те части вермахта, которые готовились к вторжению в СССР, был разослан пресловутый "Приказ о комиссарах", в котором предписывалось немедленно уничтожать "политических комиссаров". "Щадить их" и "обращаться с ними в соответствии с нормами международного права" считалось неправильным.[15] Приказ этот был принят к исполнению. Понятно, что под этот приказ можно было при желании подвести почти каждого военнопленного и им оправдать любую расправу. И о международном праве при этом как-то и не вспоминалось.

Заслуживает внимания и аргументация Х.Штрайта, который подвергает сомнению искренность гитлеровского руководства, которое в общем действительно не желало связывать себя соблюдением международных норм.[16] Историк объясняет свое мнение следующим: во-первых, Гитлер занимал непримиримую позицию и хотел сохранить за собой свободу действий в "ликвидации политически нежелательных неполноценных в расовом отношении" военнопленных; во-вторых, успех в войне казался так близок, что международные нормы казались германскому военному руководству пустыми формальностями; в-третьих, Гитлер и его генералы получали сведения о том, что будто бы все немецкие солдаты и офицеры, оказавшиеся в советском плену, поголовно расстреливаются (что в первые месяцы войны, кстати говоря, было не так уж далеко от истины[17]).

Так что ответить на поставленный выше вопрос однозначно довольно сложно, однако в любом случае, названные факты имели место и просто так отбрасывать их нельзя. Кстати говоря, отказ советской стороны поднимать проблему пленных впоследствие вполне осознанно и успешно использовался в немецкой военной пропаганде.[18]

К чему привела такая позиция советского руководства? Не только к тому, что солдаты и офицеры Красной Армии сражались до последнего (чего собственно и добивалась драконовскими мерами сталинская верхушка), но и к тому, что немецкая сторона к брошенным на произвол судьбы советским военнопленным относилась особенно жестоко. Содержание пленных английских, французских, американских разительно отличалось от условий, в которых оказались плененные солдаты Красной Армии. Последние находились в ужасающих условиях, очень часто под открытым небом, они тысячами умирали от голода и болезней. Зима 1941-1942 гг. выдалась суровой, и это только усугубило положение несчастных людей. Как пишет Х.Рашхофер, "военнопленные находились в ведении наступающих армий, (...) в большинстве случае армии считали обеспечение военнопленных делом второго ранга".[19] По официальным данным А.Розенберга, в декабре 1941 г. в немецких лагерях для военнопленных ежедневно погибало около 2500 человек.[20] В лагере военнопленных Ченстохово в Польше, где были сосредоточены уже отделенные представители тюркских народов СССР, из 30 000 человек лишь 2 000 смогли пережить эпидемию тифа.[21] П.фон цур Мюлен приводит такие сведения о смертности советских военнопленных: в первую военную зиму погибло от голода и болезней около двух третей всех представителей среднеазиатских (туркестанских) народов, а по некоторым данным - даже 85% из них.[22]

К тому же и пресловутое представление о "недочеловеках" свою роль в отношении к военнопленным советским солдатам и офицерам играло очень значительную. В первой главе уже говорилось о том, что карательные команды безжалостно расправлялись с пленными-мусульманами, "азиатами", так что многие из оказавшихся в руках врага солдат даже не добрались до лагерей военнопленных.

Чувствуя себя обреченными, военнопленные во многих случаях не выдерживали такого положения и предпочитали смерти очень нелегкую перспективу сотрудничества с врагом, становясь впоследствии основой для создания в составе вермахта и СС военных формирований из народов СССР. Среди них были и представители разных тюркских народов, тем более что в лагерях для военнопленных уже в конце лета - начале осени 1941 г. появились и начали активную работу специальные вербовочные комиссии Восточного министерства.

Германская пропаганда и перебежчики из Красной Армии.

В отечественной публицистике и литературе детище главного пропагандиста "третьего рейха" Йозефа Геббельса - Министерство народного просвещения и пропаганды, а значит и всей национал-социалистской пропагандистской машины, почти принято представлять как нечто карикатурное, даже не адекватное реальности, хотя в нашей историографии специального исследования на эту тему и нет. Действительно, нацистская политическая, военная пропаганда во многом была далека от реальности, лжива, на удивление субъективна, что для условий тоталитарного государства вовсе не случайно, скорее даже закономерно. Но тем не менее она являлась мощным средством воздействия на умы как военных противников Германии в период второй мировой войны, так и на мировую общественность. Она была наступательна, назойлива, особенно в критические

моменты войны, а когда чаша весов казалось бы склонялась в пользу Германии, добивалась определенных успехов.

На первом этапе войны пропаганда против Красной Армии носила явственный отпечаток эйфории от развивающегося наступления, она использовала больше словесную мишуру, стремясь в первую очередь психологически раздавить и без того потрясенных красноармейцев и играя при этом прежде всего на эмоциях. Руководство Германии безусловно понимало, что пропаганда - это мощный инструмент для проведения желаемой политики. По замечанию Ортвина Бухбендера, "зависимость от примата политики на Востоке была особенно сильно заметна".[23] Тем самым обусловливалось большое внимание к пропагандистской деятельности на фронте. Но за этим крылось и серьезное противоречие, которое в тех условиях устранить было невозможно: поскольку Гитлер при нападении на Советский Союз исходил лишь из колониальной идеи завоевания, порабощения и уничтожения, немецкая пропаганда часто оказывалась в тупике при выборе своей аргументации - проще говоря, ей приходилось объяснять "недочеловекам", что они и есть "недочеловеки", которые должны безропотно подчиняться "истинным арийцам". И все же действенности и результативности немецкой пропаганды на Восточном фронте полностью отрицать нельзя.

Подготовка войны против Советского Союза одновременно означала и подготовку пропагандистской войны, и началась она также задолго до военных событий. 1 апреля 1939 г. при Высшем командовании вооруженных сил - ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht - OKW) было создано подразделение "вермахтпропаганда". Перед самым нападением на Советский Союз при Министерстве пропаганды был организован "генеральный реферат Восточное пространство" (Generalreferat Ostraum) во главе с Эберхардом Таубертом, часто именуемый также "организацией Винета", который в 1943 г. был преобразован в "отдел Восток" ("Abteilung Ost"). Именно эти учреждения и стали основными центрами ведения пропагандистской работы на передовой линии фронта и среди "восточных добровольцев". Я не буду подробнее останавливаться на характеристике всех сторон деятельности этих учреждений. Внимательнее вглянем лишь на результативность немецкой пропаганды, а именно на факты перехода красноармейцев на сторону наступающей немецкой армии.

Воздействие на части Красной Армии осуществлялось разными способами - через радио, через громкоговорители, распространение листовок с текстами или изображениями, плакатов, брошюр. Цель в данном случае была одна - морально подавить боевой дух красноармейцев и призвать их к переходу на сторону немцев. За неделю до нападения на СССР, например, на пластинки были записаны подобные обращения, подготовленные на русском, украинском, кавказских и тюркских языках (в подготовке этого мероприятия принимал участие и Алимджан Идриси). Эти обращения многократно зачитывались затем через громкоговорители перед позициями Красной Армии.[24]

На различных языках народов СССР распространялись и письменные материалы. Таковых было великое множество. Приведу лишь несколько примеров: плакат с шифром Р 61, форматом 56 x 80 см с текстом "Народы Кавказа! Мы несем вам освобождение от большевистского ига! Приступайте теперь к работе!

Вы будете трудиться для себя и для вашей родины!" распространялся на русском, грузинском, армянском, азербайджанском, кумыкском, калмыцком, чеченском и татарском языках.[25]

Над позициями советских войск в 1942-1943 гг. разбрасывались среди многих и такие листовки:

№ Р186 - "Борись за свое будущее!" (русский, украинский, белорусский и татарский языки)

№ Р191 - "Молодежь - будущее народа" (русский, украинский, белорусский, литовский, латышский, эстонский и татарский языки)

№ Р194 - "Мы также сплачиваем свои ряды" (русский, украинский, белорусский, литовский, латышский, эстонский и татарский языки).

Кроме листовок, разбрасывались и брошюры, например, с грифом В 93 "Жизнь помощника люфтваффе" или же с грифом В 94 "Слова для молодых людей" (обе брошюры были отпечатаны на русском, немецком, украинском, белорусском, литовском, латышском, эстонском и татарском языках).

На изготовление пропагандистских материалов средств не жалели, они публиковались громадными тиражами в фирме "Войшник" (имевшей монополию на публикацию), специальными поездами доставлялись на фронт и разбрасывались над позициями Красной Армии. Например, только за три месяца 1943 г. (с 7 мая до конца июля) самолетами или специальными пушками было разбросано свыше одного миллиарда листовок, а текст приказа ОКВ № 13 от 21 апреля 1943 г., инициирующий переход на сторону немцев и переведенный на разные языки, в том числе и татарский, в июне 1943 г. был распространен тиражом около 200 миллионов экземпляров.[26]

Листовочная пропаганда, конечно, активизировалась при подготовке наступательных операций. При этом темы для пропагандистских материалов продумывались вполне серьезно. О.Бухбендер проанализировал тематику немецких листовок на передовой, взяв за основу определенное время (август 1942 г.) и определенное место (район наступления 6-ой армии в направлении Сталинграда). Тогда было распространено листовок тиражом около 45 миллионов, и из них: около 24% по содержанию было посвящено положению на фронте и успехам германской армии, 17% - антибольшевистской тематике, 15% - призывали бойцов Красной Армии переходить на сторону немцев и 11% описывали благоприятное отношение немцев к военнопленным. Среди прочих тем: антисемитизм, положение Красной Армии, лживость советской пропаганды, международное положение, аграрная реформа, национальный вопрос в СССР.[27] Как видим, значительное число материалов, а именно более четверти, было посвящено такой цели как разложение Красной Армии изнутри. При этом почти каждая листовка снабжалась так называемым "пропуском" для перебежчиков, которые разбрасывались также и отдельно. Они также переводились на различные языки: русский, украинский, белорусский, грузинский, азербайджанский, армянский, узбекский, татарский. Первые официальные "пропуски" на кавказских и тюркских языках по мнению О.Бухбендера были отпечатаны в первой половине февраля 1942 г., когда немецкая армия развивала наступление в Крыму, после этого численность отпечатанных листовок на этих языках возросла многократно.[28]

Отмечу, что "пропуск" на татарском языке был выполнен и на арабской графике, и на кирилице. Если на арабской графике орфография текста ошибок почти не имеет, то текст на кирилице вообще не подчинен никаким правилам. Приведу такой образец, полностью сохраняя орфографию подлинника:

"Пропуск.

Муне курсятучи яхудилэр хям камиссарлар учун магнясиз кан тугэргэ тилями.

Ул, кирилган, джинилгэн кызел армияни ташлаб, нимеслэр тэрафина чыга.

Нимес афицер хям салдатлары, уз ихтияры блэн чикганларны бик яхшы каршы алыб, тамакларын туйдыргандэн сун, бирэр иш блэн мэшгул булурга тиляганлэргэ, иш табуб бирэлэр.

Бу пропуск бир киши учун булган киби, шулаюк нимеслэр тарафина чыгучы хисабсыз куб кызел армия салдат хям афицерляры учундэ була ала."[29]

Несмотря на жесточайший контроль со стороны офицеров и политруков, листовки эти явно читались многими солдатами и офицерами Красной Армии. По немецким данным военного времени, почти каждый перебежчик или пленный имел при себе несколько пропагандистских листовок. Хотя о доверии к немецким листовкам, брошюрам со стороны советских солдат судить опять-таки очень сложно, она имела и желаемые для немцев последствия, что проявлялось в многочисленных фактах перехода красноармейцев, в особенности в критические моменты германского наступления. Даже жестокие сталинские указания относительно судьбы пленных и их семей при этом отходили на второй план. Это подтверждается конкретными цифрами.

В мае 1942 г. число официально зарегистрированных германской стороной перебежчиков составило 10 962, в июне - 9 136, июле - 5 453, августе - 15 345, сентябре - 15 011, октябре - 13 299, ноябре - 4 837, декабре - 5 276, итого за этот период 1942 г. 79 769 человек. В 1943 г. число их сократилось значительно, составив в целом 26 108 человек.[30] Развитие военных событий и явственный перелом в ходе войны в пользу Красной Армии, оказали, понятное влияние на сокращение числа перебежчиков. Очень часто переходу способствовали скорее чисто меркантильные соображения сохранить жизнь, чем доверие немецкой пропаганде, поэтому вплоть до последних месяцев войны вермахт регистрировал перебежчиков: известен факт, что даже в феврале 1945 г., когда подразделения Русской Освободительной армии генерала Власова провели свой первый пробный бой с наступающими частями Красной Армии на реке Одер, на сторону власовцев перешли более сотни красноармейцев.[31]

Наличие тысяч перебежчиков в рядах вермахта заставляло германское командование выработать определенную линию отношения к ним, так как в начале войны задача была понятна - "разложить изнутри Красную Армию", способствовать переходу красноармейцев на сторону немцев, но ясного представления о том, что делать с подобными перебежчиками, каков их правовой статус, вообще не имелось. Поэтому в марте 1942 г. и апреле 1943 г. в целях оптимизации работы с перебежчиками были даны необходимые разъяснения.

7 марта 1942 г. был подписан приказ Высшего командования сухопутных войск - ОКХ (Oberkommando des Heeres - OKH) об обхождении с перебежчиками.[32] В

приказе речь шла о следующем. Предполагалось, что в самое ближайшее время активная пропаганда против Красной Армии еще больше оживится (вспомним, что это был канун немецкого наступления в кавказском направлении). Было обращено внимание на серьезный недостаток: обещания, которые даются перебежчикам, не выполняются. Катастрофические условия содержания военнопленных советских солдат в лагерях стали известны в Красной Армии, что резко подрывало доверие к немецкой пропаганде. Для исправления существующего положения в этом документе прослеживались те правила, которыми должны были руководствоваться немецкие солдаты и офицеры при обхождении с перебежчиками: "каждый из них должен был получить соответствующее удостоверение, и никакая инстанция отобрать у него этот документ не может. В удостоверении должна быть указана национальная принадлежность. (...) Насколько возможно перебежчику должен быть обеспечен уход, в любом случае он должен быть отделен от остальных военнопленных, и должен иметь перед ними предпочтение в размещении и обеспечении". Перебежчики после этого доставлялись в специально созданные лагеря - "дулаги" (от немецкого Durchgangslager - проходной, переходный лагерь), где проводилась их проверка "на безопасность" и выяснялась возможность их дальнейшего "использования" (в качестве вспомогательного персонала или же в качестве легионера). Они могли быть сразу использованы на легких трудовых работах или в качестве надсмотрщиков.

Упоминавшийся выше приказ ОКХ № 13 от 21 апреля 1943 г. окончательно определил позиции немецкой стороны по отношению к перебежчикам, тесно связав их перспективы с формированием Восточных легионов и других "добровольческих" соединений. Многомиллионными тиражами он был отпечатан на русском языке и разбрасывался над позициями советских войск. По содержанию он во многом схож с предыдущим приказом, но все же более конкретен в определении статуса перебежчиков: "Каждого военнослужащего Красной Армии (офицера, политработника, бойца и др.), покинувшего свою часть и самостоятельно или в составе группы добровольно являющегося к нам считать не военнопленным, а добровольно перешедшим на сторону Германской Армии. Всех офицеров и солдат Красной Армии, добровольно переходящих к нам, следует рассматривать как противников Советской власти и в соответствии с этим с ними обращаться".[33] Появление политической мотивации для перехода на сторону немцев в этом документе вполне симптоматично. Положения приказа об обращении с перебежчиками, их обеспечении не дают почти ничего нового по сравнению с предыдущим документом, но об их последующем использовании даны совершенно новые указания: "добровольно перешедшему предоставляется 7-дневный срок для решения о его вступлении: в Русскую Освободительную Армию, в один из национальных освободительных отрядов (украинский, кавказский, казачий, туркестанский, татарский), добровольцем в тыловую часть или на работу в освобожденных от большевизма областях. При этом принимать во внимание специальную подготовку каждого в отдельности".

Хотя фактор добровольности в этом приказе повторяется чуть ли не в каждой фразе, вряд ли она была полной - судьбу перебежчиков скорее решали немецкие

военные и гражданские чиновники в своих конкретных интересах, но в любом случае бесспорно то, что тысячи перебежчиков из Красной Армии составили еще один из потенциальных людских резервуаров для формирования Восточных легионов.

Позиция зарубежных стран и старых эмигрантов.

Свою роль в создании Восточных легионов сыграла и позиция некоторых представителей старой эмиграции в Центральной и Западной Европе, и осторожное давление, оформленное в виде пожеланий, со стороны зарубежных стран.

В первой главе уже говорилось о том, как некоторые немецкие политики и дипломаты в период войны пытались разыграть "пантуранистскую" карту, чтобы привлечь на свою сторону Турцию и что из этого получилось. Такие личности как Нури Киллигиль, Хюсню Эмир Эркилет, Али Фуад Эрден своей активностью стремились обратить внимание германского руководства на судьбы военнопленных из тюркских народов. Их деятельность поддерживалась и крупными немецкими чиновниками, среди которых особенно выделялись посол Германии в Турции фон Папен и дипломат фон Хентиг.

Повторю уже упоминавшийся факт поездки двух турецких генералов Эрдена и Эркилета в начале октября 1941 г. на советско-германский фронт, а именно на Крымский полуостров. Оба генерала, как уже упоминалось, высказали свое беспокойство за судьбу тюркских военнопленных, а их визит, как считал Герхард фон Менде, стал последним толчком к созданию Восточных легионов.[34] Более осторожен был в высказываниях относительно судьбы тюркских народов турецкий премьер-министр Сараджоглу, но и он все-таки пожелал облегчения участи военнопленных тюрко-мусульман.[35] О позиции Турции по вопросу о военнопленных постоянно сообщал посол фон Папен: так, 25 июля 1941 г. он призывал германское руководство "в известной мере поддержать старания Турции - обязательно и срочно изолировать тюрко-мусульманских военнопленных". Как перспективу он видел следующее: через надежных людей организовать их переобучение, проводить активную пропаганду, чтобы впоследствии использовать их в военных действиях".[36]

24 ноября 1941 г. и германский дипломат Рудольф Надольны сообщал в МИД фон Хентигу, что и официальные турецкие лица, и представители тюркской эмиграции предлагают облегчить положение военнопленных, разделить их в лагерях по национальному признаку и соответственно улучшить их обеспечение.[37]

Конечно, высказывания зарубежных политиков, в особенности турецких, можно лишь с большой долей условности именовать давлением на Германию. Они в конечном счете привлекали больше внимания чиновников МИДа, чем всего политического руководства рейха, и погоды не делали. Тем более, что в ходе войны МИД был отстранен от работы с советскими военнопленными и создания Восточных легионов. И все же определенный фон эта позиция создавала.

Большую напористость и меньшую осторожность демонстрировали представители старой эмиграции. Но к ним отношение в Германии было весьма неоднозначным. Более подробно о вопросах политического сотрудничества старой эмиграции с нацистским режимом еще будет сказано в специальной главе, поэтому

остановлюсь лишь на некоторых моментах, имеющих отношение к судьбам тюрко-мусульманских военнопленных.

Среди крупных лидеров тюркской эмиграции из СССР, которые в начале войны выражали свое пожелание помочь в облегчении судьбы сотен тысяч своих соплеменников, оказавшихся в плену, были Мехмет Амин Расул-заде, Мустафа Чокай-оглу, Гаяз Исхаки, Джафер Сеидамет, Эдиге Кирималь, Ахмед-Заки Валиди, Абдул-Гани Усман, Вели Каюм-хан и др. Некоторые из них, даже если и имели отрицательное отношение к нацистскому режиму, уже осенью 1941 г. высказывали пожелание приехать в Германию и как-то содействовать в работе с военнопленными: но не было позволено въехать в Германию, например, Ахмеду Заки Валиди и Гаязу Исхаки. За последнего хлопотал перед германским МИДом турецкий генерал Эркилет: 10 октября 1941 г. он направил письмо фон Хентигу, заметив, что Исхаки имеет типографию в Берлине и мог бы тотчас организовать издание газеты для тюркских военнопленных и вообще помочь в налаживании германо-турецких отношений.[38] Более удачной оказалась инициатива предпринимателя Ахмеда Вали Менгера, о чем я уже также упоминал выше - ему было во всяком случае позволено въехать в Германию: он вместе с Алимджаном Идриси посетил в МИДе фон Хентига 14 октября 1941 г. В беседе он выразил настойчивое желание помочь Германии в работе с тюркскими военнопленными: при их регистрации, установлении личности, а также поставлять для военнопленных через турецкое Общество Красного Полумесяца пищу и одежду.[39] В сохранившихся документах, к сожалению, нет более подробных сведений о том, сумел ли реализовать Менгер свои пожелания, известно лишь, что он в годы войны осуществлял крупные коммерческие операции в европейских и восточных странах.

Те же эмигранты, которые уже достаточно давно находились в Германии, по мере сил старались как-то изменить положение тюрко-мусульманских военнопленных, среди них особенно отмечу Абдул-Гани Усмана, Мустафу Чокай-оглу, Вели Каюм-хана, Алимджана Идриси, хотя порой только на условии сотрудничества с режимом. Они входили в состав комиссий Восточного министерства, которые инспектировали лагеря военнопленных и осуществляли их разделение по национальному признаку. Один из известных лидеров среднеазиатской эмиграции Мустафа Чокай-оглу во время пребывания в лагере Ченстохово заболел тифом и скончался в декабре 1941 г.

В продолжение высказанных представлений отмечу и следующее: кроме названных факторов важен для германского руководства был и фактор психологически-пропагандный. Т.е. освобождение из плена и привлечение в качестве союзников представителей тюрко-мусульманских народов СССР должно было, по мнению немецких официальных лиц, оказать влияние как на эти народы в целом и расколоть советское общество, так и повлиять в какой-то степени на мировое общественное мнение, прежде всего, конечно, на мусульманские страны. Как выяснилось, однако, полностью поставленной таким образом цели добиться не удалось. Большинство мусульманских стран, а в особенности Турция, на которую Германия возлагала определенные надежды, сохраняло в годы войны осторожность и нейтралитет, хотя и высказывало свои симпатии политике Германии по отношению к тюрко-мусульманским военнопленным. О расколе в

советском обществе на основе национальных противоречий и говорить не приходится - подавляющее большинство многонационального населения СССР воспринимало гитлеровскую Германию как своего основного врага, и дух патриотизма в стране был очень высок.

Итак, мы проследили те обстоятельства, которые и стали основанием для создания Восточных легионов. Теперь же подробнее рассмотрим саму их военную историю, обращая наше основное внимание Волго-татарскому легиону или легиону "Идель-Урал".

Создание Восточных легионов.

Было бы ошибочно полагать, что создание военных формирований из представителей различных народов Советского Союза было абсолютно случайным и вызванным к жизни исключительно стечением обстоятельств, которые в основном для Германии были неблагоприятны. Оказывается, этот вариант обсуждался и продумывался в самом начале войны против СССР, правда, решения не получил и был отложен на неопределенный срок.

30 июня 1941 г. состоялось специальное заседание Министерства иностранных дел Германии под председательством посла Риттера. На заседании обсуждался вопрос о добровольческих соединениях и возможности их использования в борьбе против СССР. При этом было заявлено, что два соображения имеют значение для создания добровольческих соединений: количество желающих (вероятно, однако, что здесь желаемое выдавалось за действительное - "многих желающих" через неделю после начала войны еще явно не было, хотя, конечно, на совещании речь шла обо всех европейских странах) и политический, пропагандистский мотив воздействия на население европейских стран. Как видим, те мотивы, о которых мы уже сказали выше, продумывались германской верхушкой еще до того, как они действительно встали во всей своей остроте. На заседании обсуждались возможности создания соединений из представителей европейских стран, в том числе прибалтийских и СССР. МИД идею в целом одобрил, посчитав, что создание подобных соединений может быть осуществлено при ОКВ или же при Главном управлении СС, они будут носить закрытый характер и иметь немецкую униформу.[40] В начале июля этот вопрос был рассмотрен и одобрен также и заинтересованными военными инстанциями - ОКВ и Главным управлением СС с уточнением, что подобные формирования могут находиться только в резерве, на территории соответствующих стран и под полным контролем немецких дипломатических представительств.[41] И здесь ответственные чиновники МИДа проявили особую осторожность по отношению к эмигрантам, в особенности из народов СССР - 2 июля 1941 г. государственный секретарь Эрнст фон Вайцзеккер ясно заявил официальную позицию: "русские (имеются виду, конечно, не только этнические русские, а все выходцы с территории Советского Союза - И.Г.) эмигранты заявили о своей готовности воевать против СССР в качестве добровольцев. Их желание надо приветствовать, но регистрировать их в таком качестве нельзя, так как создание таких соединений не предусмотрено. Мы не имеем никакого интереса в подобном представительстве русских эмигрантов".[42] Итак, вопрос о добровольцах обсуждался уже в самом начале войны, но он так и остался

на стадии обсуждения, и никакого решения относительно создания вооруженных формирований, по крайней мере, из народов СССР тогда принято не было. Причина тому - общая установка на военную победу Германии, причем только своими силами.

Военные действия продолжались, в германском плену оказались сотни тысяч красноармейцев, десятки тысяч перебежчиков. Уже тогда в первую очередь командирам наступающих частей вермахта пришлось столкнуться с проблемой: что делать с той частью военнопленных, которые выразили согласие перейти на сторону немцев?[43] Никаких уточнений и директив сверху по этому поводу не было. Поэтому, как это ни удивительно, многие армейские командиры начали действовать на свой страх и риск, создавая из таких людей пораделения так называемых "хивис" (от немецкого Hilfswillige - "желающие помочь"). Конечно, не могло быть и речи о вооружении "хивис", речь шла об использовании их на различных вспомогательных работах: в роли, например, переводчиков, конюхов, подносчиков снарядов, помощников на кухне, ремесленников, возниц и т.п. Отдельные немецкие военачальники, например, командующий группой армий Центр фон Браухич, даже выступили с инициативой создания из "хивис" специальных русских вспомогательных сил.[44] Инициатива не нашла ответа (и это, кстати, явилось одним из факторов, которые стоили Браухичу карьеры - Гитлер поначалу ни о каких "добровольцах" и слышать не желал), но все же количество "хивис" на Восточном фронте было очень значительным, достигая в некоторых частях до 10-15% от их состава. Со временем все же реалии жизни взяли свое, "хивис" были признаны официально, был даже установлен конкретный статус "хивис", что проявилось в назначении им денежного жалования: такие лица подразделялись, видимо, по уровню доверия к ним, на три группы: представители первой группы получали 375 руб. или 30 рейхсмарок в месяц; 2-ой - соответственно 450 или 36; третьей - 525 или 42 (данные марта 1943 г.)[45]

Стихийное возникновение подразделений "хивис" стало одним из первых шагов на пути создания военных формирований из восточных народов. Причем и в этом вопросе довольно долгое время официального соизволения не было. Гитлер и его окружение колебались, и не могли отказаться от предвоенной доктрины, тогда как отдельные инстанции, особенно Министерство по делам оккупированных восточных территорий, а затем уже и ОКВ, начали в конце лета 1941 г. мероприятия по отделению тюрко-мусульманских военнопленных от остальных. На начальном этапе в этот вопрос активно вмешивалось и Министерство иностранных дел.[46]

Когда же началось отделение тюрко-мусульманских военнопленных, и когда были составлены комиссии по отделению? Точного ответа на этот вопрос нет, так как многое делалось при этом спонтанно и без официального разрешения.

Первым из крупных германских чиновников, кто заговорил о необходимости отделения тюркских военнопленных, был, как уже упоминалось, посол фон Папен, предлагавший это мероприятие 25 июля 1941 г. Турецкий политик Нури Киллигиль настаивал на этом 17 сентября 1941 г. во время своего визита в Германию: он высказал просьбу отделить всех тюркских военнопленных в особый лагерь по образцу лагеря в Вюнсдорфе в период первой мировой войны, чтобы

впоследствии использовать их как армию пантуранистского движения, союзного Германии (об этом также уже говорилось в первой главе).[47] Почти в те же дни сентября 1941 г. глава Восточного министерства А.Розенберг обратился к Высшему командованию вермахта с аналогичной просьбой, также назвав в качестве образца лагерь в Вюнсдорфе. На это 24 сентября он получил ответ руководителя Отдела по работе с военнопленными ОКВ генерал-полковника Брайера о том, что ОКВ не в состоянии по-настоящему организовать такую работу, так как пленных скопилось неожиданно много. Брайер обещал, что в ближайшем будущем, как только такая возможность предоставится, ОКВ сразу же займется указанным вопросом.[48] 2 октября свою поддержку идее отделения мусульманских военнопленных высказал министр иностранных дел Риббентроп.[49] И именно в октябре 1941 г. под обсуждавшийся долго вопрос была подведена официальная база: 14 октября был дан приказ ОКВ № 6577/41 об отделении тюркских военнопленных от остальных плененных красноармейцев и размещении их в специально отведенных лагерях на территории Прибалтики, Украины и Польши. Одним из крупных сборных пунктов мусульманских военнопленных стал тогда шталаг (от немецкого Stammlager - основной лагерь) 1 Ц Хайдекруг (Восточная Пруссия). Для Восточной Пруссии при этом скорее всего делалось исключение, так как на территорию "третьего рейха" ввозить военнопленных из оккупированных областей запрещалось, на этот счет существовало строгое указание Гитлера - они могли размещаться только на оккупированных территориях, например, на Украине или в Польше. Особенно строгим такой запрет был относительно пленных "азиатского происхождения". "Попадание азиатов (или монголов) для работ в рейхе должно быть абсолютно исключено",- такие слова Гитлера от 4 июля 1941 г. приводил один из высших германских чиновников доктор Круль впоследствии на заседании Нюрнбергского международного трибунала.[50] Правда, в ходе войны такой строгий запрет был, очевидно, снят. Известны многочисленные случаи транспортировки военнопленных на территорию Германии уже в начальный период войны. В военном дневнике германского Генштаба за 16 ноября 1942 г. есть запись: "Фюрер решил, что Восточные легионы, включая и предварительные лагеря, должны быть переведены из генерал-губернаторства на территорию рейха".[51] Возможно, что тем самым предполагалось усилить контроль за военной подготовкой и пропагандистской обработкой будущих легионеров, оторвать их от возможной на территории Польши "вражеской" пропаганды.

Сборных лагерей осенью 1941 - весной 1942 гг. вблизи передовой линии фронта было создано немало. К сожалению, наши сведения об этом далеко не полны, но можно привести некоторые данные о пунктах сбора нерусских военнопленных конца весны-начала лета 1942 г.: туркестанцы собирались в лагере Ромны (с 8 июня 1942 г.), грузины - в Гадяче (с 18 июня 1942 г.), азербайджанцы - в Прилуках (с 20 июня 1942 г.), армяне - в Лохвице (с 24 июня 1942 г.), представители северокавказских народов - в Миргороде (с 14 июня 1942 г.), а лагеря Хорол (дулаг 160, с 29 мая 1942 г.) и Лубны (дулаг 132, с 11 июня 1942 г.) являлись смешанными - в них доставлялись все военнопленные, которых затем разделяли по национальному признаку. Обратим внимание на то, что для удобства дальнейшей транспортировки военнопленных лагеря, как правило, располагались

на крупных железнодорожных станциях. Большинство из размещенных на территории Украины военнопленных составили основу создаваемой 162 тюркской дивизии. Хотя на тот момент еще не было приказа о создании Волго-татарского легиона, татары также отделялись от остальных пленных, среди них уже тогда проводилась вербовка в легион: комендант всех указанных лагерей сообщал 20 июня 1942 г., например, что в лагере Хорол из 9450 пожелавших записаться в легионеры татар было 1043 человека.[52]

31 октября 1941 г. ОКВ докладывал о первых итогах работы, и это важно подчеркнуть, именно в МИД: число зарегистрированных военнопленных из тюркских народов на тот день доходило до 55 тысяч, из них около 5 тысяч - в Восточной Пруссии. Из зарегистрированных военнопленных комиссиями Восточного министерства уже было отобрано для сотрудничества 5600 человек (особенно в качестве пропагандистов).[53]

И все же работа эта была организована из рук вон плохо: вопросы размещения, обеспечения пленных не были улажены, так что положение отделенных мало чем отличалось от положения остальных, и в специальных лагерях пленные умирали сотнями и тысячами от голода и холода, о чем с определенной тревогой говорилось в указанном докладе ОКВ. Свое неудовлетворение организацией работы выражали и представители МИДа. 15 ноября 1941 г. уже знакомый нам Гросскопф сообщал своему шефу Риббентропу о первых итогах деятельности комиссий в лагерях. Серьезную ошибку он видел в том, что из директивных документов совершенно неясно, представители каких восточных народов должны целенаправленно отделяться от других военнпленных, "поэтому, например, поволжские татары и узбеки остаются вне этого приказа". Гросскопф выражал недоумение по поводу того, что "директива ОКВ оперирует термином "азиаты", а это, по его мнению, имело "определенный оттенок пренебрежения". Он предлагал уточнить это название и употреблять либо общепринятые этнонимы, либо обобщающие термины вроде "тюркские народы СССР" или "мусульмане".[54]

Похожие трудности для немецкой стороны, связанные прежде всего с организацией этого мероприятия, имели место и позднее: например, 18 сентября 1942 г. ОКХ сетовало на них в справке, отправленной в Восточное министерство. Представитель Министерства Отто Бройтигам в своем ответе призвал военные власти активизировать эту работу, учитывая ее "огромное политическое значение".[55]

Собственно же комиссии по работе с военнопленными начали свою работу в лагерях в конце августа 1941 г. Всего по данным Патрика фон цур Мюлена было создано от 25 до 30 комиссий общей численностью состава от 500 до 600 человек.[56] Возможно более точная цифра - 25 комиссий, функционировавших в начале ноября 1941 г., приведена в справке по МИДу, составленной Эрнстом Вёрманном.[57] В комиссии входили вначале исключительно немецкие чиновники от Министерства Розенберга и многократно проверенные старые эмигранты, впоследствии в них начали включаться и согласившиеся на сотрудничество бывшие военнопленные. Задачи комиссий были довольно расплывчаты: посещение лагерей, составление списков тюрко-мусульманских военнопленных. Конечно, такие списки позже нашли свое практическое применение при организации

Восточных легионов. Комиссии "должны были проверять отобранных военнопленных с точки зрения их благонадежности и определять, куда следует направлять каждого в отдельности. Для достижения этой цели после тщательнейшей проверки были назначены лица из эмигрантов, а наиболее надежным из них доверено руководство отдельными комиссиями". По мнению Арно Шикеданца, "будущего", но так и не состоявшегося "рейхскомиссара" Кавказа, "комиссии проводили значительную работу в смысле обеспечения и сохранения рабочей силы военнопленных и оказали большую помощь комендантам лагерей".[58] Однако с этим мнением соглашались далеко не все.

В ходе работы комиссий осенью 1941 - зимой 1942 г. явственно наметился один из первых серьезных конфликтов между германскими официальными учреждениями - между Министерством иностранных дел и Министерством по делам оккупированных восточных территорий (Восточным министерством). Вызвано это, на мой взгляд, было не только тем, что полномочия, функции их по отношению к оккупированным территориям не были четко определены и разделены изначально, но и тем, что в "третьем рейхе" с его возникновения шла непрерывная борьба за власть между отдельными "вождями", жестокая конкуренция между учреждениями. Война не смогла положить конец этим разногласиям, в отдельных случаях они даже еще более обострились. Два указанных Министерства не являлись исключением: они постоянно бомбардировали высшее руководство просьбами придать им больше полномочий, обвиняя своих соперников в некомпетентности и вмешательстве в их дела. Один из примеров недовольства германского МИДа работой комиссий по отбору военнопленных был приведен выше. Упомяну еще один очень красноречивый документ: 25 февраля 1942 г. фон Хентиг докладывал Риббентропу о работе комиссий ведомства Розенберга: "Татарским вопросом занимаются и Восточное министерство и МИД. Если в уже занятых областях, например, около Вильны, есть татарские поселения, то это правомерно. А вот другими татарами пусть Восточное министерство не занимается - это прерогатива МИДа. Восточное же министерство создало свои комиссии, занимается пропагандой среди военнопленных. А эти комиссии в конечном счете только устанавливают, кто из военнопленных мусульманин. А ведь важно не только констатировать, что он Мустафа или Мухаммед, важно установить его способности, выяснить его прошлое, его готовность к сотрудничеству. (...) Восточное министерство уже делит портфели для незахваченных еще территорий, у них уже есть кандидат на пост ректора Казанского университета!".[59] Фон Хентиг отмечал, что он обращался в Восточное министерство с просьбой прояснить ситуацию, но никакого положительного ответа не получил. Он выразил мнение, что именно МИД - наиболее компетентный орган в решении судеб других народов, мотивируя это тем, что эти вопросы влияют на отношения Германии с Ираном, Афганистаном, Китаем, Индией и Турцией. Но и противоположная сторона в долгу не оставалась. "Шаги, предпринятые МИД, прекратили нормальное развитие нашей деятельности. Уже один факт вызова представителей старой эмиграции в Берлин для политических переговоров, привел к волнению среди эмиграции. (...) Кроме того, Министерство установило связь между этими лицами и кавказскими легионами, находящимися на стадии фор-

мирования, в результате чего возникли сомнения и беспокойство в этих легионах в отношении политических целей империи. Предупреждения Восточного министерства остались безрезультатными",- так уже от имени Восточного министерства оценивал ведомственные противоречия осени 1941 г. Арно Шикеданц на допросах в Нюрнберге.[60]

Несколько забегая вперед, отметим, что одно из первых противостояний закончилось поражением МИДа, который осенью 1941 г. проявлял особую активность в работе с тюрко-мусульманскими военнопленными: министерство было отстранено от этой практической работы и вообще от формирования национальных воинских частей в составе вермахта и СС. Этому вероятнее всего способствовали и фиаско с розыгрышем пантуранистской карты, и то, что Розенберг сумел в конечном счете предстать перед Гитлером в наиболее выгодном свете.

Своим путем осенью 1941 г. пошли абвер и командование отдельных военных частей. 6 октября 1941 г. генерал-лейтенант Вагнер (ОКХ) дал директиву командующим тылами в районах действий групп армий Север, Центр и Юг в порядке опыта создать из военнопленных казачьи добровольческие сотни и использовать их в борьбе против партизан. Этот факт И.Хоффманн считает "днем рождения восточных отрядов".[61] Опыт этот, вероятно, германское командование удовлетворил, так как 16 ноября уже каждая дивизия в указанных областях получила приказ о создании при них кавалерийских казачьих сотен. А за день до этого в приказе конкретно были упомянуты и представители нерусских народов.

15 ноября 1941 г. ОКХ дало приказ командующему тылом группы армий Юг создать при каждой дивизии по одной сотне из "военнопленных туркестанской и кавказской принадлежности". Путаница в этнонимах в приказе была удивительна. К "кавказцам" были причислены: адыгейцы, анварцы (так в тексте приказа; речь, может быть, идет об аварцах - И.Г.), азербайджанцы, осетины, башкиры (!), лезгины, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, грузины, дагестанцы, тичинцы (?); к "туркестанцам" - калмыки, монголы, татары, туркмены, турки, узбеки, киргизы, эстонцы (!?), казахи и опять-таки башкиры (!). Созданные сотни были объединены затем при 444-ой дивизии под Запорожьем в "туркестанский полк" (позднее переименован в "тюркский 444-й батальон"), командовал им обер-лейтенант фон Таубе. Это соединение упоминалось на охранной службе в районе устья Днепра и на Перекопе. Называя это одно из первых в составе германской армии подразделений, составленных из военнопленных представителей тюркских народов, следует согласиться с И.Хоффманном, который не переоценивает значения его создания, замечая, что "речь шла здесь о "диких" формированиях, которые по своей организации существенно отличались от позднейших Восточных легионов".[62]

Более заметными и известными стали два других подразделения из кавказских и среднеазиатских народов, также сформированные осенью 1941 г. - это 450-й туркестанский пехотный батальон под командованием майора Андреаса Майер-Мадера и батальон "Бергман" ("Горец") под командованием обер-лейтенанта Теодора Оберлендера.[63] Не буду слишком подробно говорить об этих соединениях, но некоторые моменты из их истории считаю важным упомянуть. А.Майер-

Мадер, бывший в свое время военным советником Чан Кай-ши, владевший многими восточными языками, выдвинул перед командованием абвера чисто утопический план - подготовить из военнопленных целое боевое соединение, которое можно будет впоследствии десантировать с воздуха в Средней Азии, и поднять там восстание с целью отделения от СССР и создания независимого Туркестанского государства. При содействии одного из лидеров среднеазиатской эмиграции Вели Каюм-хана с 18 октября 1941 г. он создавал свой батальон на территории Польши, и к концу года неподалеку от Рембертова уже были подготовлены одна азербайджанская и шесть туркестанских рот. В состав батальона, судя по позднейшим косвенным данным, входили также поволжские татары (об этом можно судить по тому, что практически в любом батальоне, входившем позднее в состав Туркестанского легиона, были и поволжские татары). Что примечательно, почти все командные должности в 450-м батальоне Майер-Мадер доверил представителям самих народов - позднее в Восточных легионах на это не решались и существовали строгие ограничения в этом вопросе. Весной 1942 г. батальон был направлен на борьбу против партизан в район Ямполя и Глухова (в настоящее время Сумская область Украины). По мнению немецкого командования он проявил себя в деле не с лучшей стороны.

Представители военного руководства выражали недовольство самим Майер-Мадером за его терпение к "азиатским отношениям" в подразделении. Его план восстания в Средней Азии в вермахте был воспринят как авантюристический. В итоге Майер-Мадер был заменен другим, более покладистым командиром, чтобы позднее вновь появиться при создании Восточных легионов и 1-го Восточномусульманского полка СС.

Подразделение Т.Оберлендера начало формироваться под Полтавой и насчитывало поначалу 700 чел. К весне 1942 г. его численность достигла 2900 чел. Состояло оно в подавляющем большинстве из представителей северокавказских и закавказских народов. Поэтому история его к теме настоящей книги имеет лишь опосредованное отношение.

В любом случае мы должны отметить, что формирование таких единиц, как 450-й батальон или подразделение "Бергман" стали первыми реальными мероприятиями в организации Восточных легионов, хотя они собственно в состав легионов и не вошли, существуя в 1943-1944 г. вполне автономно.

Таким образом, к концу 1941 г. и военно-политическая ситуация, и накопленный опыт привели руководство Германии к созданию Восточных легионов.

Если до поздней осени 1941 г. военные и политические руководители и в центре, и в действующей армии в этом вопросе действовали во многом произвольно, то в середине ноября они получили официальную директиву: Гитлер одобрил создание Тюркского легиона.[64] После этого, по-видимому, под влиянием Розенберга, который все-таки опасался тюркского (читай: туранистского) объединения, решение было уточнено и оформлено в виде конкретного приказа ОКВ от 22 декабря 1941 г. о создании четырех легионов из восточных народов - Туркестанского, Армянского, Грузинского и Кавказско-мусульманского (позднее был разделен на азербайджанский и северокавказский).[65] Это еще не означало, что все стороны практического решения вопроса были тогда же предусмотрены,

эти нюансы разрабатывались еще довольно долгое время - почти до осени 1942 г. 1942 - первую половину 1943 гг. можно считать вершиной германской активности по созданию военных соединений из нерусских народов СССР.

Хочу обратить внимание еще на один важный факт. Параллельно с созданием Восточных легионов на территории Польши, почти аналогичные мероприятия проводились на территории Украины. Весной 1942 г. легионы из восточных народов начали создаваться при 162-й пехотной дивизии под командованием известного ориенталиста, профессора Оскара фон Нидермайера. В составе дивизии было организовано пять легионов - Грузинский (с центром в Гадяче), Северо-кавказский (Миргород), Армянский (Лохвица), Азербайджанский (Прилуки), Туркестанский (Ромны). С мая 1942 до мая 1943 г. в её рамках возникли 25 походных батальонов, два усиленных полубатальона, семь строительных батальонов, три запасных батальона. Легионы в составе указанной дивизии не следует, таким образом, путать с Восточными легионами, созданными на территории Польши. В апреле 1943 г. дивизия получила статус полевой (походной) и состояла наполовину из немцев, наполовину - из народов СССР. Это соединение принимало участие в карательных операциях против партизан на оккупированных территориях СССР, а в январе 1944 г. было переведено в Северную Италию.[66] Волго-татарского легиона в 162-й дивизии не было, но, возможно, что поволжские татары входили в состав, например, Туркестанского легиона. В данной книге история этой дивизии подробно не рассматривается. Но некоторые из цитируемых мной документов немецкого командования имеют отношение и к Восточным легионам, и к легионам в составе 162-й дивизии. Кроме того, некоторые примеры из общей истории соединений вермахта из восточных народов также касаются 162-й дивизии.

Очередную попытку высказать свое мнение предприняло в январе 1942 г. Министерство иностранных дел: 17 января фон Хентиг, исходя из своих взглядов, выдвинул инициативу о несколько иной структуре Восточных легионов: "Необходимо создать один Татарский (читай: Тюркский - И.Г.) легион, но не называть его Туркестанским. Необходимо создание также одного Кавказского легиона (из трех национальных батальонов)".[67] Мнение представителя МИДа, судя по всему, никого не заинтересовало.

Более точные указания о Туркестанском и Кавказско-мусульманском легионах последовали 13 января 1942 г., а о Грузинском и Армянском легионах - 8 февраля 1942 г. Штаб по созданию Восточных легионов был с 18 февраля 1942 г. размещен в Рембертове, летом этого же года под названием штаб Восточных легионов переведен в Радом, получив 23 января 1943 г. наименование Командование Восточных легионов.[68]

Когда были даны все указанные предписания о Восточных легионах, соответствующие разъяснения получили и все воинские подразделения действующей армии, которым и поручалось в сотрудничестве с комиссиями Восточного министерства проводить первичное разделение военнопленных. Вот один из образцов подобных документов, который очень ясно показывает и военно-политические соображения немецкой стороны при создании Восточных легионов,

и весьма приблизительные представления о народах, которые в них привлекались - тюрками и мусульманами стали в приказе армяне и грузины; более мелкими народностями - иранцы (персы) и татары: 19 мая 1942 г. командующий группой армий Юг дал приказ о создании тюркских батальонов.[69] Он объяснял своим подчиненным: "Разрешено создание легионов из военнопленных туркестанцев, кавказцев, грузин, армян. Религиозно-политические настроения тюркских народов, их хорошие солдатские качества, напряженное положение с резервами для германских соединений, недостаток в соединениях, прикрывающих тыл, **принуждают** (выделено мной - И.Г.) к тому, чтобы использовать пленных тюркских национальностей в борьбе против большевизма на германской стороне". Создание тюркских соединений объяснялось не как самоцель, оно должно было "сберечь немецкую кровь, служить привлечению восточных народов как союзников, разложению противника, а следовательно быстрейшему успокоению в оккупированных восточных областях и привлечению восточных народов как союзников". Приказом предписывалось - отделять в специальные лагеря представителей разных национальностей и уточнялось о каких национальностях идет речь: кроме уже упомянутых названы в качестве "более мелких народностей": белуджи, дунгане, иранцы (персы), кашгарцы, таранчинцы, шугнанцы и татары (! - И.Г.). Сказано, как видим, вполне откровенно. Особо показательно, что командующий уловил и передал в приказе вынужденность "союзнических" отношений с восточными народами, знания о которых страдали явными пробелами, и которым было прежде всего предназначено "сберечь немецкую кровь", превращаясь на деле не в союзника, а в обычное "пушечное мясо".

Вопросы общей истории Восточных легионов: их статус, внутренняя структура и организация.

Как уже было сказано, немецкая сторона проявила наибольшую активность в деле создания Восточных легионов в 1942 г. Развернутый план этого масштабного мероприятия содержался в конкретном приказе, в приказе ОКХ № 6953/42 от 24 апреля 1942 г.[70]

Вербовка в легионы проводилась среди военнопленных в специальных переходных лагерях - дулагах. Описать сам процесс вербовки довольно сложно, конкретных документов об этом в моем распоряжении нет. Но понятно, что ее проводили члены комиссий Восточного министерства, подготовленные пропагандисты. Понятно, что проводилась она с использованием разных методов, с помощью "кнута и пряника": военнопленным наглядно давалось понять, какие прежде всего материальные "блага" сулит им переход на немецкую сторону - лучшее обеспечение, обмундирование, более свободные условия содержания в лагерях. Пропагандисты из комиссий выступали с речами, делая при этом основной упор на национальную самобытность военнопленных, на их противоположность русским, на те гонения, которым подвергались религия и национальные языки в Советском Союзе.[71]

В отечественной публицистике бытует такое представление, можно его назвать штампом, что военнопленные в подавляющем большинстве случаев загонялись

в Восточные легионы насильно.[72] На мой взгляд, такое мнение требует корректировки и является не совсем верным. В соответствующем разделе еще будет дана общая оценка феномена коллаборационизма в годы второй мировой войны и мотивов перехода советских военнопленных на сторону врага. Здесь же ограничимся вполне логичными вопросами: зачем было немцам брать на свою службу, силой ставить под ружье десятки тысяч людей, которые хотя бы формально с этим были несогласны? Какой был им смысл создавать внутри своей же армии подразделения изначально ненадежные, созданные лишь с помощью насилия? Объяснение этого факта лишь возможным пропагандистским эффектом мне кажется слишком натянутым. Оружие, пусть его было мало, пусть оно было несовершенным, все-таки было выдано легионерам, оно в любой момент могло быть повернуто против самих же немцев, если бы создание Восточных легионов было основано только на насилии. Мне кажется вполне точным замечание немецкого дипломата Ханса фон Херварта по этому поводу: "армия хотела иметь добровольцев, на которых можно было бы положиться и которые не перебежали бы при первой возможности".[73] Другое дело, что желаемого добиться все-таки не удалось. Примечательно и наблюдение Х.Рашхофера, который также ставит вопрос о применении насилия при формировании соединений из восточных народов и ссылается на ряд юридических документов военной поры - весной 1942 г. при проведении вербовки в батальон "Бергман" в лагере под Полтавой, где содержались военнопленные и перебежчики из кавказских народов: "изъявило желание настолько много людей, что необходим оказался строгий отбор, и было отобрано до 700 молодых, годных для военной службы кавказцев".[74] Точность подобных сведений проверить не так легко, но совершенно очевидно, что о насилии в данном случае следует говорить с большой осторожностью, как впрочем также и о "добровольности", которая зачастую была вынужденной.

Но вернемся к конкретным фактам.

Изъявившие согласие перейти на немецкую службу в большинстве своем проходили следующий путь:

1. Начальный, первый лагерь (Auffangslager), с лета 1942 г. располагался в Острове-Мазовецком.

2. Предварительный лагерь (Vorlager) - Седльце Б (для татар - Седльце А, его комендантом некоторое время был бывший советский полковник Шакир Алкаев)

3. Основной лагерь легионов (Stammlager):

для Азербайджанского легиона - Едлино под Радомом;

для Армянского легиона - Пулавы;

для Волго-татарского легиона - Едлино;

для Грузинского легиона - Крушина;

для Северо-кавказского легиона - Весёла;

для Туркестанского легиона - Легионово под Варшавой.[75]

Надо сказать, что такое подразделение не было абсолютно строгим: татарские военнопленные оказывались, например, в лагерях и среди туркестанцев, и среди азербайджанцев. Названными пунктами, конечно, дело не ограничивалось - пленные нерусских национальностей концентрировались и в других лагерях.

Несколько забегая вперед, упомянем, какие еще лагеря имели значение при создании Восточных легионов в последующем и играли роль предварительных, начальных пунктов сбора. Это были лагеря, расположенные на территории Польши: Беньяминов (среднеазиатские и северо-кавказские народы), Бяла Подляска (грузины), Малкиня (азербайджанцы), Демблин-Заезерце (армяне), Кильце (общий), Конски (общий). Польский историк и публицист Шимон Датнер считает, что подобное выделение лагерей для одной национальности объяснялось лишь интересами безопасности, поэтому гитлеровцы избегали "смешивания" военнопленных.[76] Такая точка зрения мне представляется слишком суженной и не совсем логичной. Создание таких "национальных" лагерей в первую очередь и напрямую было связано с формированием Восточных легионов, на что Ш.Датнер внимания не обращает. В 1943 г. и на территории Германии появились центры, в которых собиралось пополнение для будущих легионов, строительных и саперных соединений или же лица, специально отобранные для пропагандистской работы. Многие из военнопленных, судя по справке для Восточного министерства от 7 мая 1943 г., вначале направлялись в лагерь Кильце в Польше общей вместимостью всего в 1000 человек, где проводилась "перепроверка лиц, отобранных комиссиями в оккупированных областях для предотвращения бесполезной транспортировки их в рейх".[77] Обитатели этого лагеря еще не лишались статуса военнопленных. Отсюда они могли быть направлены в специальные центры подготовки пропагандистов или же в легионы, на трудовые работы и т.п. На территории же Германии заслуживает упоминания лагерь Ринлух. Он делился на четыре части: Цитенхорст для русских, Вустрау 1 для украинцев, Вустрау 2 для кавказских, среднеазиатских народов и татар, Вутцец для белорусов и украинцев. Все они находились в ведении вермахта и имели главной задачей подготовку пленных для отправления в так называемый "свободный лагерь" Вустрау, о котором речь пойдет в следующей главе. Шварцзее и Тешендорф являлись лагерями для раненых, а лагерь Дабендорф - центром подготовки пропагандистов для Русской Освободительной армии и для прочих национальных соединений в составе германской армии.

Даже после того, как Восточные легионы были переведены во Францию, на территории Польши остались специальные пункты для сбора военнопленных из тюрко-мусульманских народов. На 30 марта 1944 г. это были следующие лагеря: Седльце Б (шталаг 366) и Нехрыбка (шталаг 327)- так называемые "предварительные лагеря легионов для представителей всех тюркских народов" (в первом из них на тот момент было 3 200 военнопленных, во втором - 4 000). В шталаге 355 Ольховце собирались пленные, которые "временно не были готовы к несению службы" (3 500 человек), в шталаге 367 Петркув находился лазарет для больных и раненых тюркских военнопленных.[78]

В основных лагерях формировались сами легионы, и прибывшие в них военнопленные причислялись к так называемым дополнительным (запасным) ротам. Приказ от 24 апреля 1942 г. предписывал, чтобы после прибытия они обеспечивались как немецкие солдаты, при этом обращалось внимание на национальные особенности будущих легионеров (например, в питании). Они полу-

чали старое немецкое или же трофейное советское обмундирование. Военнопленные должны были как минимум один месяц находиться при таких дополнительных ротах под обязательным строгим контролем и проходить соответствующую подготовку. Исходя из степени их военной, политической и физической подготовленности решалась их дальнейшая судьба: наиболее подходящие с точки зрения германских командиров солдаты причислялись уже к создающимся полевым (походным) батальонам. Совершившие серьезные проступки или же те, кто проявил себя "политически неблагонадежным", по решению командования Восточных легионов могли быть отправлены обратно в лагеря для военнопленных. Лица, которые подходили по "характеру", но не были готовы физически, причислялись к так называемым "взводам выздоравливающих", здесь они могли использоваться для выполнения легких физических работ. Только после причисления к регулярным походным соединениям статус военнопленных с легионеров снимался, на них начинали распространяться следующие правила, которые были приняты Командованием Восточных легионов отдельно:

1. Общие направления о положении и обеспечении легионеров.
2. Положения о чинах, должностях и назначении на должности.
3. Положения о дисциплинарных взысканиях.
4. Правила принятия присяги.
5. Правила финансирования и обеспечения.
6. Правила обмундирования.

Наиболее крупным воинским подразделением для легионеров были батальоны, состоявшие из рот, взводов и отделений. Согласно апрельскому 1942 г. документу, командиры взводов в батальонах назначались из представителей самих народов, командиры рот частично немцы, частично "националы". Уточнялось при этом: так должно быть в переходный период, а позднее большинство командиров рот должно было назначаться из "националов", но одна рота обязательно должна руководиться немцем.

В одном из более поздних документов перечислялось, сколько немецкого персонала должно было быть в каждом восточном батальоне: три офицера, один чиновник, девять унтер-офицеров, шесть рядовых и два переводчика, итого 21 человек.[79] В памятке командующего Восточными легионами генерала фон Хайгендорфа от 1 сентября 1943 г. приводятся такие цифры: в восточном батальоне из немцев должны были быть командир батальона с адъютантом и офицером по особым поручениям, два командира рот, пять командиров взводов, пять фельдфебелей. Количество рядовых не упоминалось.[80] Но такой довольно жестко установленный порядок почти никогда не соблюдался, так как в большинстве случаев немецкое командование не устраивали национальные офицерские кадры, их "боевая и политическая" готовность. Выход в таких случаях был один - на вакантное место назначались опять немцы. Поэтому число немцев в восточных батальонах практически всегда доходило минимум до 50-60 человек, причем речь идет более о командных должностях. Отмечу также, что немецкий персонал в легионы попадал недобровольно, а назначался.[81] Это означало, что сослуживцами восточных легионеров становились люди, которые имели самые

смутные представления о своих "союзниках", и не только об их целях, но и об их психологии, жизненных ценностях, обычаях, не говоря уже о языке. Это создавало основу для, мягко говоря, нестабильной внутренней обстановки в большинстве батальонов.

Вернемся к тексту приказа от 24 апреля 1942 г.

Уже при создании Восточных легионов было обращено повышенное внимание вопросу о внутренних отношениях в этих соединениях. Большую роль в развитии этих взаимоотношений играл, понятно, политический мотив. Немецкое руководство как бы предчувствовало, что это еще создаст для него немало проблем в будущем, так как политическая мотивация для легионеров и их немецких сослуживцев на бумаге была очень важна, в реальной жизни многое получалось совсем наоборот - немецкие офицеры и солдаты часто никак не желали видеть в легионерах своих равноправных союзников. О внутренних отношениях в легионах будет еще говориться особо, здесь же приведу эти правила:

"1. Легионы - это соединения добровольных борцов за освобождение своей родины от большевизма и за свободу своей веры, они не являются чуждыми соединениями. Через пробуждение идеализма, чувства ответственности и чести легионы могут превратиться в пригодные военные формирования. Поэтому отношение к ним со стороны немецкого персонала должно строиться на строгом соблюдении справедливости, порядка и дисциплины в соответствующей для легионеров форме. (...)

2. Легионеры ни в коем случае не выступают как начальники по отношению к немецкому персоналу.

3. Немецкие офицеры в основном являются начальниками всех легионеров, немецкие унтер-офицеры являются начальниками всех легионеров до заместителя командира отделения включительно, (...) немецкие солдаты являются начальниками для легионеров, которые подчинены им по службе.

4. Порядок приветствия - тот, кто ниже по чину приветствует вышестоящего вне зависимости от того, немец он или легионер (обратим внимание: о том, "как приветствует", в документе не сказано, но по другим источникам известно, что немцы не должны были отдавать честь офицерам и унтер-офицерам из восточных народов - И.Г.)

5. Контроль за легионерами осуществляют при возможности вышестоящие начальники из легионеров, за немцами - только немцы.

6. Особое внимание уделять духовному и конфессиональному воспитанию и руководству легионеров, при осуществлении свойственных им обычаев и ритуалов не должно быть никаких ограничений.

7. Немецкий персонал следует ознакомить с особенностями культурных, географических и этнических отношений легионов. Регулярно проводить занятия по языку[82]".

Проблема внутренних отношений в легионах еще будет рассматриваться, но заметим сейчас, что изначально создатели легиона оказались перед сложной и так до конца и нерешенной дилеммой: с одной стороны, легионеры - это вроде бы союзники, поэтому к ним необходимо относиться как к равным, с другой

стороны - они представители "низших" народов, потому к ним как к равным относиться нельзя. Мне представляется, что данное противоречие, явно существовавшее на практике, пусть и в завуалированном виде, вполне прослеживается и в приведенной выше цитате.

В документе определялись чины и должности, которые определялись для легионов:

рядовой, заместитель командира отделения, командир отделения, заместитель командира взвода, командир взвода, командир роты. Строго предписывалось: на эти должности назначать только "подходящих" лиц без учета их прежних регалий в Красной Армии.

Для того, чтобы распознать "подходящих", определялся испытательный срок: для заместителя командира отделения - один месяц, для командира отделения и заместителя командира взвода - два месяца, для командира взвода и командира роты - три месяца. При необходимости срок этот мог быть продлен.

После прохождения испытательного срока проводились назначения:

- заместителя командира отделения и командира отделения назначал командир легиона или немецкий офицер, которому командиром легиона даны соответствующие полномочия;

- заместителя командира взвода - командир легиона;

- командира взвода - командование Восточных легионов;

- командира роты - высшее германское командование (командующий военным округом в "генерал-губернаторстве").

В специальном приложении № 3 определялась и величина жалования, которое должны были получать ежемесячно легионеры:

- рядовой - 30 рейхсмарок или 90 злотых или 375 рублей.

- заместитель командира отделения - соответственно 36 РМ или 108 зл. или 450 руб.

- командир отделения - 42 РМ или 126 зл. или 525 руб.

- заместитель командира взвода - 45 РМ или 135 зл. или 564 руб.

- командир взвода - 54 РМ или 162 зл. или 675 руб.;

- командир роты - 72 РМ или 216 зл. или 900 руб.[83]

В заключение в документе шла речь о знаках различия: легионеры должны были носить униформу германского вермахта и иметь кроме официальных знаков и свои национальные знаки: на правой стороне каски, на правом рукаве кителя или шинели, на воротнике кителя на месте двойного галуна.[84]

Многие положения приказа от 24 апреля 1942 г. были впоследствии повторены в другом приказе ОКХ за подписью тогдашнего начальника Генштаба сухопутных войск Ф.Гальдера в августе 1942 г., который был размножен в виде брошюры "Вспомогательные силы из местного населения на Востоке" и распространен в войсках: здесь также объяснялось, в чем суть привлечения тюркских народов на сторону Германии, кто относится к тюркским народам, как проводить отделение военнопленных, их проверку, переобучение, как формируются походные батальоны, правила их организации. Был приведен и текст принимавшейся будущими легионерами присяги. Текст присяги со временем менялся, но вначале он выглядел следующим образом:

"При Боге я клянусь этой святой клятвой, что я в борьбе против большевистского врага моей родины буду беспрекословно верен высшему главнокомандующему германского вермахта Адольфу Гитлеру и как храбрый солдат готов в любое время пожертвовать своей жизнью ради этой клятвы". Присяга приносилась в присутствии немецких офицеров, сначала по-немецки, затем - на соответствующем национальном языке. В конце легионер должен был на родном языке произносить фразу: "Я клянусь!".[85]

Некоторое время спустя последовало уточнение: вступающие в легионы представители восточных народов до принятия присяги должны были давать подписку о добровольности своего вступления и о своих обязанностях (этого требовала директива Генштаба от 22 ноября 1942 г.)[86]

Итак, подробные правила для Восточных легионов были приняты. Летом-осенью 1942 г. оформление их на территории Польши было фактически закончено. Были созданы:

1. Туркестанский легион. Согласно немецким предписаниям к нему приписывались узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, белуджи, дунгане, иранцы, кашгарцы, шугнанцы, таранчинцы, курамины и восточные татары (?).

2. Кавказско-мусульманский (позднее - Азербайджанский) легион - азербайджанцы.

3. Северо-кавказский легион - абхазцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, кумыки, ногайцы, аварцы, ахвахи, андийцы, багулалы, ботлихи, хваршины, дидойцы, годоберийцы, каратинцы, тиндалы, чамалинцы, даргинцы, кайтаги, кубачинцы, лаки, лезгины, агульцы, цахурцы, рутульцы, табасаранцы, удины, курды, талыши, таты, северные осетины.

4. Грузинский легион - грузины, аджарцы, гурийцы, имеретинцы, кахетинцы, лазы, мингрельцы, сваны, южные осетины.

5. Армянский легион - армяне (преимущественно из Карабаха).

6. Волго-татарский легион - уфимские и казанские татары, башкиры, говорящие по-татарски чуваши, марийцы, удмурты, мордва.[87]

В сентябре 1942 г. командующий военным округом в "генерал-губернаторстве" (Польше) генерал фон Гинант дал указания, где подробно расписывались правила непосредственной организации полевых батальонов. Вся ответственность при этом ложилась на командование Восточных легионов. По указанию командования батальоны формировались командирами легионов. Устанавливались следующие сроки подготовки: первый этап - в легионе, индивидуально и в группах - 4 недели; второй этап подготовки полевых батальонов - в отделении, взводе или роте - 6-8 недель. Командир должен был составить общий план по всем направлениям: отработка таких тем как "марш", "индивидуальная подготовка", "ближний бой", "метание гранат", "бег", "скачки", "уход за лошадьми" и пр. При каждом батальоне создавалась специальная боевая школа. Подготовка проводилась вначале во дворе казарм, а затем и на местности. Во время проведения занятий легионеры должны были делиться на учебные группы из немецкого обучающего персонала и учебные взводы из немцев и легионеров. Все командиры обязаны были присутствовать на занятиях. Учения батальонов проводились

только при разрешении командира Восточных легионов, при этом по возможности учениями руководил он сам.[88]

Довольно долгое время проходило становление военного командования Восточных легионов. В зависимости от отношения к этим соединениям, в зависимости от конкретного опыта их использования менялись и статус, и структура этого командования. В целом же оно выглядело так.

Военное руководство легионами осуществлялось из Высшего командования сухопутных войск (ОКХ), а именно из ведомства шефа по поставке вооружений и командующего запасными (дополнительными) частями - Chef des Heeresrüstung und Befehlshaber des Ersatzheeres. Это была высшая инстанция, которая осуществляла руководство через командующего военным округом в "генерал-губернаторстве" - Militärbefehlshaber im Generalgouvernement. Одним из главных организаторов и инициаторов привлечения восточных народов на сторону Германии был руководитель организационного отдела ОКХ майор Клаус фон Штауффенберг, который, как известно, осуществил 20 июля 1944 г. неудачное покушение на Гитлера. Его вряд ли можно было именовать открытым противником режима, однако его взгляды на восточную политику Германии в нацистской верхушке по своему выделялись: он выступал за человечное отношение к советским военнопленным, стремился придать более политический характер войне на Востоке. По мнению Иоахима Крамаржа, Штауффенберг, как представитель более молодого поколения немецкого офицерского корпуса, стремился в идеале к созданию "русской освободительной армии", к превращению войны против СССР в русскую гражданскую войну. Но поскольку его мнение не совпадало с мнением гитлеровской верхушки, ему пришлось ограничиться работой с "восточными добровольцами". И он действительно многое сделал для разработки статуса "добровольца", стремясь видеть в лице восточных народов прежде всего союзников.[89]

Другим крупным персонажем в организации соединений восточных народов стал опытный дипломат генерал кавалерии Эрнст фон Кёстринг. Его имя в известных нам документах впервые встречается в связи с Восточными легионами 31 августа 1942 г. Военный дневник германского Генштаба сообщал в этот день, что ОКХ предложило генералу посетить Восточные легионы на территории Польши в качестве инспектора, а организационный отдел Генштаба высказался за придание ему статуса уполномоченного от ОКХ по решению этих вопросов, ссылаясь на его опыт и компетентность. С этим предложением согласился и Гитлер, после чего Кёстринга стали именовать специально уполномоченным генералом по кавказским вопросам,[90] а с 13 июня 1943 г. и "инспектором тюркских и кавказских соединений" (с задачей: "следить за созданием, качеством подготовки легионеров, их вооружением, снабжением, дисциплиной"[91]). Кёстринг действительно имел значительный военный и дипломатический опыт. По своим взглядам он был близок к бывшему послу Шуленбургу, который активно поддерживал генерала при назначении на должность.[92]

Как уже упоминалось выше, непосредственную работу по созданию легионов на территории Польши вели соответствующие штабы: штаб по созданию Восточных легионов с 18 февраля 1942 г. в Рембертове. Летом этого же года под названием штаб Восточных легионов он был переведен в Радом. 23 января 1943

г. этот штаб получил наименование Командование Восточных легионов (командир - генерал-майор Ральф фон Хайгендорф). Со стороны ОКХ было налицо стремление придать значительный вес этой должности: 22 апреля 1943 г. командир Восточных легионов получил полномочия командира дивизии,[93] хотя не все считали, что фон Хайгендорф - самая подходящая фигура на этом посту. Так, один из военных инспекторов в январе 1944 г. дал ему очень нелицеприятную характеристику: "Он военный без каких-либо политических установок по отношению к тюркским и кавказским проблемам. Очень мягок, в нем нет необходимой твердости. Проявляет удивительное равнодушие по отношению к случаям бегства легионеров, которые всё учащаются. До недавнего времени он вообще занимался лишь разработкой немецко-русского военного словаря. Теперь же, когда многие проблемы встают очень остро, когда они должны решаться очень энергично, им должно уделяться гораздо больше внимания, чем это делает генерал фон Хайгендорф. Рекомендую поэтому генерала с этой должности убрать".[94] Эта рекомендация была учтена: 5 февраля 1944 г. Хайгендорф был переведен в Берлин на одну из "почетных" должностей при ОКХ.[95]

На протяжении 1943 г. появились новая специфическая должность, чему в немалой степени способствовал К. фон Штауффенберг: генерал Восточных отрядов при Генштабе и Высшем командовании сухопутных войск - General der Osttruppen. Этот пост в январе 1943 г. занял генерал Хайнц Хелльмих. Как это часто случалось в "третьем рейхе", и он впоследствии вызвал недовольство руководства, поэтому был заменен. С 1 января 1944 г. последовали структурные изменения - должности генерала Восточных отрядов и инспектора тюркских и кавказских соединений были ликвидированы, но учреждена должность генерала добровольческих соединений при шефе Генштаба - General der Freiwilligenverbände, на которую был назначен все тот же фон Кёстринг. Его функции в соответствующем приказе ОКХ от 28 декабря 1943 г. были определены очень туманно:

"1. Консультации высшего руководства по всем вопросам;

2. Оценка опыта по руководству, воспитанию, переобучению и разделению добровольческих соединений;

3. Пропаганда и духовное руководство добровольческими соединениями".[96]

Как видно, генералу добровольческих соединений придавались скорее декоративные, чем реальные функции; он являлся больше консультантом, чем командиром. Этот приказ, казалось бы, должен был укрепить статус и положение "добровольческих соединений" вермахта, но он, на мой взгляд, явственно констатирует всю противоречивость создания этих военных формирований, кризис, который переживала в целом эта идея к началу 1944 г. 29 января 1944 г. было подписано более подробное описание функций генерала добровольческих соединений, явно не прибавившее ему реальных военных полномочий:

"1. Генерал добровольческих соединений в военных делах находится в подчинении шефа Генерального штаба и является его советником по всем вопросам, касательно соединений добровольцев и "хивис", включенных в армию. (...)

2. Главная задача его - оценка опыта по воспитанию, обхождению, военному руководству добровольцев с Востока, а также обобщение опыта их боевых

действий, разделения, вооружения и обеспечения этих соединений. Он должен посещать войска, инспектировать и сообщать о результатах в Генеральный штаб". На генерала также возлагалось разработка основных положений статуса добровольцев, их подготовки, снабжения и пр.; формирование офицерского корпуса для добровольческих соединений. Он имел право делать запросы в различные военные и гражданские учреждения относительно своих подопечных.[97]

Каков же был результат описанной организационной, военно-политической работы всех занятых германских инстанций в 1942-1943 гг.? Наиболее точно на этот вопрос помогают ответить конкретные цифры. В документах военного времени, послевоенных мемуарах, исторических исследованиях таких цифр можно найти великое множество.

10 сентября 1942 г. ОКХ предлагало до конца 1942 г. закончить создание так называемой первой волны тюркских батальонов, предполагалось создание 25 батальонов из разных народов (т.е. речь идет примерно о 25 тысячах человек, уже включающихся в состав вермахта).[98] Но это был еще только план.

14 января 1943 г. ответственный за работу с военнопленными в "генерал-губернаторстве" сообщал в ОКВ о количестве людей в лагерях, согласившихся записаться в легионы. Речь здесь шла только о резервах, а не о количестве легионеров вообще. Такие люди распределялись по лагерям:

- Беньяминов - 10 000 туркестанцев и северо-кавказцев;
- Бяла Подляска - 5 000 грузин;
- Малкиня - 4 000 азербайджанцев;
- Демблин-Заезерце - 3 000 армян;
- Седльце А - 12 000 поволжских татар;
- Седльце Б - 6 000 туркестанцев и кавказцев;
- Остров-Мазовецкий - 10 000 азербайджанцев и туркестанцев (штрафной лагерь);
- Кильце - 1 600 чел.;
- Конски - 1 900 чел. (два последних лагеря являлись резервными лагерями для легионеров, которые временно не могли исполнять службу).

Итого насчитывалось 53 500 человек.[99]

2 февраля 1944 г. военный инспектор гауптман Дош сообщал в штаб-квартиру сухопутных войск общие цифры (это хронологические первое из имеющихся в моем распоряжении обобщений о легионах): на фронте или по пути на фронт, по данным автора, на тот день находилось - 37 тюркских батальонов. Их число должно было возрасти в ближайшее время до 80 (т.е. около 80 000 легионеров). Инспектор подытоживал: значит, вскоре будет на стороне Германии 80 000 легионеров, 140 отдельных рот добровольцев - также около 80 000 чел., занятых в службе охраны порядка (Ordnungsdienst) - 60-70 000 чел., "хивис" - около 400 000 чел., итого - до 750 000 человек.[100]

В апреле-июле 1944 г. ответственный за работу с военнопленными в "генерал-губернаторстве" регулярно подавал общие сведения о военнопленных из восточных народов, которые заявили о готовности вступить в легион и находились в предварительных лагерях:

на 25 апреля - 12 306 чел. из кавказских, среднеазиатских и поволжских народов (из них татар - 1974 мусульманина, 629 немусульман - вероятно, под немусульманами подразумевались чуваши, марийцы, мордва и удмурты, которые нигде не учитывались отдельно);

на 25 мая: всего 6 159 чел. (из них татар - 1042 мусульманина и 266 немусульман);

на 25 июня: всего 5 278 чел. (из них татар - 773 мусульманина и 435 немусульман);

на 10 июля: 5 222 чел. (из них татар 988 мусульман и 239 немусульман).[101] Всего на 26 мая 1944 г. официально числилось в "генерал-губернаторстве" 11 966 восточных легионеров (учтем при этом, что большинство восточных батальонов к тому времени уже были передислоцированы на Запад).[102]

10 октября 1944 г. имеющиеся сведения о восточных добровольцах и рабочих обобщил руководитель Татарского посредническта в Восточном министерстве Хайнц Унглаубе. Он еще тогда наметил проблему, которая, пожалуй, остается актуальной и по сей день: "Точные данные о численности добровольцев найти очень сложно, не установлено, сколько добровольцев не вернулось из Франции, в сборных лагерях еще заявляются новые люди". Унглаубе выражал мнение, что единственный человек, который располагает точными цифрами - это генерал добровольческих соединений, но и из его ведомства он сведения получить не смог. Поэтому автору справки пришлось удовлетвориться теми данными, которые он получил в национальных посредничествах и которые он назвал предварительными, оценочными:

1. Поволжские татары:
добровольцев в полевых батальонах - 11 000 (12 батальонов),
в других соединениях - 4 000,
в рабочих батальонах - 8 000,
среди восточных рабочих - 5 000,
в лагерях для военнопленных - 15-20 000
(Сделано примечание: "очень много татар находится и в Русской Освободительной армии");

2. туркестанцы: в целом около 75 000,
среди восточных рабочих - около 10 000.
(Сделано примечание: "более конкретных данных нет");

3. крымские татары (официально в состав Восточных легионов не входили, имея отдельные формирования - И.Г.):
в батальонах - 12 000,
в охранном соединении на территории Венгрии - 1 200;

4. азербайджанцы:
в батальонах - 20 000,
среди восточных рабочих - 200,
военнопленных - 8 000;

5. армяне:
в батальонах - 18 000,
среди восточных рабочих - 7 000,
военнопленных - 8 000;

6. грузины:
в батальонах - 20 000,
среди восточных рабочих - 4 000,
военнопленных - 8 000;

7. народы Северного Кавказа:
в батальонах - 20 000,
среди восточных рабочих - 1 000,
военнопленных - 10 000;

8. калмыки (также официально не входили в состав Восточных легионов):
в батальонах - 6 000,
среди восточных рабочих - 500,
военнопленных - 1 500.[103]

Для более позднего времени приведу сведения только о поволжских татарах: 14 декабря 1944 г. руководитель отдела Восток Главного управления СС Фриц Арльт сообщал своему коллеге Райнеру Ольше: по его данным, татар в вермахте служит около 20 000, в качестве "хивис" и в Русской Освободительной армии - около 20 000.[104] В самом конце войны, 20 марта 1945 г. тогдашний руководитель Татарского посредничества Л.Стамати насчитывал татар в полевых батальонах, в основном легионе, в отдельных боевых и строительных соединениях - 19 300 чел., среди восточных рабочих - 4 000, среди военнопленных - около 20 000 человек. В итоге цифра "людского резерва" достигала по мнению Л Стамати 43 тысяч человек (без учета соединений СС и РОА).[105]

Примерно такие же цифры приведены и в послевоенной рукописи "Волго-татарский легион", но с несколько иным подразделением: в легионе и полевых батальонах 12 000 чел., в батальоне поволжских финнов и чувашей 1 000, в Восточнотюркском боевом соединении СС - 1 000, в девяти строительных батальонах - 10 000, в отдельных соединениях и группах - 16 000, итого - 40 000 человек. Причем здесь же приведены и не поддающиеся проверке сведения о том, что "в конце 1944 г. в ведомстве ответственного за военнопленных было зарегистрировано 15 000 идель-уральцев, из которых 10 000 добровольно заявили о своем желании служить в запланированной идель-уральской дивизии, среди них находилось до 150 бывших советских офицеров".[106]

Очень скрупулезно подсчитал цифры, связанные с Восточными легионами, Иоахим Хоффманн. К так называемой "первой волне" он относит 15 батальонов, созданных до поздней осени 1942 г., среди них шесть туркестанских: 450, 452, 781, 782, 783, 784; два азербайджанских 804, 805; три северо-кавказских: 800 (черкесский), 801 (дагестанский), 802 (осетинский); два грузинских: 795, 796 и два армянских: 808, 809. Эти батальоны были отправлены на Восточный фронт,

но, судя по всему, их боевые качества оказались для немцев неудовлетворительными, поэтому сроки подготовки последующих соединений увеличились. До весны 1943 г. были сформированы батальоны "второй волны" (всего 21) - пять туркестанских: 785, 786, 787, 788, 789; четыре азербайджанских: 806, 807, 817, 818; один северо-кавказский 803; четыре грузинских: 797, 798, 799, 822; четыре армянских - 810, 811, 812, 813 и три волго-татарских 825, 826, 827. Во второй половине 1943 г. были создано 17 батальонов "третьей волны" - три туркестанских 790, 791, 792; два азербайджанских: 819, 820; три северо-кавказских 835, 836, 837; два грузинских: 823, 824; три армянских: 814, 815, 816 и четыре волго-татарских: 828, 829, 830, 831. Таким образом, всего на территории "генерал-губернаторства" в 1942-1943 гг., по мнению И.Хоффманна, было создано не менее, чем 14 туркестанских, 8 азербайджанских, 7 северо-кавказских, 8 грузинских, 9 армянских и 7 волго-татарских батальонов, общей численностью около 53 тысяч человек.[107] Эти сведения, как мы еще увидим, не охватывают все восточные батальоны периода второй мировой войны. В своей монографии немецкий историк учел только соединения, созданные до конца 1943 г. и только под эгидой командования Восточных легионов. Существовали также соединения в составе 162 тюркской дивизии на Украине, отдельные позразделения в составе действующей армии в Крыму. И после этого, несмотря на все разочарования германского руководства, восточные батальоны продолжали формироваться. В документах нам встречаются, например, батальоны, номера которых в приведенной классификации И.Хоффманна не упомянуты.

Приведем и некоторые обобщающие данные, которые характеризуют феномен советского коллаборационизма. Обратимся к сведениям человека, который являлся непосредственным участником событий и, возможно, самым компетентным свидетелем по этому вопросу - генерала добровольческих соединений Эрнста фон Кёстринга. В своих послевоенных воспоминаниях он приводит такие цифры: "На лето 1944 г. общее число восточных добровольцев в вермахте составило 700 тысяч человек. Позднее, вследствии деятельности генерала Власова, оно возросло минимум до 800-900 тысяч" (речь при этом идет не только о тюрко-мусульманских или кавказских народах, но и о русских, украинцах, белорусах, народах Прибалтики и др. - И.Г.).[108] Герхард фон Менде, также весьма информированный специалист, считал, что во время войны число восточных добровольцев на германской стороне доходило до одного миллиона.[109]

Примерно такие же цифры фигурируют и в большинстве опубликованных позднее мемуаров (например, Р.Гелен, П.Кляйст, Х. фон Херварт,)[110] и исследований (например, А.Алексиев, О.Каро, Дж.Фишер, Э.Хессе).[111] Соглашаются с цифрой в один миллион Михаил Геллер и Александр Некрич: "Остается фактом, что в военных формированиях вермахта к концу войны находилось более миллиона советских граждан различных национальностей, в том числе и несколько сот тысяч русских".[112] Приводит цифры от 0,7 до 1 млн. советских граждан, служивших в германских вооруженных силах, без комментария и без выражения своего мнения, но скорее соглашаясь, и авторитетный отечественный исследователь А.О Чубарьян.[113] В результате анализа работ зарубежных авторов Н.М.Раманичев пришел к выводу, что "число советских граждан, служивших в вооруженных фор-

мированиях вермахта и полиции, колебалось в пределах 900 тыс - 1,5 млн. человек".[114] Гораздо более осторожен С.В.Кудряшов, разграничивая "пассивный и активный военный коллаборационизм". Он считает, что "даже если сознательно делать самые высокие допуски, доля активного (вооруженного) военного коллаборационизма не могла превышать 250-300 тысяч человек".[115]

П.фон цур Мюлен в своем специальном исследовании также подытожил сведения многих источников и исследований: "В середине 1943 г. восточных добровольцев насчитывалось более 300 000 чел., через год оно удвоилось и почти достигло одного миллиона. Число кавказцев среди них почти по единодушному мнению считается 110 000 чел., поволжских татар от 35 до 40 000, туркестанцев от 110 до 180 000 чел. Поскольку здесь не учтены снабженческие и строительные соединения, особые подразделения (...), то эти цифры можно увеличить и дальше".[116]

Ясно, что с абсолютной уверенностью утверждать, что цифры эти точны и заслуживают полного доверия, нельзя. Сомневаться в них заставляют два момента.

Во-первых, обобщались эти сведения в Берлине на основании справок нижестоящих чиновников и учреждений, которые по понятным причинам желали предстать перед начальством в лучшем свете и очевидно приукрашивали итоги своей деятельности. Реальные документы показывают, что, например, некоторые восточные батальоны, упомянутые как сформированные, по существу оказывались фантомами, созданными только на бумаге (например, под эгидой Восточных легионов было реально создано только 7, а не 12 батальонов поволжских татар, упоминаемых в справке Х.Унглаубе).

Во-вторых, германская военная статистика, особенно в последние годы войны, явно имела серьезнейшие пробелы, и это следует учитывать при характеристике ее данных (в соответствующих документах можно найти свидетельства подобных серьезных недостатков, вспомним опять цитированную выше справку Х.Унглаубе от 10 октября 1944 г.)

Поэтому осторожность в оценках приведенных цифр можно считать вполне уместной.[117]

Но если соглашаться даже с самыми осторожными цифрами, то они, безусловно, впечатляют. Десятки тысяч советских граждан в годы войны перешли на сторону немцев, что заставляет очень серьезно задуматься о причинах, мотивах их действий.

Задачи Восточных легионов, их оценки и характеристики германской стороной.

Созданием национальных военных формирований из народов СССР Германия преследовала вполне четкую цель, пыталась решить свои конкретные задачи, имела для того определенные военные и политические мотивы. Попытаемся теперь осветить этот важный момент. Сформулируем дополнительно и следующий вопрос: как и с какой точки зрения оценивались Восточные легионы в период создания и позднее? Такие наблюдения и обобщения делались немецкими военными чиновниками разного ранга и во время войны, и позднее в многочисленных мемуарах. Попытаемся найти ответ на поставленные вопросы.

Вслед за появлением соответствующего приказа о формировании Восточных легионов 28 марта 1942 г. был подписан меморандум (своеобразные директивы) А. Розенберга, в котором он вполне откровенно высказался о целях и задачах германской стороны.[118] Составитель особо подчеркнул, что первичное значение при создании национальных частей играли политические мотивы, а вторичное - военные. На его взгляд, "использование кавказских воинских частей великогерманской империей произведет глубочайшее впечатление на эти народы, в частности, когда они узнают, что только им и туркестанцам фюрер оказал эту честь". Рейхсминистр здесь явно лукавил: политико-пропагандистский момент в создании Восточных легионов, конечно, присутствовал, но играл далеко не главенствующую роль. Для подтверждения этого тезиса вспомним вновь цитировавшийся выше приказ командующего группой армий Юг от 19 мая 1942 г. - он объяснял своим войскам, что национальные части создаются в первую очередь из-за недостатка резервов, недостатка прикрывающих (тыловых) соединений, с целью "сбережения" немецкой крови. Говоря об этих проблемах, командующий явно говорил о вынужденности этого мероприятия. Политический его эффект упоминался в последнюю очередь.

И Розенберг в меморандуме уделил немалое внимание военной стороне дела: национальные воинские части должны были быть дислоцированы на оккупированной территории с таким расчетом, чтобы углубить противоречия между народностями в целях господства над ними. Главными условиями для военно-политического успеха Восточных легионов он считал следующие:

"1) Желательно, чтобы офицерские должности во всех воинских частях занимали только немцы. Тем самым германская армия приобретает огромные преимущества, как это имеет место у англичан в Индии;

2) желательно, чтобы воинские соединения путем вербовки на десять-двадцать лет могли бы обеспечить себе замену выбывающих, которые обеспечивались бы должностями в их органах управления;

3) желательно предопределить численность каждого формирования в отдельности. Численность формирований должна быть такой, чтобы они ни в коем случае не могли оказывать давление на немецкие оккупационные части".

Итак, в данном документе нашло отражение одно из важнейших противоречий, которое при создании легионов присутствовало изначально и которое никогда не было преодолено - противоречие в военной и политической мотивации их существования. С военной точки зрения употребление восточных легионов было по существу необходимо для немцев, но тут же ограничивалась их численность, назначением на командные посты только немцев подчеркивалась их несамостоятельность, что могло задевать и задевало самолюбие самих "восточных добровольцев". С политической точки зрения немцы вроде бы должны были нарисовать перед восточными добровольцами радужную картину их будущего, но радужности в рамках национал-социалистской идеологии никак не получалось.

То же самое мы можем обнаружить и в материалах обсуждений интересующего нас вопроса в ставке Гитлера. В первой главе уже упоминалось, что Гитлер 12 декабря 1942 г. высказал "высочайшее доверие" тюркским, мусульманским

народам, призывая своих подчиненных при создании восточных соединений быть очень осторожными и называя эту затею рискованной.[119] Наиболее подробно вопрос о Восточных легионах рассматривался в ставке Гитлера 8 июня 1943 г.[120] В общем, привлечение на немецкую сторону солдат противника, местного населения, усиление пропаганды в этом направлении (но без лишних обещаний) было одобрено. Однако Гитлер и здесь проявил просто маниакальную подозрительность во всех вопросах касательно военного сотрудничества с народами СССР, призывая своих подчиненных "различать между пропагандой, которую мы делаем "там" (т.е. на Восточном фронте, против советских войск - И.Г.) и тем, что мы в конце концов сами делаем", чтобы вдруг привлеченные на немецкую сторону украинцы, прибалтийские народы, народы Кавказа не повернули оружие против самих немцев. Генерал Цейцлер доложил, что имеется на тот момент 78 добровольческих батальонов, 1 полк и 122 роты, кроме них около 220 тысяч "хивис". На совещании эти цифры вновь пробудили опасения Гитлера, особенно в отношении объединения их друг с другом, объединения в более крупные соединения, даже в "национальные армии". Поэтому было строжайшим образом заявлено "батальоны - это наибольшее соединение" (Цейцлер); "Привлечение батальонов к борьбе на фронте или использование эмигрантов или вождей старой интеллигенции остается строжайше запрещенным" (Кейтель). Бросается в глаза, что руководители рейха очень хотели использовать "восточных добровольцев" в значительно более широком масштабе. Но они же сами этого очень сильно страшились. Этот документ - наглядное свидетельство метаний высшего германского руководства в попытке разрешить возникшую проблему, его стремления сделать трудный выбор между двумя полюсами.

Такого рода наблюдения делались уже в ходе войны отдельными инспекторами и командирами. Поначалу тон лиц, изучавших опыт создания легионов был весьма оптимистичен. Например, 2 февраля 1944 г. гауптман Дош в объемном отчете в штаб-квартиру сухопутных войск делал промежуточные итоги и давал рекомендации по этому поводу.[121] Два фактора, на его взгляд, стали решающими для создания легионов: во-первых, величина территорий на Востоке, а значит сложности в проведении здесь германской политики; во-вторых, людские потери вермахта. Дош считал, что для работы с военнопленными и перебежчиками на первый план выходит политический момент. Причем, получалось, что трудность в этой сфере основывалась на самой национал-социалистской идеологии - ей было невозможно признать русских, славян своими союзниками. Поэтому главное внимание должно быть обращено на тюркские народы, "с ними легче работать, их мы вполне можем считать своими равноправными союзниками, и они могут поддержать и сражающиеся на фронте части и быть использованы в борьбе против партизан". Очень ясно отмечены в документе те колебания, которые были присущи руководству Германии при обсуждении возможностей военного сотрудничества с восточными народами: "ОКХ имеет соображение, что с одной стороны важно использовать население России в общей борьбе, но с другой - в этом таится очень серьезная психологическая опасность. Невозможно сразу отправлять против Красной Армии солдат, так как они 20 лет воспиты-

вались в большевистском духе, в них была уничтожена всяческая связь с народом, семьей и землей". Автор справки отметил те трудности, с которыми приходилось сталкиваться организаторам легионов: проблема военного переобучения тюркских легионеров, нехватка кадров переводчиков. Но он считал эти трудности преодолимыми в случае, если правильно будут поставлены политические цели: борьба с большевизмом и "пробуждение естественных национальных чувств народов". Хотя гауптман Дош и вспомнил о происходящей уже в те месяцы передислокации Восточных легионов на Запад, тон его справки достаточно оптимистичен.

Гораздо более сдержан тон другой справки о состоянии легионов, составленной неким гауптштурмфюрером (подпись его на документе неразборчива) примерно в то же время, что и отчет Доша (отложился в архиве среди документов января-февраля 1944 г.).[122] Вначале в справке приведены общие сведения обо всех легионах и их подразделении. Автор не сомневался в боевых качествах легионеров: "тюркские и кавказские народности хорошо готовы к борьбе на Востоке, в особенности в борьбе против бандитов (партизан - И.Г.). Они надежнее, чем русские или украинцы, которые в Советской Армии составляют большинство и противостоят остальным. (...) Они должны составить основу действенной вооруженной силы..." Он считал, что перед ними необходимо поставить ясную политическую перспективу, а при этом уже есть повод для оптимизма - "фюрер как будто высказался за определенную форму государственности татарского, туркестанского и кавказского пространств". Последнее было абсолютной выдумкой, слухом, и об этом уже говорилось в первой главе настоящей книги. Наиболее "надежными" в документе назван был Туркестанский легион, так как среднеазиатские народы "мало что связывает с Советским Союзом", и "они как мусульмане враждебно настроены не только к большевикам, но и к русским".

Но выводы инспектора, опирающиеся не на предположения, а на реальную практику, оказались совсем неутешительными: налицо была явная конкуренция между Восточными легионами, тюркским соединением СС и 162-й тюркской дивизией фон Нидермайера, легионеры были очень восприимчивы к "вражеской пропаганде", совсем не умели хранить военную тайну, часты были случаи дезертирства. Дальнейшее существование Восточных легионов в той форме в итоге он назвал бессмысленным и опасным. Как оказалось, генерал Хелльмих вообще предлагал распустить Восточные легионы, но это предложение поддержки не нашло. Фриц Заукель, ответственный за трудовую повинность в "третьем рейхе", предложил привлечь 10 000 легионеров к трудовым работам в Германии. И автор справки в итоге посчитал наиболее приемлемым вариантом использования восточных добровольцев направление их на трудовые работы в Германию. Этим легионеры в понимании германского эксперта были бы оторваны от пресловутой "вражеской пропаганды", которой в Польше они избежать не могли, уменьшился бы риск дезертирства. Но тут же высказан "серьезный" контраргумент: после передислокации тюркских легионеров на территорию рейха может возникнуть проблема "кровосмешения". И теперь, как видим, когда речь идет даже не об отправлении на фронт, а о гораздо более бес-

проблемном использовании легионеров в качестве рабочей силы, все равно находится повод для сомнений и колебаний.

Два упомянутых отчета начала 1944 г. вряд ли были единственными и основными для решения судьбы Восточных легионов, скорее всего, они были одними из многих подобных документов. Но им присуще то общее, что характеризовало отношение германской стороны к сотрудничеству с восточными народами: есть доводы для использования восточных добровольцев в каких-либо акциях - военных или цивильных, но всегда находятся и очень веские контраргументы. Постоянная непоследовательность - характерная черта этого отношения - очень ярко прослеживается в цитированных отчетах.

Теперь обратимся к очень важному вопросу: как же немецкому командованию представлялись Восточные легионы в идеале, какими оно хотело их видеть? Ответить на этот вопрос помогает целый ряд очень своеобразных источников, подписанных командиром Восточных легионов генералом Р.фон Хайгендорфом весной-осенью 1943 г. - это так называемые "памятки"(Merkblätter), отпечатанные в виде брошюр. Эти документы помогают довольно зримо воспринять атмосферу внутри всех легионов, взаимоотношения между легионерами и немецким персоналом, основные проблемы, которые пыталось решить германское командование и которые стояли перед рядовыми легионерами. В какой-то мере памятки генерала фон Хайгендорфа отражают так и несбывшиеся надежды нацистской Германии на успех акции с Восточными легионами. Поэтому вполне возможно более подробно остановиться на содержании ряда этих любопытных источников.[123]

Памятка № 1 от 1 июля 1943 г. обращена к немецкому персоналу легионов и касается проблемы взаимоотношений с легионерами. Фон Хайгендорф выступает здесь в роли тонкого "психолога", "аналитика", подробно объясняя своим соотечественникам особенности характера и привычки восточных народов. Очевидно, что он опирался в своих "теоретических изысках" не только на свой опыт, у него получилось своеобразное обобщение немецкой позиции. В его объяснениях явно чувствуется оттенок пренебрежения. На что же он обращает внимание?

Своим немецким подчиненным генерал сразу заявляет: "Тюркские легионеры очень восприимчивы к чужому влиянию, поэтому воспитание их - задача очень важная, и в случае успеха они будут с нами до конца. Важно не допустить влияния на легионеров извне - со стороны враждебно настроенного населения, со стороны вражеских агентов изнутри". Он призывал немецкий персонал видеть в восточных добровольцах "равноправных союзников": "Следует забыть, что это бывшие военнопленные, нельзя видеть в них людей, которые по моральным, расовым, культурным качествам ниже немецкого солдата". Понимая, что немецкий персонал, который прислан был служить в легионы, не имеет никаких знаний о народах СССР, генерал объяснял: "Восточные добровольцы очень различны даже по своей географической принадлежности: частью это чистые азиаты, частью - примитивные горские народы Кавказа или южного Туркестана, частью - обитатели степей и областей между Волгой и Уралом. Они преимущественно дети природы с простейшими потребностями - голод и любовь. Среди них можно

встретить и много образованных и интеллигентных людей, 25 лет воспитывавшихся в большевистском духе, поэтому настроенных к нам очень критически". Автор особо останавливается на жизненных привычках и представлениях легионеров: "Их жизненные привычки примитивнее, чем наши. Гигиена, чистота, порядок - о многих таких вещах они и не слышали. У них нет понимания бережливости, пунктуальности, живут они "от руки до рта", неторопливо, не зная даже порой деления времени. Также отличаются и их моральные качества. Долг, ответственность - это выглядит для них дико и примитивно. Они склонны к воровству, мести, разбою. Тяжело давит на них воспоминание о плене (воспоминания о голоде, о пережитом духовном унижении)".

Таковы размышления представителя "высшей расы" - в легионерах он видит не обычных людей, которые волей судьбы стали "союзниками" немцев, а "детей природы", обуреваемых лишь низменными страстями, которых немцы должно терпеливо перевоспитывать. Даже допущенные легионерами ошибки (неизвестно, правда, о каких ошибках идет речь), автор памятки объяснял "недисциплинированностью примитивных детей природы".

Если фон Хайгендорф явно не преуспел в психологических характеристиках, занявшись развешиванием ярлыков, то в рассмотрении внутренних взаимоотношений немцев и легионеров он гораздо более точен. Точен он, на мой взгляд, уже в определении мотивов перехода красноармейцев на немецкую сторону: "Основной их мотив для сотрудничества с нами - материальный. Немаловажен и идеальный момент - речь идет о тех, кто переходит к нам из внутренних побуждений, ненавидит НКВД, хочет мстить. Другими же движет желание хорошего обеспечения, одежды, размещения, тоска по свободе". Очень важным представляется перечисление конкретных конфликтных ситуаций, которые вызывали недовольство легионеров:

"1. Неодинаковое обхождение в бою и после него.

2. Различное отношение фельдшеров к немецким солдатам и легионерам в лазаретах.

3. Запрет пользования немецкими солдатскими домами.

4. Недопущение легионеров в немецкие железнодорожные вагоны и отправка их польскими вагонами.

5. Разный уход за немцами и легионерами.

6. Слабый уход за ранеными легионерами".

Немецкий персонал по мнению командира Восточных легионов должен был пересмотреть свое отношение к восточным легионерам: "Немецкие солдаты должны быть образцом: никакого пьянства в присутствии легионеров, никакой непунктуальности, никакого обсуждения приказов вместе с легионерами, никаких унижений немецкого персонала перед легионерами" - так поучал их фон Хайгендорф. Но жизнь вносила свои коррективы: столь желаемого взаимопонимания не было. В данном конкретном документе приведено лишь несколько примеров таких "образцовых" взаимоотношений: как немецкие солдаты грубо отчитывали легионеров, как "ради смеха" одному легионеру за шиворот забросили горячую картофелину. Призывы к справедливости, к человечным отно-

шениям на таком фоне выглядят, конечно, не очень убедительно. Тем более, что "удачная" психологическая характеристика легионеров сама по себе уже во многом перечеркивает такие призывы.

Вопросы дисциплины стали основными для памятки № 2 от 25 мая 1943 г., которая требовала выявлять все случаи ее нарушения, предусматривала конкретные штрафные санкции к нарушителям.

Памятка № 3, датированная 1 июля 1943 г., посвящена вопросам духовного воспитания легионеров и обращена к немецким офицерам Восточных легионов. Генерал ставит перед ними три цели политического образования:

"1. Оторвать легионеров от большевистского мышления;

2. убедить их в необходимости совместной борьбы против большевизма, капитализма и русского империализма;

3. пробудить национальное самосознание". Далее приводятся рекомендации, как лучше организовать работу по достижению таких целей. По мнению фон Хайгендорфа, "легионеры к любой пропаганде относятся с определенным недоверием, поскольку уже имеют опыт с советской пропагандой, с армейской пропагандой". Поэтому он считал нецелесообразным проведение "занудных лекций и нравоучений", лучше было провести разговор по поводу какого-либо события, личную беседу по конкретному вопросу. Одним из важных средств пропаганды генерал считал "пропаганду делом", что включало организацию ознакомительных поездок легионеров по Германии, их знакомство с жизнью немцев, в конечном итоге "германская победа" стала бы решающим фактором для "духовной победы". Более подробно о том, как ковалась эта "духовная победа" будет рассказано в следующей главе книги.

Памятка № 4 также от 1 июля 1943 г. посвящена вопросам военной подготовки легионеров и вновь адресована немецким офицерам. Поскольку степень боеготовности восточных добровольцев для немецкой стороны приобретала особо актуальный характер, то повышенное внимание фон Хайгендорфа этому вопросу понятно. Его рекомендации в документе довольно точны и конкретны. Он отмечал сильные стороны легионеров: исходя из своего умозаключения, что "тюркские народы - это дети природы", он делал вывод, что они легко свыкаются с обстановкой, осваиваются на новом месте, физически хорошо подготовлены, имеют острый глаз, наблюдательность, охотно изучают военную технику. Но он предупреждал своих немецких подчиненных и об их явных "слабостях": "солдаты различны по уровню знаний, не любят индивидуальную воспитательную подготовку. Они любят общие военные игры, но у них нет фантазии, они ограничены. Кроме того, у них слаба воинская дисциплина".

Памятки № 5 и № 6 датированы 1 сентября 1943 г. Первая из них обращена к врачам Восточных легионов и утверждает среди прочего, что такие понятия как чистота и гигиена чужды для восточных добровольцев. Вторая же - к штабам Восточных легионов и затрагивает целый комплекс вопросов руководства и воспитания легионеров. Генерал полон оптимизма в оценке боевых качеств своих подразделений: " Добровольческие соединения на фронтах Востока и Запада, в борьбе с бандитами на внутреннем фронте показали ясно, что созда-

ние их было правильным и целесообразным". (Так было заявлено тогда, когда уже встал вопрос о передислокации Восточных легионов на Западный фронт из-за их "ненадежности"!). Он ставит четыре вопроса, которые, на его взгляд, являлись наиболее актуальными при руководстве легионами:

1. Какие народы представляют восточные добровольцы?
2. Какие качества имеют тюркские солдаты?
3. Какова боеспособность легионеров?
4. На что следует обращать внимание при работе с добровольцами?

Фон Хайгендорф объясняет, что представляют из себя "хивис", что такое "Русская добровольческая армия", "Украинская освободительная армия", Восточные легионы. При характеристике последних он уже избегает столь категоричных суждений о тюркских народах, которые встречались в первой памятке. По-видимому, учитывалось, что настоящий документ может быть прочитан не только немецкими офицерами, но и представителями самих народов при штабах легионов, которые могли бы счесть себя оскорбленными из-за вышецитированных откровений командующего. Здесь тюрки - "это старые культурные народы, которые на основе своего своеобразия, связи с прежними своими достижениями, религии и обычаев отрицали большевизм и поднимали восстания против большевиков. (...) Они не военнопленные, они по своему желанию перешли на нашу сторону и после принятия присяги будут иметь все права и обязанности немецкого солдата". Все это, по Хайгендорфу, необходимо было постоянно объяснять немецким солдатам, ибо "добровольцы не чужие для нас и не солдаты второго сорта. Они сражаются за свою родину, за ее освобождение".

Совсем иной тон документа и при перечислении качеств легионеров. При том подчеркивается лишь сильное восточное, мусульманское влияние на их мироощущение и делается "глубокомысленный" вывод: "Никогда, конечно, из тюрков не удастся сделать немцев или же превратить их в прусских гренадеров". Об их недисциплинированности генерал уже не распространяется, ссылаясь на свою же памятку № 2, в которой он уже давал пояснения об этом.

Боевой потенциал легионеров оценен им так: "В тяжких боях они показали себя достойно, их боевые качества очень высоки". Автор памятки рекомендовал: " При подключении легионеров к боевым действиям следует сначала применять их на более легких участках, а в тяжелых же ситуациях обязательно перемешивать их с немецкими войсками. Батальоны более приспособлены к задачам обороны и несения охраны, чем для активных наступательных действий. Они особенно хороши для проведения разведывательных мероприятий, борьбы в лесу, в условиях плохой видимости. Со временем их можно применять в составе немецких соединений и для решения более сложных боевых задач, особенно если они показали свою боеспособность". Фон Хайгендорф, правда, не преминул указать: " Во время боевых действий легионеры всегда должны быть вместе, так как восточные народы имеют стадное чувство - вместе они ощущают себя сильнее, а поодиночке теряются".

В памятке вновь обращено внимание на проблему взаимоотношений между немецким персоналом и восточными легионерами: "Любое оскорбление, фи-

зическое или моральное, может привести к серьезным неудачам, поэтому таковые строго запрещаются! В подобных случаях виновные могут быть привлечены к военному суду",- предупреждал генерал и обращался к командованию немецких частей с просьбой: "Заботиться о тюркских легионерах также, как и о немецких солдатах. Раз тюркские легионеры борются на нашей стороне, проливают за нас кровь и погибают, то они должны иметь такие же права и привилегии как и немецкие солдаты".

Итак, в памятках генерала фон Хайгендорфа, как мне представляется, налицо своеобразная смесь из вполне здравых, точных наблюдений и надуманных, фальшивых заключений, которые, безусловно, восходят к высокомерным общегерманским стереотипам того времени, к требованиям национал-социалистской теории и, наконец, к обычному невежеству. Тем не менее они действительно позволяют нам лучше понять общее отношение немецкой стороны к созданным и создаваемым соединениям восточных народов, хотя реальность была довольно далека от пожеланий и стремлений командира Восточных легионов. Это сказывалось во всем: во взаимоотношениях в легионах, в общей дисциплине, в участии легионеров в отдельных военных операциях.

Не на пустом месте возникли увещевания и запреты фон Хайгендорфа к немецкому персоналу относительно их отношений с сослуживцами. Эти отношения так и не стали не то чтобы дружескими, но даже, по-видимому, и терпимыми. Некоторые примеры таких "дружеских" отношений уже были приведены выше. Упомянем еще некоторые (неясно, правда, о каких легионах идет речь): адъютант батальона заставил многократно "лечь-встать" обер-муллу, который опоздал на парад по случаю принятия присяги; то же самое проделал батальонный врач с другим муллой, который из-за свершения религиозных обрядов опоздал к медицинскому осмотру; третьему мулле отрезали бороду, когда он потерял сознание в стоматологическом кресле.[124]

Легионеров крайне задевало откровенное неравноправие их с немцами: на железнодорожных вагонах на территории Польши стояла надпись: "Поляки, евреи, легионеры - в последний вагон!", они изгонялись порой из бомбоубежищ во время воздушных налетов, им не разрешалось посещать немецкие солдатские дома, немецкие солдаты не обязаны были отдавать честь офицерам и унтер-офицерам из восточных народов, а должны были только "приветствовать" их.[125] В источниках даже есть сведения о том, что любой приказ идель-уральского офицера легиона мог быть оспорен немецким солдатом, а любой доброволец по заявлению представителя немецкого персонала без проведения следствия мог быть отправлен в штрафной лагерь (в том же источнике, правда, отмечено, что с осени 1943 г. во взаимоотношениях немцев с восточными добровольцами был наведен определенный порядок).[126] Обращение немцев с восточными рабочими, с которыми легионеры поддерживали контакты, также оказывало свое влияние на настроение последних: восточные рабочие должны были носить специальные значки, им было вообще запрещено пользоваться железными дорогами и трамваем, гостиницами и почтой, посещать кино и пр.[127]

Очень ясно проблема взимоотношений легионеров с немецкими сослуживцами раскрыта в памятной записке упоминавшегося уже майора Майер-Маде-

ра, человека в этих вопросах куда более сведущего, чем генерал фон Хайгендорф. "Немцы воспринимали мусульман не как таковых, а как большевиков, как бывших военнопленных. Исходя из этого строились их взаимоотношения. (...) В ротах было около 150 мусульман и 8-15 немцев, которые из-за противоречий и незнания языка составляли два лагеря. До осени 1943 г. пропасть между лагерями стала такой глубокой, что недовольство тюрков начало проявляться активно, и они стали совсем беспомощны перед лицом вражеской пропаганды. (...) Проявления недовольства наказывались строго, а причины его практически не изучались",- очень точно констатировал Майер-Мадер одну из острейших проблем Восточных легионов.[128]

Проявления протеста в легионах и реакция немецкой стороны.

Недовольство легионеров существующим положением дел проявлялось по-разному: как в элементарном виде - в нежелании их далее воевать на немецкой стороне, так и на более серьезном уровне - многие легионеры при возможности перебегали к партизанам, другие же готовились к масштабным вооруженным выступлениям. Отмечу, что проявления протеста и "нарушения дисциплины" легионерами не всегда носили политический характер или являлись следствием действий подпольных групп (как бы ни хотелось некоторым исследователям ограничиться исключительно подобным толкованием, хотя таких случаев было немало) - иногда они приобретали даже характер обычных уголовных преступлений. "Проступки" легионеров были вызваны различными причинами, поэтому, очевидно, правильнее по-разному характеризовать каждый случай отдельно. При этом такие проявления имели место почти с самого создания легионов: 15 мая 1943 г. генерал фон Хайгендорф отмечал в особом приказе наиболее серьезные "нарушения дисциплины":[129] армянский легионер изнасиловал 16-летнюю польскую девушку и военным судом был приговорен к семи годам тюрьмы; азербайджанский легионер публично критиковал Гитлера - был приговорен к смертной казни; в одном из легионов имела место массовая пьянка; в Северо-кавказском легионе было отмечено проявление кровной мести; из Грузинского легиона сбежало несколько легионеров; почти во всех легионах имелись случаи совершения разбоев и мародерства. Но самый серьезный "проступок" в декабре 1942 г. был зафиксирован в Волго-татарском легионе. Тогда здесь была раскрыта "подрывная коммунистическая группа". К ней принадлежали один командир роты, один заместитель командира роты и один командир взвода, которые "пытались распространять среди легионеров коммунистические идеи, чтобы поднять их в подходящий момент против германского вермахта". В документе отмечалось, что "в кругу товарищей они делали критические замечания о вооружении германских солдат, ругали обеспечение в армии, распространяли листовки с мыслями о том, что немецкая военная сила заметно ослабла, при этом преувеличивая якобы имевшие место советские успехи". Командир роты обвинялся и в том, что он заставлял командиров взводов избивать легионеров, чтобы они лучше познакомились с "немецкой палочной дисциплиной". "Таким образом, - делался вывод, - они должны были подстрекаться и возвращаться

к пролетарским идеалам коммунизма". Одного из переводчиков как будто специально заставляли переводить неправильно высказывания легионеров, которые лояльно относились к Германии: "их высказывания сознательно переводились неправильно, чтобы вызвать к ним недоверие со стороны немецких представителей, чтобы они предстали предателями в их глазах". 27 марта 1943 г. состоялся военный суд, который решил судьбу арестованных. Имена осужденных участников этого первого в Волго-татарском легионе заговора, к сожалению, неизвестны. Командир роты, его заместитель и командир взвода "за подрыв обороноспособности" были приговорены к шести годам каторжной тюрьмы каждый. Относительно приговора фон Хайгендорф подытожил: "Приговор по третьему случаю представляется мне слишком мягким, поэтому легионеров о нем извещать не следует. Устрашающего воздействия на соответствующий походный батальон, который перед объявлением приговора был отправлен на фронт, не получилось. Батальон оказался не готовым к решению боевой задачи".[130] Речь здесь идет о первом из сформированных татарских батальонов - 825, о котором будет рассказано ниже.

Таким образом, мы видим, что противоречия, переходившие в настоящее противостояние, не только на бытовом уровне, но и на идейном, имели место в Волго-татарском легионе уже осенью 1942 г. Трудно сказать, была ли связана эта первая группа с более известной группой Мусы Джалиля или нет, данных об этом не имеется.[131] Однако знаменательно, что уже до раскрытия и ареста Джалиля и его соратников в легионе существовала довольно активная подпольная организация, которая вела пропаганду против Германии. Деятельность группы Мусы Джалиля в историографии, а еще более в публицистике представлена очень подробно, поэтому в данном случае не будем останавливаться на этом сюжете, тем более, что каких-либо принципиально новых документов об этом в немецких архивах мне обнаружить не удалось.

"Нарушения дисциплины" в Восточных легионах понятным образом очень беспокоили германское командование. Но выход ему виделся не в кардинальных изменениях внутренней атмосферы, политических установок или в чем-то подобном, а лишь в обыкновенном усилении штрафных санкций против "нарушителей".

Система штрафных лагерей и наказания проштрафившихся легионеров начала складываться уже с лета 1942 г., хотя уже в цитировавшемся выше приказе от 24 апреля 1942 г. речь шла о "совершивших серьезные проступки" или "политически неблагонадежных" лицах, выявленных в период формирования легионов. Таких людей предполагалось отправлять обратно в лагеря для военнопленных. О специальных же штрафных лагерях речь зашла впервые в приказе командующего округом в "генерал-губернаторстве" от 1 августа 1942 г. тогда при шталаге 333 в Острове-Мазовецком было создано "особое отделение", куда должны были отправляться все "штрафники" из тюркских народов.[132] Этот лагерь был разделен на две части: одна для сбора будущих легионеров, другая - для "нарушителей дисциплины". По статусу "штрафники" приравнивались к советским военнопленным (т.е. становились фактически бесправными), их предписывалось использовать на трудовых работах.

По-видимому, нарушений не только дисциплинарных становилось все больше и больше, поэтому в документах от декабря 1942 г. уже упоминается и специальный лагерь для "политически неблагонадежных" - шталаг 307 в Демблине (он еще именовался "У-лагерь Демблин"). В него направлялись "бывшие тюркские офицеры и солдаты, которые не совершали штрафных проступков, но вследствие своей политической неблагонадежности не могут быть зачислены в легион". При этом решение о направлении в тот или иной лагерь принималось ответственным за работу с военнопленными в Люблине, куда вначале прибывали "нарушители". На сопроводительных документах заключенных в лагерь Демблин обязательно ставился штамп "политически неблагонадежен". И в том и в другом лагере офицеры и солдаты содержались отдельно.[133] "Штрафников" во всех легионах было явно немало: выше цитировался документ с цифровыми данными по лагерям на территории Польши от 14 января 1943 г. - тогда в штрафном лагере Остров-Мазовецкий находилось 10 тысяч легионеров.

Указанные два лагеря являлись основными штрафными центрами для восточных добровольцев. Такой статус они сохранили по крайней мере до конца лета 1943 г. (они упоминаются, например, в приказах генералов Хелльмиха и Хайгендорфа от 18 и 25 марта, 20 апреля, 22 июня[134]). 28 июня 1943 г. ответственный за работу с военнопленными в "генерал-губернаторстве" Виттас дал подробные указания по "особым" лагерям Остров и Демблин. Согласно указаниям, все бывшие легионеры, отправленные в эти лагеря считались исключенными из вермахта. Кто до легиона был военнопленным, тот вновь получал статус военнопленного, остальные же в лагере Остров именовались "заключенными", в Демблине - "интернированными". Снабжались однако все по нормам военнопленных. Каждый из лагерей делился на два отдела - "проверочный" и "постоянный". Все прибывшие поступали в "проверочный отдел", и те, кто признавался " неспособным измениться к лучшему" переводились в отдел "постоянный" или же в какой-либо иной лагерь для военнопленных красноармейцев. В "постоянных отделах" заключенные находились под строжайшим контролем и применялись на самых тяжелых работах. В редких случаях, если провинность "штрафника" считалась не такой "серьезной", дело его могло быть пересмотрено. Из документа не совсем ясно, что ждало его при благоприятном исходе пересмотра. А самым обычным итогом для заключенных в этих "особых" лагерях являлся перевод в иной лагерь для военнопленных. Офицеров, например, отправляли, как правило, в лагерь Ченстохово.[135]

В сентябре 1943 г. в системе лагерей Восточных легионов в целом были произведены некоторые перемены. Это коснулось и штрафных лагерей: лагерь Остров был расформирован, а заключенные в нем распределялись по лагерям Седльце А, Демблин, Демблин-Цитадель.[136] Лагерь Седльце (шталаг 366) с 6 октября 1943 г. стал именоваться "лагерем для исключенных" (там же находился и предварительный лагерь всех легионов). Несколько туманный термин "исключенный" заменил ранее употреблявшийся "политически неблагонадежный".[137]

Одной из самых распространенных форм протеста и фактически одним из главных показателей "ненадежности" становилось бегство легионеров из своих соединений, т.е. по немецким понятиям - "дезертирство", и, как правило, пе-

реход их на сторону партизан, отрядов Сопротивления в той или иной стране. Такие случаи происходили часто и повсеместно, уходили легионеры и по отдельности, и целыми группами. Общие показатели "дезертирства" в 1943 г. колебались от 8 до 10% от численности состава, до 1945 г. цифра эта уменьшилась на 2-3%.[138] По мнению Х.В.Нойлена, уменьшение относительного числа "дезертиров" в последние годы войны было не в последнюю очередь связано с некоторым улучшением статуса легионеров, так как теперь они именовались "восточными добровольцами", были приравнены к немецким солдатам в униформе, в правилах награждения и солдатского жалования.[139]

Не совсем верным было бы представление, что кроме штрафных санкций германское командование не предпринимало никаких иных мер, чтобы изменить в положительную сторону внутреннюю ситуацию в Восточных легионах. Оно использовало не только "кнут", но и "пряник". Попытки к тому, конечно, делались. Сюда можно отнести и цикл "памяток" генерала фон Хайгендорфа, направленных прежде всего на улучшение общей атмосферы и взаимопонимания в легионах, и проведенную реорганизацию командования Восточных легионов, и установленную систему поощрений и наград для восточных добровольцев. Еще 14 июля 1942 г. была учреждена специальная медаль для восточных добровольцев двух степеней - "знак за храбрость и заслуги"[140], в последний период войны восточных легионеров усилиями генерала добровольческих соединений Кёстринга начали награждать даже Железными крестами.[141] Такие награды, как правило, вручались публично, в торжественной обстановке: например, сообщения об этом регулярно публиковались в газете Волго-татарского легиона "Идель-Урал". В начале августа 1943 г. командир легиона майор фон Зеккендорф вручил медали шести легионерам за участие в борьбе против партизан, а 10 сентября на праздновании годовщины легиона различные награды были вручены уже 60 легионерам (газета без особых подробностей перечисляет некоторых награжденных: Галлямов, Сабитов, Хусаинов, Батыршин, Алкин, Зайнетдинов, Шамиев, Исмагилов, Галимов, Лутфуллин и др.).[142] 30 марта 1944 г. для обобщения положительного опыта генерал Кёстринг приказал улучшить информированность легионеров обо всех "достижениях".[143] Для этого предусматривалось: давать более подробную информацию в его ведомство о каждом "достижении" соединения или отдельных добровольцев, минимум раз в месяц отправлять в Берлин краткие сообщения с обобщением положительного опыта, подчеркивая и указывая при этом совместные боевые действия, проявления храбрости, награды, примеры проведения досуга, спортивные достижения, успехи в изучении немецкого языка, примерное поведение вне службы, спасение раненых и т.п.

Однако и штрафные санкции, и создание особых лагерей, и награждение "отличившихся" легионеров, и прочие организационные мероприятия изменить ситуацию с Восточными легионами коренным образом не смогли. Большинство батальонов так и не стало по-настоящему боеспособными соединениями. Это показывают случаи конкретного подключения их к военным операциям.

Восточные легионы в военных операциях на Востоке.

Было бы все же заблуждением и крайностью считать, что создание Восточных легионов привело к абсолютному краху. Вероятно правильнее говорить, что во многом и в силу разных причин эта идея оказалась невыполнимой и невыполненной. Но необходимо также учитывать, что определенная и немалая часть восточных легионеров перешла на немецкую сторону и пошла в легионы вполне осознанно, и среди них были и подлинные противники Советской власти. Поэтому видимо следует сказать и о тех примерах, когда некоторые из таких соединений оправдали в глазах немецкой стороны свое предназначение.[144]

В ноябре 1941 г., т.е. еще до создания Восточных легионов, принимал участие в боевых действиях упоминавшийся выше 444-й тюркский батальон (в районе Перекопа и устья Днепра). Летом 1942 г. на фронт было отправлено соединение "Бергман"("Горец"), батальоны которого позднее, осенью 1943 г., отмечались германским командованием как "особо отличившиеся" в боях на Крымском полуострове.[145]

Ответственный германский чиновник Ханс фон Херварт, который очень много ездил с инспекционными целями по частям отмечал, что в каждом немецком соединении на Восточном фронте от 10 до 15% составляли восточные добровольцы.[146]

По данным Олафа Каро, три туркестанских батальона принимали участие в боях на Сталинградском направлении, при этом большинство легионеров погибло; а шесть батальонов уже в самом конце войны было задействовано в обороне Берлина.[147]

По меньшей мере шесть туркестанских, три северо-кавказских, пять азербайджанских, четыре грузинских и два армянских батальона участвовали в наступлении германской армии на Кавказ в 1942-1943 гг.[148]

836-й северо-кавказский батальон участвовал в боях под Харьковом, а азербайджанские батальоны привлекались к подавлению Варшавского восстания в сентябре-октябре 1944 г.[149]

Но далеко не все из задействованных на фронте восточных батальонов оправдали надежды германского командования. Поэтому в течение 1943 г. их чаще стали применять в тыловых областях: для борьбы против партизан, для охраны железных дорог и населенных пунктов, для несения таможенной службы и т.п. Такое их применение оказалось гораздо более масштабным, к подобным мероприятиям были привлечены и батальоны Волго-татарского легиона.

Одно из первых упоминаний об этом относится к 24 апреля 1943 г., когда командующий военным округом в "генерал-губернаторстве" приказал выделить до 500 тюркских легионеров для несения таможенной пограничной службы. Из них 300 человек направлялось на восточную границу "генерал-губернаторства" а 200 - на границу Украины с Венгрией.[150] Весной-летом 1943 г. на Украину прибыло также несколько азербайджанских, волго-татарских, грузинских и туркестанских батальонов, которые предполагалось использовать и для борьбы против партизанского движения. И к середине августа 1943 г. общее число восточных легионеров в районе Львова уже составляло 31 тысячу.[151] Падение дисциплины,

откровенное нежелание воевать, учащающиеся факты перехода легионеров на сторону партизан, усиливающееся влияние "вражеской пропаганды" заставляли немецкое командование убирать наиболее "ненадежные" части, присылая на их место новые. Вновь прибывшие, однако, демонстрировали те же качества. Поэтому с Украины восточные легионы постепенно начинают убираться вообще. Численность их в этом районе колебалась, но неуклонно сокращалась: на 17 сентября 1943 г. легионеров в районе Львова насчитывалось по военным сводкам 17 202 человека, на 18 октября - 26 267; на 20 ноября - 13 514; на 17 декабря - 10325; на 18 января 1944 г. - 12 796; на 20 февраля - 10 876.[152] Летом 1944 г. заметных по численности соединений восточных легионеров на Западной Украине не осталось - они либо были передислоцированы на Запад, либо расформированы, либо им были приданы другие, не боевые функции.

Но уже намного раньше, в конце 1943 г. существовавшая было поначалу эйфория у некоторой части германских политиков и военных по поводу создания легионов, сменилась недоумением, а затем и вовсе разочарованием. Во всей остроте вставал вопрос: что же делать с этим соединениями дальше, поскольку возлагавшихся на них функций они в целом не выполнили? Успешное наступление Красной Армии оказывало серьезное влияние на "боеспособность" Восточных легионов и приводило германское руководство к идее отдаления восточных легионеров от этой военной и идеологической "опасности". В итоге было принято поистине "соломоново" решение: раз уж легионы на Востоке сделать по-настоящему ничего не смогли, попадали под влияние советской пропаганды," коммунистических агентов", местного населения, то следует перевести их подальше, а именно на западный театр боевых действий, на защиту так называемого Атлантического вала. Как будто авторы этой идеи не понимали: если уж на Востоке идея "борьбы с большевизмом", за "освобождение родины" оказалась для многих легионеров призрачной целью, то на Западе почва из-под их ног и вовсе уходила. За что они должны были проливать кровь на Западном фронте?

Восточные легионы во Франции.

События этого последнего периода войны и последнего этапа в истории Восточных легионов в источниках отражены еще более отрывочно и неполно, чем предыдущие. Тем не менее в общих чертах она выглядит примерно так.

29 сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение о переводе всех восточных добровольцев с Востока на Запад,[153] и это нашло отражение в приказе германского Генштаба от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43) о переводе Восточных легионов с территории Польши во Францию в распоряжение командующего группой армий Запад в городе Нанси.[154] Передислокацию полагалось осуществлять в следующем порядке:

1. Грузинский легион; 2. Северо-кавказский легион; 3. Командование Восточных легионов; 4. Офицерская школа в Легионово; 5. Волго-татарский легион и школа переводчиков; 6. Армянский легион; 7. Туркестанский легион; 8. Азербайджанский легион. Речь шла, таким образом, не об абсолютно всех восточных

батальонах, часть из них оставалась на месте несения службы. Переводились во Францию все структуры командования Восточных легионов, так называемые основные лагеря и часть батальонов.

Для осуществления этого масштабного мероприятия был создан специальный ликвидационный штаб под командованием полковника Мёллера, который в Едлино создал временный предварительный лагерь, где и решались все вопросы передислокации. Вначале все отбывающие соединения и структуры прибывали именно сюда. Ликвидационный штаб проверял "надежность и годность" соединения и принимал решение: отправлять его далее во Францию или расформировать. В последнем случае бывшие легионеры приписывались к отдельным строительным или саперным соединениям.[155] Впоследствии, в феврале 1944 г., ликвидационый штаб, выполнивший свои функции был переименован в "командование восточных отрядов в генерал-губернаторстве", поскольку, как уже было сказано, часть батальонов еще оставалась в Польше и на Украине.[156]

Порядок, предусмотренный приказом, в целом соблюдался: например, основной лагерь и командование Волго-татарского легиона покинули Едлино 19 октября 1943 г., а командование и штаб Восточных легионов отправились в путь 24 октября.[157] Транспортировка осуществлялась специальными военными эшелонами и очень поспешно: полевая комендатура 225 сообщала 21 октября, что "транспортировка Восточных легионов создает большие сложности, огромное количество легионеров скопилось в Варшаве".[158] И все же в первой половине ноября 1943 г. передислокация была в основном завершена: на 1 марта 1944 г. в распоряжении командующего группой армий Запад находилось по официальным данным 61 439 иностранцев и восточных добровольцев.[159]

Командование Восточных легионов во Франции в октябре 1943 г. находилось в г. Нанси (Восточная Франция), но уже в конце ноября было переведено далее на юг в г. Мийо: на 21 ноября в Мийо, кроме штаба уже находились уже все шесть легионов (т.е. их командование и основные лагеря), офицерская школа и школа переводчиков - общая численность легионеров составляла 10 500 человек (сюда явно не включена численность отдельных батальонов, которые находились в отдельных районах Франции, Голландии и Бельгии).[160] Скорее всего, в связи с неблагоприятным для немцев развитием военной ситуации 15 марта 1944 г. командование восточными соединениями из Мийо вновь вернулось в Нанси (речь идет именно о бывшем командовании Восточных легионов, а не о командовании всеми соединениями добровольцев).[161]

В начале 1944 г. во Франции произошла серьезная реструктуризация соединений из восточных народов, которая, вероятнее всего, имела целью усилить контроль за ними и добиться их максимальной боеготовности. Здесь в феврале 1944 г. была сформирована новая структура, названная Основной добровольческой дивизией (Freiwilligen Stamm Division) с центром в Лионе и под командованием сначала полковника Хольсте (генерал фон Хайгендорф, как уже упоминалось, был отозван в распоряжение ОКХ в Берлин). В конце марта 1944 г. Хольсте заменил генерал-майор фон Хеннинг. Названная дивизия делилась на ряд полков по национальному признаку, включая соединения из русских, украинцев и казаков. Волго-татарский

легион, командование которого расположилось в городе Ле Пюи, относились ко 2-му полку, и соединение продолжало именоваться и Волго-татарским легионом в составе 2-го полка. К этому же полку относились Азербайджанский и Армянский легионы. Численность легионов по констатации генерала фон Хайгендорф к тому времени уже не возрастала, она даже начала неуклонно сокращаться.[162]

Возможно, что параллельно и на территории Германии создавались командные инстанции некоторых легионов. Так, автор рукописи "Волго-татарский легион" сообщал, что он "с ноября 1943 по июль 1944 г. находился во Франции (хронологические рамки не совсем понятны - И.Г.), и включительно до января 1945 г. - в Нойхаммере".[163]

Дислоцированные в разных странах и районах Западной Европы восточные батальоны предназначались не только для обороны Атлантического вала, но и так же, как и на Востоке, для борьбы против партизан. Так, например, в немецкой акции против французских маки в департаменте Шанталь в начале июня 1944 г. принимало участие три роты из Волго-татарского легиона, в начале августа подразделения Волго-татарского легиона участвовали в таких же акциях в районах населенных пунктов Иссуар и Рошфор (в районе города Клермон-Ферран).[164]

Восточные легионы во Франции в целом продемонстрировали те же самые качества, что и раньше на Украине: некоторые из них немецким командованием были отмечены как "прекрасные, боеспособные соединения" (грузинский батальон 795 при обороне Шербура от войск союзников), другие же воевать больше не желали, переходили на сторону партизан (например, грузинский батальон 797 развалился совсем; из северо-кавказского батальона 800 только за один день боев под Брестом убежало 203 человека). По сведения Х.В.Нойлена только во Франции войсками союзников было пленено около 30 000 восточных добровольцев.[165] Крупнейшим событием стало восстание грузинского 822 батальона против немцев на голландском острове Тексель в ночь с 5 на 6 апреля 1945 г., когда грузинские легионеры попытались с оружием в руках перейти на сторону союзников. Восстание стоило жизни 565 грузинам, 117 голландцам и около 800 немцам.[166]

Стабильную "ненадежность" демонстрировали подразделения Волго-татарского легиона. 13 июля 1944 г. полевая комендатура 588 в Клермон-Ферране явно с горечью констатировала в своей сводке: "Разведывательная группа татарского легиона не смогла добиться ничего большего, чем поймать нескольких ранее сбежавших армянских легионеров".[167] В ночь с 29 на 30 июля 1944 г. один русский офицер и 78 легионеров Волго-татарского легиона, по сообщению той же комендатуры, перебежали к партизанам, а оставшиеся были тут же возвращены в казармы.[168] Таких примеров, когда восточные легионеры перебегали к партизанам в последний период войны, известно множество. Некоторые из них еще будут упомянуты при более подробном рассказе о волго-татарских батальонах, многие такие случаи стали уже широко известны по публикациям в нашей печати.[169]

Большинство батальонов восточных добровольцев на Западном фронте было разделено и распределено по разным районам и придано более крупным немецким соединениям. Эта оторванность друг от друга бесспорно еще заметнее усиливала

чувство растерянности, подавленности среди большинства легионеров. Так что в целом использование Восточных легионов и в Западной Европе желаемых для немцев результатов не принесло. Многие из легионеров очень боялись оказаться в плену наступающих советских войск, предпочитая в конце концов оказаться в плену у союзников. Но и у последних судьба оказалась незавидной: по соглашениям между СССР и союзными державами, все советские граждане, оказавшиеся в руках английских и американских войск, впоследствии были переданы советской стороне. Они возвращались на родную землю, где в большинстве случаев их ожидало суровое наказание.[170]

Волго-татарский легион - легион "Идель-Урал".

Как было показано выше, определенный интерес к поволжским татарам в Германии намечался еще в довоенные годы. После начала войны против СССР татарских военнопленных начали отделять в специальные лагеря почти одновременно с военнопленными из других тюркских народов. Тем не менее, Волго-татарский легион (или легион "Идель-Урал") был создан позже всех остальных.

Фактически представителей народов Поволжья отделяли в специальные сборные лагеря уже осенью-зимой 1941-1942 гг. Впервые же в имеющихся в нашем распоряжении документах о создании Волго-татарского легиона речь идет 1 июля 1942 г. - в этот день были разосланы в разные инстанции сведения о формирующихся легионах, среди которых упоминался и Волго-татарский.[171] 1 августа 1942 г. из штаб-квартиры Гитлера был дан приказ, подписанный начальником штаба Кейтелем о создании в дополнение к существующим легиона, состоящего из поволжских (казанских) татар, башкир, говорящих по-татарски чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы.[172] Приказом предписывалось отделить представителей названных народов в специальные лагеря, активизировать работу с вербовкой военнопленных. Отмечалось, что статус Волго-татарского легиона точно такой же, как и у прежде созданных подобных соединений, что применение легиона предусмотрено в областях военных действий, но особенно в районах действия партизан.

Приказ Кейтеля явился как бы указанием сверху, а практический приказ ОКХ был подписан 15 августа 1942 г. (с него было изготовлено 110 копий, разосланных по всем инстанциям). В нем уже содержались более конкретные указания:

"1. Создать легион из татар, башкир и говорящих по-татарски народов Поволжья;

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион;

3. Военнопленных татар срочно отделять от остальных и направлять в лагерь Седльце (на железнодорожной линии Варшава-Брест). Передать их в распоряжение Военного командующего в генерал-губернаторстве (Militärbefehlshaber im General-Gouvernement);

4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан".[173]

Практическая работа по созданию Волго-татарского легиона началась 21 августа 1942 г: местом его формирования был избран лагерь в Едлино под Радомом, куда поступали обмундирование и оружие для легиона, прибывал немец-

кий ответственный персонал. Лагерь Седльце, расположенный близ Едлино, уже раньше стал сборным пунктом для военнопленных из тюркских народов. Он был разделен на две части: Седльце А и Седльце Б - именно первая часть была предназначена для сбора татарских военнопленных. Известно, что к концу июля 1942 г., т.е. еще до появления приказа о создании легиона, татар в лагере было уже 2550 человек.[174]

Знамя Волго-татарскому легиону было вручено 6 сентября 1942 г., поэтому сами легионеры считали именно этот день датой окончательного формирования соединения.[175]

8 сентября 1942 г. Волго-татарский легион был передан под командование штаба Восточных легионов и командующего военным округом в "генерал-губернаторстве".

Военнопленные татары концентрировались, в основном, в лагере Седльце А, откуда их и направляли для подготовки в легион в Едлино. Впоследствии роль предварительного лагеря играл также лагерь в Демблине (шталаг 307), где, например, на 1 сентября 1943 г. находилось 1800 татарских военнопленных. Кроме татар здесь собирались также азербайджанцы и представители северокавказских народов.[176] А в начале 1944 г., уже после перевода Восточных легионов во Францию, общий предварительный лагерь был в Легионово под Варшавой,[177] с марта 1944 г. - вновь и в Седльце Б (шталаг 366) и в лагере Нехрыбка (шталаг 327).[178]

Первые статистические сведения от командующего военным округом в "генерал-губернаторстве" о Волго-татарском легионе поступили в середине сентября. Сведения эти были следующими: на 8 сентября 1942 г. изъявило желание записаться в легион в туркестанском лагере Беньяминов - 135 татар, Бяла Подляска - 27, Заезерце - 152, Седльце - 2 315, всего - 2 629 человек (из общего числа заявившихся в Восточные легионы 12 130 чел.). Кроме того, из оперативных районов в Польшу было направлено 7 370 военнопленных татар. Всего же по официальным данным в пути находилось до 100 транспортов с представителями разных народов СССР. На 11 сентября 1942 г. к легиону были приписаны первые немецкие представители: один офицер, двое служащих, 54 унтер-офицера, 18 солдат. С 15 сентября начали функционировать курсы переводчиков для легионеров. Начиная с 1 октября 1942 по 1 января 1943 г. планировалось полностью сформировать два первых татарских батальона (это план был выполнен с небольшим опозданием).[179]

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный военный, майор Оскар фон Зеккендорф. Родился он 12 июня 1875 г. в Москве, хорошо говорил на русском, английском, французском, китайском; похуже владел украинским и испанским языками[180]. Позднее он был произведен в подполковники.[181] Конкретных документов об его деятельности в архивах сохранилось немного. Трудно даже сказать, как долго он оставался в должности командира легиона. Сведения об этом не совсем ясны. 12 мая 1944 г. фон Зеккендорф дал приказ по легиону, поясняя, что его переводят в штаб Восточных легионов, и он передает командование легионом ротмистру Келле.[182] В то время фон Зеккендорф был

назначен командиром школ восточных соединений - тюркской школы офицеров и переводчиков (находилась вначале в Рорбахе, затем - в Ордруфе, в конце войны - в Нойхаммере); школы офицеров и переводчиков для восточных народов (сначала в Конфлане и Сен-Минеле, затем - в Графенвёре, в конце войны в Мюнзингене).[183] Известно также, что 17 ноября 1944 г. представитель Главного управления СС Р.Ольша выступил с поддержкой фон Зеккендорфа, которого судя по его данным, командование вермахта с 1 января 1945 г. собиралось отправить в отставку со ссылкой на его возраст. Однако в справке не указано, с какой должности хотели убирать подполковника Зеккендорфа. Р.Ольша, ссылаясь на опыт, знания и желания самого Зеккендорфа, рекомендовал не отправлять его в отставку, а перевести в Главное управление СС, в Восточный отдел. Сведений о дальнейшей судьбе первого командира Волго-татарского легиона найти не удалось.[184]

По имеющимся документам можно судить, что Зеккендорф, несмотря на свой возраст, довольно энергично взялся за дело, более всего уделяя внимание вопросам боевой подготовки легионеров. Пожалуй, одной из самых серьезных проблем для него (как и для прочих немецких организаторов Восточных легионов) стала проблема подготовки национальных офицерских кадров, которая, кстати говоря, также не была решена до конца войны, хотя и не раз поднималась. Поэтому представляет интерес подробный аналитический документ, подготовленный фон Зеккендорфом 25 января 1943 г., в котором рассматривается эта проблема.[185] Она фактически являлась общей для всех Восточных легионов, но идеи фон Зеккендорфом реализовывались именно в Волго-татарском легионе.

Вначале командир легиона ставит вопрос: из кого могут быть выбраны будущие офицеры? И сам же отвечает: из бывших офицеров Красной Армии, из рядов простых легионеров или из интеллигенции. Для перевоспитания в немецком духе самым трудным "материалом" являлся по Зеккендорфу простой легионер: на него легко оказать политическое влияние, но он "приносит с собой так мало интеллигентности и образованности, что его переформирование в офицеры сопровождается неимоверными сложностями: или же он оказывается полностью неспособным, или же он превращается в невежественного кровавого деспота, который наносит гораздо больше вреда, чем приносит пользы". Немногим "лучше" были и кандидатуры интеллигента и бывшего советского офицера, так как они "в силу своего возвышенного в СССР положения подавлены в мировоззренческом отношении". Но все же бывший офицер имеет преимущество: он имеет военный опыт, тактические знания, какое-то образование. Поэтому, считал фон Зеккендорф, оставалось "наименьшее зло", с которым и надо было работать - бывшие офицеры Красной Армии. Для их "перевоспитания" были сделаны вполне конкретные предложения, которые очевидно учитывались в реальной практике Волго-татарского легиона:

"1. Офицеры, от лейтенанта до капитана, приходящие из предварительного лагеря, в легионе с самого начала размещаются отдельно от солдат и даже в служебном отношении не имеют с ними ничего общего.

2. Офицерский взвод подчиняется более опытному и старшему по возрасту офицеру легиона, отвечавшему за воспитание под контролем командира легиона.

3. Подготовка проводится по следующим направлениям:

осторожное мировоззренческое воздействие; тактическая перепроверка и дальнейшая переподготовка; тесный личный контакт между офицерами; ежедневное интенсивное обучение на немецком языке; при возможности - знакомство со страной, поездки в Германию". Офицеры, признанные "непригодными", отправлялись обратно в лагеря. После окончания школы унтер-офицеров (т.е. низшего офицерского состава) при легионе офицеры командировались в Легионово, где существовала общая офицерская школа. Фон Зеккендорф обращал особое внимание на психологический момент в подготовке будущих офицеров легиона: на сохранение дистанции между солдатами и офицерами, на развитие их честолюбия и уверенности в себе. Он сетовал, что способных офицеров в Волго-татарском легионе не хватает, поэтому считал необходимым работу эту активизировать.

Мне представляется, что этот документ не только показывает остроту проблемы подготовки офицерских кадров в конкретном легионе, но позволяет примерно представить внутреннюю психологическую атмосферу этого соединения. Фон Зеккендорф - человек старой, прусской выучки, пытался по-своему распространить свой опыт среди поволжских татар, в конкретном деле подготовки пригодных для вермахта военных кадров. Попытки эти явно закончились неудачей, так как даже в конце войны почти все командиры легионов постоянно жаловались на отсутствие "пригодных" офицеров. К чему это приводило? К тому, что на место отсутствующих назначались офицеры немецкие, что означало отступление от первоначальных принципов комплектования Восточных легионов. Немецкие офицеры ни русского, ни тем более других языков народов СССР не знали, психологии своих подчиненных зачастую вообще не понимали. В итоге получался совсем неожиданный для немцев эффект: даже те представители восточных народов, которые действительно добровольно перешли на сторону Германии, начинали от этого испытывать психологический дискомфорт, замечая в факте назначения немецких офицеров проявление недоверия к легионерам. И из этого замкнутого круга германскому военному руководству также не удалось найти выхода.

Но не будем отвлекаться. Проследим далее историю Волго-татарского легиона.

Согласно плану, первый из батальонов Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше - 25 ноября. Сроком формирования 826-го батальона было установлено 15 декабря 1942 г., 827-го - 1 января 1943 г. Фактически же это произошло, соответственно, 15 января и 10 февраля 1943 г.[186] Впервые же все три первых номера батальонов в сохранившихся документах упоминаются 3 ноября 1942 г. в качестве создающихся.[187]

Татарские батальоны, которые создавались в Польше, в Едлино, под контролем и юрисдикцией командования Восточных легионов в германских вооруженных силах, и о которых подробно рассказывается на основании имеющихся документов, не были единственными. Вероятнее всего, при отдельных армиях или группах армий параллельно или же позднее, например, в течение 1944 г. создавались и другие татарские соединения. Среди них были и боевые, и строительные, и снаб-

женческие подразделения. О них в источниках мы можем найти только отрывочные сведения, которые все-таки дополняют наши представления.

825-й батальон.

Это самый известный из всех созданных татарских батальонов. При формировании каждого соединения в вермахте составлялся конкретный документ - Stammtafel (можно перевести как "родословная"). В "родословной" 825-батальона было записано: "Создан как Волго-татарский 825-й пехотный батальон в следующем составе: штаб, штабная рота, четыре роты, номер полевой почты 42683А-Е. Находится в распоряжении командующего военным округом в генерал-губернаторстве. Войсковое подразделение. Запасное место расположения в Радоме (лагерь Едлино). Для немецкого персонала - гренадерский запасной батальон 304, Плауэн".[188] Командиром батальона был назначен майор Цек. Точное число татарских легионеров в этом батальоне в сохранившихся документах не указано, но, сравнивая его с другими подобными соединениями, можно считать, что в нем находилось примерно 900 человек.

Известен 825-й батальон прежде всего своим вооруженным выступлением против немцев в конце февраля 1943 г. Факт этот широко известен и в отечественной публицистической литературе (например, по публикациям Р.Мустафина и В.Забирова).[189] Это произошло следующим образом.

Судя по всему, 14 февраля 1943 г. батальон торжественно был отправлен на фронт: "Перед отъездом батальона на борьбу с партизанами в с.Едлино из Берлина для доклада прибыл профессор, фамилия которого неизвестна. Доклад был сделан на иностранном языке. В своем докладе докладчик призывал легионы к уничтожению большевиков, (говорил) о создании Гитлером "татарского государства", о создании новой прекрасной жизни",- сообщал о проводах источник из среды белорусских партизан.[190] 18 февраля ночью батальон прибыл в Витебск, после чего был направлен в сторону деревни Бельновичи по Суражскому шоссе. Затем основная часть его была расположена в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. 21 февраля представители легионеров связались с партизанами из бригады Бирюлина, которая действовала в том районе, и договорились о том, что 22 февраля в 23 часа будет поднято общее восстание легиона, и он перейдет с оружием на сторону партизан. Очевидно, немцам стало известно о планах подпольщиков, и за час до запланированного выступления были призведены аресты и схвачены руководители восстания Жуков, Таджиев и Рахимов. Тогда инициативу принял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов. Был подан сигнал почти во все подразделения батальона, расположенные в разных населенных пунктах по соседству - началось восстание. Известить, согласно источнику, не удалось два взвода второй роты.

Командир бригады Бирюлин в своем донесении в штаб партизанского движения, написанном в ту же ночь, сообщил о том, что на их сторону перешли 506 человек, имея с собой три 45 мм пушки, шесть станковых пулеметов, четыре батальонных минометa, 22 ручных пулемета, 430 автоматов, 76 пистолетов, 26 лошадей и "много военного имущества". Перешедшие легионеры были распределены в партизанских бригадах, которыми командовали Захаров и Бирюлин.[191] Некоторое сомнение вызывает большое количество автоматического оружия, упомянутого в донесении, так как вос-

точные легионеры никогда не вооружались автоматами. Если сведения источника верны, то можно предположить, что повстанцам удалось отобрать вооружение у немцев или же перевезти к партизанам немецкий обоз.

Согласно более поздним данным - сообщению ответорганизатора Витебского обкома КП (б) К.Шемялиса секретарю Витебского обкома КП (б) И.Ступову от 30 марта 1943 г., был уничтожен немецкий штаб, немецкий персонал в количестве 60-70 человек и на сторону партизан перешло 930 человек с тремя 45 мм пушками, около 100 ручными пулеметами, одним станковым пулеметом, около 550 винтовками, патронами, лошадьми и т.д. Данные, как видим, значительно отличаются от данных предыдущего документа: не упомянуты автоматы, зато есть винтовки, количество ручных пулеметов вдруг выросло до ста, а станковых уменьшилось до одного, не упомянуты и минометы.

Восстание 825-го батальона довольно подробно описано в документальных книгах Р.А.Мустафина. В одной из них приведено и сообщение партизанского командира Бирюлина (процитировано выше), но делается не совсем понятный вывод: "Таким образом, из фашистской неволи вырвалось более 900 человек, которые принесли с собой до тысячи винтовок, автоматов и пистолетов (? - И.Г.), двенадцать (? - И.Г.) станковых и более ста (? - И.Г.) ручных пулеметов, несколько орудий и минометов, одну грузовую автомашину (? - И.Г.) и двадцать шесть подвод с боеприпасами и амуницией".[192] Возможно, у автора были дополнительные сведения для того, чтобы настолько увеличить и без того противоречивые цифровые данные двух партизанских сообщений, но, к сожалению, никаких ссылок в публикации Р.А.Мустафина нет.

Любопытно теперь взглянуть на то, как описывается это событие в источниках немецкой стороны.

Операция против партизан в районе Витебска, проводившаяся с 22 февраля до 8 марта 1943 г. в немецких военных планах носила кодовое название "Kugelblitz" ("Шаровая молния").[193] Общее командование операцией осуществляли генерал-майор Якоби и генерал-майор фон Вартенберг. В то время при всех армиях и группах армий, особенно где были задействованы восточные батальоны, вводилась должность командира восточных отрядов, как раз фон Вартенберг и исполнял его обязанности. Задействовано было четыре немецких полка 201-й дивизии, казачья часть 631 и 825-й татарский батальон. Переход татарских легионеров на сторону партизан в самом начале запланированной операции явился неожиданной неприятностью для немецкого командования. В результате был полностью оголен на некоторое время правый фланг немецкого наступления по берегу Западной Двины: "Наступление 601-го полка было осложнено и ослаблено переходом части Волго-татарского батальона на его правом фланге на сторону бандитов непосредственно перед началом наступления" - так записал Якоби в дневнике боевых действий 12 марта 1943 г. И здесь же он стремится представить, что ущерб от восстания татарских легионеров был минимален: "С помощью быстрого энергичного броска полка в направлении Буево и его присоединения к группе Биккеля волго-татарский батальон был исключен из боевых действий и возникшая прореха была ликвидирована".[194] Почти сразу же после восстания легионеров спе-

циальный отряд абвера провел расследование случившегося. В материалах расследования отмечалось: "Батальон после полугодовой подготовки впервые вступил в бой. В составе его было около 900 человек, из них около 60 немцев. Он был очень хорошо вооружен - три противотанковые пушки, пулеметы, легкие и тяжелые гранатометы. Командир батальона майор Цек высказал в разговоре мнение, что идейное воспитание легионеров в результате недостатка времени оказалось слабым. Когда отряды прибыли на опорные пункты, расположенные далеко друг от друга и оказались лицом к лицу с сильным противником, они стали легкой добычей советской пропаганды. Насколько известно, отдельные интеллигентные татары принимали участие как руководители мятежа, который начался ночным нападением на немецкий персонал". 14 марта отделение полевой полиции уточнило, что к партизанам ушло 557 легионеров, они "сдались руководителю бригады Бирюлину на торфяной фабрике, затем перебрались в северном направлении, а позднее в район озера Козловичи. Их встретили с недоверием, поэтому разделили на группы в 20-30 человек по отрядам бандитов"[195]. Татарские легионеры упоминаются еще раз в цитировавшемся выше дневнике боевых действий, когда речь идет о потерях в ходе операции "Кугельблиц" - было убито 252 партизана, из них два татарина в немецкой форме, в плен было взято девять партизан, из них один татарский легионер. В сообщении полевой полиции однако было отмечено, что точное число убитых неизвестно.

Итак, первый ввод в бой первого подразделения Волго-татарского легиона закончился провалом для немецкой стороны. В указанных документах, пусть и в завуалированной форме, ясно видны причины этого: во-первых, бесспорно сказалась деятельность "отдельных интеллигентных татар" среди легионеров, которые и организовали переход батальона на сторону партизан. Возможно, речь идет или о деятельности группы Мусы Джалиля, или его предшественников, но в любом случае, выступление легионеров было заранее организовано и подготовлено. Во-вторых, несмотря на все-таки длительную идеологическую обработку, немцам действительно не удалось по-настоящему привлечь татарских легионеров на свою сторону - не зря майор Цек сетовал на "недостатки идейного воспитания". Чувство советского патриотизма в них оказалось сильнее - немцы вопреки их усилиям так и остались "чужими" для татарских легионеров, "своих" они видели в белорусских партизанах.

Несколько слов о приведенных выше цифрах. В первом партизанском сообщении говорится о перешедших на их сторону 506, во втором - о 930 легионерах. Вторая цифра представляется чрезмерно завышенной. Немецкие данные - 557 человек - и данные партизанского командира Бирюлина - 506 человек - кажутся более близкими к истине. Элементарный расчет позволяет прийти именно к такому выводу. Всего в батальоне было чуть более 900 человек (из них около 60 немцев). В самом партизанском сообщении говорится о том, что два взвода (т.е. около 60-70 человек) предупредить о восстании не удалось. Примем во внимание, что до восстания были произведены аресты части легионеров; очевидно, что кто-то из легионеров к восстанию не примкнул и остался в стороне, что часть восставших погибла во время боя в первую ночь и во время перехода к

партизанам. Поэтому цифра в 930 человек, перешедших на сторону партизан, предстает, понятно, оптимистичной, но все-таки сомнительной.

Оставшиеся на стороне немцев легионеры 825-го батальона были после этих событий немедленно отправлены в тыл, причислены к другим соединениям. Георг Тессин, составитель капитального справочника обо всех подразделениях вермахта и СС в годы второй мировой войны упоминает, что впоследствии (не указано, когда) часть 825-го батальона была приписана к 3-й танковой армии и дислоцировалась в Померании.[196]

Восстание 825-го батальона стало холодным душем для германского командования. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в дальнейшей судьбе Восточных легионов.

826-й батальон.

Запланированная на 15 декабря 1942 г. организация 826-го батальона не состоялась - он был сформирован в Едлино 15 января 1943 г. Судя по его военной "родословной" организация его ничем не отличалась от других восточных батальонов: штаб, штабная рота, четыре роты. Номер полевой почты батальона - 42935А. Командиром батальона являлся капитан Шермули.

Об этом, как впрочем об остальных татарских батальонах, сведений в источниках сохранилось немного. В марте 1943 г. после восстания 825-го батальона 826-й "от греха подальше" был переведен на территорию Голландии в район города Бреда.[197] Здесь, судя по всему, он нес охранную службу, привлекался и к другим работам: 15 июля 1943 г. он упомянут в одном из донесений генерала фон Хайгендорфа. "Как прекрасное пропагандистское средство была оценена здесь организованная батальоном отправка отдельных групп легионеров в рейх для помощи в сборе урожая. При размещении в деревнях у крестьян достигается гораздо больше пропагандистского эффекта, чем при ознакомительных поездках или кратких экскурсиях по городам. Легионеры обращали очень большое внимание на те мелочи, которые нам кажутся само собой разумеющимися: забота Красного Креста во время поездки по железной дороге, реальные отношения к собственности и условия жизни простых работающих людей"- писал умиленный генерал о батальоне.[198] К каким-то реальным военным операциям 826-й батальон привлечь явно не решились.

На 1 сентября 1943 г. батальон, возможно, находился во Франции (более точного указания нет),[199] а 2 октября 1943 г. был передислоцирован вновь в Голландию - в район монастыря Тетеринген (северо-восточнее города Бреда).[200] На 18 декабря 1943 г., судя по военным картам, батальон переместился чуть на запад, в район города Влаардинген западнее Роттердама.[201] Военные карты от 1 января, 12 и 26 февраля, 11 и 25 марта 1944 г. подтверждают, что 826-й батальон нес охранную службу в Голландии, к северо-западу от Роттердама вблизи населенного пункта Воорнс. Но уже на карте от 8 апреля 1944 г. это соединение здесь не указано.[202]

По данным Г.Тессина, 19 апреля 1944 г. он был включен в состав 723-го гренадерского полка 719-й пехотной дивизии вермахта,[203] однако по другим ис-

точникам батальон входил в указанный полк уже в конце января 1944 г. - он упоминался уже как "бывший 826-й", имеющий номер IV/723.[204] Вероятно, в конце октября 1944 г., однако, батальону было возвращен его прежний номер. Г.Тессин отмечает, что после отступления 719-й дивизии 826-й батальон в качестве "самостоятельной боевой единицы был придан к 25-й армии", этот факт подтверждается картами от 31 октября и 4 декабря 1944 г. - находился батальон на прежнем месте на побережье Голландии, к западу от Роттердама.[205]

10 марта 1945 г. 826-й батальон с численностью около 750 человек был упомянут как еще существующий и дислоцированный на Западном фронте (к вопросу о качестве немецкой статистики конца войны: в том же документе "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" **отдельно** упомянут и 723-й татарский батальон, что как уже отмечалось, являлось неточностью - это был лишь временный номер 826-го батальона в течении нескольких месяцев 1944 г.)[206]

21 марта 1945 г. 826-й батальон с побережья вновь был переведен во внутренний район Голландии и вновь дислоцировался в монастыре Теteринген. А конец войны батальон встретил в Голландии в районе г. Родрехт (карта от 7 мая 1945 г.)[207]

Р.А.Мустафин связывает с историей 826-го батальона и такой красноречивый факт - в соединении было подготовлено восстание, однако немецкой контрразведке удалось сорвать планы подпольщиков. 26 членов подпольной организации после этого были расстреляны, двести человек переведены в штрафной лагерь.[208] Документов об этом мне обнаружить не удалось.

827-й батальон.

Батальон был создан 10 февраля 1943 г. в Едлино по знакомой нам схеме. Номер полевой почты его был 43645А-Е. Командиром батальона являлся капитан Прам.

По данным Г.Тессина, он уже в июле 1943 г. якобы был направлен в Бельгию-Северную Францию, а в конце войны в составе 176-й дивизии находился в районе упорных боев у города Ахена (на стыке границ Германии, Бельгии и Голландии).[209] На поверку сведения Г.Тессина оказываются неточны.

Взглянем на источники.

На 22 июня 1943 г. 827-й батальон, явно отправленный на борьбу с партизанами, находился в г. Дрогобыч (Западная Украина) в распоряжении полевой комендатуры 365.[210] Там же, скорее всего, он был и в начале июля: во всяком случае 1 июля был подписан приказ фон Хайгендорфа о присвоении чинов по легионам: среди прочих в приказе упоминались Сагит Мифтахов и Николай Сибгатуллин, назначенные командирами взводов в 827-й батальоне.[211]

В то время, как известно, немцы вели на Западной Украине активные действия против партизан Ковпака, и сюда перебрасывались и отдельные национальные батальоны: в том числе и 827-й татарский батальон. 27 июля 1943 г. он прибыл в город Надворна. После этого, по сообщению полевой комендатуры 365, партизаны были окружены, но после серьезных боев им удалось из окружения вырваться в районе населенных пунктов Крыжовка и Чарна Клева. 10 и 11 авгус-

та произошли столкновения разведгруппы батальона 827 с партизанским отрядом примерно в 50 человек в районе Зеленицы, во время столкновения двое легионеров были убиты, трое ранены.[212]

28 августа штаб батальона, располагавшийся в Стрые, был переведен в город Станислав (в настоящее время Ивано-Франковск), при нем находилась штабная рота. 1-ая рота на тот день находилась в городе Долина, 2-ая в Надворне, 3 и 4-ая - в Станиславе. На следующий день батальон был собран в населенном пункте Радзихов[213]. И только через месяц, 28 сентября 1943 г. на место 827-го на Западную Украину прибыл 828-й батальон.[214] Но из Станислава 827-й батальон ушел только 10 октября - он переводился на Запад.[215] 13 октября 1943 г. батальон прибыл в г. Ланьон во Франции и был передан в распоряжение 7-й армии. 16 октября началось его развертывание в районе к юго-востоку от Ланьона.[216]

В действиях против партизан на Западной Украине и 827-й батальон разочаровал немецкое командование. Более того, пребывание батальона на этой территории усилило партизанские отряды, так как многие легионеры перебежали к ним: "Положение южнее Долины очень неспокойно, и, по-видимому, здесь останутся зимовать очень сильные банды. Эти банды получили подкрепление около 50 человек из татарского батальона 827, которые перебежали к ним, и их можно считать очень боеспособными",- с беспокойством констатировала полевая комендатура 365 в записи от 18 октября 1943 г.[217]

Р.Мустафин пишет, что в июле 1943 г. в 827-м батальоне было подготовлено восстание, во главе которого встал старший лейтенант Мифтахов. Двум взводам штабной роты удалось перейти к партизанам, но Мифтахов позднее был схвачен и казнен. Побеги же продолжались, что в итоге оказало серьезное влияние на решение о передислокации соединения.[218]

Но и после перевода батальона во Францию он так и не стал для немцев "надежным" соединением.

18-20 октября 1943 г. командир 266-й дивизии, которой был придан 827-й батальон, приказал провести тщательную проверку боеготовности соединения. Вот какие результаты она принесла: итоговый документ проверки сообщал, что легионеры являются бывшими военнопленными и перебежчиками, перед которыми поставлена цель "освобождение родины и борьба с большевизмом", но поскольку этот довод на Западном фронте звучал по меньшей мере неубедительно, то добавлялось: "это должно быть достигнуто через победу над "плутократами" - союзниками большевиков". Многие легионеры не говорили по-русски, только по-татарски. Средний их возраст составлял 23-25 лет. Большого военного опыта батальон не имел. Уже после прибытия во Францию сбежали к партизанам командиры штабной и второй рот, вместе с ними по одним данным 13, по другим - 28 человек (расследование еще не было начато). В содействии побегу подозревался и командир третьей роты. Боевые навыки легионеров: умение обращаться с оружием, стрелять, тактическая подготовка - считались удовлетворительными. О настроении легионеров документ умалчивает, отмечая, что "серьезные выводы сделать еще невозможно, так как прошло слишком мало времени после их прибытия". В доку-

менте упоминалось и намерение командира 266-й дивизии отобрать у легионеров радиоприемник "из-за опасности иностранной пропаганды". В конце документа сделано примечание: "Легионеры имеют лишь по одной паре обуви. В результате часть людей, чья обувь находится в ремонте, вынуждена ходить босыми". Вспомним, что речь идет о второй половине октября. Документ, как мне кажется, очень красноречив в передаче состояния одного из татарских батальонов как духовного, так и материального.[219]

Буквально через день, 20 октября 1943 г. был составлен еще более подробный отчет о состоянии 827-го батальона, который содержит и важные цифровые данные.

Итак, во Францию в составе 827-го батальона должны были прибыть: штаб - 32 человека; 1-ая, 2-ая и 3-ья роты - в каждой по 191 человеку; 4-ая рота - 194 человека. На тот день прибыли: штаб, четыре роты, всего: 6 офицеров, 1 служащий, 40 немецких унтер-офицеров, 23 немецких солдата и 661 легионер. Отсутствовала штабная рота, которая должна была прибыть только через 8 дней. Состав штабной роты: противотанковый взвод с тремя 45 мм пушками и одним пулеметом, один саперный взвод с тремя пулеметами, один пропагандистский взвод (Nachrichtenzug), имеющий только телефонный аппарат. Отсутствовали также два татарских офицера и 115 легионеров (часть из них были еще в пути, но часть сбежала в оккупированных районах. Обмундирование легионеров находилось в плачевном состоянии, "унизительным для носящих немецкую форму" называет его документ: "Брюки большей частью рваные со многими дырами. Обувь, по одной паре на человека, многократно разорвана. Отсутствует материал для заплаток и кожа для починки обуви. Каждое подразделение не может выставить по 20-25 человек, поскольку их обмундирование и обувь находятся в столь жалком состоянии, что их появление на людях становится невозможным". Батальону были приданы лошади - всего 215, хотя должно было быть 225. Немецкий персонал в ходе проверки был оценен как удовлетворительный, хотя, как отмечалось, "перед ним в легионе стоят очень сложные задачи". Одна из них - элементарное непонимание друг друга немцами и татарскими легионерами - в батальоне было всего пять переводчиков, по одному в штабе и при каждой роте. Командир батальона считал, что численность немцев в батальоне должна была быть увеличена до 92 человек, а переводчиков до 17. В качестве примечания на этот раз дана характеристика легионеров: "Происходят в основном из областей Казани и Уфы, а также и других местностей России. Примерно с февраля 1943 года служат в легионе, частично служили короткое время до этого в русской армии. Возраст - от 18 до 41 года, в основной массе 23-33 года. Коренастые, здоровые, крепкие, выглядят молодо, частью имеют выраженные азиатские черты. Эпидемий не было".

Автор документа стремился, по всей видимости, не завершать свой труд на пессимистической ноте, поэтому отметил: "Если верно руководить и обходиться с легионерами, они имеют хороший настрой. Солдатскую деятельность предпочитают жизни и работе в лагере военнопленных. Около 30% из них - настоящие борцы против большевизма".[220] Но все это было очень далеко от реальности, это было только желаемое.

19 ноября 1943 г. из 266-й дивизии 827-й батальон был оттранспортирован в распоряжение командующего группой войск Бельгия/Северная Франция, где и находился по крайней мере еще в феврале 1944 г.[221] Судя по военным картам, на 18 декабря он располагался в Бельгии, в местности севернее Льежа и восточнее Антверпена, возможно в населенном пункте Кодиль, выполняя охранные функции.[222] 15 февраля 1944 г. на картах он отмечен там же.

827-й батальон был переведен в район г.Монса 25 февраля 1944 г., где и отмечен на картах 29 февраля, 25 марта, 22 апреля и 26 июня 1944 г.[223]

Последний раз в имеющихся документах батальон упомянут как существующий 10 марта 1945 г. в справке "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала".[224]

828-й батальон.

Этот батальон создавался в период с 1 апреля 1943 г. и был окончательно сформирован 1 июня 1943 г. по образцу предыдущих в Едлино. Номер полевой почты - 43895A. Командиром батальона был назначен капитан Гаумиц.

В нашей публицистике встречаются мнения, что батальонов Волго-татарского легиона было сформировано всего четыре, и 828-й батальон (или четвертый) являлся этим последним и почему-то еще назывался "штабным"(а штабными в Восточных легионах были только роты, но никак не батальоны).[225] Все это далеко от истины: 828-й батальон не был ни штабным, ни последним.

После формирования батальон довольно долгое время находился в самом Едлино - по крайней мере на 1 сентября 1943 г. (в этот день в нем насчитывалось 890 человек).[226]

28 сентября 1943 г. соединение было направлено на Западную Украину взамен оказавшегося "ненадежным" 827-го батальона.[227] Надежды немцев на вновь прибывших легионеров оказались тщетными:

20 ноября полевой комендатурой сообщалось, что к партизанам перебежали даже двое командиров рот, а к дисциплинарным штрафам за истекший месяц было привлечено 25 татарских легионеров (тогда как по другим восточным батальонам, находившимся там же, эта цифра была значительно меньше - от трех до пяти "штрафников").[228]

Дисциплина в 828-м батальоне расшатывалась все больше и больше:

на 17 декабря 1943 г. "штрафников" в нем было 37 человек; в период с 7 по 9 января к партизанам перебежало 8 легионеров;

на 18 января 1944 г. 51 легионер был привлечен к дисциплинарной ответственности; с 14 по 17 января перебежало к партизанам 9 легионеров.[229]

А 27 января 1944 г. произошел и вовсе обескураживающий для немцев инцидент: довольно большая группа татарских легионеров (около 30 человек), которая несла охрану таможенного поста, после дежурства не вернулась в свой сборный пункт (Стоянов в 75 км к северо-востоку от Львова), а, застрелив своего командира отделения и тяжело ранив другого, перебежала к партизанам.[230]

Пять легионеров были взяты в плен партизанами 31 января 1944 г. в деревне Павельце (в 10 км северо-западнее Станислава); то же самое произошло 24 февраля в Беднарове (в 17 км северо-западнее Станислава), где татарские легионеры охраняли мост; 25 февраля - в Завое, где в плену оказалось 20 татар.[231]

Подобных сообщений содержится в немецких военных дневниках множество:

на 20 февраля (за истекший месяц) - 62 легионера привлечено к взысканиям;

26 февраля несколько татарских легионеров ограбили своих немецких сослуживцев и перебежали к партизанам в Павельце;

27 февраля опять несколько легионеров разоружили немецкого командира взвода и бежали к партизанам в Долине;

2 марта партизаны напали на Беднаров - 9 легионеров пропали без вести;

на 20 марта (за истекший месяц) наказан был 31 легионер, официально было зарегистрировано 50 случаев бегства;

28 марта опорный пункт Голынь (40 км к юго-востоку от Стрыя подвергся нападению партизан), многие немецкие солдаты погибли или были ранены, а татарские легионеры с поля боя бежали;

19 апреля командованию сообщалось, что за прошедший месяц перебежал к партизанам 21 татарский легионер.[232]

Вероятно для того, чтобы помешать оставшимся легионерам связываться с партизанами, немецкое командование перемещало подразделения из одного населенного пункта в другой: 15 апреля 1944 г. штаб и две роты 828-го батальона были переведены из Станислава в Комарово, одна рота - в Остров, 20 апреля - четвертая рота в Вышков.[233]

Ничего, по-видимому, не помогало, уже четвертый из татарских батальонов Волго-татарского легиона демонстрировал свою "ненадежность". Обеспокоено было не только руководство батальона и легиона, но и "высокое руководство" в центре. Поэтому в 828-й батальон из Берлина приехали с инспекцией представители Восточного министерства - руководитель Татарского посредничества Хайнц Унглаубе и член "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" Гариф Султан. Это произошло 20-22 апреля 1944 г. По возвращении, 5 мая Х.Унглаубе предоставил подробный отчет со своими соображениями о состоянии 828-го батальона, который можно рассматривать как общий отчет по состоянию всех почти восточных батальонов к тому времени, ибо сама идея эта по-настоящему трещала по швам.[234]

Что же по мнению Х.Унглаубе являлось причиной для неудач? Таких он видит немало:

1. Введение в бой легионеров против партизан было неправильно - "совершенно не учтены были особый характер и особая ситуация, в которой сейчас находятся подобные соединения".

2. Легионеры были разделены на группы примерно по 10 человек и поставлены на охранные пункты на общем фронте в 250 км. они не имели связи друг с другом, не было никаких возможностей оказать влияние на их психологическое состояние.

3. Батальон был организован очень поспешно, к тому же к нему было присоединено около 200 человек из ранее распущенного соединения.

4. Свою роль играла плачевная для немцев ситуация на фронте.

5. Партизаны превосходили батальон в силе (Унглаубе даже замечает: в десять раз), у них было лучшее вооружение, а у легионеров имелись только винтовки и очень мало амуниции.

6. Активную пропагандистскую работу проводили украинские партизаны.

7. "Легионеры стали свидетелями беспорядочного отступления немецких и венгерских частей, грабивших даже склады, которые должны были охранять легионеры. Но дисциплина в батальоне осталась на высоком уровне, о чем извещало немецкое командование и ставило себе это в заслугу". Последнее наблюдение явно не соответствовало действительности.

8. "Легионеры сами объясняли: они все могли бы перебежать, а те, кто считается убежавшим, просто попали в плен на своих позициях из-за численного перевеса врага и где в силу моральной неустойчивости они не могли сопротивляться".

Судя по всему в батальоне к тому времени господствовали абсолютно пессимистические настроения: "Легионеры выглядят разочарованными в своих надеждах вновь увидеть родину. Они боятся мести Сталина, боятся за своих родственников и за себя. Вражеская пропаганда советует им перебегать к партизанам, чтобы потом не оказаться в их плену в качестве легионера. Будущее кажется легионерам безнадежным. Они не знают, как они будут приняты в Германии, если не смогут вернуться домой (...) Очень сильно задевает легионеров общее отношение к ним со стороны солдат, которые не относятся к их соединению. Как должны поступать легионеры, если им запрещено даже входить в солдатские дома (Soldatenheim)? Потому они и попадают в руки враждебного населения". Несмотря на такую в целом безрадостную картину, Унглаубе пытается сделать все-таки оптимистические выводы:"Я уверен, что любой другой батальон с представителями любой другой страны в такой ситуации как батальон 828 выглядел бы также. Ни в коем случае нельзя говорить о непригодности татар, наоборот, надо стараться поднять их дух, из-за таких ошибок нельзя сбрасывать их преждевременно со счетов. Татары вообще, как и грузины, превосходные солдаты, когда для этого есть моральные предпосылки". По мнению Унглаубе, 828-й батальон выглядел в смысле дисциплины куда предпочтительнее 818-го азербайджанского батальона, дислоцированного в том же районе, который "уже в первые дни имел более 10 перебежчиков". С учетом приведенных выше данных комментарии здесь представляются излишними.

Небезнадежным в изложении Унглаубе были выводы Г.Султана, который преимуществено говорил с легионерами: "Оставшаяся часть легионеров может быть рассмотрена как вполне надежная, они противостоят всем попыткам их привлечь. Ошибкой является единообразное представление обо всех, под одну гребенку. Легионеров задевает, когда им не доверяют. Такой очищенный батальон вероятно более ценен, чем тот, который вообще еще не апробирован".

Если обрисованную картину психологического состояния легионеров можно считать вполне правдоподобной, то с оптимистичными выводами инспекторов согласиться очень трудно: я учитываю, что оба берлинских эмиссара являлись сотрудниками Восточного министерства, которое несло свою долю ответственности за Восточные легионы. Признание их полностью недееспособными (что на тот момент уже было реальностью) означало бы автоматически и признание краха своей работы.

И Унглаубе, и Султану, которые татарам явно симпатизировали, не хотелось, чтобы по отношению к этому конкретному батальону, а значит и Волго-татарскому легиону в целом, немецким командованием были предприняты решительные меры. Они оставляли возможность для надежды, которая была тщетной.

После посещения батальона Х.Унглаубе и Г.Султаном в имеющихся документах и на военных картах 828-й батальон больше не встречается, за исключением упоминания о нем в уже цитированном выше отчете "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" от 10 марта 1945 г. Возможно, он был убран с территории Западной Украины, или же ему могли быть приданы другие функции. Г.Тессин приводит данные о том, что в 1944-1945 гг. 828-й татарский батальон уже именовался строительно-саперным и находился в Западной Пруссии в распоряжении 2-й армии.[235]

Если принять точку зрения Ю.Карчевского, Н.Лешкина и Р.Мустафина о том, что именно 828-й батальон являлся "штабным", то можно привести еще один пример из его истории: батальон этот в августе 1944 г. будто бы находился во Франции и 17 августа на пути из Ле Пюи в Сент-Этьенн поднял восстание, в результате которого он фактически перестал существовать: большинство легионеров перешло к французским партизанам, оставшиеся были рассредоточены по другим соединениям вермахта.[236] Документальных свидетельств об упомянутом факте в моем распоряжении однако нет.

829-й батальон.

Был создан 24 августа 1943 г. в Едлино по прежней схеме. Номер полевой почты 44547. Командиром батальона являлся капитан Рауш. На 1 сентября 1943 г. в нем насчитывалось 874 чел. Скорее всего, под воздействием неудач с первыми батальонами, 829-й довольно долгое время оставался в Едлино - упомянут он, например, в справке от 26 октября 1943 г.[237] Но впоследствии батальон также был перемещен на Западную Украину, и 15 февраля 1944 г. он находился в населенном пункте Скавина.[238] В следующий раз в официальной документации он упоминается только 27 июля 1944 г. в числе соединений, "не способных вести боевые действия" - тогда он находился в распоряжении полевой комендатуры 829 в населенном пункте Мурована (на Западной Украине?).[239]

Финал для 829-го батальона наступил довольно скоро: приказом командующего военным округом в "генерал-губернаторстве" от 29 августа 1944 г. он был распущен.[240] По этому приказу батальон должен был прибыть в Краков, все его военнослужащие оставались в подчинении командира восточных отрядов (командование Восточных легионов к тому времени уже находилось во Франции), а территориально - в подчинении военного коменданта Кракова. По прибытии в Краков командир батальона должен был провести тщательное расследование по всем случаям нарушения дисциплины, прежде всего бегства и "разлагающей деятельности". Он должен был индивидуально проверить всех легионеров и составить их списки, подразделив на:

"1. тех, кто имел намерение убежать;

2. тех, кто знал о готовящихся побегах, приветствовал их и не сообщил о них командованию;

3. ненадежных, неустойчивых в политическом отношении;

4. негодных физически;

5. надежных и подходящих". При необходимости командиру батальона предписывалось соответствующим образом наказать всех виновных. О судьбе оставшихся должен был последовать приказ, но предполагалось, что батальон будет использован как саперное или снабженческое подразделение. Отдельно следовало ожидать приказа и относительно немецкого персонала батальона. Все эти мероприятия должны были быть проведены до 18 сентября 1944 г.

На этом история 829-го татарского батальона закончилась.

830-й батальон.

Точных данных о дне формирования 830-го батальона нет. Хотя он и упоминается уже в документах от 1 сентября 1943 г.,[241] существование его на тот день сомнительно, поскольку даже в документе от 26 октября он упоминается как "формирующийся".[242]

4 декабря 1943 г. 830-й батальон из Едлино был переведен в населенный пункт Конски, где он находился несколько месяцев (во всяком случае до конца февраля 1944 г.)[243]

Использовать батальон против партизан немцы уже не решились: он нес охранную службу в разных населенных пунктах Западной Украины и Польши: в начале мая 1944 г. - в Каменна, 10 мая частично был переведен в Радом, Белобжеги и Томашов (известно, что в те дни вторая рота батальона охраняла железнодорожный перегон Каменна-Радом-Демблин). Переводы эти были осуществлены для проверки "надежности" и боеспособности батальона, которые у немцев вызывали подозрения и не без основания.

В июне 1944 г. отделению гестапо в Радоме удалось выйти на одного из унтерофицеров 830-го батальона, который искал связи с "коммунистическими бандами". Он, судя по всему, сумел организовать 20 человек легионеров, чтобы в ночь с 17 на 18 июня убить людей из немецкого персонала, вскрыть склад оружия, захватить автомобили и с оружием бежать к партизанам - но 12 и 15 июня инициаторы заговора, всего более 20 человек, были арестованы. 17 человек из них из-за отсутствия доказательств были впоследствии освобождены военным судом. Представители тайной полиции посчитали, что юридически это решение обосновано, но его последствия могут быть непредсказуемыми, поэтому рекомендовалось ситуацию подробно обсудить с командиром восточных отрядов.[244]

Отделение гестапо беспокоилось вовсе не зря: уже 24 июня часть легионеров, захватив с собой ручной пулемет, пять автоматов, ручные гранаты и амуницию сбежали во время транспортировки с вокзала в Каменна.

Еще раз 830-й батальон уже в качестве строительно-саперного упомянут в справочнике Г.Тессина: вероятно, из-за нехватки людей к нему 24 октября 1944 г. были присоединены некоторые подразделения из 791-го туркестанского батальона.[245]

Дальнейших сведений об этом батальоне у меня нет. Опять-таки в справке "Союза борьбы тюрко-татар" от 10 марта 1945 г. он упомянут как еще существующий, а Г.Тессин приводит сведения, что на заключительном этапе войны 830-й батальон существовал как строительно-саперный в составе 2-й армии, в начале 1945 г. дислоцировался в излучине Вислы, а позднее - в Померании.[246]

831-й батальон.

Был сформирован осенью 1943 г. в Едлино. Подтверждается его существование во второй половине октября - в одном из документов-справок он упомянут в качестве охранного соединения (или обеспечения охраны, прикрытия) - Sicherungsbataillon. Он, насколько можно судить по тексту документа, обеспечивал охрану основного лагеря Волго-татарского легиона в Едлино.[247] Примерно то же самое пришлось делать соединению в феврале 1944 г., когда он находился в Легионово под Варшавой (здесь был предварительный лагерь тюркских легионеров и офицерская школа).[248]

Других упоминаний о 831-м батальоне в источниках я не встретил. Г.Тессин отмечал, что в конце войны он находился в г.Бауцен (в Восточной Германии, на р.Шпрее) и в военных документах определяется как "тюркский 831-й батальон" (поэтому можно предполагать, что на последнем этапе войны он был переформирован или объединен с другими частями из тюркских народов).[249]

Создание батальонов Волго-татарского легиона за порядковыми номерами 832, 833, 834 было запланировано на осень 1943 г. В цитировавшемся выше документе от 1 сентября 1943 г. отмечено, что эти соединения создаются, но сведений о них еще нет. Скорее всего они так и не были сформированы, и Г.Тессин также замечает, что формирование их "находится под вопросом, так как присвоенные им номера полевой почты уже в декабре 1943 г. были снова стёрты".[250] Каких-либо упоминаний, которые реально подтверждали бы существование этих татарских батальонов, мне найти не удалось.[251]

Прочие татарские формирования в составе вермахта.

627-й батальон - об этом соединении сохранилось несколько очень любопытных документов, показывающих, что и здесь перед немецким командованием стояли те же проблемы, что и в подразделениях, относящихся юридически к Волго-татарскому легиону. Г.Тессин сообщает, что он был сформирован в конце 1942 г. при группе армий Центр (т.е. еще на Восточном фронте) как восточный батальон 627. В октябре 1943 г. был переведен во Францию в распоряжение 7-й армии, и с декабря 1943 г. именовался в военных документах как Волго-татарский батальон 627. 1 июля 1944 г. в соединении произошло восстание, во время которого был ранен его командир. После этого инцидента он был передвинут с передовой в тыл, но распущен не был. В конце войны он находился в распоряжении 15 армии и дислоцировался в Голландии, на нижнем Рейне.[252]

Расследование происшедшего с 627-м батальоном проводили и генерал Оскар фон Нидермайер, командир 162-й тюркской дивизии, одновременно инспектор восточных добровольческих соединений на Западном фронте, и по поручению Татарского посредничества корреспондент газеты "Идель-Урал" Г.Ямалиев.[253]

Батальон, по мнению фон Нидермайера, в период подготовки отличался высокой дисциплиной, хорошей обученностью и боеготовностью, и его можно было считать чуть ли не образцовым добровольческим подразделением. Все эти "достижения" считались заслугой командира батальона, "свежего и энергичного человека", так как "от татар в целом не ждали каких-либо боевых качеств". Но выдвижение

татарских легионеров на передовую против американцев привело к плачевным для немцев результатам: "Один из татарских постов, стоявший в ста метрах от американских позиций, своего оружия не применил, другой - просто потерял". Один из немецких командиров рот сообщил инспектору: "Офицеры моей роты криками просили американцев не стрелять. Страх татар был удивительно велик, поведение несолдатским. Большей частью они были пьяны, они покинули свои места. На обратном марше они опять напились, воровали, насиловали". Командование 7-й армии подтверждало эти печальные сведения: "Брожение среди татар началось уже при приближении к фронту. Муллы были среди первых, кто начал двигаться назад, а первые перебежчики появились уже тогда, когда батальон еще даже не имел серьезных столкновений. Когда командир батальона был ранен и покинул свой пост, это убрало последний барьер с их пути". Немецкое командование было очень удивлено тем, что после передвижения батальона в тыл с передовой он, как и раньше, стал дисциплинированным и управляемым.

После указанных событий батальон в военных действиях уже не применяли. Он был дислоцирован южнее населенного пункта Кутанс и занимался строительством укреплений. Фон Нидермайер был немногословен в заключительной части своего отчета: "Недееспособность этого соединения основывается на трусости. Сейчас я не знаю ни одного восточного батальона, который я мог бы считать подготовленным к решению любой боевой задачи". Очень красноречивое малословие: если уж на Восточном фронте, где все-таки впереди была родная земля, которую надлежало "освобождать от большевиков", большинство восточных батальонов особого рвения не проявило, то на Западном фронте, во Франции, Бельгии или Голландии для них уже не существовало вообще никаких стимулов - ни национальных, ни политических, ни военных. Непонятный для легионеров лозунг борьбы против союзников большевиков - "плутократов", естественно никого увлечь не мог.

Если фон Нидермайер констатирует факты и даже его малословная оценка боеспособности восточных батальонов явно негативна, то Ямалиев по-своему пытается объяснить ситуацию с точки зрения татарских легионеров и Татарского посредничества, оправдывая их провал в военной кампании. Его доводы таковы:

1. При 627-м батальоне не было ни одного пропагандиста со стороны "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" или Татарского посредничества. И вообще "Союз борьбы" не имел никаких сведений об офицерах и солдатах батальона, в котором не проводилось никакой пропагандистской и воспитательной работы.

2. Батальон в национальном отношении был неоднороден: в его составе были татары, узбеки, киргизы, украинцы, русские и др. Поэтому, как считал Ямалиев, не совсем верно было определять его как только Волго-татарский, хотя татары в нем и составляли большинство.

3. Ямалиев считал, что представление о татарах как о трусах в корне неточно, так как один татарский лейтенант и трое унтер-офицеров были награждены за мужество железными крестами 2 степени, а некоторые добровольцы имели также и другие награды. Проблема была, на его взгляд, скорее в недостаточном количестве национальных офицеров. Унтер-офицер Сайфуллин, награжденный железным крестом, якобы заявил Ямалиеву, что он предупреждал командира батальона о

"просоветских" настроениях командира взвода первой роты Рахматуллина. На это однако реакции не последовало. А Рахматуллин между тем стал "подстрекателем" бегства 102 добровольцев.

4. Немецкие офицеры и унтер-офицеры не знали языка, не понимали менталитета своих подчиненных, и они сами открыто говорили об этом Ямалиеву.

5. Отношения между немецким персоналом и татарами в батальоне, судя по всему, были очень напряженными. Последние имели ощущение, что к ним относятся как к "унтерменшам", и особенно их задевало, например, что кухня для немцев и для татар была раздельной. Ямалиев приводил услышанные им в батальоне слова: "Вместе воевать мы можем, а вместе есть - нет".

Ямалиев в итоге предложил осуществить основательную чистку соединения от "неблагонадежных" элементов и активизировать пропагандистскую работу с помощью "подготовленных и проверенных" пропагандистов.

К мнению Ямалиева присоединился и руководитель Татарского посредничества граф Л.Стамати, который высказал точку зрения, что на татарские соединения при определенных условиях вполне можно положиться: "Оба татарских батальона, которые вновь сформированы сейчас в Ордруфе (неясно, о чем конкретно идет речь - И.Г.), показали свою боеспособность в действиях в Южной Франции. Как сообщил мне обер-лейтенант Бенц, командующий генерал выразил им свою благодарность за храбрость. Даже из этого можно заключить, что суждение о неспособности татар к боевым действиям - неверны".

Сопоставим теперь два документа на одну тему. Даже если считать, что Г.Ямалиев старается представить своих соплеменников в благоприятном свете и поэтому, вероятно, что-то преувеличивает или недоговаривает, становится ясным, что не только трусость стала основанием для "недееспособности" татарскогс 627-го батальона и даже далеко не она. Дело, значит, и не только в отсутствии стимула к борьбе: легионеров очень задевало и отношение со стороны немецкого персонала - офицеров и солдат, которые вроде бы должны были воспринимать их как союзников, но комплекс "сверхчеловеков" оказался очень живучим.

Если в 627-и батальоне, как констатировал Ямалиев, были не только татары, но и украинцы, русские, узбеки, киргизы, то надо отметить, что и татары входили в состав прочих военных соединений восточных народов, еще до формирования собственно татарских батальонов. Приведу лишь некоторые примеры.

В справке от 26 ноября 1942 г. о состоянии туркестанского батальона I/370 приводятся и статистические данные: в соединении насчитывалось немцев - четыре офицера, один служащий, 20 унтер-офицеров, 11 солдат; тюрков - семь командиров рот, 164 командира взводов и отделений, 757 солдат. Подразделялся батальон на две роты узбеков, одну роту киргизов, одну роту татар и одну смешаннную роту (казахи, туркмены, таджики и каракалпаки).[254] Известно дополнительно об этом батальоне, что в конце апреля 1943 г. он находился на Восточном фронте в районе Херсона, и в нем считалось 650 туркестанских легионеров и 100 поволжских (идель-уральских) татар.[255]

На 18 марта 1943 г. по сообщению командования группой армий А в состав туркестанского походного батальона 11 находилось 361 человек (явный недос-

татон): 109 узбеков, 71 грузин, 55 армян, 34 казаха, 25 осетин, 23 азербайджанца, 7 татар, 7 киргизов, 3 туркмена и др.[256]

3 апреля 1943 г. в туркестанском батальоне 811, находившегося на Восточном фронте в районе Керчи считалось 350 человек: 150 туркестанцев, 130 поволжских татар, 60 представителей северо-кавказских народов, 10 грузин и др.[257]

После формирования Русской Освободительной армии генерала Власова в конце 1944 - начале 1945 гг. определенная часть татарских военнопленных, вне сомнения, оказалась и в ее составе: в марте 1945 г. по данным Татарского посредничества в РОА было около 1 тысячи поволжских татар. Посредничество настойчиво пыталось перевести их в национальные военные формирования.[258]

Указанные факты позволяют полагать, во-первых, что даже те приблизительные данные о численности татарских легионеров в составе вермахта, которые были приведены выше, неточны и могут дополняться; во-вторых, что не только азербайджанцы и представители среднеазиатских народов все-таки направлялись немцами на Восточный фронт, в составе их соединений находилось определенное количество легионеров и других национальностей; в-третьих, можно предполагать, что и в состав татарских батальонов, кроме представителей народов Поволжья и Приуралья входили и другие.[259]

Учитывая конкретный опыт с подразделениями Волго-татарского легиона, с 627-м батальоном, германское командование приходит к мысли, что использование татарских легионеров (как в общем и представителей остальных народов) в боевых действиях к ожидаемому результату не приводит. В последний период войны неоднократно делались попытки оживить идею Восточных легионов. При этом предлагались некоторые новые варианты, порой самые фантастические. Например, весь комплекс мероприятий с целью оживления активной деятельности по созданию Восточных легионов с учетом уже имеющегося опыта вновь обсуждался на нескольких совещаниях у генерала фон Вартенберга 21-24 октября 1944 г. в гг. Гота и Ордруф. Новым в них было то, что теперь идее военного сотрудничества пытались придать более значительный политический характер. Поэтому в этих совещаниях принимали участие представители национальных комитетов от азербайджанцев, армян, поволжских татар (их на совещании представлял Г.Султан), среднеазиатских и северо-кавказских народов.[260]

Просто удивительными, учитывая реальную военную ситуацию, кажутся предложения военных мероприятий со стороны "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала", датированные 20 марта 1945 г. (!) и подписанные руководителем Посредничества Л.Стамати.[261] Предложения эти были следующими:

1. Создать идель-уральскую дивизию, тем более что численность татарских добровольцев в вермахте и военнопленных в лагерях позволяет это сделать.

2. Абсолютно всех военнопленных идель-уральцев собрать в одном переходном лагере и только в нем проводить с ними политическую работу и вербовку в создающуюся дивизию. "Без такой подготовительной работы вербовка будет давать незначительные результаты, так как настроения в лагерях военнопленных не очень хорошие".

3. Все татарские соединения предлагалось подчинить татарскому генералу (за основу явно взят случай с генералом А.Власовым). Для этой должности предполагался полковник на немецкой службе, бывший советский генерал-майор Салихов.[262] Как полагал Стамати, "этим будет поднят боевой дух идель-уральцев, они перестанут себя чувствовать денщиками на немецкой службе, будут видеть в своем командире олицетворение своей национальной идеи.

4. Активизировать подготовку национальных офицерских кадров.

5. Стамати понимал, что объединение разбросанных татарских подразделений не может последовать моментально, но считал, что об этом по крайней мере надо объявить и начать первые мероприятия. Он выражал сожаление, что генерал добровольческих соединений не оказывает содействия поволжским татарам, "относится к ним с пренебрежением". По мнению Стамати, проведение в жизнь указанных мероприятий резко поднимет боевой дух татарских добровольцев.

Трудно полагать, что и члены "Союза борьбы", и сам граф Л. Стамати были настолько оторваны от реальности, чтобы в конце марта 1945 г. со стопроцентной серьезностью выдвигать и воспринимать приведенные предложения. Поэтому этот документ можно представлять, скорее, как акт отчаяния, как желание найти утешение в составлении таких бессмысленных прожектов. Вместе с тем он отражает общие стремления некоторых лидеров татарских коллаборационистов в годы войны.

Предложениями и обсуждениями подобные попытки и ограничились, иначе и быть не могло в тех условиях. В заключительный период войны легионеров, вначале предназначенных для полевых батальонов, начали использовать на строительных, саперных работах, формируя из них строительные, саперные или снабженческие соединения, причем чаще уже не батальоны, а более мелкие единицы. Хотя история татарских строительных подразделений в составе вермахта началась все же почти параллельно с историей Волго-татарского легиона.

Уже в приказе от 24 апреля 1942 г. была предусмотрена возможность использования тех легионеров, которые по тем или иным причинам не могут нести полноценную военную службу, в "рабочих целях". Эта идея приобрела реальные очертания в начале осени 1942 г.: 9 сентября командующий военным округом в "генерал-губернаторстве" подписал приказ о создании строительных и снабженческих соединений из тюркских народов. В приказе отмечалось, что это осуществляется по особому требованию ОКХ. Основная комиссия была составлена в Рембертове в составе: гауптман Мюллер из штаба Восточных легионов, штабной врач Дростек и обер-врач Венцель из 522-го батальона. Она собралась в полном составе 15 сентября и 16 сентября уже начала работу по отбору военнопленных.[263] Вначале предполагалось, что, например, из поволжских татар будет создано 12 строительных рот и 12 рот снабжения.[264] Однако со временем эти цифры возросли: свою роль сыграли и необходимость подобных соединений, и фактический провал с использованием восточных народов в военных операциях. Поэтому легионеров из походных батальонов начинали использовать в иных целях, на более "безопасных" участках.

Еще более широко развернулась деятельность немцев в этом направлении с начала 1943 г. 14 января 1943 г. Генштаб ОКХ отдал приказ № 15285/43 о создании на территории Польши татарских строительных и снабженческих соединений.[265] Все это предполагалось осуществлять в лагере Седльце и включать в

них представителей тех же национальностей, что и Волго-татарский легион (правда, в списке "поволжские татары" и "казанские татары" почему-то упомянуты отдельно). В строительные соединения записывались только лица до 45 лет, прошедшие медицинское освидетельствование. При этом особо разыскивались среди военнопленных те, кто имел рабочие специальности. Понятно, что к строительным соединениям могли быть приписаны и те легионеры, которые в боевых условиях, в составе походных батальонов проявили свою "ненадежность". Статус "строительных", как мы уже увидели выше, мог быть придан и бывшим походным соединениям.

В этот же день, 14 января 1943 г., для координации всех действий в Седльце был сформирован Штаб волго-татарских строительных рот общей численностью 27 человек (почти все немцы, за исключением двух переводчиков, двух шоферов и шестерых возниц). 24 мая штаб был переведен в лагерь Крушина и функционировал до 30 ноября 1943 г., когда был распущен, по-видимому, в связи с переводом Восточных легионов на Запад.[266] Создаваемые строительные соединения не находились в прямом подчинении Командира Восточных легионов - они руководились специально назначенным офицером при командовании Восточных легионов. По правилам в создающихся строительных восточных батальонах должно было быть следующее число немецкого персонала: три офицера, один служащий, девять унтер-офицеров, шесть рядовых и два переводчика.[267]

Создаваемые татарские строительные (или саперные), снабженческие соединения занимались ремонтом и строительством военных укреплений, дорог, мостов, разминированием, снабженческие соединения поставляли в действующие части различное военное оборудование, питание. Они, как правило, приписывались к более крупным немецким соединениям. Так, например, 20 июля 1943 г. по одной татарской строительной роте было приписано к следующим строительным батальонам - 80-му в Брянске, 214-му в Городке и 523-му штрафному в Конотопе.[268]

Первые из имеющихся статистических данных, которые включают сведения и о строительных, снабженческих соединениях поволжских татар относятся к 1 сентября 1943 г.[269] На этот день существовали:

- 18-й волго-татарский строительный батальон, номер полевой почты 42683, командир батальона майор Деккерт, дислоцирован был на Восточном фронте, более точного указания об этом нет;

- 522-й снабженческий батальон под Варшавой общей численность 3411 человек (1220 туркестанцев, 1061 поволжских татар, 425 грузин, 352 азербайджанца, 242 армянина, 111 представителей северо-кавказских народов);

- 2-й тюркский рабочий батальон, общей численностью 7144 человек (большинство туркестанцы), в его составе четыре роты поволжских татар: в Деба (под Краковом) - 637 чел., в Воланове - 713 чел., в Радоме - 621 чел., в Кильце - 303 человека;

- 3-й тюркский рабочий батальон общей численностью 6153 чел. (подавляющая часть из них - грузины и армяне), в его составе три роты поволжских татар во Львове, имеющих соответственно по 637, 860, 982 человека.

Как видим, последние "батальоны" и "роты" по своей численности явно не соответствовали своим названиям, поэтому, вероятно, позднее эти "батальоны" стали именоваться "тюркскими рабочими бригадами". Командиром всех строительных (рабочих) батальонов (бригад) являлся полковник Боллер.

Осенью 1943 г. командование Восточных легионов переводилось во Францию. При этом была решена, как уже упоминалось, и судьба штаба по созданию татарских строительных рот в Польше - он был распущен. Восемь татарских рот, которые в конце октября 1943 г. находились под его командованием, были приписаны к тюркским рабочим батальонам или же к строительным ротам под Минском.[270]

Татарские и тюркские рабочие соединения не обязательно выводились с территории Польши. 15 января 1944 г., например, командир тюркского рабочего батальона 2/IV сообщал, что его батальон располагается в г. Радоме и имеет в составе 735 поволжских татар (из них 120 христиан), что 8 декабря мусульмане дружно отметили праздник Курбан-байрам.[271]

В сообщении от 2 февраля 1944 г. упоминаются мелкие татарские строительные, саперные и снабженческие подразделения, находившиеся тогда на Южной и Северной Украине и в Белоруссии: на Южной Украине: татарская строительная рота 1004 и снабженческая рота 6/562; на Северной Украине - строительно-саперные роты: 4/18, 3/214, 4/523, 4/306, 3/306, 2/108, 3/108 и 11/100; роты снабжения 3/47, 5/144. В центре (в Белорусии) - рота снабжения 1/825 (вполне может быть, что это один из остатков походного батальона 825, поднявшего восстание), строительные роты 1002, 1003 и строительно-саперная рота 4/78.[272]

Очевидно, что подобные татарские соединения существовали до самого конца войны. В справке "Союза борьбы тюрко-татар Идель Урала" от 10 марта 1945 г., которая выше уже неоднократно цитировалась, упоминаются следующие татарские роты: 3/78, 4/100, 5/144, 4/214, 4/806, 4/523, 4/562, 4/677, 4/786, 1/825, 1001, 1002, 1003, 3/592, 2/314, 3/314, 2/862, 4/18, 2/14. Считалось, что в каждой из них в среднем по 200 человек, итого значит в них находилось 3800 чел. В тюркских же рабочих бригадах, как отмечено, "перед отступлением" считалось 6 000 татар.

В рукописи "Волго-татарский легион" содержатся следующие статистические данные о татарских строительных подразделениях: 9 строительных батальонов в составе тюрко-кавказских строительных бригад, около 45 рот в составе немецких и национальных соединений.[273]

Как мы уже убедились, это были не обязательно вновь завербованные лица, это, скорее всего, люди из той же "обоймы" - из прежних расформированных, распущенных соединений, бывшие легионеры Волго-татарского легиона и т.п. Но в любом случае не вызывает сомнений, что и в строительных, саперных, снабженческих соединениях в ходе войны на стороне Германии, кроме представителей других народов, служили и тысячи поволжских татар.

Итак, мы рассмотрели на основании имеющихся источников известные факты из истории Восточных легионов в целом, и Волго-татарского легиона в частности. Как уже говорилось, этим не исчерпывается история советского колла-

борационизма в годы Великой Отечественной войны: была Русская Освободительная армия, были соединения украинские, белорусские, из представителей прибалтийских народов, была 162-я тюркская дивизия и другие соединения. Каждое из них имеет свою историю, которую при желании можно представить и изучить, опираясь на архивные материалы (которых, несмотря на значительные пробелы, сохранилось все-таки немало), на специальную историческую литературу (к сожалению, больше на западную, хотя в последние годы и в отечественной историографии наметился серьезный интерес к запретной ранее теме).

В данной книге при характеристике военного сотрудничества тюрко-мусульманских народов, в том числе и поволжских татар с Германией представляется важным, кроме истории Восточных легионов, рассмотреть еще одну сторону этого сотрудничества, а именно историю Восточнотюркского боевого соединения СС. Этот сюжет в нашей историографии и публицистике не изучался, и даже почти не упоминался. "Восточная политика" СС, как оказывается, имела и свои особенности: например, в понимании предпосылок сотрудничества с восточными народами, в методах и мотивах его осуществления. Однако финал и в том, и в другом случае оказался абсолютно одинаковым - и Восточные легионы вермахта, и Восточнотюркское боевое соединение СС оказались в реальности соединениями, которые надежд немцев не оправдали.

Восточнотюркское боевое соединение СС (ВТБС).

Данная глава книги была начата с цитаты из выступления Гитлера, которая позволяет представить, насколько резко под давлением обстоятельств изменилась политика руководства Германии по отношению к восточным народам уже в первое военное полугодие. В данном разделе речь пойдет о такой организации, которая в национал-социалистском государстве занимала особое место и имела порой свое представление о происходящих событиях и проводимой политике, в том числе также по указанному вопросу - я имею в виду СС. И вначале также приведу цитату.

14 октября 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер заявил: "Господин Власов начал высказывать чрезмерную гордость, присущую русским и славянам. Он заявляет, что Германия не может завоевать Россию, что Россия может быть завоевана русскими. Осторожнее, господа, в этой сентенции таится смертельная опасность... У германской армии может быть только одна молитва - утром, днем и вечером: мы победили врага, мы, немецкая пехота, победили всех врагов в мире. И если вдруг появляется какой-то русский, дезертир, который позавчера, может, был подручным мясника, а вчера - сталинским генералом, и читает нам лекции с чисто славянским высокомерием, утверждая, что Россия может быть завоевана только русскими, то я вам скажу, что уже по одной этой фразе видно, какая он свинья".[274] Итак, высказывания Гиммлера, одной из самых страшных фигур "третьего рейха", как видим, звучат в унисон с известными мыслями Гитлера. Но не прошло даже и года, однако, Гиммлер, автор и ярый проповедник теории "недочеловеков", принимал генерала Власова и, вежливо выслушав его, пообещал ему свое содействие в создании независимой русской армии.

Итак, и здесь налицо резкий, удивительный поворот со стороны СС по отношению к русским, к славянам, к которым вообще гитлеровское руководство относилось с особой ненавистью. С чем же связано такое изменение на этот раз? А как в таком случае СС относился к тюркским народам? Так же, как к славянам, или же иначе? Проследим за всем этим по порядку.

СС - почти государство в государстве, и его шеф рейхсфюрер Гиммлер очень ревниво и внимательно относились к деятельности всех властных структур "третьего рейха", находясь с большинством из них в откровенном соперничестве. Когда Германия начала войну против СССР, когда было создано Восточное министерство и первые "рейхскомиссариаты", СС в процессе разделения власти на Востоке как-то остался в стороне. Самолюбие эсэсовского начальства было задето - началось серьезное противостояние. Летом 1943 г. эта настоящая тихая война между ведомствами Гиммлера и Розенберга достигла своего апогея - в итоге усилиями СС из Восточного министерства был удален шеф Главного отдела "Политика" Георг Ляйббрандт и на его место Розенберг назначил обергруппенфюрера СС, руководителя Главного управления СС Готтлоба Бергера, который тут же провел реорганизацию вновь подчиненного ему отдела, назвав его по-своему "Ведущий штаб - "Политика".[275] Это был успех Гиммлера в сфере политической, административной, но что же происходило в сфере военной?

СС внимательно следил за процессом создания Восточных легионов, параллельно проводя свою политику рекрутирования и привлечения восточных народов, которая по времени почти совпадала с деятельностью вермахта в этом направлении. Как оказывается, свое "добро" на появление "русской армии" Гиммлер дал Власову уже после того, как СС сформировал свои подразделения из прибалтийских народов и украинцев. В мае 1942 г. было дано позволение на создание соединений СС из латышей, литовцев и эстонцев, которым в конце 1943 г. Гиммлер даже пообещал политическую автономию. Весной 1943 г. около 30 000 украинцев были объединены в дивизию СС "Галиция".[276] Примерно в то же время появились и планы относительно тюркских народов.

И все это, бесспорно, являлось свидетельством того, что политика СС на Востоке меняется. Этому способствовали многие причины (факторы): соперничество между руководящими фигурами и учреждениями Германии (в данном случае, особенно Восточного министерства и СС); неудачный для Германии ход войны, в которой после Сталинградской битвы уже наметился коренной перелом; явная неудача вермахта с созданием и применением Восточных батальонов. В такой сложной ситуации Гиммлеру очень хотелось сыграть роль спасителя, который сможет изменить ход событий в благоприятную для Германии сторону. Положительные результаты создания в рядах СС соединений из восточных народов должны были укрепить нацию и фюрера именно в таком мнении. Т.е. если для создания Восточных легионов одной из основных предпосылок военно-политического характера стал провал "молниеносной войны", то для СС, пожалуй, более важную роль играл провал мероприятий по формированию Восточных легионов. Хотя, конечно, военные неудачи Германии на Восточном фронте свое влияние на политику СС оказали.

Кроме того, существовала для СС и несколько иная, чем в случае с вермахтом, идеологическая предпосылка. Вспомним, что для Восточных легионов вермахта в качестве основного политического мотива предлагалась "борьба с большевизмом". В политике СС по отношению к тюркским и мусульманским народам на первый план выдвигалась идея их "революционизации", "фанатизации".[277] Заключалась эта идея в том, что по представлениям эсэсовских теоретиков, создание тюркского военного соединения в рамках СС должно было привести "к постепенному притягиванию на сторону Германии всего мусульманского мира", с конечной целью: "внешнего развала СССР". Такое соединение виделось к концу 1943 г. как "единственная платформа для фанатизирования восточных тюрков в борьбе против большевистской России"[278] Рассмотрим вначале, как же представлялось в СС достижение этой "революционизации".

В основу "идеи" были положены еще предвоенные изыскания двух ученых: Георга Кляйнова и Райнера Ольши.

Р. Ольша, медик по образованию, в 1936 г. защитил диссертацию о системе советского здравоохранения в Средней Азии. Одновременно он учился в Берлинском университете на факультете изучения зарубежных стран и стал ассистентом у востоковеда Г.Кляйнова, который в том же 1936 г. скончался. Впоследствии Р.Ольша подготовил к печати монографию "Туркестан - политико-исторические и экономические проблемы Центральной Азии", увидевшую свет в 1942 г.[279] В сентябре 1941 г. он был призван в СС и получил чин унтерштурмфюрера, занимаясь на первых порах исключительно санитарными и хозяйственными делами. Только в 1944 г. уже в чине гауптштурмфюрера СС он смог заняться осуществлением своих политических идей, возглавив в Главном управлении СС отдел "Туран-Кавказ". Несколько забегая вперед, скажу, что он был арестован после окончания войны и в 1947 г. скончался в советском плену. Находясь в плену, Ольша составил объемное письменное изложение своей деятельности.[280] По вполне справедливому замечанию П. фон цур Мюлена, в СС он сыграл примерно такую же роль, что и профессор фон Менде в Восточном министерстве.[281]

В понимании Р.Ольши "тюрко-татары или восточные тюрки являются сильнейшим неславянским и нехристианским меньшинством в СССР, которых следует воспринимать в единстве". Из "этнических, культурных, религиозных причин они издавна противостоят русским", поэтому считалось, что их легче всего использовать в сепаратистском движении. Ольша признавал, что "чувство общности у восточных тюрков развито не очень сильно, и все же они чувствуют себя близкими по крови, языку и религии и осознают свою враждебность русским". В работе с тюрко-мусульманскими народами, которая проводилась в первые годы войны против СССР, эсэсовский теоретик видел немало изъянов: "проводилось не объединение, а разделение их, (...) германской стороной тюркские народы рассматривались не как единое целое, они были сгруппированы по региональному принципу на туркестанцев, поволжских татар, крымских татар и т.д."; "немецкая политика была корыстолюбива, поэтому разочарованные лидеры тюрко-татарской эмиграции тянулись в сторону Турции"; к сотрудничеству привлекались "совсем неподходящие фигуры" (особенно отмечалась "негатив-

ная роль" президента Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хана); "деятельность ОКВ в тюркских добровольческих соединениях исходит из чисто военных моментов, опирается на пропаганду, которая не дает резонанса, (...) в полной мере не используются ни внешнеполитический, ни военный сектор возможностей". Ольша считал, что поскольку линия фронта постепенно удаляется от основных территорий проживания тюркских народов, то необходимость в соблюдении политического принципа их разделения, группировки отпадает. Поэтому "настает момент использовать всех восточных тюрков как единый в расовом и языковом отношении блок против русских", причем "еще более усилить его возможно через исламский фактор".[282] Единственной инстанцией, которая до сих пор не участвовала в решении указанных вопросов, которая могла бы принять на себя руководство восточными тюрками и была наиболее приспособлена для этого, являлся, по мнению Ольши, СС.

Итак, как видим, стараниями Райнера Ольши вновь появлялась на свет уже раз опробованная, но эффекта не давшая и явно нежизнеспособная идея тюркского единства (об этом уже упоминалось в первой главе этой книги). В то же время обратим внимание на то, что СС, в отличие от вермахта, с самого начала рьяно взялся за разработку теоретической, политической базы "сотрудничества" с тюркским народами.

По поручению Главного управления СС в конце 1943 - начале 1944 гг. своими мыслями по поводу создания ВТБС поделились и другие специалисты, которые имели дело с тюркским народами. Это упоминавшийся выше майор А.Майер-Мадер и профессор Г. фон Менде. Майер-Мадер в специально написанной памятной записке от 15 декабря 1943 г. обобщал накопленный с Восточными легионами опыт. Он отмечал как одно из главных требований на будущее: "активизировать пропаганду, чтобы совсем не потерять наших союзников". Лучшим средством для привлечения мусульманских военнопленных и мусульманского мира в целом на сторону Германии он считал создание тюрко-мусульманской дивизии с собственными офицерами до командиров батальонов включительно. Эта дивизия, по Майер-Мадеру, должна была стать "для тюрко-мусульман родиной до тех пор, пока собственно родина для них закрыта. Каждый из них должен знать, что есть в Германии место, где он будет иметь все права, где в чужой стране он не будет чувствовать себя чужим. Он уже не будет рассматривать Германию как чужую страну, в которой он не имеет никаких прав, кроме одного - права проливать за нее кровь. Дивизия должна стать полем накопления сил, чтобы воздействовать на всех тюрко-мусульман, охватывая и мусульман России". В этом Майер-Мадер видел "глубокий смысл" создания тюрко-мусульманской дивизии СС.[283]

В начале февраля 1944 г. свои "политические направления" для всех тюркских военных соединений, в том числе и в рамках СС, разработал и Г. фон Менде, который в целом придерживался точки зрения Р.Ольши о единстве тюркских народов, хотя и был более осторожен в формулировках. Он выразил мнение, что создание Восточномусульманского соединения СС (так поначалу планировалось его назвать) требует изменения проводимой до сих пор политической линии.

Тюркские народы должны были прийти к мысли, что "объединение их в мусульманское военное образование должно с германской стороны означать поддержку их общетюркских устремлений". Фон Менде, который хорошо понимал, что пропаганда тюркской идеи среди различных народов (среди туркестанцев, азербайджанцев и поволжских татар) будет иметь сложности, все же считал ее плодотворной и реалистичной. Пропаганда "объединяющих основ тюркских народов" могла, по фон Менде, привести к такому "положительному результату" как "создание мощной неславянской группировки численностью до 20 миллионов человек, которая противостояла бы русским на востоке". На первый план пропаганды такой тюркской идеи должны были быть поставлены связи тюркских народов Туркестана и Идель-Урала, но без упоминания Турции, "учитывая отношение к этому нетюркских народов Кавказа и будущую германскую политику в этом регионе".[284]

Для реализации изначально неосуществимого проекта и задумывалось создание в рамках СС Восточнотюркского боевого соединения СС, которое, по мнению его руководителя штандартенфюрера СС Харуна эль-Рашида (о нем еще будет сказано ниже), должно было стать не чисто военной единицей, а скорее носителем указанной идеи, "местом сбора и формирования политического мышления с целью последующего военного применения". Основной лозунг соединения должен был гласить: " Мусульманские восточные тюрки, живущие в советском пространстве, объединяйтесь при поддержке Германии, помогайте друг другу в достижении национальной свободы". Харун эль-Рашид довольно ясно понял, что большинство легионеров в вермахте ощущают себя в качестве "пушечного мяса", поэтому он настойчиво предлагал, чтобы тюркские солдаты имели собственное руководство и ясную цель - борьбу за национальную свободу.[285]

Кроме "теоретического" обоснования создания ВТБС в СС была проведена и заметная организационная работа, созданы специальные структуры для осуществления идейного руководства и практического осуществления задуманного.

В январе 1944 г. в Дрездене было создано "Рабочее объединение Туркестан " ("Arbeitsgemeinschaft Turkestan") во главе с Райнером Ольшей, подчиненное Главному управлению СС. Это было фактически научно-исследовательское учреждение с девятью отделами: страноведение, транспорт, геология и полезные ископаемые, сельское хозяйство, климатология, этнография и фольклористика, ислам, медицина, литература.

Для работы в объединении привлекались научные силы из многих университетских центров Германии. Оно должно было разрабатывать в целом все проблемы, связанные с тюрко-мусульманским миром.[286]

Организационные изменения были проведены и в самом Главном управлении СС. В конце весны - начале лета 1944 г. был создан специальный отдел "Руководящий отдел - восточные добровольцы" ("Freiwilligen Leitstelle Ost"), который к концу 1944 г. получил следующее оформление: он делился на четыре подотдела - русский, украинский, казачий и "Туран-Кавказ" (шифр Д 1/5к). Подот-

дел "Туран-Кавказ" в свою очередь подразделялся на отдельные "рефераты"(из них упомяну лишь некоторые):

Рабочее направление "Политика"

- реферат 1 "Тюркские народы" (руководитель оберштурмфюрер Северин Шия),

три отделения: а) Туркестан (Шия); б) Идель-Урал (Хайнц Унглаубе); ц) Крым (Гогартен);

- реферат 2 "Кавказ" (Штойервальд),

четыре отделения: а) Азербайджан (Штойервальд); б) Северный Кавказ (Орт); ц) Грузия (Хорстманн); д) Армения (Хорстманн);

Рабочее направление "Добровольческие соединения"

- реферат 6 "Восточнотюркское боевое соединение СС" (обершарфюрер Вольф);
- реферат 7 "Кавказское боевое соединение СС "(Вольф)

Рабочее направление "Наука, пресса, пропаганда"

- реферат 11 "Ислам" (Ольша)
- реферат 12 "Буддизм"
- реферат 13 "Пресса и пропаганда" (Шефер).[287]

Впервые в точно датированных документах вопрос о Восточнотюркском боевом соединении мне встретился в справке по Главному управлению СС от 14 октября 1943 г.[288] В документе оно называется еще "мусульманским легионом СС". Поскольку, согласно справки, созданные вермахтом Восточные легионы оказались "недееспособными в военном отношении и недостаточно ориентированными политически", создавалась новая военная единица. Для нее предназначались: "начальный контингент" в 300 человек, небольшой отряд майора Майер-Мадера, около 30 000 военнопленных в лагерях и восточных рабочих. Как отличие от вермахта отмечалось, что немецкий персонал будет использоваться меньше, так как предполагалось воспитание собственных офицерских кадров. Другим отличием считалось то, что представителей тюркских народов планировалось назначать на офицерские должности, вплоть до командиров батальонов, и они должны были по правам быть полностью приравненными к немцам. Особо подчеркивалась необходимость привлечения для ВТБС "особо ценного специалиста" майора Майер-Мадера, который "не прижился в вермахте, оказавшись там чужаком".

На следующий день, 15 октября 1943 г., Г.Бергер обратился к Гиммлеру с просьбой дать ему "возможность составить мусульманскую дивизию из представителей тюркских народов", уточняя, что речь идет о процессе "всего развития ее до полного создания". Начальник Главного управления СС пожаловался, что еще не все должностные лица осознают в полной мере "политическую ответственность и важность" происходящего. Бергер обещал, что в случае успеха проекта отношения Германии с исламским миром улучшатся, и считал немаловажным, что появится новая, хорошая боевая единица, "несмотря на то, что она составлена из диких народностей".[289]

Еще в одном из документов явственно заметно стремление представить СС как спасителя ситуации с восточными добровольцами, что будто бы выгодно отличало его от вермахта - 24 ноября 1943 г. Г.Бергер сообщал в адъютантуру

Гиммлера: "Мне стало известно, что вермахт одним махом объявил все тюркские батальоны ненадежными и решил их распустить и использовать только на трудовых работах. Все это неверно, так как это мужчины, и они должны быть солдатами. Их использование на работах успеха иметь не будет. Вопрос тюркских батальонов имеет чрезвычайную важность. Если мы сможем поставить рядом с западномусульманским дивизионом (имеется в виду соединение СС из боснийских мусульман - И.Г.) и восточных мусульман, то это подействует на 220 миллионов мусульман в мире как сигнал".[290]

Осенью 1943 г. началось осуществление практических мер по реализации указанных планов. Специально подобранные люди отправлялись в лагеря для военнопленных, в батальоны Восточных легионов, к восточным рабочим для проведения вербовки. Сценарий при этом был практически тот же, что и в случае организации Восточных легионов. Для примерного представления о том, как проводилась такая деятельность, приведу документ с соображениями по этому поводу представителя Азербайджанского посреднического штаба (национального комитета) майора Або Фаталибейли-Дудангинского.[291] Каждый национальный комитет (речь о них пойдет в следующей главе) создавал специальные комиссии по вербовке. Комиссии отбирали людей, которых затем перемещали в предварительный лагерь. А.Фаталибейли-Дудангинский предлагал создать два таких пункта - один на востоке, другой на западе, чтобы избежать потерь времени и не загружать транспорт. Но фактически такой предварительный лагерь существовал только один - в Вене.[292] Здесь осуществлялись прием завербованных, дезинфекция, врачебный осмотр, устанавливалась "годность к боевым действиям или вспомогательной деятельности". Тут же проводилась первичная пропагандистская "обработка" с разъяснением целей тюркских народов, и конкретных задач, стоявших перед тюркским подразделением СС. В лагере создавались так называемые маршевые соединения, которые отправлялись в установленное место - город Капошвар в Венгрии. Здесь уже должно было происходить окончательное оформление ВТБС, подразделявшегося на четыре полка или, согласно эсэсовской терминологии, "боевые группы" (Waffengruppe) - Туркестан, Идель-Урал, Крым, Азербайджан, которые в свою очередь планировалось делить на батальоны. В перспективе же считалось, что ВТБС вырастет до тюркской дивизии СС, состоящей из нескольких полков или бригад. Как уже упоминалось, в отличие от вермахта, большинство офицерских чинов должны были занять представители тюркских народов: по крайней мере, имелись в виду все офицерские должности от командира рот и ниже, но на посты от командиров батальонов и выше в этом документе предлагалось назначать только немцев, но обязательно с заместителями из тюрков. Заместителей должны были предлагать национальные комитеты, в их компетенцию входили бы все вопросы "национально-политического воспитания" солдат соединения. В представлении А.Фаталибейли-Дудангинского ВТБС имело бы свою символику: общее тюркское знамя - с полумесяцем и пятиконечной звездой на голубом фоне, что означало бы - "голубой цвет - цвет тюркской крови, полумесяц и звезда - исторические символы тюркских народов, пятиконечная звезда - пять тюркских государств - Туркестан, Азербайджан, Идель-Урал, Северный Кавказ и Крым."

Несколько иное мнение об организационном устройстве ВТБС имел Харун эль-Рашид. Он также считал, что соединение будет подразделяться на полки, а те в свою очередь на батальоны, но батальоны в каждом полку должны были быть смешанными, т.е. представлять три разных народа. Такое "смешивание, как считал эсэсовский офицер, необходимо, чтобы осложнить вражескую пропаганду, и чтобы предотвратить возможную измену". Полки же не должны были иметь тяжелое вооружение и опять-таки больше употребляться в борьбе против партизанского движения. Чувствовалось, что неудачный опыт вермахта в СС в какой-то мере был учтен, и это особенно заметно в указаниях офицерскому корпусу соединения, данных Харуном эль-Рашидом. Как отмечал автор, "весь менталитет и настрой восточных тюрков (прежде всего у выходцев из Центральной Азии) настолько чужд и далек от нас, что немецкие офицеры должны быть в первую очередь не великолепными тактиками, а в состоянии понять и разобраться в особенностях характера тюркских солдат". И он же не преминул показать себя "знатоком" этого характера, отмечая такие особенности: "отсутствие у тюрков пунктуальности во времени; постоянное стремление к преувеличениям и фантазированию (что проявляется и в составлении донесений, сообщений и пр.); невероятно большая радость от речей, разговоров, от официальных вознаграждений и поощрений (некоторые из них носят несоответствующие их чину знаки различия); высокая чувствительность (туркестанцы, которые чувствуют себя задетыми или оскорбленными, могут тут же залиться слезами); гордость; небоеспособность поодиночке, но удивительные качества в группе". "В силу своего характера,- подытоживал штандартенфюрер,- восточные тюрки не приспособлены к большим сражениям, но по физической подготовленности, находчивости, непритязательности, живости и ловкости они лучше могут быть использованы в небольших боях и борьбе с партизанами".[293]

Это были, однако, только намётки. Как же осуществлялись реальные мероприятия по созданию ВТБС?

В основу тюркского соединения СС лег 450-тюркский батальон майора А.Майер-Мадера - в январе 1944 г. его приписали к СС, сам майор получил чин штурмбанфюрера. Батальон был переименован в 1-й Восточномусульманский полк СС, который тогда планировалось превратить в дивизию "Новый Туркестан".[294] Именно эта дивизия, которая объединила бы туркестанцев, азербайджанцев и татар, по мнению Майер-Мадера, должна была, как уже упоминалось выше, высадиться в Средней Азии и поднять там антисоветское восстание, опираясь на остатки прежних формирований басмачей. Против идей Майер-Мадера и против его соединения выступил лидер Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хан, очевидно имевший на то свои основания. Началась очередная склока, завершившаяся довольно странно: во время отсутствия Майер-Мадера в создающемся соединении был раскрыт заговор, его "зачинщики" Абдуллаев и Сулейманов были немедленно расстреляны. После этих событий не совсем ясная участь постигла и самого командира полка - он погиб в феврале-марте 1944 г. в Белоруссии, свидетельства документов об его гибели глухи: по одним данным он пал от рук партизан во время одной из карательных акций, по другим - в результате

заговора внутри самого СС.[295] Восточномусульманский полк, так и не созданный до конца, был фактически распущен.

Этими событиями усилия СС по созданию тюркского соединения, понятно, не ограничились и не завершились.

2 мая 1944 г. Гиммлер отдал приказ о создании в течение года восточномусульманской дивизии, за основу которого и должен был быть положен существовавший полк.[296] После приказа практическая работа явно активизировалась - с приказом ознакомили лиц, ответственных за военнопленных, за восточных рабочих, представителей вермахта и Восточного министерства. Уже 8 мая 1944 г. ответственный за выполнение четырехлетнего плана Тримм дал указание своим подчиненным освобождать всех восточных рабочих из туркменов, таджиков, узбеков, киргизов, казахов, татар казанских и крымских, которые изъявят желание служить в СС.[297] Взаимопонимание между инстанциями и в данном случае получалось не всегда - 1 июня 1944 г. Р.Ольша сообщал в "Руководящий отдел-восточные добровольцы", что по вопросам вербовки в СС нет единства в национальных комитетах и между ними, что процесс этот идет вообще очень вяло, сами представители восточных народов проявляют мало энтузиазма. Он сообщал также, что для активизации сотрудничества с вермахтом он провел 22 мая встречу с генералом Кёстрингом, на которой было заявлено о необходимости постоянной координации действий, чтобы не вызвать недовольства среди самих добровольцев из-за несогласованности политической линии СС и ведомства генерала добровольческих соединений.[298]

В начале лета 1944 г. впервые в документах встречается и имя будущего руководителя ВТБС штандартенфюрера Харуна эль-Рашида. Так же как и майор А.Майер-Мадер, это был человек весьма своеобразной судьбы. Настоящее его имя было Вильгельм Хинтерзац, родился он в 1886 г. В годы первой мировой войны он был прикомандирован к турецкому Генеральному штабу, стал майором, затем полковником турецкой армии. Он близко сошелся с известным нам уже по первой главе этой книги Энвером-пашой, являлся его военным советником и после войны руководителем его штаба. Несмотря на то, что отец В.Хинтерзаца был евангелическим священником, он сам в годы первой мировой войны принял ислам, "полностью осознавая, какие конфликты вследствие этого ждут меня как немца"(из автобиографии Харуна эль-Рашида от 7 июня 1944 г.). Кстати говоря, и оба его сына по желанию отца имели исламское вероисповедание.

Хотя имя Харуна эль-Рашида в официальной документации начинает упоминаться в качестве предполагаемого командира ВТБС уже в начале лета 1944 г., соответствующий приказ Гиммлера последовал только 20 октября 1944 г.[299] По мнению Р.Ольши, эта была самая подходящая кандидатура на этот пост: "Рашид имеет ценные связи в исламском мире и является превосходным связующим звеном с тюркским мусульманским национализмом".[300]

По вполне понятным причинам, связанным, конечно, с развитием ситуации на фронте, формирование ВТБС шло исключительно медленно. Г.Бергер, например, в своем сообщении Гиммлеру от 14 июля 1944 г. все еще пишет о планах создания и перспективах соединения (вспомним, что почти о том же он отпи-

сывал рейхсфюреру еще в октябре 1943 г.). Бергер, правда, добавил в новый документ пассаж, явно позаимствованный из теоретических "достижений" Р.Ольши: "восточные тюрки или тюрко-татары являются самым сильным неславянским меньшинством в СССР, которые издавна боролись с русским и большевистским государственным мышлением". Не мог он не оценить приказа Гиммлера от 2 мая, назвав его "единственной платформой для политической фанатизации восточных тюрков против большевистской России". Появились в сообщении и некоторые новые моменты: ВТБС планировалось не как закрытое соединение, т.е. его полки и батальоны предполагалось дислоцировать и использовать в разных местах, а не все вместе одновременно в одном месте; соединение именуется "скорее политико-пропагандистской единицей для текущего политико-пропагандистского обеспечения восточнотюркских соединений", т.е. в планах эсэсовского начальства намечался все более заметный крен в сторону усиления политического, пропагандистского эффекта ВТБС, чем ожидание его военных успехов. Возможно, что тем самым Бергер как бы оставлял место для маневра - в случае военного краха ВТБС можно было бы оправдаться и сослаться на исключительно политические мотивы его формирования. А закончил генерал свое сообщение и вовсе оптимистичным заявлением: "Племянник египетского короля принц Дауд уже выразил пожелание участвовать в реализации этой идеи в качестве простого солдата. Можно полагать, что и офицеры из турецкого резерва выразят желание быть в составе восточнотюркского корпуса".[301] Это заявление, бесспорно, также делалось в расчете на пропагандистский успех.

При формировании ВТБС представители Главного управления СС постоянно пытались опереться на опыт Восточного министерства с легионами, привлечь для своего мероприятия чиновников и пропагандистов, имеющих конкретный опыт. Неоднократно они обращались в Восточное министерство с просьбой выделить для СС людей с опытом политической и пропагандистской работы из представителей тюркских народов. На это, например, 16 июля 1944 г. был получен ответ от Г.фон Менде, что министерство уже отправило в распоряжение СС 12 туркестанцев, что сейчас с подготовкой кадров пропагандистов имеются серьезные проблемы, работоспособных людей мало, а вермахт очень неохотно отпускает своих людей для министерства. Так что фон Менде с сожалением констатировал, что его учреждение подготовить необходимые кадры для Главного управления СС не в состоянии.[302] В августе 1944 г. рассматривались кандидатуры на пост "шеф-имама" ВТБС, поскольку исламу в данном случае отводилась далеко не последняя роль (об этом речь еще пойдет в третьей главе)[303]. В сентябре 1944 г. СС серьезно заинтересовался руководителем Татарского посредничества Восточного министерства Хайнцем Унглаубе: 8 сентября 1944 г. Р.Ольша писал как о решенном деле о переводе "этой компетентной персоны" в распоряжение своего ведомства в течение ближайших 48 часов. Поскольку Унглаубе не был членом СС, его предлагалось использовать в качестве "делопроизводителя".[304] Такой перевод Унглаубе в СС действительно состоялся, однако несколько позднее. При этом он не потерял своих функций и в Восточном министерстве. Р.Ольша был

достаточно разборчивым в подборе кандидатур для своего учреждения. Когда 13 сентября его посетил руководитель "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" Шафи Алмас со своими помощниками, чтобы получить информацию о состоянии дел и "протолкнуть" в СС своих кандидатов, Ольша достаточно трезво разобрался в ситуации. Шафи Алмас, человек тщеславный и обидчивый, выразил недоумение и недовольство, что привлеченные к работе в подразделениях Главного управления СС татары выбирались Ольшей без согласования с ним, как с татарским "вождем". Поэтому он заявил, что все принятые татарские сотрудники являются "непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу", и рекомендовал на замену своих "лучших сотрудников" юриста и лингвиста Исламгулова, юриста Мичурина и бывшего полковника Красной Армии, коменданта г.Баку Алкаева. Хотя Ольша прямо и не отказал Шафи Алмасу, но в справке высказал свое мнение, назвав татарского "вождя" интриганом и самолюбом: "исключено, что Главное управление СС ограничится в работе только людьми Шафи Алмаса, так как в татарском секторе именно его режиссура создала такое положение, когда проведенная работа явно недостаточна и необходимость ее интенсификации является очевидной".[305]

В сентябре-октябре 1944 г. работа по вербовке тюркских военнопленных шла все же довольно интенсивно. 20 сентября на совещании у генерала Кёстринга этот вопрос обсуждался специально. Было заявлено, что на 1 августа 1944 г. в плену считалось 36 406 мусульман (в большинстве своем из тюркских народов). При обсуждении вопроса Кёстринг и Ольша пришли к договоренности, что 10 тысяч из этих пленных будут переданы в распоряжение СС. Это, скорее всего, не означало, что все названные военнопленные изъявили желание перейти на сторону немцев. Речь шла о количестве военнопленных, с которыми разные ведомства планировали продолжение своей пропагандисткой "обработки".[306] На двух других совещаниях, состоявшихся вновь у генерала Кёстринга 23 и 24 сентября, уже обсуждалась передача в распоряжение СС по 500 человек из числа восточных добровольцев - из азербайджанцев, туркестанцев, поволжских и крымских татар.[307] Вопрос, как видим, решался долго. Можно предполагать, что передача персонала вновь вызвала заметные межведомственные трения и осуществлялась с трудом.

Как видим, и при создании ВТБС не обошлось без таких противоречий, о возможности которых Р.Ольша сообщал еще в начале июня. Откровенно сообщал о наличии "недопонимания" между Восточным министерством и подразделениями СС, в первую очередь с отделом "Туран-Кавказ", Г.Бергер 25 сентября 1944 г.[308] Но суть такого "недопонимания" в документе не разъясняется. Бергер приказал своим подчиненным как можно скорее прийти к взаимопониманию. Поэтому в тот же день состоялось совещание двух ведомств, на котором обсуждались наиболее острые на тот день вопросы: Восточное министерство предлагало, чтобы азербайджанцы в ВТБС не включались, так как они желают создания "кавказского блока" и будто бы войдут в будущее Кавказское соединение СС (оно создано не было, и азербайджанцы, хотя и с опозданием, вошли в ВТБС - по имеющимся документам это произошло в январе, но по данным К.-Г.Клит-

манна - лишь в марте 1945 г.[309]). СС обещал, что у генерала добровольческих соединений не будут переманиваться восточные легионеры, а СС своими силами будет проводить вербовку - этот пункт, пожалуй, до сих пор вызывал самые сильные трения. Оба ведомства согласились с тем, что необходимо усилить роль национальных комитетов и их авторитет в формировании соединений вермахта и СС. И в конце совещания вспыхнул любопытный спор вокруг предложения Розенберга, убрать из названия ВТБС понятие "восточнотюркский". Это было явно вызвано давним опасением рейхсминистра перед "пантуранистским" объединением. Участники совещания сослались на уже появившиеся приказы о создании ВТБС и при поддержке профессора фон Менде оставили название его без изменения. Наметившиеся противоречия были в какой-то степени преодолены.

Главными исполнителями в деле создания ВТБС осенью 1944 г. являлись, кроме Харуна эль-Рашида, оберштурмбанфюрер Антон Циглер - ответственный за проведение вербовки и руководитель предварительного лагеря в Вене и оберштурмфюрер Фюрст - ответственный за подготовку офицерского состава соединения.[310] Эти офицеры широко организовали вербовку в лагерях военнопленных в самых различных районах - в Германии, Польше, Австрии и даже Норвегии. 15 октября 1944 г. отправленный в Норвегию Циглер сообщал Харун эль-Рашиду об итогах своей поездки: 234 военнопленных изъявили согласие служить в СС, среди них было 70 туркестанцев, 31 азербайджанец и 131 татарин (без уточнения, о каких татарах шла речь - крымских или поволжских).[311]

К вербовке широко привлекались и национальные комитеты. Так, 18 октября 1944 г. руководитель Татарского посредничества Л.Стамати сообщал в Главное управление СС, что усилиями его сотрудников составлено три списка татар из восточных рабочих, которые согласились служить в СС, общее число их составляло 107 человек. Кроме того, специальными комиссиями Посредничества, которые посещали лагеря военнопленных, было взято на учет еще 400 человек, которые потенциально могут подойти для службы в ВТБС, но выражал сомнение, что состояние из здоровья позволит им это сделать.[312]

Наконец, после длительной и медленной подготовительной работы 20 октября 1944 г. рейхсфюрер Гиммлер отдал приказ о создании Восточнотюркского боевого соединения СС, которое согласно приказу должно было "служить сбору всех годных восточных тюрков - туркестанцев, поволжских и приуральских татар, крымских тюрков, азербайджанцев и др., осуществлять их политическое и военное воспитание, их разделение в отдельные военные единицы, а также решать культурные и пропагандистские задачи". Официально, как сказано в документе, ВТБС существовало с 1 октября 1944 г.[313]

Приказ этот далеко не означал, что вопросы вербовки военнопленных, а тем более реального формирования соединения тем самым были закончены. И всё же 1 ноября командир ВТБС сообщал, что уже существуют три "боевые группы" - туркестанская, татарская и крымско-татарская, что, судя по документации того периода, все же было не констатацией реальности, а лишь выдачей желаемого за действительное.[314] Однако на 5 ноября в составе соединения числилось всего 37 офицеров, 308 унтер-офице-

ров и 2317 солдат, что было далеко от запланированных представлений о тюркском полке и тем более дивизии.[315] Тюркские военнопленные и рабочие не особенно стремились записываться в войска СС, и проблема нахождения, военной и пропагандисткой подготовки кадров оставалась для ВТБС самой острой и далее. Поэтому представители комитетов, высшие офицеры соединения постоянно находились в разъездах, стремясь быстрее разрешить существующие сложности. Такое поручение было дано в конце октября и известному представителю предвоенной татарской эмиграции Абдул-Гани Усману, который направлялся к восточным рабочим с пропуском от Главного управления СС.[316] В середине декабря 1944 г. в шталагах XIIIа и XIIIд два представителя Татарского посредничества собрали около 150 военнопленных татар и провели с ними беседу, во время которой большинство из них как будто "выразило желание перейти на германскую службу", были составлены списки и предписано, разделив их на группы по 30 человек, с 1 января начать их перемещение из лагерей.[317] 2 января 1945 г. А.Циглер сообщал Ольше о достигнутых результатах: военнопленные, которые предназначались для службы в СС прибывали в Австрию и в предварительном лагере согласно сообщения на тот день находилось 2227 туркестанцев, 1622 азербайджанцев, 1427 татар (вероятнее всего, крымских) и 179 татар и башкир. Здесь же было упомянуто, что комиссией Татарского посредничества по вербовке военнопленных руководил некий Темирбулат.[318]

Когда комиссии устанавливали в лагерях военнопленных или среди восточных рабочих лиц, которые подходили для службы по всем параметрам, на каждого индивидуально направлялся запрос-требование от Главного управления СС об освобождении. Этот вопрос лично контролировал Р.Ольша. Так, 24 октября 1944 г. он предписал освободить от трудовой повинности троих татарских рабочих Хака К., Мансура К. и Ахата Б., 9 декабря из шталага 2В Хаммерштайн - военнопленных Абдулхая Г. и Салиха Ш., в декабре же последовал приказ о прикреплении к Главному управлению СС в качестве переводчиц трех татарок из восточных рабочих - Ханифы И., Рашиды Ш. и Нурии Р.[319]

В декабре 1944 г. среди поволжских татар в ВТБС появились и первые офицеры. Одним из первых в документах встречается имя Гайсы К., который 17 декабря предлагался Ольшей в качестве кандидата на роль командира первого татарского батальона СС. До того времени он служил в Волго-татарском легионе, закончил офицерскую школу в Позене (Познани), получив чин обер-лейтенанта, затем работал в Татарском посредничестве и отовсюду получил рекомендации для службы в СС. Ольша отметил, что Гайса К. в легионе не получил назначения на ответственную должность, а исполнял обязанности офицера по поручениям, поэтому он был неудовлетворен таким положением и перешел на работу в Посредничество. В ВТБС Гайса К. был причислен 9 декабря в чине гауптштурмфюрера.[320]

В тот же день, 9 декабря, оберштурмфюрером ВТБС стал Ахун Тагиров, а унтерштурмфюрерами - Шихап Нигмати и Бари Ф.[321] Возможно, что именно эти четыре татарских офицера стали слушателями первых офицерских курсов ВТБС, организованных гауптштурмфюрером Фюрстом с 27 декабря 1944 г. в населенном пункте Поради (к сожалению, я не смог уточнить его местонахождение, возможно, в Словакии). Там же находились 23 туркестанца, 10 азербайджанцев и 8 крымских татар.[322]

Первые татарские офицеры ВТБС были сразу же подключены к активной работе. Уже в конце декабря 1944 - начале января 1945 г. А.Тагиров был отправлен в специальный лагерь Татарского посредничества Кринке на острове Узедом, где он должен был проводить проверку и подготовку будущих офицеров соединения. Туда было прислано 17 кандидатов, из которых Тагиров отобрал 11 человек и с которыми он проводил занятия по собственной методике.[323] Забегая вперед, отмечу, что Тагиров был подключен к подготовке татарских офицеров вплоть до самого конца войны и, что удивительно, судя по текстам документам, не терял оптимизма даже в марте 1945 г.

Вообще вопрос подготовки офицерских кадров и связанные с ним проблемы, постоянно беспокоили немецкое начальство. Свои соображения по этому поводу высказывали и привлеченные к сотрудничеству татары. Так, А.Тагиров в цитированном выше документе - письме Р.Ольше от 2 января 1945 г., одним из первых высказал серьезные опасения. Он считал, что подготовленные им кадры офицеров не могут сразу отправиться в соединение, поскольку там вообще еще не было татарского руководства. Тагиров сообщал, что "он получил оттуда очень плохие вести - там главенствуют узбеки. Все было бы не так плохо, если бы у самих туркестанцев были настоящие офицеры. Но татары вообще не хотят воевать под командованием туркестанцев, а лишь под командованием немецким или своим собственным". Он предлагал срочно отделить в соединении татар и представителей среднеазиатских народов, направить туда нескольких татарских офицеров, создать с их участием первую роту, затем постепенно вторую. Если бы татары и далее находились под командой узбеков, то по мнению Тагирова, дела пойдут "еще хуже", констатируя тем самым, что татарская "боевая группа" СС создавалась с большим скрипом. Он отмечал, что Х.Унглаубе может отправить к нему до 100-150 военнопленных, из которых 40-50% могут стать настоящими офицерами. На подмогу он просил также около 20 человек из состава Волго-татарского легиона, знакомых с немецкой тактикой. Обращает на себя внимание следующая фраза: " При ВТБС должна быть немедленно создана татарская рота" - очевидно, что до того дня этого так и не произошло. Поражает оптимизм А.Тагирова, граничащий с наивностью и твердолобием: "Если всё это будет проделано, то мы получим прекрасное татарское соединение СС",- заключил он.

Тот же вопрос, связанный с офицерскими кадрами, был поднят и в обращении представителя "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала", руководителя военного отдела Союза капитана Вафина к Р.Ольше от 11 января 1945 г.[324] Кроме обязательных приветствий и пожеланий успеха татарскому соединению СС, заявлений о том, что Союз борьбы до сих пор имел "очень большие надежды на развитие военного вклада поволжских татар", "с особой радостью узнал, что татары при этом будут руководиться своими собственными офицерами", в обращении выявлены острые проблемы, которые очень волновали и в чем-то разочаровывали руководство татарских коллаборационистов: "несколько сотен татар, призваны уже в ВТБС, поставлены под командование представителей чужих народов, в особенности узбекских офицеров. Эти чужие офицеры не приспособлены для руководства по-

волжскими татарами. Уже известны случаи, когда они унижали и избивали наших людей". "Союз борьбы" по-своему пытался найти выход: обращался к командиру ВТБС не ставить татар под командование офицеров из других народов; заявил протест в Главное управление СС по поводу случаев унижения татар узбекскими офицерами; выявил 150 бывших советских офицеров-татар среди военнопленных, которые будто бы согласились служить в СС. Высказывалось предупреждение, что если допущенные ошибки не будут исправлены, если обхождение с татарами не изменится, то это приведет лишь к негативным последствиям и скажется на боеспособности татарской боевой группы. Капитан Вафин предлагал: объединить татар в роты только под командованием татарских офицеров; резко активизировать пропагандистскую работу среди солдат соединения и среди военнопленных; улучшить качество подготовки офицеров; привлечь в качестве офицеров соединения татарских офицеров вермахта, имеющих уже военный опыт. Он выразил обиду, что в Русской Освободительной армии бывшие советские офицеры тут же получают соответствующие их подготовке и прежним регалиям чины, а с татарами же этого не происходит - они остаются на положении рядовых, "несмотря на то, что они хорошо знакомы с германской военной тактикой и давно борются в германских соединениях", хотя есть и списки подходящих людей, и желающие выучиться на офицера. Как видим, и Вафин констатировал, что офицерский состав татарской боевой группы в начале января 1945 г. не был сформирован вообще, более того, настоящей татарской боевой группы также не существовало.

25 декабря 1944 г. в ВТБС произошло происшествие, которое повлияло на всё дальнейшее его развитие, на общую атмосферу вокруг соединения, на настроения солдат, причисленных к нему. Командир туркестанского полка оберштурмфюрер Гулам Алимов, доверенное лицо Вели Каюм-хана, с 458 своими подчиненными, у Миявы перешел на сторону словацких партизан (часть из них, правда, в первых числах января вернулась обратно).[325] Случай этот оказался очень болезненным для всего проекта создания крупных тюркских формирований в рамках СС, он долго обсуждался всеми ответственными лицами и инстанциями и во многом способствовал падению активности в дальнейшем развитии ВТБС. Это полностью относилось и к "боевой группе Идель-Урал".

Тревоги немецкой стороны и представителей самих поволжских татар были не беспочвенными. Уже 12 января 1945 г. Харун эль-Рашид срочно телеграфировал Циглеру в Вену: "Как это ни тяжело, но из-за неблагонадежности пришлось разоружить роту поволжских татар. Причина тому - плохой контроль и проверка в лагерях. Я слышал, что они приходят оттуда полностью в большевистской убежденности, поэтому происшедшее не удивляет".[326] И хотя 16 января еще 10 идель-уральцев (не только татар) были произведены в офицеры СС (среди них оберштурмфюрерами стали Ахмат Н. и Салих Ш., унтерштурмфюрерами Энвер Е., Ахмат Ш., Ахмат Г. и Василий А.),[327] создание татарской боевой группы становилось все более и более проблематичным. В тот же день стали известны подробности о разоружении с таким трудом собранной татарской роты. Харун эль-Рашид в телеграмме в Главное управление СС сообщал, что им в Сенице[328] было разоружено и отправлено в лагеря военнопленных 187 идель-уральских татар. А.Циглер предоставил Р.Оль-

ше еще более конкретные данные: все разоруженные татары по всей видимости были отправлены в лагерь Кайзерштайнбрух (возможно, на территории Австрии). Поводом для разоружения стало то, что "в татарской роте находились политруки". Циглер предложил усилить пропагандистскую работу в лагерях, более тщательно проводить "просеивание и проверку каждого" в предварительном лагере в Вене, но сетовал, что это не даст стопроцентной гарантии, так как "политруки очень хорошо обучены"; что добровольцы легко попадают под влияние "русских агентов"; туманно замечая, что местное словацкое население "делает больше, чем нужно". Факт разоружения татарской роты оценивался им как "очень печальный". Немаловажным в событии было и то, что в роте не было ни одного татарского офицера. Итог по Циглеру: "на сегодня штандартенфюрер может положиться только на две боевых группы - крымских татар и азербайджанцев.[329]

По-видимому, своеобразной реакцией на случившееся стало письмо гауптштурмфюрера Гайсы К., написанное 17 января 1945 г. на русском языке и адресованное Р.Ольше.[330] Он высказал свои предложения для улучшения ситуации с татарской боевой группой:

1. "По старой традиции татары есть народ воинственный, и они вечно способны враждовать с другими, живущими по соседству национальностями. Поэтому следует их (татарские подразделения) отделить от туркестанцев, азербайджанцев и т.д.). Кроме того, учитывая их чрезмерную гордость и обидчивость, не мешало бы поставить на командную должность для татарских подразделений исключительно офицеров из числа татар".[331]

2. С учетом опыта легиона и "особенностями данного периода"(очень обтекаемая формулировка! - И.Г.) татарские подразделения СС, по мнению Гайсы К., должны были быть размещены на территории самой Германии, а не на оккупированных территориях.

3. При отделе "Туран-Кавказ" ввести должности советника из татар, а еще лучше организовать татарский штаб связи (по образцу "Союза борьбы тюрко-татар").

4. Чтобы не повторялись уже имевшие место "неприятности": в отношениях татарских солдат и туркестанских офицеров, перехода на сторону партизан и т.д., следовало бы, по мнению Гайсы К., "немедленно обеспечить своим командным составом татарских СС-подразделений".

5. Присваивать офицерские звания по "заслугам", "не засорять офицерский состав всякими самозванцами".

6. Очень любопытное предложение: "обеспечить просьбу добровольцев-девушек-татар. Не мешало бы не только добровольцев, но и всех татарских девушек собрать в СС и устроить их на работу при татарских подразделениях и частях в качестве помощниц и на подсобные работы (посудницы, повара, уборщицы, медсестры, ординарцы и т.п.)".

7. Поднять вопрос о возможном объединении крымских татар с поволжскими, учитывая пожелания самих татар. К такому предложению, по-видимому, привело наметившееся внутри ВТБС противостояние татар представителям среднеазиатских народов.

8."Организовать курсы командного состава без ограничения срока обучения".

Все эти предложения Гайса К. считал своевременными и очень актуальными, замечая в конце: "Прошу вас считаться с вышеуказанными моментами и по возможности скорее реагировать на них, так как это диктует сегодняшняя ситуация". Но подобные документы мало что могли изменить в реальности, авантюра СС катилась к бесславному финалу.

События конца декабря 1944 - начала января 1945 г. очень сильно задели Р.Ольшу как главного идеолога создания ВТБС. 18 января он обратился к своему начальству с примечательным заявлением.[332] Он почувствовал, что мероприятие трещит по швам и постарался во всех грехах обвинить Харуна эль-Рашида. Прежде всего, Ольша отметил невнимание командира соединения, "несмотря на постоянные замечания", к вопросу подготовки национальных офицерских кадров, что он считал его главной ошибкой. "Только в последние дни удалось призвать способных татарских офицеров, проверенных комитетом и Посредничеством. (...) Командир же, несмотря ни на что, пытается получить все новых и новых военнопленных, на что отдел Д 1 5к согласия не давал из-за отсутствия собственных офицерских кадров". Получалось, что все дело в том, что Харун эль-Рашид противодействовал указаниям сверху, считая, что после сбора завербованных военнопленных они сами выберут себе офицеров. Ольша при этом "энергично противостоял такому бессмысленному и авантюристическому плану". В результате "даже то малое число татар, которое находится в ВТБС, теперь показало свою ненадежность". Последствия Ольша констатировал очень красноречиво: "Это практически конец. Командир не мог предъявить более явственного заявления о своем банкротстве, чем отправить всех своих добровольцев обратно в лагерь для военнопленных". Какое-то место для надежды все-таки оставлено: Ольша сознается в "банкротстве" командира, но не всего мероприятия, что очевидно было бы намного правильнее. Это подтверждается тем, что еще даже 18 февраля 1945 г. Харун эль-Рашид телеграфировал в Главное управление СС, что "боевая группа Идель-Урал в настоящее время состоит всего из 74 человек, командира у них еще нет, поэтому они пока придаются к группе крымских татар, а шесть офицеров, подготовленных для нашего объединения, еще не объявились". А разоруженные до этого татары были действительно приданы группе крымских татар, это "единство", в понимании командира ВТБС, должно было создать основу для создающейся боевой группы Идель-Урал".[333]

Трудно привести более красноречивое подтверждение тому, что идея создания Восточнотюркского боевого соединения СС (по крайней мере в части привлечения на службу поволжских татар) привела даже к еще более серьезному провалу, чем создание Восточных легионов вермахта. Ведь даже туркестанцы, которые, например, в Восточных легионах считались самыми надежными из всех добровольцев, в данном случае полностью разочаровали немцев. Поэтому не случайно немецкий историк К.-Г.Клитманн, замечал: "дальнейшая судьба этого соединения затонула в неурядицах последних месяцев войны".[334] Когда война быстро приближалась к

своему закономерному концу, мало кто из германского высшего руководства по-настоящему интересовался судьбой малочисленного, до конца не сформированного соединения, которое, даже будучи созданным, вряд ли смогло бы решить какую-либо проблему "третьего рейха". И все же нельзя сказать, что попыток выйти из создавшегося тупика в ВТБС не предпринималось. Приведу лишь некоторые связанные с этим любопытные факты из событий января-марта 1945 г. в хронологической последовательности. Основное внимание при этом уделялось подготовке национальных офицерских кадров.

В январе-феврале 1945 г. по поручению Харуна эль-Рашида пытался организовать подготовку офицеров в лагерях Татарского посредничества Хайнц Унглаубе - в упоминавшемся уже лагере Кринке на острове Узедом и лагере Даргибель. Унглаубе к тому времени перебрался в свой родной город Анклам в Померании и организовал там так называемое Волго-татарское бюро, как своеобразный филиал Татарского посредничества. Он фактически работал на два фронта, выполняя и поручения СС. Унглаубе жаловался на то, что вермахт никого не выделил из восточных добровольцев (понятно, что вермахту было не до таких "мелочей" в тот момент), и поэтому ему и его подчиненным пришлось ограничиваться работой с военнопленными. Настроение среди курсантов было явно подавленным: их угнетало отсутствие надежной связи и информации, побывавший в ВТБС А.Фаталибейли-Дудангинский сообщил им, что "татары в соединении чувствуют себя плохо, а их офицеры все еще не прибыли". Унглаубе несколько раз жаловался на свои проблемы и в Главное управление СС, и в Татарское посредничество: ни один из немцев из местных властей интереса и заботы к его курсам не проявлял, поэтому он просил подкрепления. Основным помощником Унглаубе сначала являлся все тот же А.Тагиров, обладавший, по словам "шефа", "чрезвычайным педагогическим талантом". Впоследствии к нему на "подмогу" прибыли Гайса К. и Шихап Нигмати. Первая группа "будущих" офицеров состояла из 24 человек, из которых наиболее "подходящими"были признаны 10 человек и которые во главе с Тагировым в конце февраля 1945 г., наконец, прибыли в соединение.[335] Тагиров произвел очень благоприятное впечатление и на Харуна эль-Рашида, который выразил уверенность, что "в его лице я буду иметь доброго товарища и надежного помощника" и 24 февраля 1945 г. пообещал в телеграмме Унглаубе извещать его, как будет продвигаться создание "боевой группы Идель-Урал".[336] Любопытно, что личность "доброго товарища и надежного помощника" А.Тагирова вызвала серьезные нарекания со стороны Татарского посредничества и некоторых его "соратников", когда вдруг возникла идея произвести его в оберштурмбанфюреры (что соответствовало подполковнику в вермахте): Ш.Алкаев обвинил его в том, что он украл сумку с продовольственными карточками у его жены, а позднее даже заявил, что он - "советский агент". Ш.Нигмати также начал утверждать, что Тагиров - "большевистский шпион". После таких заявлений руководитель посредничества Л.Стамати был вынужден провести проверку. Судя по всему, самое "суровое" обвинение не подтвердилось, и все же Стамати в справке для Главного управления СС дал Тагирову весьма неле-

циприятную характеристику: "Он вступил в легион, когда он только создавался, но из-за злоупотреблений шнапсом и из-за женщин был арестован. Из-под ареста вышел как ни в чем не бывало. Посещал офицерские курсы, но и там из-за указанных причин у него возникали проблемы. Затем Тагиров работал в управлении одного из лагерей для восточных рабочих, но и там из-за шнапса и женщин проявил свою полную недееспособность". Стамати подытожил: "В общем как офицер он неплох, но в случае употребления алкоголя становится полностью неуправляемым".[337] Такие склоки и грызня для конца войны вполне характерное и понятное явление.

Офицеров в лагерях Кринке и Даргибель продолжали готовить и фактически отправлять в "никуда" в марте 1945 г. (основным местом дислокации ВТБС в то время стала Северная Италия, район г.Вероны): например, 7 марта оберштурмбанфюрер Ф.Арльт из Главного управления СС обращался в Татарское посредничество с просьбой принять на себя заботы о прибывших из Даргибеля 18 офицерах во главе с Гайсой К.[338] 14 марта из Вены в Северную Италию, были отправлены 11 бывших советских офицеров-татар.[339]

Продолжался даже отбор "подходящих" людей в лагерях военнопленных, но этот механизм уже основательно разладился: 9 марта 1945 г., например, из лагеря Штеттин (Щецин) были отправлены "добровольцы" для присоединения к СС, среди них назывались и "татары" со странными фамилиями: Арутюнов, Саносян, Зарваев, Решко и др.[340]

"Оптимизм" до конца продолжал проявлять А.Тагиров, который 22 марта 1945 г. обращался к С.Шия из Вены. "Я получил приказ организовать боевую группу Идель-Урал - люди есть, но недостаточно. Просьба - освобожденных из лагерей направлять сразу ко мне. Пропагандная (так! - И.Г.) работа, которая велась в Вене со стороны гауптштурмфюрера Гайсы К. показала паршивый результат. Люди были разосланы не по своему назначению и поэтому прошу вас, по силе возможности этих людей направить ко мне, а также направить ко мне оберштурмфюрера Нигмати. Люди хотят бороться против большевизма, но нужна умелая работа (и это пишется в конце марта 1945 г.! - И.Г.)" - в таком сумбурном стиле излагал свои мысли на русском языке оберштурмфюрер Тагиров.[341]

Последний известный мне документ относительно "боевой группы Идель-Урал" ВТБС датирован 24 марта 1945 г. - Х.Унглаубе сообщал в Главное управление СС, что командировка Гайсы К. в лагерь Даргибель, где он руководит курсами офицеров, продлена до 1 апреля. Он просил увеличить ее срок еще на несколько недель.[342]

Все сказанное наглядно свидетельствует о том, что начинание СС, заявленное с таким апломбом и с такими надеждами, осуществлявшееся вроде бы и несколько иными методами, чем это было организовано вермахтом, завершилось полным провалом. Какие-то составные части Восточнотюркского боевого соединения СС, вроде командования, штаба, некоторых военных подразделений действительно были сформированы и даже участвовали в некоторых военных операциях в Словакии и Северной Италии, но ВТБС в целом, так и не превратилось в организованную, боес-

пособную единицу. А "боевая группа Идель-Урал", несмотря на многочисленные попытки, практически не была создана вообще.

Одна страница из истории ВТБС осталась в данной главе нерассмотренной - речь идет о политико-пропагандистской работе СС с восточными добровольцами, о религии, прессе, подготовке пропагандистов (учтем, что все-таки с самого начала было декларировано, что СС обращает больше внимание именно политическому фактору), но об этом речь пойдет в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

[1] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXXVIII, Dokument 221-L, S. 88. Любопытно отметить, что при цитировании этого документа в переводе на русский язык в нашей исторической и публицистической литературе слово "Kosak" переводилось как "казах", что неправильно. См., например: **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни. М., 1974, с.95. Аналогичный казус случился и при переводе следующей фразы в одном из документов Нюрнбергского трибунала: "Было только получено разрешение на посылку на фронт соединений тюркских и кавказских народов и казахов (как будто казахи - не тюркский народ! Поэтому следует читать: казаков - И.Г.)"(Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах/Под общей редакцией **Р.А.Руденко**, т. 2: Военные преступления. Преступления против человечности. М., 1966, с. 266). Казаки с немецкой позиции рассматривались не как этнографическая группа русских, а как отдельный народ. Сомнительно, что нацистские бонзы, по крайней мере в начале войны, вообще подозревали о существовании такого народа как казахи.

[2] Объяснять создание Восточных легионов исключительно провалом плана "молниеносной войны" однако является чрезмерным упрощением проблемы. Такая тенденция явственно наблюдается в нашей историографии (см., например: **Абдуллин М.И.** Сражающаяся правда. Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала. Казань, 1985, с.44). Даже создание комиссий по отбору тюркских военнопленных "подгоняется" к поражению немцев под Москвой, хотя такие комиссии, о которых речь пойдет ниже, существовали уже в августе-сентябре 1941 г. (см., например: **Мустафин Р.А.** Что же двигало Джалилем? // Татарстан.- № 12.- 1993.- с.73)

[3] **Пронько В.А.** Цена Победы //Вторая мировая война. Актуальные проблемы / Отв.ред. О.А.Ржешевский.М.:Наука, 1995, с.314.

[4] См.: **von zur Mühlen, P.**, S. 57. С этими данными расходятся сведения, приведенные Джорджем Фишером со ссылкой на секретное письмо А.Розенберга Гитлеру от 28 февраля 1942 г.: до 1 ноября 1941 г. пленено было 2 053 000 красноармейцев, численность же в 3,6 миллиона военнопленных была достигнута к концу февраля 1942 г. (см.: **Fischer, George.** Soviet Opposition to Stalin. A case study in World War II. Cambridge 1952, p.3, 44)

[5] **Dallin, A.**, S. 440

[6] **Streit, Ch.** Keine Kameraden.Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Stuttgart 1978, S. 357. Есть второе издание этой книги, которое вышло в Бонне в 1991 г. Она переведена и на русский язык, см.: **Штрайт Х.** Они нам не товарищи. М., 1991. Главы из этой книги публиковались в "Военно-историческом журнале": 1991, № 1-12; 1993, № 5-6; 1994, № 2-6.

[7] **Streim, Alfred.** Sowjetische Gefangene im Hitlers Vernichtungskrieg. Berichte und Dokumente. 1941-1945. Heidelberg 1982, S. 175-176, 178.

[8] Institut für Zeitgeschichte (IfZ) - München, Zs 406/II-Herre, Bl. 39a.

[9] **Hillgruber, Andreas.** Hitlers Strategie, Politik und Kriegsführung. Frankfurt/Main 1965, S.577; **Jacobsen Hans-Adolf.** Komissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener, in: **Buchheim, Hans.** (Hrsg.) Anatomie des SS-Staates, Bd.2. Freiburg 1965, S.279. Надо сказать, что некоторые отечественные исследователи согласны с приведенными цифрами, некоторые же их оспаривают и считают завышенными (см., например: **Галицкий В.П.** Верните деньги // Военно-исторический журнал.- 1991.- № 8.- с. 28; Гриф секретности снят/Под.ред. **Г.Ф.Кривошеева**. М., 1993, с. 337-338). Вообще вопрос о трагической судьбе советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны в последнее время привлекает большое внимание российских историков: **Бичахвост А.Ф.** Проблема советских военнопленных в исторической науке // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1993, вып. 2, с. 50-53; **Галицкий В.П.** Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. - 1990.- № 4. - с. 124-130; **Ерин М.Е.** Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории.- 1995.- № 11/12.- с. 140-151; **Семиряга М.И.** Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории.- 1995.- № 4.- с. 19-33; **Шевардин В.Н.** Судьба советских военнопленных // Вопросы истории.- 1993. - № 8.- с. 182-183.

[10] Наиболее детально подход советского руководства к проблеме воннопленных и их юридического статуса в довоенные годы и в первые годы войны рассмотрен в работе: **Конасов В.Б., Терещук А.В.** К истории советских и немецких военнопленных (1941-1943 гг.) // Новая и новейшая история.- 1996.-№ 5.- с.54-72.

[11] Цит. по кн.: **Толстой Н.Д.** Жертвы Ялты.- М., 1996, с. 32

[12] См. об этом: Военно-исторический журнал.- 1988.- № 9.- с.28.

[13] Подробнее см.: **Конасов В.Б., Терещук А.В.** Указ соч., с. 58-68.

[14] **Толстой Н.Д.** Указ соч., с.31-32.

[15] См.: Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М., 1964, с. 312.

[16] **Streit, Ch.**, S. 225.

[17] **Конасов В.Б., Терещук А.В.** Указ соч., с.60-61.

[18] См. об этом: **Buchbender, Ortwin.** Das tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart 1978, S. 155ff.)

[19] **Raschhofer, Hermann.** Der Fall Oberländer. Eine vergleichende Rechtsanalyse der Verfahren in Pankow und Bonn. Tübingen 1962, S. 101.

[20] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXVII, Dokument 1517-S, S.272.

[21] **Thorwald, Jürgen.** Wen sie verderben wollen. Bericht des großen Verrats. Stuttgart 1952, S.72; Ханс Вернер Нойлен со ссылкой на интервью с Баймирзой Хаитом уточняет эти цифры - из 32000 туркестанцев в лагере Ченстохово зиму 1941/1942 годов пережило лишь 262 человека (**Neulen, Hans Werner**. An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München 1985, S. 326).

[22] **von zur Mühlen,** S. 62; По мнению Франца Зайдлера, общее число погибших в лагерях тюркских военнопленных достигало даже 1 миллиона (**Seidler, Franz**. Zur Führung der Osttruppen in der deutschen Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau 1970, S. 690). Достоверность подобных сведений однако проверить очень трудно.

[23] **Buchbender, O.**, S. 12.

[24] **von zur Mühlen,** S. 166.

[25] **Buchbender, O.,** S.195

[26] Ibid., S.366.

[27] Ibid., S.182.

[28] Следует однако заметить, что уже в конце августа 1941 г. образцы подобных "пропусков" на азербайджанском, грузинском, узбекском и татарском языках были подготовлены в Министерстве иностранных дел. Поэтому представляется вполне вероятным, что они распространялись намного раньше указанной О.Бухбендером даты. (см.: PA AA - Bonn, Pol. XIII, Deutsche antisowjetische Propaganda, Nr.247993-247994.

[29] **Buchbender, O.**, S. 196. В данном исследовании под иллюстрацией копий пропусков автор О.Бухбендер поставил пояснение - "Пропуски на кавказских языках", хотя на странице приведены тексты на грузинском, узбекском и татарском языках. Объяснить же такую орфографию вероятно можно тем, что она представляет собой прямую кальку с арабской графики. Составитель кирилического текста явно его правилами не владел.

[30] Ibid., S. 209-210.

[31] **Толстой Н.Д.** Указ соч., с. 327.

[32] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd. 2, Bl.173-174.

[33] **Buchbender, O.**, S. 234-235.

[34] **von Mende, G.** Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges, in: Vielvölkerheere und Koalitionskriege. Darmstadt 1952, S. 25.

[35] **Krecker, Lothar.** Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main 1964, S. 215.

[36] PA AA - Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311699-311700.

[37] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 45-46.

[38] PA AA - Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311 734-311735.

[39] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl. 195.

[40] PA AA - Bonn, Pol. XIII, Bd.29, R 105196.

[41] Ibid.

[42] Ibid.

[43] В данном случае мной не затрагиваются вопросы политического, экономического, военного сотрудничества с немцами жителей оккупированных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики (например, в вопросах создания местной администрации, полиции и пр.) Речь идет исключительно о судьбах военнопленных красноармейцев, среди которых было немалое количество и представителей тюркских народов СССР.

[44] **Gehlen, Reinhardt.** Der Dienst. Erinnerungen 1942-1971. Mainz-Wiesbaden 1971, S. 102.

[45] BA-MA (Freiburg), RH III/492, Bl. 77, 198.

[46] Любопытно, что в начале июля 1941 г. в МИД поступали порой совершенно фантастические и непроверенные сведения: например, 11 июля была распространена общая справка по МИДу, что советское руководство направляет на фронт национальные соединения "кавказцев и азиатов", а украинцев же из-за их "ненадежности" включают только в национально смешанные части. (PA AA-Bonn, St.S.Rußland, Bd.6, N 113715-113717). Это свидетельствует не только о некомпетентности авторов подобных справок, но и о возможности неверной оценки военной и политической ситуации в МИДе вообще.

[47] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918-1945. Serie D: 1937-1941. Band XIII, 2: Die Kriegsjahre. Göttingen 1970, Nr.361, S.467-470.

[48] PA AA-Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311680.

[49] PA AA-Bonn, N 311654.

[50] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1948, Bd. XXVII, Dokument 1199-99, S.63

[51] BA-MA (Freiburg), RH 2/824, Bl.108.

[52] Ibid., **RH** 19 V/109, Bl. 109.

[53] PA-AA-Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311648.

[54] Ibid., Pol. XIII, Bd. 14, R 105181, N 219004.

[55] BA-Potsdam, R 6/66, Bl. 80-81.

[56] **von zur Mühlen, P.**, S.58. См также: **Bräutigam, Otto.** So hat uns sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg 1968, S.390-392.

[57] PA AA-Bonn, Ut.St.S.Panturan, R 29900, N 311648.

[58] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах/Под общей редакцией **Р.А.Руденко**, т. 2: Военные преступления. Преступления против человечности. М., 1966, с. 222

[59] Ibid., Auswärtiges Amt, Nr. 61174, Bl.167

[60] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками, т. 2, с. 223.

[61] **Hoffmann, Joachim.** Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg 1976, S. 25.

[62] **Ibid.**, S. 26.

[63] См. об этом: **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S.26-28, 30-32; **Raschhofer**, S. 97-99; **von zur Mühlen, P.**, S. 58

[64] **Dallin, A.**, S. 554.

[65] PA-AA-Bonn, St.S.Rußland, Bd.7, N 114197-114198;см. также: **von zur Mühlen, P.**, S.58-59.

[66] История 162-й тюркской дивизии рассмотрена очень подробно в следующих работах: **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S. 58-76; **Seidler, Franz.** Oskar Ritter von Nidermayer im Zweiten Weltkrieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau 1970, S. 168-174, 193-208; **Seidler, F.** Zur Führung der Osttruppen in der deutschen Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau 1970, S. 683-702.

[67] PA-AA-Bonn, Ut.St.S. Panturan, N 311 629.

[68] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S.30-31. Волго-татарский легион был создан позже всех остальных. О нем будет рассказано в специальном разделе книги.

[69] BA-MA (Freiburg), RH 22/109, без указания листа.

[70] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl. 25-37.

[71] Определенное представление о том, как проводилась вербовка в легионы в лагерях для военнопленных дают, например, воспоминания татарского писателя-фронтовика Анаса Галиева (**Галиев Ә.** Коршау // Идел.- № 2.-1993.- 35-37 б.

[72] Можно привести, например, такие цитаты из книги Ю.Карчевского и Н.Лешкина, в которых описывается создание Восточных легионов: "Работа продвигалась медленно, пленных приходилось буквально загонять в них (в легионы - И.Г.); "И когда пленные теряли человеческий облик, надломленных, обезволенных, их насильно зачисляли в легион"; "Гитлеровцы продолжали делать свое дело - насильно загоняли военнопленных в "Волго-татарский легион", жестоко расправляясь с теми, кто сопротивлялся этому"(**Карчевский Ю., Лешкин Н.** Указ.соч., с. 44, 49, 75)

[73] **von Herwarth, Hans.** Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt/Main-Berlin-Wien 1982, S. 252.

[74] **Raschhofer, H.**, S. 97-98.

[75] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl.28-29.

[76] **Датнер, Шимон.** Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. М., 1963, с. 46.

[77] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd.4, Bl. 62-64.

[78] Ibid., Bd.2, Bl. 143. Лагерь в Петркуве, по данным Ю.Карчевского и Н.Лешкина также являлся сборным шталагом для народов Поволжья и Приуралья (см.: **КарчевскийЮ.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 27). Архивными сведениями однако это не подтверждается.

[79] BA-MA (Freiburg), R 2/1422, Bl. 23.

[80] Ibid., RH 58/62, Bl.22. .

[81] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl. 59.

[82] В данном случае речь идет о занятиях, на которых немецкий персонал должен был получать элементарные знания по соответствующему восточному языку. Для этих целей составлялись краткие словники или словари.

[83] Размеры жалования, судя по всему, оставались неизменнными: во всяком случае в документах осени 1942 г. названы те же самые цифры (BA-MA (Freiburg), RH 22/135, без указания листа).

[84] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl.101. Национальные знаки всех легионов проиллюстрированы в книге: **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S.36.

[85] BA-MA (Freiburg), RH 19 V/79, Bl. 26. В некоторых соединениях восточных народов присяга имела несколько иной текст: в батальоне "Бергман" в тексте отсутствовали слова верности персонально Гитлеру. (См.: **Raschhofer, H.**, S. 99). Это не только доказывает автономность этого соединения, но и говорит об определенной политической линии.

[86] BA-MA (Freiburg), RH 2/824, Bl. 114.

[87] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S.33.

[88] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/38, Bl. 190.

[89] **Kramarz, Joachim.** Claus Graf Stauffenberg. 15.November 1907 - 20.Juli 1944. Das Leben eines Offiziers. Frankfurt/Main 1965, S. 101-111; см. также: **Dallin, A.**, S.557.

[90] BA-MA (Freiburg), RH 2/824, Bl. 29.

[91] Ibid., RH 22/135, без указания листа.

[92] General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion. 1921-1941 (=Profile bedeutender Soldaten, Bd.1). Frankfurt/Main 1966, S. 323-324.

[93] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/41, Bl. 97.

[94] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl.57.

[95] IfZ (München), Zs 407/I-Heygendorff, Bl. 51.

[96] BA-MA (Freiburg), RH 2/1422, Bl. 26.

[97] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl.112-114.

[98] BA-MA (Freiburg), RH 2/824, Bl. 47.

[99] Ibid., RH 53-23/52, Bl.151-152.

[100] Ibid., RH 2/2728, Bl.6.

[101] Ibid., RH 53-23/52, Bl.130-145.

[102] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.4, Bl.236.

[103] BA-Potsdam, NS 31/41, Bl.5.

[104] Ibid., NS 31/28, Bl.25.

[105] Ibid., NS 31/31, Bl.47.

[106] Wolgatatarische Legion (Privatarchiv Dr. J.Hoffmann), S. 1 (далее в сносках: Wolgatatarische Legion). Рукопись, в которой охвачены основные события истории легиона, написана, судя по содержанию, в послевоенное время (кроме того, на полях от руки приписана дата 12 марта

1953 г.), хранится в личном архиве Иоахима Хоффманна. Копия рукописи была любезно предоставлена мне доктором И.Хоффманном.

[107] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen..., S.38-39. В отечественной историографии подробные сведения о Восточных легионах практически не публиковались. Поэтому особый интерес представляет публикация справки о Туркестанском легионе, составленной в VII отделе Политуправления Закавказского фронта в ноябре 1942 г. на основании допросов туркестанских легионеров, перебежавших на сторону Красной Армии: Туркестанские легионеры. О "свободном" казахстанском государстве мечтал еще Гитлер... / Публикация **Г.Н.Взваровой** // Военно-исторический журнал.- 1995.- № 2.- с.39-46. Справка содержит ценные данные о формировании и состоянии отдельных батальонов Туркестанского легиона. Подзаголовок публикации, касающийся "мечтаний" Гитлера, правда, вызывает определенное недоумение.

[108] IfZ (München), Zs 85 - Köstring, Bl. 50.

[109] **von Mende, G.** Erfahrungen mit Freiwilligen.., S. 25.

[110] **Gehlen, R.**, S. 101; **Kleist, Peter.** Zwischen Hitler und Stalin. 1939-1945. Bonn 1950, S.205; **von Herwarth, H.** Zwischen Hitler und Stalin, S. 305.

[111] **Alexiev, Alex.** Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. Santa Monica 1982, p.27; **Caroe, Olaf.** Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. London-Melbourne-Toronto-New York 1967, p. 246; **Fischer, George.** Soviet Opposition to Stalin. A case Study in World War II. Cambridge 1952, p.45; **Hesse, E.** Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen-Zürich-Frankfurt/Main 1969, S. 123-124; **Neulen, Hans Werner.** An deutscher Seite, S.342

[112] **Геллер М., Некрич А.** Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London: Overseas Publications Interchange Ltd 1989, с.471.

[113] **Чубарьян А.О.** Дискуссионные вопросы истории войны //Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы /Отв.ред. **О.А.Ржешевский**. М., 1995, с. 12.

[114] **Раманичев Н.М.** Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы, с. 311..

[115] **Кудряшов С.В.** Предатели, "освободители" или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль.-№ 14.- 1993.- с.91.

[116] **von zur Mühlen, P.**, S.60; точно такие же цифры о количестве восточных легионеров в вермахте дает и Б.Ф.Шрёдер (**Schröder, Bernd Philipp.** Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg. Göttingen-Frankfurt-Zürich 1975, S. 215-216).

[117] В публицистике можно встретить и такую цифру: в легионе "Идел-Урал" служило до 60 000 татар (**Әйди Т.** Өзелеп сагыну // Мирас.- № 5-6.- 1995.- 140 б). Это явное преувеличение, тем более, что автор без сомнений заявляет, что все они погибли. Абсолютной журналистской фантазией являются и последующие рассуждения Т.Айди, что вследствие "трагедии легионеров" татарский народ на сегодняшний день лишился по меньшей мере миллиона (!) своих сыновей и дочерей, поскольку эти 60 000 не смогли создать семьи, родить детей, не появились их внуки и пр.

[118] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками, т. 2, с.214-216.

[119] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942-1945, S. 73-74.

[120] Ibid., S.260-268; на русском языке этот важный документ впервые опубликован в книге: **Двинов Б.** Власовское движение в свете документов (с приложением секретных документов). Нью-Йорк, 1950, с. 89-102. Очень любопытно, что по мнению Э.Хессе цифра в 220 тысяч "хивис" Цейцлером была умышленно занижена, чтобы реальными, более высокими цифрами не напугать подозрительного фюрера (**Hesse, E.**, S.124).

[121] BA-MA (Freiburg), RH 2/2728, Bl. 2-17.

[122] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.3, Bl.56-62.

[123] Все эти документы находятся в Федеральном Военном архиве во Фрайбурге: BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 6-32, 58-61. Отдельные сноски при цитировании "памяток" ниже не делаются.

[124] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 51-52.

[125] **Neulen, Hans Werner**. An deutscher Seite, S. 329-330; **Reitlinger, Gerald**. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland. 1941-1944. Hamburg 1962, S. 361; BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 61.

[126] Wolgatatarische Legion, S.2.

[127] IfZ (München), Zs 85-Köstring, Bl. 40

[128] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 29.

[129] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 46-47.

[130] Ibid., Bl. 47.

[131] Такое предположение было сделано журналистом из ГДР Леоном Небенцалем в письме Р.А.Мустафину от 28 июня 1988 г. (см.: **Мустафин Р.А.**"Идель-Урал": взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы-Эхо веков.- май 1995.-с. 135-136).

[132] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/38, Bl. 2.

[133] Ibid., RH 53-23/51, Bl.37; RH 53-23/52, Bl. 166.

[134] Ibid., RH 19 III/492, Bl. 41, 43; RH 53-23/51, Bl. 88; RH 53-23/52, Bl. 168;

[135] Ibid., RH 53-23/52, Bl.178, 182-186.

[136] Ibid., Bl. 187. Более подробно о системе лагерей для военнопленных в Польше и Германии, а также о шталаге 307 Демблин см.: **Датнер, Ш.** Указ.соч., с.41-51, 361-364.

[137] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl.32; RH 53-23/43, Bl. 163.

[138] **Baumeister, Rudolf.** Erfahrungen mit Ostfreiwilligen im II.Weltkrieg, in: Wehrkunde, 1955, S. 155; **von zur Mühlen, P.**, S, 65. Однако Отто Бройтигам эту цифру уменьшает очень сильно - до 2,5% (**Bräutigam, Otto.** Überblick über die besetzten Ostgebiete während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen 1954, S. 86). Г.фон Менде называл этот показатель незначительным (**von Mende, G.** Erfahrungen..., S. 32).

[139] **Neulen, H.W.** An deutscher Seite, S. 330.

[140] **Absolon, Rudolf.** Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Boppard/Rhein 1960, S. 222.

[141] **von Herwarth, Hans.** Zwischen Hitler und Stalin, S. 307.

[142] Idel-Ural: Idel-Ural legionьnьn atnalьq gazetasь, N 37 (43), 12.09.1943; N 38 (44), 19.09.1943.

[143] BA-MA (Freiburg), RH 11V/v.2, без указания листа.

[144] Наиболее подробно эта сторона истории Восточных легионов рассмотрена в исследованиях Иоахима Хоффманна (**Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg 1976; **Hoffmann, J.** Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg 1991). Здесь же приводятся в качестве иллюстрации лишь некоторые примеры участия восточных добровольцев в военных действиях на германской стороне. Конкретнее о судьбе волго-татарских соединений будет сказано ниже.

[145] **Beher**, H. Erinnerungen an den Sonderverband, drei Bataillone und an die Kameradschaft Bergmann. Krailling 1983, S. 80.

[146] **von Herwarth, H.** Zwischen Hitler und Stalin, S. 312.

[147] **Caroe, O.** Soviet Empire, p. 251.

[148] **Hoffmann, J.** Kaukasien 1942/43, S.156-183, 184-211, 212-253, 254-309, 310-345)

[149] **von Heygendorff, Ralph.** Freiwillige aus den Völkern Osteuropas, in: Zeitschrift für Geopolitik, (XXIV) 1953, S. 213.

[150] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/41, Bl.235.

[151] Ibid., RH 53-23/42, Bl. 284.

[152] Ibid., RH 53-23/43, Bl. 75, 195, 197, 265; RH 53-23/44, Bl. 43, 164.

[153] **Neulen H.W.** An deutscher Seite, S. 331.

[154] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 91.

[155] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl.100.

[156] Ibid., Bl.114.

[157] Ibid., RH 53-23/43, Bl.36.

[158] Ibid., Bl.54.

[159] **Neulen H.W.** An deutscher Seite, S. 331.

[160] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 98.

[161] Ibid., Bl. 101.

[162] Ibid., AB 1494; Bl. 8; IfZ (München), Zs 407/I - Heygendorff, Bl. 51.

[163] Wolgatatarische Legion, S. 1.

[164] BA-MA (Freiburg), RH 36/509, Bl.8.

[165] **Neulen H.W.** An deutscher Seite, S. 331.

[166] Ibid., S. 332.

[167] BA-MA (Freiburg), RH 36/509, Bl. 46.

[168] Ibid., Bl. 61. По сведениям М.Черепанова, например, только в департаменте Верхняя Луара на сторону французских партизан - маки перешло до полутора тысяч бывших легионеров (не только из Волго-татарского легиона). Здесь из них был даже сформирован 352 батальон макизаров, несший службу в Ле-Пюи до августа 1945 г. (**Черепанов М.В.** Две жизни капитана Утяшева // Татарстан.- 1993.- № 10.- с. 60).

[169] Назову лишь некоторые из таких публикаций: **Бронштейн Б.** Пенсионер французского значения // Известия.- 23 декабря 1995 г.; **Кашапов Р.** Из плена - с военным крестом де Голля // **Республика** Татарстан.- 13 августа 1994 г.; **Он же.** Герой сопротивления из Татарстана // Казанские ведомости.-16 апреля 1992 г.; **Он же.** Якташларыбыз - макилар// Әллүки. - 16 сентябрь 1994 ел; **Мустафин Р.** Письмо из Франции.- Казанские ведомости. - 15 февраля 1992 г.; **Черепанов М.В.** Две жизни капитана Утяшева // Татарстан.- 1993.- № 10.- с. 50-61.; **Он же.** Преданные Родиной // Посев.- 1995. - № 5. - с. 86-93. Хотя подобные публикации часто содержат немалое количество неточностей касательно общей истории Восточных легионов, тем не менее они сообщают важные данные о военной и послевоенной судьбе многих бывших легионеров Волго-татарского легиона.

[170] Судьба большинства бывших легионеров и вообще всех советских граждан, находившихся на стороне Германии и оказавшихся в союзническом плену по-настоящему трагична. Об этом см. подробнее: **Толстой Н.Д.** Жертвы Ялты. М., 1996. По мнению автора, в 1944-1947 гг. союзники выдали СССР два с лишним миллиона советских граждан (среди них заключенные в лагерях, военнопленные, остатки различных "добровольческих соединений", восточные рабочие и т.п.). Нетрудно представить, что ожидало большинство этих людей на родине.

[171] BA-MA (Freiburg), RH 19 III/492, Bl. 232.

[172] BA-Koblenz, NS 19/2523 (номера листов в деле не указаны).

[173] BA-MA (Freiburg), RH 19 III/492, Bl. 172 oder RH 19 V/79, Bl.8.

[174] Ibid., RH 53-23/38, Bl.55, 57.

[175] Idel-Ural, № 36 (42), 5.05.1943. Дату 6 сентября 1942 г. называет и автор рукописи "Волго-татарский легион"(Wolgatatarische Legion, S.1)

[176] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 12.

[177] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/44, Bl.136.

[178] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 143.

[179] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/38, Bl.192-194.

[180] Отрывочные биографические сведения о фон Зеккендорфе см.: BA-Potsdam, NS 31/45, Bl. 237; NS 31/55, Bl.27.

[181] В одной из новейших публикаций документов на русском языке фон Зеккендорф назван обер-лейтенантом, что является ошибкой переводчика: немецкое Oberstleutnant (а не Oberleutnant!) на русский язык переводится как "подполковник" (см.: **Мустафин Р.А.** "-Идель-Урал": взгляд из Германии, с. 138.)

[182] Idel-Ural, N 21 (78), 27.5.1944.

[183] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl. 8.

[184] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.27.

[185] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 41-42.

[186] Ibid., RH 19 V/110, Bl. 254; RH 53-23/38, Bl.218; RH 53-23/51, Bl. 18; RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion.

[187] Ibid., RH53-23/51, Bl. 28-29.

[188] Ibid., RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion.

[189] **Забиров, И.** Джалиль и джалильцы. Документальные очерки и этюды. 2-е издание. Казань, 1990, с.57-59; **Мустафин Р.А.**По следам поэта-героя. Книга-поиск. М., 1971, с.124-141.

[190] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944 гг.). Документы и материалы в трех томах. Т.2: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Книга первая (ноябрь 1942 - июнь 1943 гг.) Минск, 1973, с.230.

[191] **Мустафин Р.А.**По следам поэта-героя, с.134.

[192] **Там же**, с. 135.

[193] **Hesse, E.**, S.204.

[194] BA-MA (Freiburg), RH 26-201/10, Bl. 37.

[195] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.1, Bl.95, 97, 100. Материал частично опубликован Р.А.Мустафиным (**Мустафин Р.** Под грифом "совершенно секретно". Новые документы из немецких военных архивов // Республика Татарстан.- 3 февраля 1996 г.

[196] **Tessin, Georg.** Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939-1945. Bd. 13: Die Landstreitkräfte 801-13400. Osnabrück 1976, S. 32.

[197] Ibid., S. 33. Впрочем, в книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина отмечено, что 826-й батальон 2 апреля 1943 г. был "торжественно" отправлен во Францию. Источник для таких сведений мне неизвестен (**Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 83).

[198] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl.52.

[199] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8; эти сведения, скорее всего, неточны, батальон вероятно так и оставался на территории Голландии, а не переводился из страны в страну.

[200] Die geheimen Tagesberichte..., Bd.8, S.168.

[201] Ibid., Bd. 9: Karte.

[202] BA-MA (Freiburg), RH 19 IV/32K. По сведениям Р.Мустафина, на мой взгляд неточным, 826-й батальон летом 1943 г. был направлен во Францию, затем в сентябре 1943 г.

переведен в Голландию на остров Остворне (**Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 199)

[203] Tessin, G., Bd.13, S. 33.

[204] BA-MA (Freiburg), RH 2/2728, Bl.12.

[205] Die geheimen Tagesberichte..., Bd.11: 1.9.44 - 31.12.44. Osnabrück 1984, Karte.

[206] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

[207] Die geheimen Tagesberichte..., Bd.12: 1.1.45 - 9.5.45, Karte.

[208] **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 199-200. М.Черепанов, будто дополняя сведения Р.Мустафина, пишет: "826-й батальон в 1944 г. тоже поднял восстание и пытался перейти на сторону французских (? - И.Г.) партизан" (**Черепанов М.В.** В кривом зеркале справедливости // Татарстан.- 1991.- № 7.- с.41). Но и об этом сведений в источниках я не нашел. Но в отечественной публицистике зато удалось обнаружить еще одно любопытное замечание относительно этого батальона. Г.Кашшаф в своей книге сослался на дневник немецкого офицера Вальтера Хайзена, в котором сообщалось о полном разоружении остатков 826-го батальона из-за его ненадежности 6 сентября 1944 г. (**Кашшаф Г.** По завещанию Мусы Джалиля, с. 184).

[209] **Tessin, G.**, Bd.13, S. 34.

[210] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl. 88.

[211] Ibid., Bl. 92.

[212] Ibid., RH 53-23/42, Bl. 166-167.

[213] Ibid., Bl. 158, 228.

[214] Ibid., Bl. 267.

[215] Ibid., RH 53-23/43, Bl.22

[216] Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939-1945. Bd.8: 1.September 1943 - 30.November 1943. Osnabrück 1988, S. 233, 248.

[217] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/43, Bl.75.

[218] **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 196-199. Несколько иначе интерпретирует это событие М.Черепанов: "В июне 1943 г. под Станиславом 827-й батальон предпринял попытку восстания", в результате чего, по мнению автора, к партизанам удалось уйти половине батальона (**Черепанов М.В.** Две жизни капитана Утяшева, с.51).

[219] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.1, Bl.104.

[220] Ibid., Bl. 105-106. Материал этот частично опубликован Р.А.Мустафиным (**Мустафин Р.** Под грифом "совершенно секретно". Новые документы из немецких военных архивов // Республика Татарстан.-3 февраля 1996 г.) Правда, в статье имеются некоторые неточности: 827-й батальон на 20 октября 1943 г. представлен как "прибывший на Западную Украину". Однако как показывают документы, в это время батальон уже был передислоцирован во Францию. Что касается 2 татарских офицеров и 115 легионеров, о которых упоминается в документе, Р.Мустафин однозначно считает, что они перебежали к партизанам, тогда как в документе речь идет о тех легионерах, которые еще не прибыли к месту расположения в Ланьон и только часть из них убежала по дороге.

[221] BA-MA (Freiburg), RH 2/2728, Bl. 12; Die geheimen Tagesberichte..., Bd.8, S.429.

[222] Die geheimen Tagesberichte..., Bd. 9, Karte.

[223] BA-MA (Freiburg), RH 19 IV/42K; Die geheimen Tagesberichte..., Bd.9: 1.12.43 - 29.2.44 Osnabrück 1987, S.372, Karte.

[224] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

[225] **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 200.

[226] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.8.

[227] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/42, Bl.267.

[228] Ibid., RH 53-23/43, Bl.195, 197, 203

[229] Ibid., Bl. 271; RH 53-23/44, Bl. 19, 31, 51.

[230] Ibid., RH 53-23/44, Bl. 40.

[231] Ibid., Bl. 91, 155.

[232] Ibid., Bl.158, 168, 211, 249, 261, 343.

[233] Ibid., Bl. 318, 327.

[234] BA-Potsdam, R 6/165, Bl. 128-131, ниже приводятся данные из этого отчета без дополнительных ссылок. Добавлю, что Р.А.Мустафин в одной из своих публикаций приводит такую цитату, ссылаясь на указанный документ: "Эти люди (военнопленные) сами по себе полностью находятся под влиянием враждебной пропаганды и абсолютно лишены противоположного воздействия. И как раз поэтому они представляют большую опасность для татарской будущности" (**Мустафин Р.А.** "Идель-Урал": взгляд из Германии.Документы и комментарии// Гасырлар авазы - Эхо веков.-май 1995.-с.146). Однако соответствующего этому переводу текста нет в оригинале документа. Ту же цитату, но уже датированную мартом-апрелем 1943 г. и отнесенную к инспекционной поездке Унглаубе в лагерь Седльце (шталаг 366), Р.Мустафин приводит в одной из своих книг, причем вместо слово "враждебной" употреблено слово "польской"(**Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни. М., 1974, с. 149)

[235] **Tessin, G.**, Bd.13, S. 35.

[236] **Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 128.

[237] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl. 100.

[238] Ibid., RH 53-23/44, Bl.136.

[239] Ibid., RH 53-23/45, Bl.103.

[240] Ibid., Bl.164.

[241] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl.8.

[242] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl. 100.

[243] Ibid., RH 53-23/43, Bl. 241; RH 53-23/44, Bl. 136.

[244] BA-Potsdam, Film 56636, A 196; отрывки из документа опубликованы Р.А.Мустафиным (Гасырлар авазы - эхо веков.- май 1995.- с.142-143).

[245] **Tessin, G.**, Bd.11. Osnabrück 1975, S. 398.

[246] Ibid., Bd.13, S. 38.

[247] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl. 100.

[248] Ibid., RH 53-23/44, Bl.136.

[249] **Tessin, G.**, Bd.13, S. 39.

[250] Ibid., S.40-42.

[251] Автор рукописи "Волго-татарский легион", современник событий, правда, также называет 832-834 батальоны в качестве созданных (Wolgatatarische Legion, S. 1).

[252] **Tessin, G.**, Bd.14, S. 198.

[253] BA-Potsdam, Film 13747, A 578, 582.

[254] BA-MA (Freiburg), RH 19 V/7, Bl. 221.

[255] Ibid., RH 19 V/5, Bl. 21; Более подробно об этом батальоне см.: **Hoffmann, J.** Kaukasien 1942/43, S. 170-183.

[256] BA-MA (Freiburg), RH 19 V/5, Bl. 51.

[257] Ibid., Bl. 23; см. об этом батальоне подробнее: **Hoffmann, J.** Kaukasien 1942/43, S.161-163.

[258] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.47.

[259] Из беседы с бывшим членом Союза борьбы тюрко-татар Идель Урала Гарифом Султаном (6 декабря 1994 г.) удалось установить, что в Волго-татарском легионе действительно были и представители других национальностей, в том числе, например, и несколько евреев, которых легионеры выдавали за татар, тем самым спасая их от неминуемой смерти.

[260] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 20, 23.

[261] Ibid., NS 31/55, Bl. 41.

[262] Достоверных сведений о личности генерала Хасана Салихова в моем распоряжении нет. Он упоминается, например, в нескольких интервью проживавшего после войны в Германии Минхаджа Исмагила, которые отличаются сумбуром и курьезными неточностями (см., например: **Филиппов А.** Сагыш // Ажаган.- № 2.- 1992.- 41-45 б.; Татарга мин нәрсә теләр идем? // Мирас.- № 11-12.- 1994.- 181 б.). Из этих интервью следует, что после окончания войны Х.Салихов, которого татары называли Хасан Мирходжа-Арали, проживал в Турции и принимал активное участие в политической и культурной жизни татарской эмиграции.

[263] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 138.

[264] BA-MA (Freiburg), RH 2/824, Bl.114.

[265] Ibid., RH 53-23/51, Bl.50-52.

[266] Ibid., Stammkarten Allgemeines Heeresamt-AHA. Эта картотека в архиве не имеет ни сигнатур, ни нумерации листов. См. также: BA-MA (Freiburg), RH 52-23/41, Bl. 163.

[267] BA-MA (Freiburg), R 2/1422, Bl. 23.

[268] Ibid., RH 53-23/42, Bl.40.

[269] BA-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8-10.

[270] BA-MA (Freiburg), RH 53-23/51, Bl. 100.

[271] Ibid., RH 53-23/44, Bl. 72.

[272] Ibid., R 2/2728, Bl. 13, 15, 17.

[273] Wolgatatarische Legion, S. 1.

[274] Цит. по кн.: **Толстой Н.Д.** Жертвы Ялты, с.320-321.

[275] **von zur Mühlen, P.**, S. 139-140.

[276] **Dallin, A.**, S.611-613.

[277] См. об этом подробнее: **von zur Mühlen, P.**, S. 143-147.

[278] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 3; 31/43, Bl.7; NS 31/44, Bl. 16.

[279] **Cleinow, Georg**; **Olzscha, Reiner**. Turkestan - die politisch-historischen und wirtschaftlichen Probleme Zentralasiens. Leipzig 1942.

[280] Факты биографии Р.Ольши см.: Bundesarchiv (Abteilungen Berlin-Zehlendorf) (далее - BA-Zehlendorf), Personalakten Olzscha. Об его смерти и составленной в плену рукописи, которая, судя по всему, в настоящее время хранится в архиве ФСБ под актовым номером 17680 см.: BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd.2, Bl.5. Не совсем понятно, почему Р.Ольша в одной из статей Р.Мустафина назван "одним из высших чинов СС", ибо его чин "гауптштурмфюрер" соответствовал чину капитана в вермахте. (**Мустафин Р.А.** Что же двигало Джалилем? // Татарстан.- № 12.- 1993.- с.74.) Я могу согласиться с тем, что фигура Ольши в работе СС именно с тюркскими народами была действительно самой крупной, но понятно, что в целом деятельность СС этим не ограничивалась. В книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина представлено, что Р.Ольша как "матерый разведчик" уже с 1942 г.

принимал участие в создании Восточных легионов (**Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ. соч., с. 43, 65-67). Такое представление документально не подтверждается, а Р.Ольша вплоть до августа 1943 г. вообще находился в СС на санитарной, а затем на хозяйственной (комендантской) должности, и, судя по всему, к восточным народам никакого отношения не имел. Сомнительно также то, что Ольша имел прямое отношение к расследованию по делу группы Мусы Джалиля. Только с общим поворотом руководства СС в отношении нерусских народов в 1943 г. к этой работе и был привлечен Р.Ольша.

[281] **von zur Mühlen, P.**, S. 141.

[282] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 8-9.

[283] Ibid., NS 31/43, Bl. 30.

[284] Ibid., NS 31/42, Bl. 4-5

[285] Ibid., NS 31/44, Bl. 16.

[286] **von zur Mühlen, P.**, S. 140-141.

[287] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 18; NS 31/170, Bl.1.

[288] Ibid., NS 31/43, Bl. 7-8.

[289] Ibid., Bl. 12.

[290] Ibid., Bl. 16.

[291] Ibid., NS 31/44, Bl. 9-12. А.Фаталибейли-Дудангинский являлся одним из лидеров азербайджанского национального представительства при Восточном министерстве, а в послевоенные годы важной фигурой антикоммунистической, антисоветской эмиграции в Западной Европе. Был убит в 1954 г.в Мюнхене, как предполагается, советским агентом. В одной из новейших публикаций его имя, к сожалению, искажено до неузнаваемости - он назван майором Руданчинским и к тому же "представителем Русской Освободительной армии" (**Мустафин Р.А.**"Идель-Урал": взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы-Эхо веков.- май 1995.-с. 140, 142). См. о нем подробнее: **von zur Mühlen, P.**, S. 111-116, 231-232)

[292] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 3.

[293] Ibid., NS 31/44, Bl. 19-20.

[294] См. все подробности о А.Майер-Мадере и его судьбе, о первых шагах СС по созданию тюркского соединения: **von zur Mühlen, P.**, S. 148-150.

[295] **Dallin, A.**, S. 615.

[296] BA-Koblenz, NS 19/2839, без указания листа.

[297] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 11.

[298] Ibid., NS 31/29, Bl. 6.

[299] Все факты биографии Харуна эль-Рашида см.: BA-Potsdam, NS 31/45, Bl. 133; BA-Zehlendorf, Personalakten Harun el-Raschid.

[300] BA-Potsdam, NS 31/43, Bl. 191.

[301] BA-Koblenz, NS 19/2839, без указания листа.

[302] BA-Potsdam, NS 31/29, Bl. 27, 31.

[303] Ibid., NS 31/45, Bl. 151.

[304] Ibid., NS 31/26, Bl. 193.

[305] Ibid., NS 31/31, Bl 26.

[306] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl.57.

[307] BA-Potsdam, NS 31/27, Bl. 17; NS 31/57, Bl. 20.

[308] Ibid., NS 31/27, Bl. 22.

[309] BA-Potsdam, NS 31/57, Bl. 49; **Klietmann, Kurt-Gerhard**. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabrück 1965, S.382.

[310] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 111.

[311] Ibid., Bl. 136.

[312] Ibid., NS 31/56, Bl. 9.

[313] BA-Koblenz, NS-19/3537, без указания листа.

[314] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 160.

[315] Ibid., Bl. 177.

[316] Ibid., Film 2419, A 2696262.

[317] Ibid., NS 31/45, Bl. 18.

[318] Ibid., NS 31/56, Bl. 24.

[319] Ibid., NS 31/26, Bl. 162; NS 31/40, Bl. 64, 69; Film 2418, A 2695218. Здесь и далее фамилии некоторых лиц я не буду упоминать из этических соображений. Упоминаться будут лишь те фамилии, которые уже встречались в исследованиях и публицистике, а также в случаях, если их идентификация с конкретными людьми невозможна или затруднена.

[320] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 203.

[321] Ibid., Bl. 216. Личные дела указанных офицеров СС (за исключением Бари Ф.) сохранились в Федеральном архиве Берлин-Целендорф. Ранее фонды этого архива находились под американской юрисдикцией, в нем отложились миллионы персональных дел лиц, в той или иной мере связанных в национал-социалистской партией и гитлеровским режимом. Тогда он назывался Berlin Document Center - BDC. Совсем недавно, в 1994 г., материалы архива были переданы германской стороне и перешли в ведение Федерального архива ФРГ. О Ш.Нигмати также см.: **Нигмати Ш.** О Мусе Джалиле // Татарстан.- №12.- 1993.- с. 72-76; **Мустафин Р.А.** Что же двигало Джалилем? // Татарстан № 12.- 1993.- с. 72-76. В книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина Ахун Тагиров назван оберштурмфюрером СС уже в августе 1943 г., что, конечно, абсолютно неточно (**Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 109).

[322] BA-Potsdam, Film 2419, A 2695847.

[323] Ibid., NS 31/44, Bl. 234.

[324] Ibid., NS 31/31, Bl. 37.

[325] Об этом см. подробнее: BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 224, 258; **von zur Mühlen, P.**, S. 155-157.

[326] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.205.

[327] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 81.

[328] Идентификация этого географического названия оказалась для меня затруднительной: возможно, это населенный пункт в Словакии?или же, может быть, это город Зеница в Югославии?)

[329] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.120;BA-Potsdam, NS 31/57, Bl. 49.

[330] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696768.

[331] Первое предложение приводится здесь полностью не только для того, чтобы оценивать литературный стиль Гайсы К., который сохранен без изменений, но и чтобы заметить, как он "усвоил" немецкие стереотипы в отношении татар, их черт характера и исторических традиций.

[332] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696755.

[333] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl.258; BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 298.

[334] **Klietmann, K.-G.** Die Waffen-SS, S.382. Г. Тессин также не сообщает о ВТБС ничего конкретного: "Восточнотюркское боевое соединение СС создано в феврале1945 г. с запланированным разделением: боевая группа СС Идель-Урал, боевая группа СС Туркестан, боевая группа СС Крым". Других сведений автор не приводит (**Tessin, G.** Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939-1945. Bd. 14: Die Namensverbände; Landstreitkräfte (Fliegende Verbände); Flakeinsatz im Reich 1943-1945. Osnabrück 1980, S. 198).

[335] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 2, Bl.92-93, 99;.BA-Potsdam, Film 2419, A 2695817, A 2696757.

[336] BA-Potsdam, NS 31/44, Bl. 298.

[337] Ibid., Film 2419, A 2696724, A 2696726.

[338] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 2, Bl.102.

[339] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696733.

[340] IfZ (München), MA-366, A 2699249.

[341] Ibid, A 2699210-2699211.

[342] BA-Potsdam, Film 2419, A 2697054.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С НАЦИСТСКИМ РЕЖИМОМ

В довоенных планах и представлениях гитлеровской Германии, как было показано в первой главе, и речи не шло о возможности военного, а тем более политического сотрудничества с народами Советского Союза, такой вопрос просто не подлежал обсуждению. После начала войны против СССР, когда военные события стали складываться не в пользу Германии, ее руководство постепенно приходит к идее военного сотрудничества, к созданию Восточных легионов и прочих соединений из представителей народов СССР. Не следует упускать из виду, что военное сотрудничество со стороны советских коллаборационистов само по себе уже предполагало признание политической лояльности, поэтому эти два аспекта возможно воспринимать только во взаимосвязи. Понятно, что чисто военными целями и военными способами осуществить изменившиеся планы, реально привлечь народы страны-противника к борьбе "против большевистского режима" было невозможно. Поэтому логическим продолжением всей национал-социалистской "восточной стратегии" стало и изменение в сфере политической. Свое отражение это нашло и в "реабилитации", по указанию сверху, тюрко-мусульманских, "азиатских" народов, которые не вписывались в официальную теорию "недочеловеков", и в налаживании контактов с представителями довоенной эмиграции, и в создании административных органов, которые должны были осуществлять действенное политическое "сотрудничество" режима с представителями народов СССР, в том числе и "национальных комитетов" и в налаживании пропагандистской работы, и в розыгрыше "исламской" карты. Так же как и военное сотрудничество, политические контакты Германии с восточными народами оказались очень противоречивыми и непоследовательными. В них явственно проявилось и упоминавшееся соперничество между политическими и военными учреждениями, между отдельными личностями, поддерживавшими свои узкоклановые или даже личные интересы. Большее, чем раньше, внимание к политическому фактору со стороны Германии не говорит о том, что сфера военная оказалась полностью без внимания, речь пожалуй идет о действительно заметном смещении акцентов в проведении всей политики по отношению к восточным народам.

Нацистская Германия и представители предвоенной эмиграции.

Отношение к представителям предвоенной эмиграции в Германии с приходом к власти нацистов было неоднозначным. Свой, чисто "практический" интерес к ним, понятно, имела тайная полиция - гестапо. Так, например, в сентябре 1936 г. гестапо заинтересовалось личностью Алимджана Идриси, когда он должен был принимать визитера из Москвы и информировать об этом полицию. Заодно при этом проверили и "подноготную" самого Идриси. Он еще должен

был доказывать, что он не является "агентом Москвы".[1] Но подобные случаи носили единичный характер, и совершенно не были проявлением планомерного и заметного "политического сотрудничества".

Заключение советско-германского пакта о ненападении значительно ухудшило статус эмигрантов из СССР в Германии, поскольку обе страны теперь стали "дружественными державами". 25 октября 1939 г. шеф гестапо Г.Мюллер приказал ужесточить контроль над эмигрантским организациями и лидерами. Хотя роспуск эмигрантских объединений и не предусматривался, но в их деятельность вносились серьезные ограничения: им было запрещены проведение открытой антисоветской деятельности, масштабных публичных мероприятий (в том числе и разного рода выставок, собраний, митингов, публичных богослужений и пр.), демонстрация своих символов, флагов. Им не разрешалось через прессу, рекламу делать сообщения о своей деятельности. Оставалось только проведение внутренних собраний и культурных мероприятий, но и о них в прессе не должно было быть упоминаний.[2] Конечно, такие запреты были актуальны для наиболее крупных эмигрантских групп в Германии - русских, украинцев, представителей закавказских народов, а тюркские, мусульманские народы в этой стране были скорее представлены отдельными крупными личностями, чем организованными группами. Но это узаконение помогает лучше понять не только лицемерную подоплеку установившихся "дружеских" отношений между Германией и СССР после подписания пакта о ненападении 1939 г., но и общую атмосферу отношения к эмигрантской публике.

Еще более жесткие ограничения в деятельности эмигрантов, но на этот раз совершенно по иному поводу - по поводу начавшейся войны против СССР, последовали 2 августа 1941 г.[3] Такова ирония судьбы - теперь гестапо видело в них не антисоветчиков, а потенциальных сторонников Советского Союза, советских шпионов! В свое время следовало преследовать первых, теперь - вторых, и все это в разное время было в одном лице - в лице эмигрантов.

Другим крупным германским ведомством, которое обратило внимание на эмигрантов, стало Министерство иностранных дел. Это стало особенно заметно тогда, когда подготовка к нападению на СССР шла уже полным ходом. В апреле 1941 г. началось формирование так называемого "Комитета по России" по главе с советником Георгом Гросскопфом. Согласно планов МИД этот комитет должен был вести основную работу в оккупированных областях СССР. Гросскопф проводил многочисленные переговоры, собирал информацию, подбирал кандидатуры для работы. Так, в начале мая 1941 г. в МИД активно обсуждался вопрос о лицах, которые непосредственно будут отвечать за работу с конкретными народами. Речь шла о кавказских, среднеазиатских народах, калмыках, поволжских и крымских татарах. При этом, можно предполагать, шла речь и об эмигрантских лидерах, но в тексте соответствующего документа никаких конкретных кандидатур названо не было.[4] Только после начала войны против СССР, 28 июня 1941 г. в Комитет в качестве специалиста "по юго-восточным народам (кавказцы, киргизы, татары)" был рекомендован знакомый уже нам посол В. фон Хентиг.[5]

"Комитет по России" существовал скорее только на бумаге. Можно сказать, что реально он создан не был, так как практически все лица, предложенные для

работы в нем (например, профессора Г. фон Менде и Оскар фон Нидермайер) довольно скоро были "перетянуты" другими учреждениями, а МИД постепенно оттеснялся от работы на оккупированных территориях Советского Союза. Но работа по сбору информации о конкретных представителях эмиграции, в том числе и из тюркских народов, все же была проведена значительная. Нетрудно предположить, что по должности и по заинтересованности активно привлекался к такого рода деятельности Алимджан Идриси, которого его собственное ведомство также проверило на "благонадежность" на следующий день после начала войны - 23 июня 1941 г. В справке Г.Гросскопфа было отмечено, что Алимджан Идриси, долгие годы работающий в МИД, уже неоднократно "попадал под подозрение своих земляков, но никогда расследования, которые проводили МИД и гестапо, не приводили к какому-либо подтверждающему эти подозрения результату. Господин Идрис смог во всех случаях предъявить на все обвинения свои противопоказания". Поэтому считалось, что его и дальше можно "использовать в консультационных целях".[6]

Результаты данной проверки оказались для Идриси "благоприятными", поэтому по поручению руководства 25 июня 1941 г. ему было "доверено" составление справки об отдельных эмигрантских лидерах тюркских народов. Как уже упоминалось в первой главе, он назвал большинство из них "сепаратистами", которые стремятся из разных стран прибыть в Германию, чтобы "продолжать свою вредную деятельность". Среди таких лиц Идриси особенно отметил Гаяза Исхаки, Мехмет-Амина Расул-заде, Абдул-Гани Усмана, Ахмед-Заки Валиди, Мустафу Чокай-оглу, всех лиц связанных с "темной", по словам Идриси, организацией "Прометей", которой руководил "с виду враг, на самом деле друг Сталина" грузинский социал-демократ Жордания.[7]

МИД скрупулезно изучал представителей тюрко-мусульманской эмиграции именно на предмет какого-либо практического использования их, но, как уже упоминалось, только не в сфере военной - на совещаниях начала июля 1941 г. в МИД было заявлено, что стремление эмигрантов в качестве добровольцев подключиться к войне против СССР необходимо "приветствовать", но "никакого интереса в подобном представительстве" Германия на тот момент не имела. Более развернутые директивы по этому поводу дал Эрнст Вёрманн 26 августа 1941 г., поскольку обращения эмигрантов в МИД не прекращались: "В связи с развитием событий на Востоке разного рода эмигранты обращаются в МИД и германские представительства за рубежом, предлагая свои услуги по установлению нового порядка в России. В сотрудничестве с этими эмигрантами по данному вопросу нет никакой заинтересованности. Следует отвергать такие предложения, особо избегая каких-либо политических обещаний. (...) В ответ на такие предложения необходимо ограничиваться благодарностями и обещаниями учесть их в дальнейшем. Контакты с эмигрантами, которые представляют интерес как информаторы, остаются, как и прежде, желательными".[8] Официально, таким образом, не поощрялось ни военное, ни политическое сотрудничество с представителями эмиграции.

Но в плане сбора информации об эмигрантских группах и лидерах деятельность МИД летом-осенью 1941 г. продолжалась действительно очень активно.

25 июля посол фон Папен из Стамбула дал характеристику на лидеров тюрко-мусульманской эмиграции в Турции, оценив как антигерманскую позицию и взгляды Гаяза Исхаки и Джафера Сеидамета, в то же время рекомендовав для сотрудничества Мехмет-Амина Расул-заде, Саида Шамиля, Барасби Байтугана, Айтека Намитока и др.[9]

9 августа вновь фон Папен характеризовал Мехмет-Амина Расул-заде, Мирзу Бала, Мир Якуба, Джафера Сеидамета, Мустафу Чокай-оглу, Гаяза Исхаки (о последнем: "убежденный сторонник Польши и Англии, в 1940 г. поехал в Лондон, чобы посетить Сикорского. Здесь 23 марта 1941 г. выступил в "Турецком культурном объединении" с резко антигерманской речью"[10]).

13 августа тот же фон Папен сообщал о деятельности эмигрантской организации "Милли Туркистан бирлиги" в Турции и о лицах, в нее входящих: Ахмет Карадагли, Азам Огуз, Тахир Чагатай, Заки Валиди, Халим Сабит ("казанский татарин, бывший профессор теологии Стамбульского университета, сейчас руководит Турецкой исламской энциклопедией"), Ильхан Мусахай, имам Абдулхай Курбангали, кади Рашид Ибрагим (двое последних проживали в Токио), Алимджан Идриси (Берлин), Осман Токумбет. По мнению посла, "вышеназванные господа из басмачей под руководством профессора башкира Заки Валиди хотели бы отправиться в Германию для ведения пропаганды среди представителей своих народов на русском фронте".[11]

5 сентября 1941 г. очередную и весьма подробную "характеристику" составил А.Идриси.[12] Профессора Халима Сабита, отмеченного в справке фон Папена, он, как оказывается, знал очень хорошо с давних лет: в 1908-1912 гг. ни вместе учились в Стамбульском университете, он являлся "убежденным националистом с твердым характером" (так и напрашивается сравнение: "истинный ариец с нордическим характером"!) О Заки Валиди, его жизненном пути Идриси написал подробнее - как он боролся против большевиков, затем перешел на их сторону, потом вновь рассорился с большевиками и бежал в Среднюю Азию и Турцию. "Теперь,- заключал автор,- в Турции и Германии он больше занимается наукой, чем политикой. Он хороший знаток тюркской истории, но очень честолюбив, стремится создать Башкирскую республику, чтобы затем занять пост президента этой республики". Имам Курбангали для Идриси был "личностью очень неблагонадежной", Осман Токумбет - "неблагонадежным авантюристом", Рашид Ибрагим - "старым борцом восточных тюрков", который успешно пропагандировал ислам в Японии, но для реальных политических дел был уже слишком стар. Вновь упомянуты в документе Гаяз Исхаки и Мустафа Чокай-оглу: "Оба они националистами не являются, а последний к тому же и наполовину русский. Оба они сторонники "русско-еврейского", позднее "польско-еврейского" марксизма и сторонники демократии (это не относится к профессору Заки Валиди), оба являются врагами сегодняшней Германии. В сотрудничестве использованы быть не могут". Идриси рекомендовал МИД приглядеться к Мухарряму Февзи Тогаю (газета "Тесвири эфкяр"), профессору Халиму Сабиту (Сибаю), доктору Сибгатулле, профессору Заки Валиди, доктору Ахмеджану Ибрагиму и Мустафе Шакулу.

10 октября 1941 г. с просьбой о предоставлении немецких виз Гаязу Исхаки, Мустежибу Улкюсалу, Эдиге Кирималю и Абдул Хакиму Бали к фон Хентигу обратился турецкий генерал Эркилет (этот документ также уже упоминался выше).[13] Из четверых эмигрантских лидеров впоследствии лишь Эдиге Мустафа Кирималь станет заметен в политическом сотрудничестве с немецкой стороной, но уже не под эгидой МИД.

24 ноября 1941 г. посол Р.Надольны сообщал фон Хентигу о лидерах тюркской эмиграции в Турции.[14] Его опять заинтересовали Джафер Сейдамет, Гаяз Исхаки, Мир Бала, которые по сведениям дипломата создали "своеобразный комитет"для осуществления своих политических целей.

МИД собирал не только информацию об эмигрантах, но и по различным актуальным политическим вопросам (чем в довоенные годы больше занимался Внешнеполитический отдел НСДАП). Так, в октябре 1941 г. Г.Гроссокпф составил подробную справку о положении религии в СССР, отмечая среди прочего, что в 1928 г. в СССР было закрыто 38 мечетей, в 1929 г. - 96 мечетей в городах и 98 мечетей в деревнях, в 1937 г. - еще 110 мечетей.[15]

Такого рода информации, собиравшаяся в первые месяцы войны чиновниками германского МИД, можно рассматривать и как пример розыгрыша этим ведомством "пантуранистской" карты (использование тюркской эмиграции для активизации турецкой позиции с тем, чтобы она скорее вступила в войну на немецкой стороне), и как осторожное зондирование политических возможностей эмигрантов из нерусских народов СССР для возможных будущих контактов. Сведений о них было накоплено немало, но все же практического применения в "восточной политике" они почти не нашли. Большинство реальных лидеров тюрко-мусульманской эмиграции на сотрудничество с гитлеровским режимом не согласились. Кроме того, и сам режим к эмигрантам довоенной поры относился с явным недоверием и опаской.

По мере изменения военно-политической ситуации ориентиры несколько сместились. Уже в декабре 1941 г. один из ответственных чиновников МИД фон Эрманнсдорф подготовил документ о привлечении русских эмигрантов в зоне германского влияния.[16] "Хотя привлечение эмигрантов в зоне германского влияния в целом отвергнуто, все же использование русских эмигрантов, которые состоят из основных народов Советского Союза (очень любопытный оборот! - И.Г.) в ограниченных масштабах имеет место",- замечено в справке. В каких же случаях они привлекались: переводчики (вермахт, при организации ТОДТ), в роли полицейских, фабричных рабочих, командиров антипартизанских отрядов и пр. По мнению автора, важно было и "использование эмигрантов в создающемся рейхскомиссариате Московия, а с созданием комиссариата участие эмигрантов будет увеличиваться. Восточным министерством уже подготовлены объемные списки русских эмигрантов, которые в необходимое время будут задействованы в экономике как инженеры, врачи, ветеринары, земледельцы и пр." Автор документа "предрекал", что "участие русских эмигрантов, способных нам содействовать, весной 1942 г., после занятия новых территорий Советского Союза, значительно расширится". Он не мог предполагать, что это участие будет рас-

ширяться отнюдь не по причине оккупации новых территорий, а по причине вынужденного изменения общей политической линии. В то же время рекомендовалось "оставлять это участие в определенных границах".

"Предвидение" фон Эрманнсдорфа оказалось верным. В начале 1942 г. состоялась первая со стороны немецких дипломатов масштабная акция по привлечению политических эмигрантов. Свою роль в ней сыграла и несколько отличная от общепринятой позиция бывшего германского посла в Москве фон Шуленбурга, который выступал за возможно тесное сотрудничество Германии с представителями старой эмиграции. Он считал необходимым создание "эмигрантских комитетов", которые впоследствии могли бы стать "национальными правительствами". Когда в конце 1941 г. было принято решение о создании Восточных легионов, фон Шуленбург, вероятно, представил, что наступило время и для более тесного сотрудничества с восточными народами. Поэтому в апреле 1942 г. он обратился ко многим виднейшим представителям эмиграции из СССР, пригласив их прибыть для политических перегововоров и консультаций в Берлин. В конце апреля начале мая 1942 г. многие из приглашенных действительно появились в столице Германии. Они разместились в престижном отеле "Адлон", поэтому вся эта акция уже тогда получила наименование "Адлониада".[17] Среди участников "Адлониады" были достаточно крупные фигуры политической эмиграции Хайдар Баммат, Саид Шамиль, Али Хан Кантемир (Северный Кавказ), Мехмет-Амин Расул-заде (Азербайджан), представители Грузии Спиридон Кедия, Лео Кереселидзе, князь Дата Вачнадзе, претендент на грузинский престол Ираклий Багратиони. Наряду с ними среди участников оказались и совершенно случайные люди, настоящие авантюристы, что, по словам П. фон цур Мюлена, придало всей этой акции "окраску экзотического фарса". Авторитетных представителей поволжских татар среди участников переговоров, не было. Состав участников, как видно, был очень пестрым по политическим взглядам: среди них и сторонники "Лиги Прометей", и правые, и левые, и монархисты. "Адлониада" фактически свелась к длительным переговорам между Шуленбургом и эмигрантами по поводу возможностей политического сотрудничества Германии с национальными группами из СССР. Но о переговорах не было официальной договоренности между МИД и Восточным министерством. Розенберг, естественно, очень разозлился на то, что МИД вступил в его "вотчину", переманивал его сотрудников и поэтому поспешил нанести решающий удар по своему давнему сопернику, используя ошибку Шуленбурга. Поскольку верховное руководство "третьего рейха" своего отношения к эмиграции не поменяло, Шуленбург изначально рисковал. Конфликт, о котором уже упоминалось во второй главе этой книги (тогда речь шла о попытках МИД вмешаться в дела военнопленных), резко обострился. "Адлониада" при этом стала главным аргументом Розенберга.

Ему удалось убедить Гитлера, и 5 мая 1942 г. тот в категоричной форме запретил МИД заниматься вопросами, связанными с оккупированной территорией СССР.[18] Этот вопрос подробно обсуждался в ставке Гитлера и 8 мая 1942 г.[19] Но и после того, очевидно, он еще некоторое время сохранял свою актуальность, ибо еще раз и уже окончательно Гитлер дал предписание о разграничении пол-

номочий между МИД и Восточным министерством 28 июля 1942 г.[20] Хотя МИДу и были оставлены какие-то полномочия в отношении оккупированных советских территорий (например, при решении международных вопросов, связанных с ними), и заинтересованным ведомствам рекомендовалось обсуждать многие проблемы совместно, предписание от 28 июля 1942 г. означало, безусловно, победу Розенберга. МИД фактически был исключен из реального осуществления любых контактов с народами СССР, как с военнопленными, так и с восточными добровольцами, и представителями предвоенной эмиграции. Это, однако, не означает, что отдельно взятые чиновники министерства (например, тот же А.Идриси) не могли поддерживать такие связи, речь идет о ведомстве в целом.

Поскольку летом-осенью 1942 г. полным ходом осуществлялись мероприятия по созданию Восточных легионов, то, естественно, на первый план в отношениях с народами СССР выходил фактор военный, тогда как политическое взаимодействие немцами было оставлено почти без серьезного внимания. Перед легионерами был поставлен общий лозунг "борьбы с большевизмом" и, очевидно, считалось, что этого вполне достаточно для своеобразного фона вооруженной борьбы. Но Восточные легионы ожиданий германской стороны не оправдывали, потому военное и политическое руководство начало спешно разыскивать новые формы "сотрудничества", новые стимулы для восточных добровольцев. И именно здесь зашла речь о политических лозунгах и о возможностях усиления политического фактора. Различные источники того времени подтверждают, что такой поворот произошел ближе ко второй половине 1943 г. Теперь первую скрипку начало играть Министерство по делам оккупированных восточных территорий или Восточное министерство.

Восточное министерство и Посредничества.

Министерство по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzte Ostgebiete) или, как его еще часто называют, Восточное министерство создавалось для осуществления гитлеровских планов господства над завоеванными территориями СССР. Еще до войны, 31 марта 1941 г., было основано "Центральное политическое бюро для работы на Востоке" во главе с главным "идеологом" наступления на Восток Альфредом Розенбергом. 20 апреля он получил и титул "ответственного за центральную разработку вопросов восточноевропейского пространства", не только продолжая свои "идеологические разработки", но и начав сбор специалистов, которые впоследствии вошли в министерство.

Общий анализ деятельности Восточного министерства в мою задачу не входит, тем более по этому вопросу существует обширная специальная литература,[21] но все же для лучшего понимания поставленных проблем важно привести некоторые моменты истории этого учреждения и его подразделений.

Министерство было создано 17 июля 1941 г. как гражданское учреждение, которому на оккупированных территориях Советского Союза подчинялись чиновники в должности от рейхскомиссара и ниже, а также все находившиеся под руководством комиссаров учреждения. П. фон цур Мюлен вполне правомерно

сравнивает его функции с британским министерством по делам Индии или министерствами по делам колоний других держав.[22] Поэтому у этого ведомства имелись соответствующие отделы: внутреннее управление, финансы, здравоохранение, наука, пресса, культура, хозяйственные вопросы. Но сложности и противоречия, которые наблюдались в разное время между различными германскими инстанциями, имели место и здесь: полиция и карательные органы на оккупированных территориях находились в ведении СС, а хозяйственными вопросами больше занималось ведомство ответственного за выполнение четырехлетнего плана Германа Геринга. К чему приводило такое многовластие и переплетение функций догадаться нетрудно.

В организационном отношении министерство делилось на три главных отдела: "Политика", "Управление" и "Экономика". Первым отделом руководил Георг Ляйббрандт (давний соратник Розенберга, возглавлявший ранее Внешнеполитический отдел НСДАП). Отдел делился в свою очередь на следующие отделения:

- "общая политика" (Отто Бройтигам);
- "Остланд" (Петер Кляйст);
- "Украина" (Вильгельм Кинкелин);
- "Кавказ" (Герхард фон Менде);
- "расселение" (Эрнст Ветцель).

Кроме указанных, существовали и отделения "культура", "пресса", "молодежь", "женщины" и лишь формально отделение "Россия". Из всех указанных подразделений Восточного министерства непосредственное отношение к тюркским-мусульманским народам Поволжья, Средней Азии и Кавказа имело лишь отделение "Кавказ" под руководством видного историка-тюрколога профессора Герхарда фон Менде.[23]

Г. фон Менде родился в 1904 г в Риге. В годы гражданской войны в России, после того, как его отец был расстрелян большевиками, он оказался в Германии. В 1927 г. он поступил учиться в Берлинский университет (основные предметы русский и турецкий языки, экономика и история Восточной Европы) и в феврале 1933 г. защитил диссертацию на тему: "Очерки по истории колонизации в Советском Союзе". После прихода к власти нацистов продолжал работу в Германии, но так и не вступил в национал-социалистскую партию. В декабре 1935 г. защитил диссертацию на тему: "Национальная борьба российских тюрков. Исследование национальной политики в Советском Союзе", которая через год была опубликована в виде монографии. Эта монография стала первым в западной историографии исследованием, посвященным национальным проблемам в СССР, обратившимся к истории и эволюции национально-освободительного движения тюркских народов в условиях Российской империи и Советского Союза.[24] Несмотря на то, что фон Менде не был членом НСДАП, он всячески пропагандировал новую власть за рубежами Германии, а в 1933-1934 гг. являлся членом Антикоминтерна.

С 1936 г. фон Менде работал в различных учебных заведениях Берлина и Позена (Познани) - профессором "по изучению национальностей России", ру-

ководителем кафедры "языковедения и страноведения тюрко-татарских народов" Берлинского университета.

Г. фон Менде был исключительно одарен в плане изучения языков - свободно владел французским, английским, турецким, русским, датским, шведским, норвежским, многими тюркскими языками, а пассивно и всеми славянскими языками.

Именно этот человек и стал руководителем отделения "Кавказ" (хотя отвечал за все проблемы, связанные с тюрко-мусульманскими народами СССР).

В результате противостояния между Восточным министерством и СС (о нем уже говорилось во второй главе) летом 1943 г. в министерстве были произведены структурные изменения. На место Г.Ляйббрандта пришел эсэсовский генерал Готтлоб Бергер. Главный отдел "Политика" он переименовал в "Ведущий штаб - Политика", провел и другие преобразования. Вместо отделения "Кавказ" возникло новое, более крупное подразделение - отделение "Чужие народы", которое вновь возглавил Г. фон Менде, ставший, по мнению А.Даллина, с этого времени "фактическим руководителем национальной политики Восточного министерства".[25]

Г. фон Менде с самого начала выступал за возможно более тесное политическое сотрудничество с нерусскими народами СССР, но в первые годы войны реально осуществить этого не смог - политическое сотрудничество, как мы говорили, на повестке дня не значилось. Позднее, когда в политике гитлеровской Германии наметился определенный поворот, отделение "Кавказ", а затем и отделение "Чужие народы" заметно активизировали свою деятельность. В последние годы войны оживлению работы с восточными народами внутри Германии способствовало и следующее: по мере наступления советских войск в руках немцев оставалось все меньше и меньше оккупированных территорий, поэтому складывалась довольно нелепая ситуация, когда Министерство по делам оккупированных восточных территорий реально переставало соответствовать своим изначальным функциям и своему названию. Тогда министерские чиновники и стали еще больше внимания уделять представителям советских национальностей в самой Германии.

Но уже на протяжении 1942 г. были созданы так называемые посредничества.[26] Их основной задачей стало попечение и руководство над всеми представителями конкретных народов в самом "третьем рейхе" и на территории оккупированных стран. Сюда включались восточные легионеры, рабочие, военнопленные. Любопытно, что создание посредничеств вновь не обошлось без противоречий и противостояния: очень резко против создания их выступил Арно Шикеданц, который предполагался в Восточном министерстве на место "рейхскомиссара" Кавказа. Он явно опасался все более усиливающегося авторитета профессора фон Менде. Поэтому было принято следующее решение: вначале, как бы для опыта, создать посредничество, которые не вызвало бы нервной реакции у отдельных чиновников, а именно Туркестанское (поскольку "у нацистского империализма не было непосредственных аннексионистских или колонизационных планов относительно Средней Азии"[27]). Только затем были организованы посредничества кавказских народов, Татарское и последним - Крымско-

татарское. В основу посредничеств, по данным П. фон цур Мюлена, усилиями фон Менде были положены комиссии по работе с военнопленными, которые во многом были просто переоформлены в новом качестве. Кроме того, "Адлониада", по-видимому, настолько задела представителей Восточного министерства, что в новые учреждения привлекались и представители предвоенной эмиграции. Проведение переговоров с последними было поручено фон Менде. Так что запрет первых месяцев войны фактически был снят, несмотря на стойкое нежелание Розенберга контактировать с эмигрантами.

Кроме посредничеств, значительную роль в работе с восточными народами играло и специально созданное подразделение Восточного министерства - "Центр для представителей народов Востока" - "Zentrale für die Angehörigen der Völker des Ostens"(ZAVO), возглавляемый доктором Тиле.[28] Этот Центр в отличие от посредничеств более занимался техническим вопросами: размещение, обмундирование, обеспечение, организация ознакомительных поездок легионеров по Германии и пр.

В одном из позднейших документов по проверке деятельности посредничеств ясно указаны те задачи и функции, которые имели эти учреждения: "учет, политическое руководство и оказание влияния на находящихся в рейхе представителей своего народа, вербовка в добровольческие соединения, помощь в поисках членов семей, содействие в устройстве на работу и при перемещениях по территории рейха, религиозный вопрос, содействие в издании газет и др."[29] Имеющиеся источники однако показывают, что функции и компетенция посредничеств была несколько шире - они курировали и вопросы пропаганды среди восточных народов, и культурную работу, решали различные социальные проблемы.

Татарское посредничество (немецкое название - Tatarische Mittelstelle, позднее - Tatarische Leitstelle; татарское - Татар җитәкчелек оешмасы) было создано 1 ноября 1942 г.[30] Возглавил его адвокат Хайнц Унглаубе (в нашей публицистике почему-то принято называть его Генрихом, что неточно[31]). Он родился в 1904 г. в г. Анкламе (Померания), его отец был бургомистром этого города. После окончания гимназии в 1923 г. обучался праву в Берлине и Грайфсвальде, после чего практиковал в качестве адвоката в Анкламе и Грайфсвальде.[32] Что удивительно, до войны Унглаубе никаким образом не был связан ни с восточными народами, ни с изучением их истории (по его собственным словам, "татар он впервые увидел в лагере военнопленных, их историческая судьба, национальные устремления мне были до войны совершенно незнакомы"[33]), поэтому появление его в Восточном министерстве оказалось во многом случайным. По состоянию здоровья Унглаубе не призвали на военную службу, поэтому он был приписан к вспомогательному отряду (в документах он именуется "водителем грузовика"), но поскольку он имел юридическое образование, его привлекли к работе с военнопленными.[34] Довольно долгое время он работал в комиссиях по работе с военнопленными на территории Польши - уже в первые месяцы войны, например, в лагере Остров-Мазовецкий. В августе 1941 г. он познакомился с майором Майер-Мадером, который тогда также занимался отбором военнопленных для своего соединения и под влиянием которого Унглаубе, по его соб-

ственным словам, воспринял идею необходимости разделения военнопленных по национальному признаку и привлечения их на сторону Германии. По-видимому, приглянувшийся начальству Унглаубе в марте 1942 г. был отправлен на переобучение в Люттензее в Баварию, где уже конкретно проходил подготовку для работы с восточными народами. Предполагалось, что он возглавит Туркестанское посредничество. Но, поскольку для туркестанцев уже имелась кандидатура некоего Ольшевского, Унглаубе, отказавшись от конкуренции, принял предложение профессора фон Менде и возглавил Татарское посредничество.

О составе посредничества конкретных данных в сохранившихся документах почти нет. Вероятно, в нем было занято около 20-30 человек из татар и немцев (в Крымско-татарском посредничестве, например, в конце 1944 г. работало 28 человек). Известно, что вначале в него в качестве второго руководителя входил Шафи Алмас, затем после поездок Унглаубе по лагерям военнопленных в посредничество были включены Гариф Султан, Темирбулат, Раис Самат, Сабит Кунафин, Шихап Нигмати и др. Руководитель посредничества подбирал себе кадры сам, многие из отобранных им татар затем проходили специальную подготовку в особом лагере Вустрау, работали в МИД, Восточном министерстве, министерстве пропаганды и других германских учреждениях.

Любопытна последуюшая судьба Х.Унглаубе.

В сентябре 1944 г. со стороны Главного управления СС (а конкретно, Р.Ольши) возникла идея привлечь Унглаубе к делу создания Восточнотюркского боевого соединения СС. 4 сентября 1944 г. Ольша писал об этом как о вопросе полностью решенном, считая Унглаубе "наиболее компетентной персоной в татарских делах". Поскольку он не являлся членом СС, его предполагалось использовать в роли руководящего чиновника, делопроизводителя, ответственного за подготовку кадров для ВТБС.[35] Но еще раньше, в августе 1944 г., Унглаубе был привлечен к деятельности существовашего в рамках СС "Рабочего объединения Туркестан" в Дрездене. Судя по источникам, в середине октября 1944 г. Унглаубе действительно был прикомандирован к Главному управлению СС отделению "Туран-Кавказ" сроком предположительно до 1 января 1945 г.[36] По его собственным словам, ему очень благоволил Г.Бергер, который впоследствии даже выступал за назначение его командиром ВТБС вместо Харуна эль-Рашида. Параллельно при этом Унглаубе сохранял и свои функции в Восточном министерстве: хотя с осени 1944 г. руководителем Татарского посредничества был назначен граф Леон (по некоторым документам - Константин) Стамати. В бумагах осени 1944 - начала зимы 1945 г. Унглаубе также продолжал подписываться как "руководитель Татарского посредничества". Так что в посредничестве сложилось своеобразное официальное "двоевластие" - оно имело двух немецких руководителей.

Таким образом, к началу 1945 г. Унглаубе выполнял несколько функций - в Восточном министерстве, в Главном управлении СС, и имел также поручения от генерала добровольческих соединений и министерства пропаганды. Такую "многофункциональность" можно, вероятно, объяснять нехваткой к концу войны подходящих для немецкой стороны, подготовленных и проверенных кадров, которые могли бы вести работу с восточными народами.

Последние месяцы войны Унглаубе находился чаще всего в своем родном городе Анкламе, где организовал, судя по всему, по своей собственной инициативе "Волго-татарское бюро" как подразделение посредничества, курировал специальные лагеря Татарского посредничества в Даргибеле, Цемпине и Кринке, занимаясь подготовкой офицеров для "боевой группы Идель-Урал" ВТБС. Чем завершилось все это, нам уже известно.

Посредничества, которые существовали в Восточном министерстве, считались непосредственными подразделениями этого учреждения. Но по мере развития событий, когда немецкая сторона постепенно актуализировала политический фактор, рамки их стали очевидно узкими. Поэтому во второй половине 1943 г. начинается формирование так называемых "связующих, посреднических штабов" (Verbindungsstäbe), которые в литературе чаще именуются "национальными комитетами"[37].

Национальные комитеты
и "Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала".

Вероятно, лишним будет упоминание, что гитлеровская Германия в первые годы войны не нуждалась ни в каком представительстве народов СССР. Это означало бы признание их как политических партнеров, союзников и никак не вписывалось в национал-социалистскую стратегию. И опять в данном случае мы должны вспомнить об изменившейся военной ситуации, и об определенной смене германской ориентации, что отчетливо проявилось уже в организации национальных посредничеств. Посредничества, как было показано выше, являлись подразделениями Восточного министерства. И они стали основой создания национальных представительств, которые по замыслам гитлеровцев, должны были взять на себя политическую и, как следствие, военную активизацию всех национальных сил. Но с самого начала, даже когда было дано официальное разрешение на создание национальных представительств, запрещалось именовать их "национальными комитетами". Следовало применять более нейтральные термины "связующий штаб" (Verbindungsstab) или "комиссия" (Ausschuß). Татарское представительство, например, при своем официальном конституировании в 1944 г. получило наименование "Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала". По-видимому, слово "комитет" несло слишком пугающую немецкое руководство нагрузку, означая своего рода национальное правительство, и не признавалось почти до самого конца войны. Исключение составило лишь национальное представительство среднеазиатских народов.

Осенью 1944 г., когда вопросами политического сотрудничества с восточными народами по-настоящему заинтересовался СС, их представительствам со стороны Главного управления СС было, наконец, обещано, что они получат желанное для них наименование - "национальные комитеты", против чего продолжало выступать ведомство Розенберга. "Тем самым национальные комитеты хотели предстать перед побеждающими союзниками и историей не как квислинги или продажные наемники, а как политические организации с своими собственными целями, правами и претензиями. С этим же была связана надежда,

как оказалось тщетная, предотвратить выдачу западными союзниками Советскому Союзу их соплеменников против их воли,"- не без оснований оценивает сложившуюся ситуацию П. фон цур Мюлен[38].

Что удивительно, Розенберг изменил свою позицию и согласился с термином "национальный комитет" только в последние недели марта 1945 г. - для четырех кавказских и крымско-татарского представительств в Берлине был даже устроен торжественный прием, по иронии судьбы прерванный сигналом воздушной тревоги - поистине пир во время чумы! Были изменены годовой бюджет комитетов, социальные условия для их сотрудников, что уже не могло играть абсолютно никакой роли в той ситуации.[39]

Попытки создания национальных организаций под крылом тех или иных немецких высших учреждений (в частности МИД) делались уже в первые годы войны. Это проявлялось и в пожеланиях старых эмигрантов, и в позиции некоторых чиновников (Шуленбург, фон Менде), стремившихся к более тесному сотрудничеству с нерусскими народами СССР. "Адлониада" является тому самым серьезным подтверждением.

П. фон цур Мюлен вполне правомерно связывает создание национальных представительств разных народов с той ролью, которая была уготована в нацистских планах разным народам Советского Союза. Поэтому получалось так, что те народы, которые в этих планах занимали самое низкое место, согласно выработанной "иерархии" геополитических интересов, находились под наименьшим прессингом и получали относительную свободу для обсуждения своих национальных проблем, создания национальных комитетов.[40] Это подтверждается реальными фактами: представители среднеазиатских народов уже весной 1942 г. начали подготовку для организации "Национального Туркестанского комитета единства"(Milli Türkistan Birlik Komitasi - Nationalturkestanisches Einheitskomitee). Он был создан, согласно Вели Каюм-хану, 14 ноября 1942 г., хотя появление в августе 1942 г. первого номера газеты "Милли Туркистан" как официального органа комитета уже говорит о многом. Комитет был фактически создан и конституирован несколько раньше - в конце лета - начале осени 1942 г. Напротив, самые острые споры вызвало создание национальных представительств кавказских народов - в результате созданные во второй половине 1942 г. комитеты армян, грузин и азербайджанцев даже были распущены или же продолжали существовать на бумаге.[41]

По-видимому, не таким чувствительным было давление и на поволжских татар. Несмотря на свою малочисленность по сравнению с представителями среднеазиатских народов, они также смогли организовать обсуждение своих национальных проблем. В течении 1942 г. сформировалось первое татарское представительство в Германии, которое возглавлял доктор Ахмет Темир, находившийся в этой стране с 1936 г.[42] Оно традиционно именуется в нашей публицистике "Комитет Идель-Урал", хотя, возможно, именно такого названия и не имело.

В Германии А.Темир не только занимался научной деятельностью, которая воплотилась в диссертации, защищенной 17 июня 1941 г. в Гамбургском университете. Некоторое время он преподавал татарский язык в Берлинском уни-

верситете[43], помогал профессору фон Менде в составлении "тюрко-татарской" библиотеки для Института по изучению России (об этом говорилось в первой главе настоящей книги). Кроме того, в 1941-1943 гг. А.Темир сотрудничал в отделе радиопропаганды Министерства иностранных дел Германии, занимаясь радиопропагандой на Турцию, а с июня 1943 г. перешел работать в турецкую редакцию германского радиовещания, находясь там на очень хорошем счету.[44] Так что А.Темир был достаточно известным и активным человеком, поэтому его первоначальное лидерство в политическом представительстве поволжских татар в Германии вовсе не случайно.

Появление в годы войны татарского представительства в Германии комментировалось в современной публицистике. Например, по данным Р.Мустафина, началось оформление этого представительства в мае 1942 г. на заседании в берлинском отеле "Франкишер Хоф",[45] где собрались лица, вошедшие в созданный тогда "комитет Идель-Урал" - А.Темир в роли президента (не совсем понятна ирония Р.Мустафина по поводу того, что окружающие называли его "доктором" - он действительно был доктором), Раис Самат, промышленник Искандер Яушев, Шафи Алмас, Алимджан и Шамсия Идриси, Хайнц Унглаубе. По сведениям Ю.Карчевского и Н.Лешкина, однако, это происходило в "один из жарких июньских дней 1942 г.", и в создании комитета кроме названных лиц будто бы приняли участие Ахмед-Заки Валиди, Тамурбек Давлетшин, Абдул-Гани Усман, Мугин Бахтиков, Фаткулла Абзалетдинов.[46] Не могу сказать, на какие источники опирались Р.Мустафин, Ю.Карчевский и Н.Лешкин для столь точного описания этого собрания - в их книгах нет сносок. К сожалению, в архивных материалах мне не удалось найти документов об этом мероприятии, а также о некоторых его участниках, поэтому довольно трудно подтвердить или же опровергнуть сведения указанных авторов. Однако присутствие на собрании А.Идриси с женой в любом случае вызывает серьезные сомнения. Выше уже неоднократно подчеркивалось, что Идриси выступал категорично и воинственно за единство тюркских народов, именуя "идель-уральцев" сепаратистами, и имея очень натянутые отношения со сторонниками идеи "государства Идель-Урал". Поэтому он вряд ли мог принимать участие в создании "Комитета Идель-Урал". Вряд ли присутствовал на заседании и Ахмед-Заки Валиди - в то время (май-июнь 1942 г.) его в Германии просто не было.

Как бы то ни было, такой еще официально не признанный, но и не запрещенный орган под руководством Ахмета Темира был по-видимому создан (хотя дату его основания, май или июнь 1942 г., можно также подвергнуть сомнению). Деятельность его, очевидно, не заходила дальше обсуждения национальных проблем. К реальному сотрудничеству, в том числе и к масштабной работе с татарскими военнопленными и легионерами, "комитет" как представительство поволжских татар не привлекался. Это объяснялось тем, что политическое сотрудничество "третьего рейха" с восточными народами не предусматривалось. Возможно, по этой причине существование "комитета" не отразилось в немецких документах того времени. Тем не менее некоторые его члены принимали участие в комиссиях по работе с военнопленными, выступали перед ними с лекциями и пр.

Судьба А.Темира в роли руководителя "Комитета Идель-Урал" сложилась следующим образом. Он вмешался в один из многочисленных и вполне объяснимых конфликтов внутри Туркестанского комитета, поддержав оппозицию Вели Каюм-хану. Некоторые представители казахов и киргизов, настроенных против узбека Каюм-хана, обратились к Темиру с просьбой объединиться в одном комитете с поволжскими татарами. Апогея эта история достигла летом 1943 г., когда вполне серьезно обсуждался проект создания татаро-казахского представительства. В этой ситуации А.Темир проиграл более могущественному и хитрому Вели Каюм-хану.[47] Возможно, что при этом далеко не последнюю роль сыграли и личные качества А.Темира: его ранимость и чувствительность[48] - разобидевшись на всех и вся, он покинул Германию и вернулся в Турцию.

Немецкие высшие инстанции начали самым серьезным образом обсуждать судьбу национальных комитетов лишь во второй половине 1943 г. 30 сентября и 6 октября 1943 г. два совещания с этим вопросом были проведены в Восточном министерстве у фон Менде. Для немецкой стороны главным при этом становился личностный фактор: на обоих совещаниях обсуждались конкретные кандидатуры, которые могли бы вести работу как руководители национальных комитетов и которые состояли бы в тесном контакте с министерством и вермахтом.[49] Для поволжских татар тогда на первый план выступил Шафи Алмас. И уже тогда фон Менде отмечал, что "согласно общему мнению, Шафи не имеет необходимых качеств, чтобы быть представителем и руководителем своих соплеменников", сетуя на отсутствие среди татар подходящей кандидатуры для руководства комитетом. Этот вопрос неоднократно поднимался до конца войны, но немцы все же были вынуждены остановиться на Шафи Алмасе.

Сведения об этой личности очень приблизительны и нуждаются в дополнении.[50]

Шафи Алмас (настоящее имя Габдрахман Гибадуллович Галиуллин, в публицистике его фамилию чаще называют как Шафиев) родился в 1885 г. в Дубъязском районе Татарстана. Псевдоним Шафи Алмас был им взят по имени своего прадеда Шафи. Он занимался торговлей, имел магазины в Москве, Казани, Оренбурге. В годы гражданской войны эмигрировал в Турцию, получил турецкое подданство, в 20-е годы даже поработал короткое время сотрудником турецкого посольства в Москве. В 30-е годы, очевидно по коммерческим делам, перебрался в Германию, имел в Берлине недвижимость, и политикой по большому счету не занимался вообще. После начала войны он начал привлекаться немецкой стороной к конкретным пропагандистским мероприятиям, прежде всего к радиопропаганде: 1 декабря 1941 г. он вместе с А.Темиром упоминался в одной из справок Германского международного радио (общество "Интеррадио"), которое курировалось МИД и министерством пропаганды, как один из "подготовленных кадров".[51] Вероятно, уже тогда он и включился в борьбу за лидерство в татарской общине. Судя по одному из послевоенных свидетельств, которое цитировалось выше (Каролин фон Менде), его спорная кандидатура все же устроила немецкую сторону. Г. фон Менде, отвечавший за решение всех подобных вопросов, советовался с некоторыми татарскими эмигрантами, которые когда-то учи-

лись или работали в Берлине, но после прихода к власти нацистов уехали в Турцию - профессором Рахмати Аратом и инженером Фуадом Казаком (Шафи Алмас был женат на сестре Фуада Казака - Амине, а отцом Фуада и Амины, кстати, был известный деятель джадидизма и предприниматель Абдулхамид Казаков). После длительных консультаций, по словам К. фон Менде, "поскольку никого другого не было", и остановились на кандидатуре Ш.Алмаса. В его пользу говорило и следующее: "Он хорошо говорил по-немецки и не выказывал никакого неудовольствия и рассерженности по отношению к своим прибывшим в Германию землякам (вспомним А.Идриси! - И.Г.). Он также оказывал полную и всестороннюю поддержку таким честолюбивым молодым людям как Султан, чего никогда не сделал бы другой стремящийся к власти руководитель". По данным П. фон цур Мюлена, поддержку "флегматичному, неактивному" Шафи Алмасу, которым можно было легко манипулировать и который "предпочитал алкоголь политике", оказал и Вели Каюм-хан, не желавший видеть во главе татарского представительства человека с сильным характером, способного вмешиваться во внутренние дела Туркестанского комитета.[52]

Шафи Алмас в роли лидера поволжско-приуральских татар вызывал неприятие со стороны многих германских чиновников. Очень неприязненно отзывался о нем Райнер Ольша 15 сентября 1944 г.: его личность представлялась эсэсовскому функционеру "исключительно спорной". Он называл его не иначе как "малоактивным интриганом и самолюбом, который отвергает все устремления к интенсификации работы с поволжскими татарами, если они не совпадают с его собственными представлениями". Ольша замечал, что сотрудники Шафи Алмаса очень недовольны "своим президентом, упрекая его в том, что он практически завалил всю национальную работу". По этому поводу Главное управление СС провело консультации и с шефом Татарского посредничества Х.Унглаубе, который заявил Р.Ольше, что Шафи Алмас стал руководителем "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" только в силу острой необходимости ("необходимого зла" - по выражению Унглаубе). Унглаубе обратил внимание Ольши на то, что в окружении Ш.Алмаса есть активные и способные сотрудники, которые "прекрасно могут быть использованы для работы, даже если они не устраивают самого президента".[53]

В течение 1944 г. вопрос о замене Шафи Алмаса на посту руководителя "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" поднимался неоднократно. Особенно активно этот вопрос начал обсуждаться, когда начались мероприятия по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС. В начале октября 1944 г. по договоренности между Восточным министерством и Главным управлением СС в "Союзе" должны были быть проведены перестановки: вместо Ш.Алмаса предлагалась кандидатура бывшего советского майора Гафара Ямалиева, который по плану должен был быть переведен в СС и получить чин штурмбанфюрера. Главное управление СС видело в нем даже возможного руководителя Татарского посредничества.[54]

7 октября Л.Стамати в телефонном разговоре с Р.Ольшей заметил, что "случай с Ямалиевым срочный", а татарский комитет "необходимо срочно ожив-

лять".[55] 12 октября на очередном совместном заседании у фон Менде в Восточном министерстве его участники обсуждали состав татарского комитета и договорились, что будущим руководителем комитета станет майор Ямалиев.[56] Подобная активность немецкой стороны явно насторожила Шафи Алмаса, который не желал уступать. 17 октября 1944 г. он направил подробное письмо на имя фон Менде, в котором отчетливо прослеживается стремление придать себе более значительный политический вес.[57]

Письмо это напыщенно адресовано "В Германское имперское правительство", хотя фон Менде в правительстве не работал, и это было прекрасно известно и Шафи Алмасу. Но ситуация требовала, и патетический стиль письма поражает воображение. "Мы, идель-уральские тюрки, десятилетиями боремся за независимость, и на протяжении этого времени мы принесли много жертв. Московиты использовали все средства, чтобы покорить нас морально и духовно, разрушить наше национальное чувство. Татарский народ включился в борьбу, и ему до настоящего времени удалось защищать свои национальные идеи. А цель этой борьбы - освобождение страны и достижение независимости Идель-Урала",- так начинается обращение Шафи Алмаса. Постоянно автор подчеркивает свои "заслуги" в освободительной борьбе татарского народа и стремление его опираться в этой борьбе на поддержку Германии: "Я уже долгие годы живу в Германии, работаю и борюсь за освобождение моей страны, подарив все свое доверие Германии. Я стремился укрепить отношения Идель-Урала с Германией. Когда началась германо-русская война, бесчисленные мои земляки оказались в Германии. Я был в лагерях для военнопленных, говорил со своими земляками, давал им мужество и надежду, рассказывал им о новой Германии. Все мои земляки заявляли о готовности стать солдатами, чтобы бороться за освобождение своей страны"- так видел Ш.Алмас свою роль в установлении связей татар с Германией. Он очень хотел, чтобы полномочия и возможности комитета стали еще более широкими, но только под его собственным руководством: "По всем идель-уральским делам я прошу связываться только со мной, поскольку я избран ответственным руководителем 3 марта 1944 г. на конгрессе в Грайфсвальде",- завершил свое обращение Шафи Алмас.

Вряд ли это письмо нашло сколь-либо серьезный отклик среди германского руководства, личность Шафи Алмаса была ему достаточно хорошо знакома, но тем не менее намеченной и уже казалось обговоренной смены руководства "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала" не произошло - Шафи Алмас продолжал исполнять эти функции до января 1945 г., когда он, будто вспомнив свое турецкое гражданство, бежал из Германии в Турцию, оставив политические амбиции, которые в условиях военного краха "третьего рейха" начали представлять для него серьезную опасность. После него татарский национальный комитет остался без формального руководителя. Большинство документов от имени "Союза борьбы" в последние месяцы войны подписывалось уже руководителем Татарского посредничества графом Л.Стамати. Безрезультатные дискуссии вокруг личности Шафи Алмаса, фактическое "обезглавление" национального комитета в последние месяцы войны - это яркое свидетельство того, что среди татар, находившихся на сто-

роне Германии в годы второй мировой войны, не было реального авторитетного лидера, способного объединить всех соплеменников и повести их за собой.

Хотя германское руководство постоянно выражало свое недовольство татарским национальным представительством, комитет и под руководством А.Темира, и под "президентством" Ш.Алмаса, бесспорно, провел определенную работу. Комитет под руководством Шафи Алмаса, по его собственному свидетельству по-видимому, сложился в конце 1943 - начале 1944 г.[58] Полный состав его президиума в одном из недатированных документов (вероятно, документ относится к середине 1944 г., поскольку комитет назван "Союзом борьбы тюрко-татар Идель-Урала", а такое наименование он получил только на конгрессе в Грайфсвальде в марте 1944 г., возможно даже к концу 1944 г., так как упоминаемый в списке капитан Вафин еще в конце октября 1944 г. работал в штабе генерала Власова) был следующим (сохраняю всю терминологию документа):

Шафи Алмас - президент; Салих Файзуллин - заместитель президента; Гариф Султан - организационный руководитель; Кашапов - старший лейтенант; Вафин - капитан, адъютант при штабе связи генерала добровольческих соединений и руководитель военного отдела Союза борьбы в отношениях с вермахтом; Иван Скобелев - чуваш, руководитель отделения немусульманских народов Идель-Урала; Шакир Алкаев - полковник; Галим Айдагулов - редактор литературного журнала, ответственный за культурные вопросы; Ишмаев - руководитель газеты "Идель-Урал"; Исламгулов - сотрудник редакции; Гунафин - руководитель лагерей в Даргибеле и в Беверунгене.[59] Изменения по сравнению с составом "комитета" под руководством А.Темира, как видим, серьезные. Понятно, что приведенным списком количество членов "Союза борьбы" не ограничивалось - в его подразделениях-отделах были заняты десятки сотрудников. Точное их число на данный момент установить невозможно.

Национальные комитеты, в том числе и татарский, не только были созданы при Посредничествах, но и находились под их контролем.[60] Фактически работа в комитетах считалась работой на общественных началах - национальные представительства не являлись юридически признанными учреждениями и потому не могли иметь официального персонала, сотрудники комитетов не получали заработной платы, а числились за теми инстанциями, из которых они и приходили в комитеты: вермахт, Восточное министерство, СС и пр. Функции комитетов были довольно широкими, но главной их задачей считалось осуществление как можно более тесного контакта представителей советских восточных народов с немецкими военными и гражданскими учреждениями (недаром они на первой стадии их создания получили наименование "связующих штабов"). По данным П. фон цур Мюлена, исходя из этой задачи комитеты состояли как минимум из трех отделов: политического (в ведении их политические контакты, организационные вопросы и финансы), военного (контакты с вермахтом и с соответствующими Восточными легионами, подготовка офицерских кадров, военная переподготовка) и отдела пропаганды, прессы и общественной работы. Судя по составу татарского представительства, очевидно, его подразделение на отделы было несколько более разветвленным, но в принципе подходило под указанную схему.

К сожалению, не сохранилось многих документов, связанных к деятельностью татарского комитета. Некоторые показатели его активности в военной области уже упоминались, когда речь шла о Восточных легионах - представители комитета принимали участие в комиссиях по работе в лагерях военнопленных, выступали с лекциями, призывая своих соплеменников вступать в легион, составляли списки для Татарского посредничества, делали предложения по военной реорганизации легионов (вспомним хотя бы фантастический проект создания идель-уральской дивизии, высказанный как раз от имени татарского представительства). Объемную работу проводили члены комитета в сфере социальной, а также в деле пропаганды, издания газет и журналов, о чем еще пойдет речь ниже.

Во всей работе татарского представительства Волго-татарскому легиону уделялось, понятно, особое внимание. Одним из красноречивых свидетельств такого внимания является открытое письмо Шафи Алмаса легионерам, опубликованное в газете "Идель-Урал" от 29 августа 1943 г., которое вполне можно считать одним из важных программных политических документов "Союза борьбы". Момент для такого обращения был выбран не случайно, так как внутренняя обстановка в легионе, вероятно, в то время сложилась довольно напряженной - в середине августа 1943 г. были проведены аресты участников подпольной группы Мусы Джалиля. Шафи Алмас стремился по-своему внести ясность в ситуацию и поднять дух своих соплеменников. При этом в своем обращении он отвечал на три вопроса, которые, по его мнению, представляли особую актуальность:

1. Почему мы боремся не вместе с русскими, а отдельно, своим легионом, хотя у нас и есть общая цель - уничтожение большевизма?
2. Почему мы говорим не Татарстан, а Идель-Урал?
3. Какой должна быть форма государственности Идель-Урала?

Ответы Шафи Алмаса на поставленные вопрос очень ясно представляют его политические позиции. Он заявил: "Мы боремся не только за уничтожение большевизма, а и за уничтожение основ русского империализма. Понятие "Великороссия" исторически не так уж старо - оно появилось после подчинения русской монархии многочисленных народов Востока". Шафи Алмас привел в своем письме различные исторические факты для подтверждения своей основной мысли: татарское крестьянство в России искусственно отрывалось от земли, намеренно вытеснялось на неплодородные земли, татарские деревни отдалялись от городов, культура сдерживалась, татарское население было территориально раздроблено, подвергалось насильственной христианизации и русификации. Хотя "татарские парни и гибли за русскую монархию", народ оставался подавленным и униженным. По мнению Шафи Алмаса, "никогда никакое русское государство не скажет нам: имейте свою страну, свои богатства, живите свободно и используйте это по своему усмотрению". В его представлении татары, которым "не нужно никаких красивых слов об автономии", должны были использовать сложившуюся ситуацию, так как Германия дала им оружие, чтобы "сражаться за свободу". В этих сражениях "легион как основное ядро борьбы" должен был бы сыграть особую роль.

Более краток был "вождь" в ответах на второй и третий вопросы: термин "Идель-Урал" применялся для того, чтобы подчеркнуть единство народов Поволжья и Приуралья, поскольку их всех постигла та же историческая участь, что и татар. Государство, которое они вместе будут строить, должно было быть "национальным, отвечающим интересам всех народов, проживающих на его территории". Открытое письмо Шафи Алмаса к легионерам, как и многие другие программные документы "Союза борьбы тюрко-татар", в годы войны представляет из себя своеобразную смесь реальных фактов из истории татарского народа и фальшивых, утопических представлений об его будущем, которое Шафи Алмасу рисовалось в союзе с национал-социалистской Германией.

Наиболее масштабным мероприятием, организованным татарским представительством в Германии в годы войны следует признать курултай (съезд) представителей народов Идель-Урала, который состоялся в г. Грайфсвальде 3-5 марта 1944 г.[61] Материалы этого собрания, высказывания делегатов, оставшиеся во многом лишь декларацией, позволяют однако наиболее точно отразить политические представления лидеров татарского национального движения в Германии периода второй мировой войны. На основании сохранившихся источников можно представить, как было организовано и проведено это мероприятие.

На курултай собралось около 200 делегатов, прежде всего от Волго-татарского легиона и посредничества. Для заседаний было выделено самое большое в Грайфсвальде помещение городского собрания. Понятно, что на курултай получили приглашение многие важные немецкие чиновники из Восточного министерства, офицеры Восточных легионов, представители "дружественных народов".

Именно немецким гостям съезда и было предоставлено право первыми выступать с речами. К делегатам обратился генерал Ральф фон Хайгендорф, который больше говорил об "углублении германо-татарского сотрудничества", о том, что создаваемое национальное представительство "должно пробудить в легионерах истиный дух борьбы", что только "германская победа может принести счастливое будущее для татарского народа", что лишь после того "наши товарищи из Идель-Урала смогут вернуться на освобожденную родину к своим семьям и в последущие мирные году будут развивать истиные дружеские отношения между немецким и татарским народами". Обратим внимание - в выступлении генерала "счастливое будущее" татарского народа представлено в полном тумане - он не мог и не хотел ничего сказать о том, что более всего волновало представителей татар - о будущей форме государственности.

Также осторожен в своем приветственном выступлении был и профессор фон Менде, который, конечно, был гораздо более компетентен в национальной проблематике, чем генерал фон Хайгендорф. Представитель Восточного министерства коротко охарактеризовал восточную политику "третьего рейха", сделав основной упор на внимание, проявляемое немецкой стороной к проблемам нерусских народов. Фон Менде говорил также о значении создания Восточных легионов, о "многосторонней и плодотворной деятельности" Восточного министерства и Татарского посредничества.

На заседаниях курултая слово было дано и немецким командирам татарских соединений - подполковнику фон Зеккендорфу и полковнику Боллеру, кото-

рые в очень коротких выступлениях рассказали о задачах и деятельности своих подчиненных.

Только затем председательствовавший в первый день заседаний Айтуган (сведений о нем, равно как и некоторых других выступавших под псевдонимами у меня нет) представил слово "избранному делегатами и признанному германским правительством руководителю тюрко-татар" Шафи Алмасу, который выступил с объемным докладом под девизом "Сила единой нации - в единстве воли, в верности избранному пути". В этом докладе Ш.Алмас проследил "исторический путь борьбы за национальную идею", заметив, что в 1917 г. для народов Поволжья и Приуралья открылась было возможность свободного развития, но она была уничтожена большевиками. Курултай, подобный Грайфсвальдскому, по мнению президента, являлся не новым явлением в национальной жизни - как пример он назвал Милли меджлис 1917-1918 гг., созванный в Уфе. Именно "Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала" и являлся логическим возрождением и продолжением деятельности Милли меджлиса. Эту мысль Шафи Алмас подчеркивал практически во всех своих публичных выступлениях и статьях. Понятно, что президент не мог не рассыпаться в любезностях перед своими "хозяевами". В годы войны, по его выражению, на помощь угнетенным народам пришла Германия, которая с оружием в руках поддерживает борьбу их против большевизма (как это было на самом деле, было уже показано в первой главе этой книги). С особой благодарностью отметил он помощь в создании легиона, Татарского посредничества ("ему стали придавать большое значение"), в издании периодических изданий на татарском языке фон Менде, Унглаубе и фон Зеккендорфа. Понятно, что в изложении Шафи Алмаса почти никаких проблем в национальной деятельности не было - он должен был подчеркнуть хорошую "результативность" своей работы.

Во второй день заседаний, 4 марта, с речами на курултае также выступали (приведу лишь краткие лейтмотивы или темы выступлений):

К.Салих (генерал Х.Салихов - ?): призвал все народы Поволжья и Приуралья к единству, чтобы между ними не было никаких склок и споров. "Раз уж решено создать единую организацию, вся работа должна вестись от ее имени. Союз борьбы должен стать центром, защитником интересов разбросанного войной народа". Он предложил разработать разумную политику по отношению к трем частям народа Идель-Урала: "борцы в Германии, находящиеся под игом большевизма на родине, разбросанные по всему миру вне пределов родины".

Иван Скобелев: "Идель-Урал является общей родиной для всех народов, в том числе и малочисленных".

Гариф Султан: "Наша цель - создание нового справедливого национального порядка, поскольку каждый народ имеет право на справедливость".

Обер-лейтенант К.Маджит: "Не поддаваться на пропаганду врага".

Шихап Нигмати: "Пробуждать национальные чувства, обязательно создать при Союзе борьбы отдел пропаганды".

Ирек: предложил создать Национальный фонд. "Поскольку наш народ щедр, он всегда окажет помощь нуждающимся". По этому поводу следовало провести

разъяснительную работу среди легионеров, других татар в Германии и ввести для всех 1-процентный национальный налог ("милли салым") и, кроме того, поддерживать добровольные пожертвования.

Алиев (Алкаев?): "О военной мощи Германии".

Габдуллан: "О роли религии в жизни татарского народа".

Г.Чишмали: "О борьбе трех политических систем в мире: демократия, большевизм, национал-социализм".

Ибрагим: "Наша родина в крови".

Участников курултая приветствовали представители туркестанцев, азербайджанцев и крымских татар, которые заверяли их в своих "искренних братских чувствах", пожелав успехов татарскому народу.

В последующие несколько дней для участников Грайфсвальдского курултая были организованы и различные культурно-пропагандистские мероприятия: выступления музыкальной капеллы легиона, исполнявшего татарские народные песни и мелодии, а также немецкую военную музыку; так называемого "культурного взвода" легиона, показавшего ряд отрывков из спектаклей.

5 марта в Грайфсвальде была организована выставка татарского прикладного искусства и живописи, которая по оценкам прессы показала, "как много талантов есть среди легионеров и с каким интересом германский вермахт поддерживает их культурное развитие".

6 марта часть делегатов вместе с немецкими представителями отправилась в городок Ратен, где было проведено совещание в узком кругу об итогах курултая и дальнейших направлениях политической работы "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала". Здесь для них также был организован прием местным бургомистром Винклером и главным "пропагандистом" Саксонии крайсляйтером Эльцнером.

7-8 марта вновь были посвящены культурным мероприятиям: выступал квартет Дрезденской городской оперы и вновь "культурный взвод" Волго-татарского легиона. Но не обошлось и без политических выступлений: в последний день перед собравшимися вторично выступил фон Зеккендорф, а также крайсляйтер Эльцнер. Основное внимание оба обратили на необходимость сохранения в будущем политического единства восточных народов и их масштабного сотрудничества с Германией.

И наконец в завершение мероприятий все участники заседаний отправились в пропагандистский вояж в Прагу.

Как видим, Грайфсвальдский курултай, растянувшийся на несколько дней, был организован весьма помпезно. Это было типично пропагандистское мероприятие, речи на котором говорились соответственно случаю торжественно и пышно. Лишь изредка на заседаниях курултая упоминались нелицеприятные для немецкой стороны моменты, и почти все выступавшие стремились подеркивать "достижения и успехи", которые надлежало приумножать в будущем. Но за всей подобной словесной шелухой можно выделить в материалах курултая весьма явственные политические тенденции. Это особенно относится к итоговым документам этого форума.

Итоговое "Решение заседаний тюрко-татар Идель-Урала" было не таким объемным, и я позволю себе привести несколько отрывков из текста.

В его преамбуле речь идет об общих устремлениях народов Поволжья и Приуралья, которые почти 400 лет живут "под русским господством" и не теряют надежды на восстановление своей государственности. По мнению авторов решения, тюрко-татары "сейчас получили новый шанс для своей самостоятельности: они нашли могучего друга в лице великой Германии". В их изложении "день уничтожения большевизма принесет самостоятельность народам Идель-Урала". Для достижения этого в 1942 г. был образован Волго-татарский легион и "наше национальное объединение во главе с господином Шафи Алмасом". Итак, уже в преамбуле обращают на себя внимание два момента: во-первых, достижение государственности поставлено во главу угла, как основная цель военной и политической борьбы; во-вторых, появление "национального объединения" во главе с Шафи Алмасом оценено фактически как создание национального правительства в изгнании, которое борется за восстановление разрушенной национальной государственности.

Достижению главной цели были посвящены конкретные задачи, направления политической, организационной, военной деятельности. На вопрос "**за что мы боремся**?" решения курултая отвечали так:

1. "Мы боремся за единение народов Идель-Урала (татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов) и за образование свободного национального государства.

2. Все народы Поволжья и Приуралья должны стать равноправными членами этого сообщества.

3. Земля должна принадлежать трудящимся крестьянам. Колхозная система разрушила деревню. Мы боремся за ликвидацию ненавистной колхозной системы и передачу земли в частное владение крестьян.

4. Полезные ископаемые, леса, реки и озера, все богатства природы должны стать национальной собственностью.

5. Развитие промышленности, торговли, транспорта и других отраслей народного хозяйства должно служить интересам нации.

6. Мы боремся за развитие и сохранение истинной национальной культуры, за своеобразие и чистоту языка.

7. Свобода вероисповедания и религиозных обычаев должна быть обеспечена законом".

В качестве актуальнейших **организационных задач** "по усилению рядов тюрко-татар, борющихся за свою свободу", курултай назвал:

1."Создание "Союза борьбы" за самостоятельность народов Идель-Урала. Эта организация возьмет на себя руководство национально-освободительной борьбой, объединение нации в единую семью, проведение всех мероприятий, необходимых для решения судьбы народа. (...)

2. "Союз борьбы" должен представлять интересы всех представителей народов Идель-Урала, которые разделяют его линию, и организовать борьбу за освобождение Идель-Урала от большевизма.

3. "Союз борьбы" должен проводить широкую пропаганду для достижения боевых целей против большевизма и за самостоятельность Идель-Урала, помогать представителям нашего народа в облегчении условий жизни, привлекать их в ряды активных борцов национального движения, выявить и объединить всех образованных и одаренных людей и помогать им в дальнейшем развитии (изучение языка, поступление в немецкие высшие школы, устройство на работу), чтобы создавались соответствующие резервы для расширения и укрепления основ национального движения.

4. Подготовить пропагандистский материал о целях национально-освободительной борьбы для работы среди нашего населения на родине.

5. Осуществлять связи со всеми татарскими эмигрантами, проживающими в разных странах, которые в свое время находились во главе национального движения, и привлечь их к работе "Союза борьбы".

6. Для решения задач обязательно и необходимо создание постоянного центрального органа - Президиума "Союза борьбы" со следующими подразделениями: организационный отдел, военный отдел, отдел пропаганды и отдел финансов. В состав президиума должны включаться как представители тюрко-татар, так и угро-финских народов Идель-Урала.

7. Для проведения самых необходимых мероприятий и постоянной поддержки отдельных нуждающихся (больных, раненых, студентов) следует создать Национальный фонд. Фонд будет составляться из следующих поступлений: постоянные взносы с месячного дохода всех представителей нашего народа, различные пожертвования".[62]

К политическим и организационным моментам добавлялся и блок **военных вопросов**, при этом выделялось, что "борьба с оружием в руках на сегодня является нашей важнейшей задачей". Поэтому по представлению участников курултая следовало предпринять шаги в следующих направлениях:

"1. Просить высшее командование германского вермахта об организации самостоятельных татарских соединений (полков, дивизий) из добровольцев, и насколько возможно под руководством собственных национальных командиров, так, как это делается у казаков или в Русской Освободительной армии.

2. Просить о создании офицерской и унтер-офицерской школы для пополнения национальных военных кадров.

3. Просить разрешения о переводе во вновь образуемые соединения добровольцев Идель-Урала тех, кто уже причислен в прочие добровольческие соединения или находится в составе германского вермахта.

4. Предложить Высшему командованию вермахта создать собственное знамя, собственную униформу и знаки различия для татарских соединений и, в случае его согласия, выступить с конкретными предложениями".

В заключении решения курултая было заявлена необходимость политической программы национального движения, которую предстояло разработать и утвердить уже на следующем курултае.

Предложения курултая в военной сфере в дальнейшем комментировании не нуждаются, если учесть, что в предыдущей главе этой книги подробно обсу-

ждались вопросы военного сотрудничества восточных народов с Германией, которые выявили серьезные противоречия и разные подходы между сторонами и в результате привели к полному краху в этой сфере. Поэтому остановимся лишь на блоке политических вопросов.

Обращает на себя внимание, что большинство программных заявлений документа звучит вполне демократично (особенно в ответе на вопрос: "за что мы боремся?"), отражая политические предпочтения лидеров "Союза борьбы". Подчеркну, что главная цель, поставленная курултаем - достижение государственной независимости Идель-Урала - это повторение той мысли, которую неустанно пропагандировал и за которую боролся безусловный лидер всей татарской политической эмиграции Гаяз Исхаки. Этой цели были как бы подчинены все остальные политические заявления форума. Имя Исхаки на курултае не упоминалось, хотя большинство высказанных идей явно было позаимствовано из его политического багажа. Можно заметить, что несмотря на заявление о необходимости установления связей с представителями эмиграции в разных странах, татарскому движению в Германии в годы второй мировой войны по-настоящему не удалось осуществить этого. А вспомним, что к тому времени татарская диаспора была еще вполне организованна и сильна и на Дальнем Востоке (Маньчжурия, Япония. Корея), и в Турции (здесь находились многие видные деятели политической эмиграции из татар). Проявилось это хотя бы в том, что даже на упоминание имени Гаяза Исхаки в политических декларациях курултая, очевидно, было наложено табу (ведь он, как указывалось выше, считался "врагом Германии"); что на грайфсвальдских заседаниях не было весомых представителей эмиграции, которые учитывали складывающуюся военно-политическую обстановку и в годы войны проявили осторожность, дистанцировались от своих соплеменников в Германии, по-видимому, предпочитая объединение вокруг личности Исхаки. Так что татарское национальное движение в "третьем рейхе", конституированное лишь в последние годы войны, осталось во многом замкнутым в себе, не получив ожидаемого резонанса даже у своих соплеменников в других странах. И все же можно отметить, что татарским представителям позволялось обсуждать очень широкий круг политических вопросов, планировать все перспективы "будущего независимого государства" - немецкая сторона хорошо понимала эфемерность многих высказанных проектов. В то же время сами немцы держали себя в жестких границах - как уже упоминалось, ни один из гостей курултая о свободном и независимом государстве Идель-Урал не говорил, ограничиваясь "антибольшевистской" риторикой.

Сказанное позволяет вполне обоснованно поставить вопрос: насколько же значимо было татарское представительство, как впрочем и все остальные национальные комитеты, если они с самого начала были поставлены в определенные рамки, тем более не обладая абсолютно никакой финансовой самостоятельностью, если и немецкая сторона откровенно не поддерживала их главной конечной цели?

Отвечая на поставленный вопрос и анализируя деятельность национальных представительств в Германии в годы второй мировой войны, П. фон цур Мюлен выделяет два момента:

Во-первых, они "в силу их положения являлись не более чем вспомогательными органами немецких учреждений", они получали от немецкой стороны средства для финансирования своих сотрудников, для издания газет и журналов, проведения пропаганды, работы в легионах. "Легионы и национальные представительства получали квартиры и одежду, разрешения на пребывание и командировочные деньги, униформу и оружие от вермахта, СС и Восточного министерства; от них они были зависимы, и только с их позволения они могли работать".

Во-вторых, однако, было бы не совсем точно представлять представительства как "абсолютно безвластные инструменты немецких инстанций". "Хотя они не имели собственных средств влияния на политическую ситуацию, но все же пытались блокировать или придерживать решения немецких учреждений. Возможности для того заключались в самой тоталитарной системе, которая порождала достаточно оснований для конфликтов из-за нечеткого регулирования компетенций между соперничающими инстанциями. (...) И когда в таких случаях возникал вакуум власти, то национальные представительства могли проявлять свое влияние".[63] Здесь вполне уместно вспомнить противоречия и откровенное соперничество между Восточным министерством, СС, МИД, о котором уже неоднократно упоминалось выше и которое сказывалось и в военной, и в политической, и в организационной сферах.

С подобным мнением о двоякой природе деятельности национальных комитетов вполне можно согласиться: если в широком плане, во влиянии на политическую и военную ситуацию, в особенности в условиях приближающегося краха Германии, они безусловно были полностью беспомощными и зависимыми, то в определенной сфере, например, в решении некоторых своих внутренних вопросов, компетенции представительств становились вполне зримыми.

Конечно, большинство тех лиц, которые входили в состав национальных комитетов не могли не понимать сложившейся ситуации. Поскольку по своей политическим природе они все же друг от друга отличались, иногда очень значительно, соответственно этому они и проводили свою деятельность. Определенная часть, придерживаясь антифашистских идей, встала на подпольный путь борьбы с гитлеровским режимом с целью разрушения национального движения в Германии изнутри, разложения национальных военных формирований восточных народов (самый яркий пример - деятельность группы Мусы Джалиля). Другие, прежде всего довоенные эмигранты, стремились к максимально возможному расширению своих полномочий, превратив политическую деятельность исключительно в борьбу за власть. Здесь уместен пример туркестанского лидера Вели Каюм-хана, который в среде среднеазиатских народов добился фактически настоящего культа личности и полновластия. Этого, собственно, явно желал и татарский "вождь" Шафи Алмас, но достичь поставленной цели не сумел. Третьи, представлявшие бывших военнопленных и перебежчиков, в какой-то степени общим положением дел были удовлетворены и хотели лишь сохранения своего статуса и благоприятного материального положения, не заглядывая слишком далеко в будущее. Четвертые, настроенные наиболее националистически, любыми средствами пытались усилить национальный, идеологический

фактор в деятельности представительств, поднять их на более высокий уровень и, получив полную свободу действий, развернуть национально-освободительную, гражданскую войну, борьбу за восстановление или создание национальной государственности, что на поверку все-таки оказалось полной утопией.

Такая разность в представлениях и подходах приводила к серьезным внутренним противостояним и конфликтам во всех национальных представительствах, причем масла в огонь добавляла и национальная неоднородность некоторых из них. Приведу данные документов. 12 сентября 1944 г. представитель чувашей в "Союзе борьбы тюрко-татар Идель-Урала" Ф.Паймук заявил в беседе в Главном управлении СС: " Отношения в комитете не очень хорошие, почти такие же как и у туркестанцев, где во главе встал представитель одного народа. Все это свидетельство политической глупости и тщеславия. А Шафи Алмас больше поддерживает своих соплеменников".[64] Очень ярким подтверждением сложной внутренней атмосферы в "Союзе борьбы" является и выше уже цитированное сообщение Р.Ольши от 15 сентября 1944 г., в котором он делился впечатлениями от встречи с Шафи Алмасом.[65] Вспомним, что Шафи Алмас во время беседы назвал своих сотрудников, привлеченных на службу в Главное управление СС, "непригодными болтунами, которые не смогут вести полезную работу", что он, по мнению Р.Ольши, "хотел бы сотрудничать с СС только через своих людей" и игнорировал "все более молодые и более активные силы в татарском движении". В другой своей справке, от 15 ноября 1944 г. Р.Ольша вновь убийственно охарактеризовал Шафи Алмаса и его "авторитет": "Это запойный пьяница, которому резко противостоят все татары".[66]

Конфликты и противоречия всплывали и во взаимоотношениях между национальными представительствами. В одном из официальных сообщений гестапо по поводу состоявшегося 8-10 июня 1944 г. в Вене съезда Туркестанского национального комитета ясно было сказано, что немецкая сторона, как и прежде стоит за объединение всех тюркских народов, чтобы "использовать этот этнический и религиозный блок для разрушения СССР". Но, как оказалось, Туркестанский комитет и его лидер Вели Каюм-хан выступил против подобных устремлений, рассматривая все тюркские народы по отдельности. Причем авторитет и резонанс Каюм-хана среди остальных тюркских народов, как отмечалось в документе, был очень невелик. Здесь же обращалось внимание и на то, что Туркестанский комитет изначально выступил против создания Восточнотюркского боевого соединения СС, "опасаясь в результате этого уменьшения своего влияния". В итоге делался такой вывод: "Каюм, как человек не очень умный и бесхарактерный, привел к противоречиям среди отдельных тюркских народов и подорвал наш авторитет в туранистских кругах. Неизвестно, почему Восточное министерство остановилось на его кандидатуре, он снижает наш вес среди мусульман".[67] Здесь же будет вполне к месту вспомнить и конфликт между татарским и туркестанским представительствами середины 1943 г., который привел к уходу Ахмета Темира с места руководителя "Комитета Идель-Урал".

Хотя такие противоречия в документах подтверждаются и встречаются не один раз, ни германские чиновники, ни сами национальные лидеры сора из избы вы-

носить не желали: внешне отношения между всеми национальными представительствами оставались самыми теплыми и дружескими. На том же съезде в Вене тепло приветствовал своих среднеазиатских "братьев" Шафи Алмас и другие национальные лидеры, на пышных торжествах в Грайфсвальде, конечно же присутствовали "вожди братских народов", по случаю любой даты все комитеты обменивались поздравлениями и уверениями в "единстве в борьбе против большевизма".

Конфликтные ситуации, возникавшие в реальной жизни, вызывали понятное беспокойство высших немецких инстанций, которые прекрасно понимали пагубные их последствия. Своеобразной попыткой умиротворения потенциальных соперников стала идея, высказанная Г. фон Менде в начале ноября 1944 г.: он предложил объединить национальные представительства в более крупные политические учреждения - так называемые "национальные советы". Грузинский, Азербайджанский и Армянский комитеты должны были объединиться в Кавказский совет. Как о принятом решении 3 ноября 1944 г. фон Менде писал об объединении Туркестанского, Идель-Уральского и Крымско-татарского комитетов в Восточнотюркский совет.[68] При этом предлагалось полностью расформировать и создать заново национальные представительства, которые все-таки должны были продолжать свое существование. Шафи Алмас в очередной раз был назван "неподходящей фигурой" в роли руководителя идель-уральцев. Сомнению подверглась и кандидатура майора Ямалиева. Лучшей фигурой на посту руководителя татарского комитета фон Менде видел Гарифа Султана, но и он считался слишком молодым для роли лидера. Поэтому, по мнению фон Менде, было целесообразным "принудить председателя Шафи к отставке и избрать новый состав Союза борьбы из активных членов президиума во главе с Ямалиевым. Если же впоследствии удастся найти более подходящую кандидатуру, то Ямалиев может быть заменен другим лицом". Восточнотюркский совет должен был быть составлен из председателей трех национальных комитетов, а председательствовать в нем должен был "представитель сильнейшей группы", значит Вели Каюм-хан, а его заместителем стал бы представитель "второй по силе группы Идель-Урал". Имеющиеся документальные источники однако не подтверждают того, что Восточнотюркский совет был создан. Вполне возможно, что обсуждение возможностей объединения в указанные советы должно было быть связано с появлением осенью 1944 г. при поддержке СС так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР) под руководством бывшего советского генерала Андрея Андреевича Власова. В этой ситуации можно говорить о новых серьезных политических противоречиях как среди германского руководства, так и среди представителей разных народов.

Генерал Власов и национальные представительства.

Германская сторона дала добро на создание Русской Освободительной армии только осенью 1944 г. - сказывалось особое недоверие гитлеровской верхушки к славянам. И все же 16 сентября 1944 г. в ставке Гитлера Власова принял Гиммлер и обещал ему свое полное содействие. Это событие и стало решающим толчком в создании власовской армии и антисоветского политического руководства, хотя

уже почти два года сам бывший советский генерал проявлял значительную активность в этом направлении. 14 ноября 1944 г. на заседании в Праге было официально объявлено о создании "Комитета освобождения народов России" (КОНР) и был принят так называемый Пражский манифест, а зимой 1944-1945 гг. последовало формирование Русской Освободительной армии (РОА). Я не буду подробно останавливаться на истории генерала Власова и его армии, его военной и политической деятельности, об этом существует уже значительная литература, в том числе и на русском языке.[69] Ниже пойдет речь только о вопросах взаимоотношений русского движения и национальных представительств, которые складывались далеко не просто.

Обратим внимание на то, что власовский руководящий орган в Праге получил название "Комитет освобождения народов России", т.е. изначально претендовал на представительство именно всех народов России (СССР). Именно такое его представление находило понимание и поддержку со стороны Гиммлера и СС, но вызывало противодействие со стороны некоторых чиновников Восточного министерства, которые поддерживали устремления "своих" национальных комитетов к созданию собственных государств.

Уже в октябре 1944 г. ряд национальных лидеров высказали недовольство указанными идеями русского генерала. Одними из первых, фактически от имени большинства "националов", высказались против намерений Власова грузинский представитель Михаил Кедия и Вели Каюм-хан. 13 октября 1944 г. последний обратился к Гиммлеру с заявлением, что Власов имеет право говорить только от имени русских, так как туркестанцы в первую очередь борются за независимый Туркестан, и они крайне обеспокоены. "Мы готовы, после того как все наши права будут признаны Вами, принимать участие вместе с Власовым в конференциях по приглашению правительства рейха, имея равные с ним права и обязанности. Боевой дух туркестанских солдат может быть сохранен лишь в том случае, если туркестанские дела будут вестись и далее на прежнем базисе. Власов же должен вести руководство русскими вопросами и выступать только от имени русских", - заявил Каюм-хан.[70] Почти о том же высказался и Шафи Алмас в выше цитированном письме фон Менде от 17 октября 1944 г.: "Исходя из нашей национальной борьбы для нас невозможно идти вместе с русскими. Русские являются врагами других народов, они постоянно маскируются, чтобы осуществить свои империалистические цели. Власов же русский, весь способ его мышления - русский. Мы не против его стремлений, мы даже приветствуем создание русской армии и его стремление заниматься русскими проблемами, но нашими национальными проблемами он заниматься на должен".

Недоверие национальных сил к генералу Власову проявилось даже в открытом протесте, который был составлен и подан на имя Розенберга 18 ноября 1944 г.[71] Его подписали от народов Идель-Урала Шафи Алмас, от армян - Армик Джамалян, от азербайджанцев - Аббас бей Атам-Алибеков, от грузин - Михаил Кедия, от северокавказских народов - Али Хан Кантемир, от крымских татар - Эдиге Мустафа Кирималь, от среднеазиатских народов - Карими (осторожный Каюм-хан в данном случае, видимо, воздержался), от украинцев - Ме-

льник, от белорусов - Островский. Это был редкий случай политического единодушия - подписавшие протест заявили о своем несогласии с Власовым, когда он выступает от имени всех народов СССР, считая, что в данном случае речь вновь пойдет о "русском господстве". Они предложили германскому правительству: "1. Воспрепятствовать любой попытке генерала Власова руководить нашими народами; 2. Признать права наших народов на самостоятельные государства и окончательно заявить о признании национальных представительств; 3. Разрешить создание наших национальных формирований под собственным руководством в оперативном подчинении вермахта и передать политическое руководство внутри этих формирований нашим национальным представительствам. В заключении считаем своим долгом заявить как о самом важнейшем моменте: если попытки генерала Власова руководить нашими народами не будут пресечены с полной откровенностью, ни одно из национальных представительств наших народов не берет на себя ответственности за последствия, к которым в результате может привести власовская акция". Как видно, даже ограниченная и почти эфемерная власть и самостоятельность, которыми обладали национальные комитеты, была очень дорога их лидерам.

Со своей же стороны генерал Власов стремился преодолеть недоверие национальных лидеров и разными способами завоевать их расположение. Очевидно однако, что во власовском руководстве единства по национальному вопросу не было.

Еще в апреле 1943 г. в Дабендорфе на "первой антибольшевистской конференции" бывших солдат Красной Армии один из сподвижников Власова генерал-майор В.Ф.Малышкин заявил: "Освободительное движение декларирует национальную свободу для всех народов", допустив однако довольно странную формулировку степени этой "свободы": "свобода вплоть до самоопределения" и призвав вначале "объединиться в борьбе с общим врагом". Получалось, что самоопределение наций воспринималось не как естественное право, а лишь как допущение, как позволение.[72] И это не было оговоркой, так как точно такую же формулировку избрал и другой сподвижник Власова - редактор "Офицерского бюллетеня РОА" Меандров.[73]

Сам же генерал Власов высказывался следующим образом. 18 ноября в интервью газете "Воля народа" он отметил, что "большевизм искусственно разбил народы на группы и натравил их одну на другую. Народы России сознают, что судьба каждого из них зависит от общих усилий".[74] В другом своем интервью официальной национал-социалистской газете "Völkischer Beobachter" Власов заявил, объясняя положения Пражского манифеста: "Движение, возглавляемое КОНР, выражает в первую очередь национально-освободительные стремления. Оно направлено на защиту национальных прав всех народов, на сохранение их самобытности, на уничтожение губительного интернационализма. Манифест, подписанный в Праге, признает за каждым народом право на самостоятельное развитие и на государственную самостоятельность".[75] То, чего никак не могли произнести германские чиновники разных рангов, громогласно рассуждавшие только о "совместной борьбе против общего врага", открыто произнес русский генерал. Но национальные лидеры в его искренность пове-

рили мало. А Власов же, судя по всему, смотрел на острую проблему национальных взаимоотношений в СССР шире и дальше. Со слов руководителя "Калмыцкого национального комитета" Шамбы Балинова позиция Власова была такова: "Пусть все народы, которые пожелают, получат независимость, их оскорбленное чувство будет удовлетворено, национальные страсти утихомирятся. Пройдут годы - начнет диктовать свою волю закон истории, географии и экономики. Пусть в процессе расширения своих границ Россия допустила много ошибок, несправедливостей, жестокостей и даже преступлений. Пусть путь русской экспансии был обильно полит кровью покоренных народов. Но после этого прошли века совместной жизни народов под одной крышей. Установилась же за это время между нами какая-то связь - культурная, экономическая, даже родственная? Я верю в притягательную силу этой связи, в силу русского языка, служащего "мостом", соединяющим все народы "евразийского" простора, в силу русской культуры. Поэтому со спокойной совестью иду на честное признание права народов на самоопределение, вплоть до отделения, ибо глубоко верю, что в будущем народы России найдут общий язык, общую платформу для совместного братского сожительства на началах права, справедливости, взаимного уважения, добровольного сговора, а не путем принуждения, насилия и нового покорения. В новой России жизнь должна строиться на безусловном признании силы права, а не права силы".[76] Точка зрения сама по себе весьма примечательная. Демократические высказывания Власова по национальному вопросу исходят из действительно складывавшихся в истории России реалий межнациональных отношений. В то же время, если сравнить мысли генерала Власова и его близких сподвижников, можно косвенно судить о том, что в руководстве КОНР единого подхода к решению национальных проблем не существовало.

И все же в Пражском манифесте 14 ноября 1944 г., своеобразной программе власовского движения, скорее нашла отражение точка зрения самого генерала. В манифесте постоянно подчеркивалось, что он отвечает интересам именно всех народов СССР и в частности отмечалось: "Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность", а одним из главных принципов "новой государственности народов России", поставленным при перечислении на первое место, назван: "Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность".[77] Несмотря на такие декларации, наиболее авторитетные представители нерусских народов от Комитета освобождения народов России все-таки дистанцировались и в его состав не вошли: из "националов" в него были включены, например, калмыцкий лидер Шамба Балинов, подпоручик А.Джалалов, фельдфебель И.Мамедов, унтер-офицер Г.Саакян, врач Ибрагим Чулик и некоторые другие, которые не играли первой скрипки в среде коллаборационистов.

Сам А.Власов явно считал объединение усилий всех народов СССР в борьбе против сталинской тирании абсолютно необходимым для успеха созданного им движения. Например, 17 декабря на заседании КОНР он вновь повторил: "Идея

единения осознана всеми народами России как единственное условие победы". На этом заседании также было объявлено, что КОНР включил в свой состав Русский национальный совет, Украинский национальный совет, Белорусский национальный совет, Национальный совет народов Кавказа, Национальный маслахат народов Туркестана и Главное управление казачьих войск.[78] Из этого можно заключить, что усилия по объединению национальных представительств под крылом КОНР давали определенные результаты. Это становилось возможным и из-за того, что немецкая сторона также проявляла свою заинтересованность в разрешении появившихся противоречий.

1 декабря 1944 г. в газете "Völkischer Beobachter" была опубликована статья капитана фон Гротте о единении народов России и Востока в "общей борьбе". 29 декабря 1944 г. в той же газете увидела свет публикация Р.Крёца "Власовское движение и национальный вопрос", в которой автор воспевал "мудрость" власовского руководства, гарантировавшего право народов на самоопределение, самостоятельность и суверенность. 13 января 1945 г. генерал добровольческих соединений дал "пропагандные указания" по поводу взаимоотношений национальных представительств с генералом Власовым.[79] Главной целью пропагандистской работы в данном вопросе провозглашалось - "убедить добровольцев нерусской национальности в том, что их национальные представительства (комитеты) не будут затронуты, их национальные части не будут ликвидированы или поставлены под русское командование. Национальные формирования должны воспринимать русское освободительное движение как желанного союзника в борьбе против большевизма". Обратим внимание: немецким журналистам дозволялось писать о будущей государственной самостоятельности и суверенности народов, но немецкий военный руководитель опять-таки ограничивал себя рассуждениями о "борьбе против большевизма".

Довольно легко поменяли свое поначалу отрицательное отношение к Власову некоторые национальные лидеры, например, Вели Каюм-хан - он очевидно понял политическую конъюнктуру. 23 ноября 1944 г. он уже приветствовал Пражский манифест, а 14 декабря заявил, что Туркестанский комитет поддерживает КОНР и будет с ним сотрудничать в дальнейшем, сохраняя свою автономность.[80]

Кроме чисто пропагандистских заявлений Власов использовал и некоторые другие способы привлечения на свою сторону национальных представительств. В конце октября 1944 г., например, из его штаба был отправлен в Татарское посредничество капитан Габдулла Вафин, который имел обстоятельную беседу с Х.Унглаубе и Г.Султаном. Вафин рассказал о создающемся власовском комитете, который, по его словам, должен был объединить все народы России в борьбе против большевизма, что целесообразнее осуществлять все политическое и военное руководство народами именно через Власова, образовать под его командованием "единую армию народов России". Унглаубе же вновь защищал точку зрения Восточного министерства о приоритете национальных посредничеств и комитетов в указанных вопросах. В своей справке об этой встрече, составленной 31 октября, он отметил, что у него "создалось впечатление, будто капитан Вафин имел нечто вроде задания прозондировать настроение среди татар и привлечь их на сторону Власова".[81]

Однако ни пропагандистские призывы, ни практические шаги реально не смогли сблизить позиции русских и нерусских коллаборационистов. Численность "националов" в Русской освободительной армии Власова была очень невелика (число поволжско-приуральских татар в ней, по неточным данным "Союза борьбы", достигало примерно тысячи человек). Не особенно стремились к сближению национальные представительства, которые декларировали в качестве своей главной цели создание "независимых, самостоятельных государств" и, несмотря на заверения Власова, не видели в нем своего союзника в достижении этой цели. Национальные лидеры воспринимали его в первую очередь как русского военного и политика, который в их понимании мог представлять лишь великодержавную, шовинистическую позицию. Такая традиция недоверия, кстати говоря, имеет даже свои корни - оно ощущалось ясно и в среде политических эмигрантов из СССР в 20-30-е годы: нерусские эмигранты скорее объединялись между собой (наиболее яркий пример - лига "Прометей"[82]), но никак не с русскими эмигрантскими организациями.

Свою роль во взаимоотношениях Власова с национальными представительствами сыграла, безусловно, и позиция германской стороны. С одной стороны, она подталкивала "националов" к союзу с русским генералом, нацеливая на это деятельность своей пропаганды, но одновременно, как и в военной сфере, сама же и страшилась перспективы объединения народов России. В итоге и в данном случае немецкая политика оказалась непоследовательной, противоречивой и беспомощной.

Исламский фактор в годы войны.

В первой главе книги уже говорилось о том, что с приходом к власти Гитлера в общем терпимое отношение к исламу в Германии не претерпело принципиальных изменений. Наоборот, национал-социалисты по-своему активно попытались привлечь исламский фактор для осуществления своих военных и внешнеполитических планов.[83] Наверное, самым любопытным и значительным примером контактов нацистов с исламом в период второй мировой войны является сотрудничество их с великим муфтием Иерусалимским или великим муфтием Палестины Амином эль-Хусейни.[84] И это сотрудничество, как и многое в Германии в то время, было полно противоречий.

Несколько фактов из довоенной биографии муфтия. Амин эль-Хусейни родился в 1895 г. в Иерусалиме, и он был потомственным религиозным деятелем: его отец носил титул великого муфтия Иерусалимского. Обстановка на Ближнем Востоке в 30-е годы, как и сейчас, была очень сложной, и в начале 1937 г., когда там решался вопрос об арабских и еврейских территориях, англичане арестовали всех лидеров Высшего арабского комитета Палестины. Эль-Хусейни однако удалось сначала скрываться в мечети Омара в Иерусалиме, затем бежать в Бейрут, а осенью 1939 г. - в Багдад. Здесь он еще активнее включился в политическую деятельность, пытаясь убедить иракских политиков восстановить добрые отношения с Германией и создать при итальяно-германской поддержке антианглийский блок арабских государств. Его личность в определенной сте-

пени заинтересовала и германское руководство, свидетельство тому: подробная справка, подготовленная еще 18 февраля 1941 г. по указанию министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа сотрудником МИД Гроббой о личности великого муфтия и его деятельности.[85] После многих злоключений муфтий прибыл в Берлин, это произошло 6 ноября 1941 г. Здесь он стремился заручиться в первую очередь политической и финансовой поддержкой, чему по его мнению должно было способствовать в целом благоприятное отношение Германии к исламу. То, что эти предположения в какой-то степени соответствовали реалиям подтверждает мнение немецкого посла в Мадриде фон Шторера, представленное в МИД 18 ноября в виде предложений для разработки специальной "Исламской программы". Шторер считал, что разработка "всесторонней германской исламской программы" исключительно актуальна, предлагая создание "комитета специалистов по исламу при МИД".[86] Он считал, что через муфтия "можно было широко распространить пропаганду в исламском мире". Дипломат считал, что в Коране можно обнаружить целый ряд высказываний, "которые любым знатоком ислама могут быть восприняты как пророческие слова, подтверждающие необходимость появления вождя". Если бы муфтий "смог встать на сторону такой пропаганды, то мы вполне может рассчитывать на величайшие успехи".[87]

28 ноября 1941 г. Амин эль-Хусейни был принят Риббентропом. В беседе с министром муфтий сразу заявил, что "арабы - это естественные друзья Германии, так как они имеют трех общих врагов: англичан, евреев и большевиков". Он информировал, что на стороне Германии предполагается создание арабского легиона, сделал еще ряд предложений, которые, по его мнению, сделали бы его безусловным лидером мусульманского мира. Личный момент в "неустанной" деятельности великого муфтия тоже имел немаловажное значение - в этом плане главным соперником его был бывший иракский премьер-министр Рашид эль-Гайлани, тогда также находившийся в Германии. Но Риббентроп немного остудил пыл муфтия: во всяком случае никаких далеко идущих обещаний о поддержке арабского дела он не дал. Клаус Гензике справедливо отмечает, что "на основе своей расовой идеологии национал-социалисты не считали для себя возможным высказываться за арабскую независимость. Для них семиты-арабы были также неспособны организовать государство, как и евреи".[88] Муфтий был разочарован. Очевидно, это чувство только усугубилось после аудиенции у Гитлера, состоявшейся в тот же день, 28 ноября. Эль-Хусейни вновь услышал туманные рассуждения о том, что "час освобождения для арабского мира настанет", что после осуществления своих планов в России немцы "ставят своей целью уничтожение еврейства, проживающего на арабских землях при поддержке англичан", что "в свое время муфтий будет призван как лидер арабского мира", что муфтию не следует торопить события и набраться терпения. Конечно, Гитлера в тот момент куда более интересовали события на Восточном фронте, чем перспективы арабского мира.[89]

Но не будем углубляться в сферы дипломатических интриг, тем более что к теме настоящей работы они все же имеют опосредованное отношение. Посмот-

рим теперь, как Амин эль-Хусейни пытался теоретически доказать родство национал-социализма с исламом, а затем как он помогал на практике применять исламский фактор при создании Восточных легионов вермахта и иностранных формирований СС, тем более, что все это имеет непосредственное касательство к истории соединений из восточных народов Советского Союза.

Несмотря на постигшее его разочарование, Амин эль-Хусейни остался в Германии и активно принимал участие в политической и религиозной жизни. Он выступал с проповедями в берлинской мечети, на различных собраниях, выпускал свои выступления в виде брошюр, всячески критикуя "происки" евреев, большевиков и английских империалистов. Муфтий стал и духовным "наставником" мусульманских военных соединений вермахта: из арабов, боснийских мусульман, народов Советского Союза. В одном из его выступлений перед боснийскими легионерами он "теоретически" осмыслил родство национал-социализма с исламом, корни дружеского отношения Германии к исламу, что, очевидно, было плодом его многолетних"раздумий". Четыре тезиса, на его взгляд, сближают Германию с мусульманством:

1. Германия никогда в своей истории не нападала на мусульманскую страну и не была недружественно настроена по отношению к ней;

2. Германия борется против мирового еврейства - главного врага ислама;

3. Германия борется против Англии и ее союзников, которые угнетают миллионы мусульман;

4. Германия борется с большевизмом, который тиранизирует более 40 миллионов мусульман и угрожает исламу в других странах.

Было оказывается и очень много родственного и в учении национал-социализма и ислама. Так, мусульмане признают как высший авторитет Аллаха и его пророка Мухаммеда, а национал-социалисты - фюрера; ислам для всех разрозненных арабов, как национал-социализм для немцев - сила организующая, воспитывающая в них порядок и дисциплину. Одной и главных задач мусульманина является постоянная борьба, и главная честь для него - пасть в борьбе за веру. Мусульманам присущ дух единства, ради единой веры они готовы пожертвовать всем. Заслуживали внимания, по мнению муфтия, и отношение ислама и национал-социализма к семье и воспитанию детей, к труду и созиданию. Все это являлось очень схожим и для мусульман, и для национал-социалистов, что должно было бы создавать прочный базис для взаимопонимания и взаимоуважения, для совместной борьбы против общего врага. Закончил эль-Хусейни свое примечательное выступление арабской поговоркой "враг твоего врага - твой друг". И поскольку Германия, как считал муфтий, воюет против евреев и англичан, главных врагов ислама, то она, естественно, является самым близким другом мусульман.[90]

В конце 1941 г. муфтий получил "добро" от МИД, а затем и лично от Гитлера на создание вместе с Высшим командованием вермахта Арабского легиона и с головой включился в эту работу. Легион предполагался для ведения боевых действий на Ближнем Востоке, но только после немецкой победы на Кавказе.[91] Именно в это время, а затем и на протяжении 1942 г., как уже говорилось выше, Германия принялась и за создание военных формирований из восточных наро-

дов СССР. Исламскому фактору при этом отводилась далеко не последняя роль, хотя лично муфтий по-настоящему подключился к работе с восточными добровольцами только в 1944 г.

Когда немецкая армия наступала на Восточном фронте, то она уже довольно быстро столкнулась с первыми представителями ислама на оккупированных территориях СССР - с литовскими и крымскими татарами. И уже тогда, а именно 5 декабря 1941 г., были приняты специальные директивы для ведения пропаганды среди татар, в которых под пунктом 4 утверждалось: "Германский рейх дружески и с пониманием относится к потребностям мусульман". Татар призывали не доверять большевистской пропаганде, "которая утверждает, что вы как мусульмане будете подвергаться преследованиям с нашей стороны и расстреливаться".[92] В январе 1942 г. в Литве было разрешено создать муфтиат под началом Якуба Шинкевича, который, правда, оказался не совсем удовлетворен ограничением географических рамок муфтиата территорией Литвы. Он хотел объединить под своим руководством мусульман Белоруссии и Польши и просил нашего старого знакомого Алимджана Идриси посодействовать в Берлине в разрешении этого вопроса.[93] А.Идриси к этому времени был ответственным сотрудником МИД Германии, но и не отрывался от активного участия в религиозной жизни.

Когда 22 декабря 1941 г. Высшее командование вермахта дало официальный приказ о создании четырех легионов из восточных народов: туркестанского, армянского, грузинского и кавказско-мусульманского (последний впоследствии был разделен на азербайджанский и северокавказский), оно не могло не учитывать, что два легиона представляли мусульман. В сентябре к ним присоединился и волго-татарский легион. Соответственно этому и должна была строиться работа по созданию и подготовке указанных военных формирований. По запросу Высшего командования вермахта 6 февраля 1942 г. Алимджан Идриси был назначен ответственным при великом муфтие за работу с мусульманскими военнопленными.[94] Он, судя по всему, подключился к этой работе с большим желанием, хотя и сделал вначале некоторые ошибки: Идриси был частым гостем у туркестанских легионеров, выезжал к ним для чтения лекций и раздачи подарков. Так, он побывал в "генерал-губернаторстве" 3 и 13 марта, раздал легионерам сигареты, различные мусульманские издания, в том числе и Коран, приветствовал их в часовой лекции на узбекском языке. В лекции он призывал легионеров активнее сотрудничать с Германией, но одновременно расхвалил и Турцию, которая как будто проявляет заботу о судьбах мусульманских военнопленных, чем, естественно, вызвал недовольство немецких чиновников - руководитель отдела Политика Восточного министерства Отто Бройтигам уже 18 марта довольно жестко отписал об этом в МИД, упирая на то, что, "если А.Идриси является духовным лицом, то он не должен был особенно явно представлять турецкие интересы".[95]

Зимой-весной 1942 г. германское военное руководство организовало специальные курсы для подготовки пропагандистов из представителей разных народов, и уже тогда было обращено внимание на то, что ислам не играет такой значительной роли в жизни народов СССР, которую ему приписывали некоторые дово-

енные немецкие теоретики (например, профессор Иоханнес Бенцинг). Представитель МИД при командовании 11 армии зондерфюрер Леманн сообщал, например, о своем опыте пропагандистской работы среди военнопленных кавказцев: "Религиозные вопросы не так увлекали слушателей, так как мусульмане мало знают о своей религии. Они, хотя и осуждали гонения против религии и священнослужителей в СССР, но ни у кого из них нет персонального опыта, никто из них не чувствовал лично боли за это".[96] И это, на мой взгляд, является еще одним и довольно своеобразным свидетельством того, как на протяжении всего двух десятилетий большевикам удалось выбить у населения огромной страны не только религиозное мировоззрение, но даже и представление о религии. Ведь большей частью в Красной Армии воевали молодые люди, выросшие и получившие образование уже в годы Советской власти, когда борьба с "религиозным мракобесием" превратилась в часть общегосударственной политики, поэтому молодое поколение имело очень приблизительное, если не сказать больше, представление о религии предков. И такие свидетельства встретятся нам среди немецких документов периода второй мировой войны еще не раз, хотя при этом следует соблюдать известную осторожность: подход в оценках религиозности не только разных народов, но и даже отдельных их представителей, должен быть строго дифференцированным - мусульманские народы СССР в 20-30-е годы были все же в разных политических условиях.

Собственно говоря, практическая работа немцев по формированию кадров мусульманских священнослужителей в вермахте, по разрешению всех вопросов, связанных с ролью исламского фактора для представителей восточных народов, началась параллельно с формированием легионов. 26-27 августа 1942 г. в штабе 162 тюркской дивизии, о которой уже говорилось выше, состоялось специальное совещание, на котором обсуждались вопросы религиозных потребностей мусульман. На совещании были назначены муллы легионов и отдельных батальонов. Муллы дивизии и легионов приравнивались по своему рангу к командирам рот, а батальонные муллы - к командирам взводов. Был определен и порядок свершения религиозных обрядов военнослужащими: они, например, должны были освобождаться от службы во время намаза, в праздничные дни, по пятницам любая служба завершалась уже к 16 часам. Были определены и правила захоронения погибших мусульман. Внутренний порядок, который вначале предполагался именно для 162 тюркской дивизии, по предписанию генерала добровольческих соединений Эрнста фон Кёстринга позднее распространялся и на все иные подобные формирования.[97]

В конце 1942-1943 г. свое отношение к исламу и его роли в формировании восточных легионов высказали и некоторые высшие руководители Германии, в том числе и сам Гитлер (это совещание также упоминалось выше). 12 декабря 1942 г., когда в Ставке обсуждался вопрос о грузинском батальоне Гитлер заявил: "Об этих грузинах я ничего не знаю. Только то, что они не принадлежат к тюркским народам. Но только мусульман я считаю благонадежными, всем остальным не доверяю. Создавать в настоящее время эти батальоны из чисто кавказских народов я считаю слишком рискованным, и напротив, я не вижу

никакой опасности в создании чисто мусульманских соединений".[98] Трудно сказать, что повлияло на такое мнение Гитлера, уж слишком непредсказуемый это был человек: может быть недавняя его встреча с великим муфтием оставила у него такое впечатление, а может быть такое представление о мусульманах у него сложилось давно. Во всяком случае "ценное указание" было дано, и оно было подхвачено многими инстанциями и нижестоящими военными и чиновниками. В мае 1943 г. министр по делам оккупированных территорий Альфред Розенберг отдал приказ: "Всем подчиненным быть в курсе мусульманских праздников этого года, необходимо поставить в известность об этом и все прочие руководящие инстанции рейха. В оккупированных областях освободить всех мусульманских работников в следующие праздничные дни: Маулюд, Рамазан и Курбан (19 марта, 1 октября и 8 декабря)". Одновременно Розенберг просил мусульманских священнослужителей учитывать обстановку - "если она не позволит отдыхать, то придется работать".[99]

"Трогательную заботу" о своих мусульманских подчиненных проявил и другой нацистский бонза - рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который приказом от 6 августа 1943 г. гарантировал всем мусульманским служащим СС, что они "согласно их религиозным предписаниям не будут получать в пищу свинину, свиную колбасу, алкоголь". По мнению Гиммлера "мусульмане последовали призыву своего руководства, и их объединяет с нами общая ненависть к еврейско-английско-большевистскому врагу". Но этот же документ одновременно косвенно указывает на то, что не все обстояло гладко во взаимоотношениях между представителями "высшей расы" и мусульманскими военнослужащими вермахта и СС, ибо рейхсфюрер замечал: "Я не хотел бы, чтобы вследствии узколобости и ограниченности некоторых из нас, нашим бравым добровольцам были причинены неудобства, и они высказывали бы недовольство. Я запрещаю даже в кругу товарищей какие-либо шутки или издевательства над мусульманскими добровольцами. Об особом праве, данном мусульманам, и в кругу товарищей не может быть никаких дискуссий".[100] Очевидно, что если бы не было конфликтных ситуаций, то не было бы смысла предостерегать от них.

Раз уж речь зашла о взаимоотношениях между немцами и мусульманами в вермахте, то вероятно не лишним будет вновь привести конкретные примеры из практики командира Восточных легионов генерала Ральфа фон Хайгендорфа. Он очень старался, чтобы между легионерами из восточных мусульманских народов и их немецкими коллегами царил дух взаимопонимания. Но дело, как мы уже выяснили, часто обстояло как раз наоборот, немецкие военные в целом не смогли преодолеть комплекса "сверхчеловека" и относились, мягко говоря, пренебрежительно к восточным добровольцам. В одной из своих памятных записок, распространявшихся среди немецких офицеров восточных легионов, фон Хайгендорф приводил случаи такого "взаимопонимания", когда именно муллы становились объектами издевательств немецких офицеров (этот пример приводился во второй главе): адъютант батальона заставил многократно "лечь-встать" обер-муллу, который опоздал на парад по случаю принятия присяги; то же самое проделал батальонный врач с другим муллой, который из-за соблюде-

ния своих религиозных обрядов слишком поздно пришел на медицинскую проверку; а третьему мулле, который временно потерял сознание на приеме у зубного врача, отрезали бороду.[101] Т.е. указания оставались указаниями, а представления людей менялись мало.

1944-й год, пожалуй, стал годом наибольшей активности нацистов в попытке практического использования исламского фактора. Среди представителей Восточного министерства, которые курировали создание восточных легионов, среди высших военных, отвечавших за эти вопросы, имелись к этому времени различные мнения о глубине религиозных убеждений различных восточных народов СССР. Г. фон Менде, например, так выразил свое мнение 12 февраля 1944 г.: "Мусульманская пропаганда среди восточных народов недейственна, особенно среди молодежи. Среди них можно рассчитывать на 5% действительно верующих и на примерно 20% имеющих интерес и склонность к исламу". И вывод, сделанный после таких наблюдений, представляется мне очень трезвым: "Среди мусульман Советского Союза национальный вопрос играет несравненно большую роль, чем религиозный".[102] Примерно в том же духе, но с гораздо большей долей иронии, на эту тему высказывался тогдашний руководитель Татарского посредничества граф Леон Стамати. Интересно при этом отметить, что вопросами религиозной пропаганды в Германии занимались чуть ли не до самого конца войны - данный документ датирован 22 марта 1945 г. Стамати писал о религиозном состоянии поволжских татар: "Лишь примерно 20-30% всех татар имеют религиозное сознание, остальные - индифферентны. (...) Деятельность мулл среди них скорее комична, они олицетворяют собой прошлое. Господа из Президиума (имеется в виду руководство "Союза борьбы за освобождение тюрко-татар Идель-Урала" - И.Г.) все абсолютно стоят за религиозное воспитание, но в то же время в их пропагандистской деятельности эти вопросы отступают всегда на второй план. Важнейшим для них является национальный момент. (...) Татарам, рассудительному крестьянскому народу, религиозный фанатизм не присущ вовсе. Панисламизм вряд ли найдет у них широкий отклик, а может даже вызовет смех. Выступление палестинского великого муфтия как друга и соратника перед татарскими добровольцами будет выслушано, безусловно, с большим вниманием, особенно если оно будет сопровождаться раздачей сигарет и шнапса".[103] Таково было мнение гражданских чиновников. Их мнения в определенной степени подтверждает и еще один любопытный документ - письмо легионера Волго-татарского легиона Габдуллана[104] Исламскому институту в Берлине от 22 февраля 1944 г. "Мы, по происхождению татары, до 1918 года все были религиозны и признавали нашу исламскую веру. Однако затем, 25 лет находясь под советским господством, мы потеряли веру. Сейчас мы в рядах германской армии и хотели бы вновь стать религиозными, и это было бы в духе нашего военного руководства. Среди нас немало таких, кто знает молитвы, но нет никого авторитетного, кто смог бы теоретически объяснить нам основы мусульманской религии. Я исхожу из того, что ислам мог бы стать организующей силой для нашего народа", - с такой просьбой о помощи обращался легионер в институт.[105] Реакция Исламского института в данном случае неизвестна.

Вероятно, что представления военных были несколько иными, о чем свидетельствуют, например, послевоенные воспоминания того же генерала фон Хайгендорфа: "Добровольцы из восточных народов были последовательными мусульманами, которые не могли быть сторонниками большевизма. Мы поддерживали ислам, и это проявлялось в следующем:

1) Выбор подходящих кадров и подготовка их в школах мулл в Геттингене и Дрездене-Блаузевитце;

2) создание должностей обер-муллы и муллы при всех штабах, начиная от штаба командира восточных легионов;

3) выделение мулл особыми знаками различия (тюрбан, полумесяц);

4) раздача Корана как талисмана;

5) выделение времени для молитв (если это было возможно по службе);

6) освобождение от службы по пятницам и во время мусульманских праздников;

7) учет мусульманских предписаний при составлении меню;

8) обеспечение бараниной и рисом во время праздников;

9) расположение могил мусульман с помощью компаса на Мекку, надписи на могилах сопровождались изображением полумесяца;

10) внимательное и тактичное отношение к чужой вере".

Фон Хайгендорф писал, что он всегда требовал от подчиненных именно тактичного отношения к исламу: "не проявлять любопытства и не фотографировать мусульман во время намаза, не употреблять при них алкоголь и не предлагать его мусульманам, не вести при них грубых разговоров о женщинах". Он считал, что "истинный христианин всегда найдет общий язык с истинным мусульманином" и сетовал, что в общении с мусульманами "увы, было сделано очень много ошибок, что порождало в последних недоверие к немецкому народу в целом".[106]

Как раз с весны, а особенно летом и осенью 1944 г. к делу религиозной пропаганды активно подключилось руководство СС, что, как уже говорилось выше, в определенной степени было следствием разногласий и конфликтов между различными инстанциями и лидерами Германии того времени. Правда, нельзя однозначно сказать, что до того времени СС стоял в стороне от данных проблем. Шеф СС Гиммлер явно стремился продемонстрировать всем, что в данный критический момент именно он и СС во всех отношениях способны лучше, чем, например, Розенберг и его Восточное министерство, организовать работу с восточными народами, в том числе и лучше использовать в германских интересах и мусульманский фактор. Тем более, что из-за границы стали поступать тревожные для Германии сведения о том, что Советский Союз взялся очень активно за религиозную пропаганду среди мусульман Ближнего Востока. "Советское посольство в Каире привлекает многих мусульман тем, что стены его украшены изречениями из Корана. Оно использует общеисламские идеи, связывая их с большевистскими и националистическими идеями. В противовес Высшей исламской школе в Каире (имеется в виду университет Аль-Азхар - И.Г.) большевики вновь открыли исламское учебное заведение в Ташкенте. Они в какой-то мере пытаются возродить идеи Ленина, который уже пытался однажды использовать Эн-

вера-пашу для начала общеисламского штурма под водительством большевиков",- сообщал 15 июня 1944 г. посол Лангманн в МИД.[107] СС взялся за дело вроде бы основательно: уже 18 апреля 1944 г. руководство СС заказало в одной из библиотек Лейпцига 50 экземпляров Корана в переводе на немецкий язык (по-видимому, для изучения).[108] В рамках СС предусматривалось создание Восточнотюркского военного соединения во главе с немецким мусульманином штандартенфюрером СС Харуном эль-Рашидом. А одним из главных средств для подъема религиозного самосознания мусульман виделась деятельность так называемых школ военно-полевых мулл, организованных в это время.

Первые курсы по подготовке мулл (они пока еще не назывались школой) открылись в июне 1944 г. при Гёттингенском университете, поддержку им оказывал Исламский институт. Руководство курсами осуществлял известный ориенталист, профессор Бертольд Шпулер, в вопросах ритуала ему помогали упоминавшийся уже выше литовский муфтий Якуб Шинкевич и обер-мулла Туркестанского национального комитета Иноятов. По данным И.Хоффманна, до конца 1944 г. состоялось шесть выпусков слушателей, каждый из них обучался на курсах около трех недель.[109] Профессор Шпулер еще тогда, в 1944 г., составил о каждом курсе свои памятные записки - эти данные используются ниже для краткой характеристики курсов в Геттингене.[110]

Среди учащихся были как лица, уже назначенные муллами в различных военных формированиях, так и только начинавшие свою религиозную карьеру. На курсах изучались Коран и комментарии к нему, жизнь пророка Мухаммеда, некоторые важнейшие вопросы мусульманского учения, история тюркских народов. Выпускники-муллы должны были продемонстрировать во время учебы свою подготовленность проводить богослужение, руководить проведением необходимых обрядов (похороны, религиозные празднества и пр.), а также умение противостоять "враждебным идеологическим проискам". Основным языком на курсах был "тюркский в разных его диалектах" (по определению Шпулера), но чаще всего узбекский, частично таджикский и русский. При этом порой возникали сложные ситуации с некоторыми представителями кавказских национальностей (аварцами, чеченцами и др.), которые не понимали русского или какого-либо тюркского языка. Трудности были, по свидетельству Шпулера, и с обеспечением религиозной литературой: для слушателей не было, например, текста Корана в переводе на русский или на тюркские языки. Только в конце 1944 г. стараниями генерала добровольческих соединений была организована раздача всем мусульманским легионерам в качестве талисмана миниатюрного Корана, который в жестяной шкатулке можно было носить на груди и который можно было читать разве что с увеличительным стеклом.[111] Сдавшие выпускные экзамены муллы получали соответствующие знаки различия - тюрбаны, украшенные полумесяцем со звездой.

Иоахим Хоффманн считает, что "многосторонние старания немцев по укреплению мусульманской веры в восточных легионах должны были в целом принести свои плоды", что документы свидетельствуют: "муллы, направленные в соединения, как правило, проявляли себя как особенно убежденные противни-

ки большевизма".[112] Эти выводы, по крайней мере, в свете известных нам фактов, представляются слишком скоропалительными (вспомним, например, цитированный во второй главе документ о 627 татарском батальоне, в котором указано, что муллы первыми бежали с передовой). Во-первых, абсолютно ясно, что в течении всего трех недель обучения на курсах, даже предполагая интенсивность этого обучения, невозможно получить добротное религиозное образование, стать настоящим религиозным пропагандистом; во-вторых, необходимо учитывать и уровень заинтересованности, уровень подготовленности для восприятия мусульманской пропаганды тех, среди которых предстояло работать будущим муллам (вспомним приведенные выше мнения Г.фон Менде и Л.Стамати).

Можно оспорить и еще одно мнение того же И.Хоффманна, на этот раз по хронологии. Он пишет, что в марте 1944 г. была открыта и школа мулл в городе Дрездене с основным упором по подготовке мулл для Восточнотюркского боевого соединения СС.[113] Однако приведенная им дата просто-напросто неверна, ибо имеющиеся документы упоминают иную дату, а именно 26 ноября 1944 г. Но об этом несколько подробнее.

Как уже упоминалось, летом 1944 г. начались активные мероприятия в рамках СС по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС (обратим внимание, что вначале обсуждались несколько иных его наименований, например, Восточномусульманское соединение). Сейчас упомянем лишь те аспекты, которые связаны с темой нашего разговора.

Во время обсуждения проблем духовно-религиозного воспитания мусульманских солдат вермахта и будущего соединения СС на авансцену вновь вышел великий муфтий Амин эль-Хусейни. Основной разговор на эту тему имел муфтий с профессором Г. фон Менде еще 27 июля 1944 г.[114] Тогда он потребовал активизировать германскую поддержку мусульманству в целом в свете того, что Советский Союз усилил свою пропаганду в восточных странах, а мусульмане разных стран в борьбе с большевизмом являются "естественными союзниками Германии". При этом муфтий отверг в корне такие идеи как панисламизм или пантюркизм, так как они "в настоящее время нереализуемы или недейственны". Он принимал во внимание, что ислам составлял для многих мусульманских народов часть национальной традиции. Поэтому эль-Хусейни предлагал германской стороне активно проводить в жизнь следующие мероприятия:

1. Издавать различные пропагандистские брошюры на языках восточных народов (при этом муфтий в первую очередь предполагал публикации своих трудов).

2. Пропаганду ислама должны проводить назначаемые в войсках имамы и муллы. Вот тут ставился вопрос о создании школы мулл. К муфтию, как оказалось, уже неоднократно обращались разные лица за советом по этому поводу, и у него сложилось впечатление, что речь идет не о какой-то планомерной акции, а о частной инициативе, "так как сами спрашивающие не совсем ясно представляли, в каком направлении будет функционировать эта школа, а на вопросы муфтия о качествах учащихся, о преподавателях для школы, о языках преподавания, о длительности и целях курсов никто не смог дать вразумительного от-

вета". Поэтому эль-Хусейни счел необходимым сделать ряд предложений для создающейся школы: она должна служить для подготовки священнослужителей как для вермахта, так и для войск СС; для школы должна быть подготовлена специальная программа обучения с учетом имеющихся у учащихся знаний, уровня преподавателей, наличия обучающих средств, языка преподавания. Сам муфтий изъявил согласие принять участие в преподавании арабского языка для учащихся школы. Кроме того, по его мнению, поскольку чисто исламская идея все-таки не имеет всеохватывающего влияния на народы СССР, необходимо было сочетать религиозное обучение с национально-политическим и военным, а учащиеся при этом должны были разделяться по национальному признаку на небольшие группы, с которыми бы занимались наиболее подготовленные представители Восточного министерства. Организация и политическое руководство школой должны были осуществляться именно через указанное Министерство. Амин эль-Хусейни предлагал обязательно учитывать при создании школы опыт курсов в Геттингене, временных учебных курсов при Тюркской рабочей бригаде в городе Радоме, а также контактировать с гауптштурмфюрером СС Райнером Ольшей, который возглавлял в Главном управлении СС отдел "Туран-Кавказ", отвечая одновременно за создание школы мулл в Дрездене.

3. Чтобы успешно "противостоять большевистской пропаганде, которая использует открытие муфтиата в Ташкенте", муфтий предлагал как контрмеру создание германской стороной муфтиата, в котором бы главную роль играли крымские татары, проживавшие в Румынии. Что любопытно - вопрос о муфтиате муссировался разными немецкими чиновниками и представителями самих мусульман еще со времени оккупации Крыма и вплоть до конца войны, чуть ли не до начала апреля 1945 г., но он никогда так и не был решен.[115]

Почти тогда же муфтий дал "ценные советы" и по поводу создания Восточнотюркского соединения СС: в начале августа 1944 г. предполагаемый командир соединения Харун эль-Рашид имел специальный разговор с муфтием о кандидатуре на пост "шеф-имама". При этом муфтий предложил три кандидатуры: 1. Алимджан Идриси (муфтий при этом учитывал, правда, необходимость этого человека в своих настоящих функциях - а Идриси был активно занят в деле радиопропаганды на восточных языках и выполнял работу в МИДе); 2. по выбору СС одного из крымских татар (имя не было названо); 3. Абдул-Гани Усман, который уже давно был призван Восточным министерством для проведения работы с татарскими военнопленными. Харун эль-Рашид хорошо знал, что взаимоотношения между Усманом и Идриси очень напряженные, что они друг друга не переваривают, но полагал, что в данный момент на это не стоит обращать внимания. Сам он остановился на кандидатуре Абдул-Гани Усмана. "Гани Усман мне представляется очень надежным человеком, мне знакомы его усилия по работе с татарами в Германии. По политическим и человеческим качествам он самая подходящая фигура",- писал Харун эль-Рашид 7 августа 1944 г. Райнеру Ольше.[116] Ольша после некоторых раздумий, 15 августа, также положительно отозвался об Абдул-Гани Усмане, дав ему характеристику для Главного управления СС.[117] В настоящий момент мне трудно утверждать, что Усман и стал главным имамом Восточнотюркского соединения,

для этого в моем распоряжении нет необходимых документов, но по крайней мере косвенно свидетельствует об этом другой документ, выданный тем же Ольшей Абдул-Гани Усману 24 октября 1944 г. Это справка, подтверждающая, что предъявителю дано право посещать все предприятия рейха и оккупированных территорий, гда работают восточные рабочие с целью их духовного руководства и вербовки в СС.[118]

26 ноября 1944 г. в Дрездене торжественно была открыта школа мулл. С большой речью на церемонии выступил бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг. Он пространно рассуждал о традиционной поддержке Германией ислама и исламских стран, которые эксплуатируются "империалистическими силами", о последовательном характере политики Германии, которая еще в годы первой мировой войны выделила мусульман среди всех военнопленных и создала для них "привилегированные" условия в Вюнсдорфском лагере. "Начало второй мировой войны,- по словам Шелленберга,- показало, что национальные силы в Советском Союзе еще не сломлены окончательно, но распад традиций в сфере религии и культуры принял уже угрожающие формы". Поэтому нерусские народы СССР, по его мнению, и проявили готовность сражаться с большевизмом на стороне Германии. Германия же "тепло приветствует" такие устремления и будет оказывать им всестороннюю поддержку. Шелленберг назвал ислам "важнейшим бастионом против национального и культурного обезличивания восточных тюрков, против инфекции большевизма" и в конце своей речи заявил: "для восточных тюрков важно обеспечить молодому поколению связь с традициями прошлого, чтобы строить свое будущее собственными руками, а не с опорой на костыли большевистских идеологов, вглядываясь в мир только русскими глазами".[119]

Одним из сложных вопросов, с которым пришлось столкнуться организаторам школы в Дрездене, был вопрос об ее руководстве, который до конца так и не был решен (по крайней мере, это позволяют предполагать имеющиеся документы). В Главном управлении СС надеялись, что руководителем школы станет Алимджан Идриси. Райнер Ольша просил Идриси возглавить школу, но тот отказался под предлогом, "что он практически один руководит всей немецкой пропагандой на тюркские народы и к тому же ведет важную работу в МИДе". Однако А.Идриси, подчеркнув, что школа еще не имеет настоящего руководства, выразил согласие один-два раза в неделю ездить в Дрезден, чтобы контролировать деятельность школы и проводить там занятия. Идриси поставил условие, что в школе будут готовиться не только туркестанские муллы, но и представители всех остальных мусульманских народов. Подготовка мулл, по его мнению, была начата очень запоздало, "ибо время сейчас критическое, и отрывать мулл от отрядов было бы неправильно".[120] Хотя Министерство пропаганды резко протестовало против отвлечения Идриси (он "является душой наших передач",-писал о нем в Главное управление СС государственный секретарь Министерства Науманн 9 января 1945 г.),[121] по-видимому, он так и стал основным наставником, неофициальным руководителем Дрезденской школы мулл.[122]

К сожалению, конкретные сведения о деятельности школы довольно отрывочны. Можно только полагать, что программа обучения была схожа с программой

Геттингенских курсов. Слушатели школы делились на два класса: в январе 1945 г. согласно списку того же Алимджана Идриси в 1-м классе было 16 человек, во 2-м - 21. Большинство среди них составляли представители среднеазиатских народов, хотя были и азербайджанцы, дагестанцы, поволжские и крымские татары.[123] На деятельность школы наложило, естественно, отпечаток и ощущение близкого военного краха, атмосфера агонии, в которой находилась гитлеровская Германия в конце 1944 - начале 1945 г.: по всей вероятности в начале марта 1945 г. школа прекратила свое существование. Об этом свидетельствует следующий документ. Когда 6 марта 1945 г. А.Идриси отправил в Главное управление СС на имя оберштурмфюрера Северина Шия список пяти сотрудников газеты СС "Тюрк бирлиги" с просьбой командировать их в Дрезден в школу мулл, то получил ответ, что "вопрос о командировке в школу может быть поставлен только тогда, когда она вновь будет открыта".[124]

Завершившие свое обучение на курсах и в школе муллы прикреплялись к различным боевым или рабочим соединениям (ротам, батальонам, бригадам), получив чин "муллы" или "обер-муллы". Здесь они, конечно, не были предоставлены самим себе - руководство школы, в особенности А.Идриси, старались не терять связей с ними. Так, в середине января 1945 г. А.Идриси совершил поездку в город Ченстохов в расположение тюркской рабочей бригады, где прочитал восемь лекций перед священнослужителями соединения - по подсчетам Идриси, всего присутствовало 62 человека (16 узбеков, 16 казахов, 14 поволжских татар, 10 азербайджанцев, 6 представителей северокавказских народов).[125] В выступлениях лектор рассказывал о "правильном понимании веры, о важнейших ее запретах и заповедях, о споре между шиизмом и суннизмом, который является спором чисто политическим и ни в коем случае не религиозным". Не обойдены были вниманием и политические сюжеты: Идриси осветил "суть исламофобской политики" США, Англии и СССР и пояснил, что в случае военной победы союзников все исламские народы окажутся в полном рабстве. В конце своего отчета А.Идриси высказал и ряд предложений: организовать курсы немецкого языка для всех мулл, по пятницам с 12 до 14 часов выделять мусульманам время для свершения молитв, "чтобы они хотя бы раз в неделю могли молиться, а это в течении последних 25 лет было им запрещено большевиками".

Да, курсы в Геттингене и школа в Дрездене некоторое время действовали, они выпустили определенное количество священнослужителей для Восточных легионов вермахта и мусульманских соединений СС, мусульманским военнослужащим раздавали миниатюрные Кораны, лидеры СС рассуждали о преемственности традиций, режим пытался "сохранить хорошую мину при плохой игре", но все эти мероприятия и слова в условиях конца войны имели очень малый эффект. Цитировавшееся выше мнение графа Л.Стамати - наглядное тому свидетельство. И активное вмешательство великого муфтия в дело "исламского воспитания" восточных "добровольцев" на протяжении 1944 и в 1945 г. ни имело в целом практического результата.

Уже упоминавшееся выше мнение о том, что для многих восточных народов СССР, представленных в вермахте и СС, абстрактные мусульманские идеи

все же не стали привлекательнее идеи национальной, подтверждают в какой-то мере и материалы их периодических изданий, в частности материалы еженедельной газеты Волго-татарского легиона "Идель-Урал". Эта газета, на мой взгляд, весьма точно отражает указанные выше реалии - материалов чисто религиозного содержания в газете публиковалось относительно мало (в особенности если сравнивать их количество с материалами на темы роста национального сознания, политического воспитания, истории и культуры). Многие из подобных материалов были чисто информативными: например, о праздновании различных религиозных праздников. В номере 42 от 17 октября 1943 г. в статье Шихапа Нигмати сообщалось о праздновании Ураза-байрама в одном из домов отдыха легиона, о том, как в гости к легионерам приехали Герхард фон Менде и руководитель Татарского посредничества Хайнц Унглаубе. О другом празднике, Курбан-байраме, писал Абдул-Гани Усман в № 47 (104) от 25 ноября 1944 г. В номере 3 (60) от 23 января 1944 г. помещен материал "Основы исламской веры" упоминавшегося выше Габдуллана (видимо, он действительно имел большой интерес к вопросам религии, так как и на курултае татар Идель-Урала, состоявшемся 3-5 марта 1944 г. в Грайфсвальде, тот же Габдуллан выступил с речью о роли ислама в жизни татарского народа). В программе "Союза борьбы за освобождение тюрко-татар Идель-Урала", принятой на указанном курултае и опубликованной с сокращениями в газете "Идель-Урал" (№ 10/11 (67/68) от 19 марта 1944 г.), вопросы религии хотя и затронуты ("свобода религии будет охраняться государством",- было заявлено в программе), но занимают далеко не главное место.

Итак, мы проследили вкратце за тем, как во время второй мировой войны нацистский режим пытался разыграть исламскую карту, использовать религию в своей деятельности в отношениях с мусульманскими народами СССР. Думаю и надеюсь, что заинтересовавшемуся читателю стало понятно, что заигрывание нацистов с исламом было чистой воды лицемерием, подчиненным прагматическим военно-политическим целям. Эта "религиозная" политика учитывала и состав населения государств, противостоящих Германии (в частности, большой процент мусульманского населения в Советском Союзе), и, вероятно, пыталась взглянуть дальше в будущее, в перспективу, надеясь на поддержку всего исламского мира (в этом, пожалуй, суть заигрываний нацистов с великим муфтием). И совершенно прав Александр Даллин, который отметил, характеризуя в целом контакты гитлеровского режима с исламом: "Не имеется ни малейшего основания считать, что в какое-либо время (в нацистской Германии - И.Г.) существовала настоящая симпатия по отношению к исламской вере".[126] Нельзя не согласиться и с мнением Герхарда Хёппа, наиболее полно изучающего данную проблематику в последние годы. Поставив вопрос "существовала ли вообще в годы второй мировой войны германская "исламская политика", исследователь отвечает на него так: "Если под этим иметь в виду компактную, дифференцированную концепцию и соответствующий ей инструментарий ее осуществления, а также убедительные свидетельства ее реализации, то таковой вообще не существовало. Если же под этим определением понимать использование функций ислама для своей политики, а прежде всего для достижений военных целей, то таковая, конечно, имела место".[127]

Пропагандистская деятельность МИД, Восточного министерства, национальных представительств и СС.

Во второй главе книги речь уже шла о германской пропаганде против Красной Армии, направленной на ее разложение. Вернемся вновь к этому вопросу и взглянем на него несколько шире, но вновь, связывая его с изучением коллаборационизма тюрко-мусульманских, кавказских народов, поскольку нельзя ограничивать немецкую пропаганду только деятельностью по разложению Красной Армии. Важной ее стороной была и политическая обработка тех советских граждан, которые перешли на сторону Германии, в том числе и восточных легионеров. Эта пропаганда однако изначально имела очень серьезный изъян - настраивая советские народы против большевизма, против режима Сталина, германская сторона, ничего конкретного в качестве конечной цели борьбы, в качестве альтернативы предложить не могла. Причина такого явления очевидна - идеология национал-социализма по природе своей являлась расистской, призывая немцев к порабощению других стран и народов.

В качестве особенности германской пропаганды среди восточных народов при всем ее многообразии можно назвать следующее. В первые годы войны против Советского Союза, особенно в 1941-1942 гг., наибольшее внимание было обращено на идеологическое обеспечение наступления вермахта - поэтому основную массу ее "продукции" составляли листовки, брошюры, грампластинки, направленные прежде всего на психологическое разложение Красной Армии. Когда же ситуация в корне изменилась, когда были созданы Восточные легионы и национальные представительства различных народов, т.е. в 1943-1944 гг., значительное место в пропаганде начала занимать работа с "новыми" союзниками - их "правильное перевоспитание", что включало в себя подготовку пропагандистских кадров из представителей этих народов, обеспечение их печатной продукцией, организация радиопропаганды.

Ответственным учреждением, отвечавшим за организацию пропаганды среди восточных легионеров, стала уже упоминавшаяся выше "организация Винета" во главе с Э.Таубертом, созданная при геббельсовском Министерстве пропаганды. Ее деятельность включала в себя изготовление печатной пропагандистской продукции (листовок, брошюр, плакатов), грампластинок, фильмов, осуществление радиопередач на различных языках, а также подготовку пропагандистских кадров. Министерство пропаганды работало в тесном контакте и с руководством вермахта, в особенности с Отделом пропаганды при Высшем командовании вермахта (возглавлялся зондерфюрером К.Людерзеном), и с Восточным министерством (более всего с посредничествами), и с Министерством иностранных дел.

Во второй главе книги вопрос о листовочной пропаганде против Красной Армии уже затрагивался. Добавлю здесь лишь некоторые примеры, имеющие отношение к поволжско-приуральским татарам.

Обращает на себя внимание то, что и в этом направлении в первый год войны особую активность проявлял германский МИД. 8 июля 1941 г. ответственный сотрудник Министерства Г.Гросскопф критиковал недостатки содержания пропагандистских листовок: он считал "нецелесообразным" поднимать в

них вопросы о советских национальностях, в особенности рассуждать о неполноценности "азиатских" народностей.[128] Сотрудники МИД активно участвовали в изготовлении новых листовок: 10 сентября 1941 г. в отчете Отдела пропаганды при ОКВ отмечалось, что в начале сентября при содействии МИД впервые были изготовлены клише листовок на трех тюркских и грузинском языках. Тогда же обсуждался вопрос об изготовлении грампластинки на татарском языке, которая должна была проигрываться перед позициями Красной Армии.[129] Один из известных чиновников МИД фон Хентиг 18 ноября 1941 г. высказал свои соображения по поводу ведения пропаганды на представителей тюркских народов: "Мы должны в первую очередь пробудить в тюркских народах чувство принадлежности к одному народу, помочь им в создании государственности и в их исторической борьбе против русских. Для этого необходимо использовать все средства: радио, соответствующую политику по отношению к военнопленным, отделение военнопленных, возможности переобучения в военной и административной сферах для новой государственности".[130] Редкий случай: германский чиновник вполне открыто рассуждает о будущей "государственности" тюркских народов. Чиновники МИД также принимали участие в подготовке пропагандистских радиопередач на различных языках через акционерное общество "Интеррадио", которое поддерживалось одновременно двумя ведомствами Министерством иностранных дел и Министерством пропаганды. Ответственный за эту работу представитель МИД Конради 1 декабря 1941 г. рекомендовал среди многих привлечь для этой работы Ахмета Темира и Шафи Алмаса.[131] А 5 декабря 1941 г. опять-таки по инициативе МИД были подготовлены "предварительные тезисы для ведения пропаганды среди татар", в основе которых лежало четыре пункта:

"1. Час освобождения от многовекового гнета Москвы наступил. Москва и большевизм, захватившие ваши лучшие земли, всячески препятствовали вашему культурному и экономическому развитию. Внесите свой вклад в освобождение вашей родины.

2. Германская армия несет татарам свободное развитие в сфере культуры и языка, религии и школы.

3. В земельном вопросе, в вопросах собственности и торговли должны быть введены нормы, которые отвечали бы пожеланиям самих татар.

4. Германский рейх дружески и с пониманием относится к потребностям мусульман".[132] При утверждении "тезисов" в МИД на документе было сделано авторское примечание (имя автора, к сожалению, не ясно): "на основании накопленного опыта и проведенных бесед можно считать, что враждебность татар к русским выражена довольно высоко. Для них важнейшим является свободное исповедание религии, к чему обязательно относится обладание собственными школами. Ценность для них представляют и идеи частной собственности и свободная торговля, что в какой-либо форме должно быть учтено и использовано нашей пропагандой". Наблюдения, как видно, довольно противоречивые, поскольку известно, что другие немецкие "специалисты" не замечали у татар особенной враждебности к русским или повышенной религиозности (такие свидетельства встречаются во многих источниках, кото-

рые упоминались и выше). В цитированном документе к сотрудничеству также рекомендованы Ахмет Темир и Шафи Алмас как "кадры, хорошо подготовленные для составления листовок". В начале 1942 г. в МИДе типографским способом уже печатались "памятки" для пропагандистов из разных народов. В "памятке" для татар, например, речь шла о военных успехах Германии, о положении в Англии и Франции и их "слабости", о том, что Америка не сможет внести никакого вклада в борьбу против Германии.[133] Подобного рода материалы, "памятки" и "тезисы", являлись типичными плодами нацистской пропагандистской машины - субъективными, неточными, часто выдающими желаемое за действительное, но обязательно выдержанными в строго оптимистическом духе.

Зимой 1941-1942 г. активность МИД и в вопросах ведения пропаганды среди восточных народов заметно поубавилась. Все решительнее "отодвигали" внешнеполитическое ведомство представители "профессионалов"-пропагандистов как в действующей армии, так и в тылу. И все же министерство старалось не сдавать своих позиций.

Именно по инициативе МИД специальные курсы пропагандистов из представителей нерусских народов СССР организовывались при отдельных армиях. В качестве примера рассмотрим деятельность таких курсов при командовании 11-й армии, наступавшей весной 1942 г. в южном направлении. Об этом сохранился довольно полный отчет руководителя подготовки зондерфюрера Лемана, являвшегося официальным представителем МИД. Отчет этот был составлен 24 марта 1942 г.[134] Если учитывать, что германское руководство придавало серьезное внимание идеологическому обеспечению южного "похода", можно предполагать, что аналогичные курсы создавались и при других наступающих армиях.

Курсы были рассчитаны всего лишь на три дня. Основная масса "слушателей" являлась военнопленными из кавказских народов, которые выразили согласие перейти на сторону Германии. Они были разделены на три группы по 15-20 человек, и интенсивная "обработка" их немецкими специалистами проводилась с утра до вечера. По заявлению Лемана, "интерес к занятиям был очень велик". При этом он выделил в качестве главных вопросы, которые становились наиболее важными в ходе обсуждений:

- 1) отношение к евреям (зондерфюрер не заметил у "слушателей" ярко выраженного антисемитизма);

- 2) отношение к русским (и здесь, кроме некоторых случаев, не было заметного проявления вражды, что, по мнению Лемана, являлось "результатом московской пропаганды дружбы народов");

- 3) будущее государственное устройство и независимость нерусских народов (удивление немецкого руководителя вызвало то, что "стремление к независимому государству у кавказцев развито не так сильно, хотя может быть легко разбужено". Такая "пассивность" им также объяснялась "действенностью советской пропаганды");

- 4) хозяйственное развитие народов (особый интерес "слушателей" привлекал вопрос частной собственности, при чем абсолютное большинство из них высказывало резкое осуждение колхозной системы);

- 5) религиозный вопрос (также оказался не особенно привлекательным для военнопленных - выше уже приводилась соответствующая цитата из данного документа);

- 6) международные вопросы (особое внимание мусульманских военнопленных вызывало, как оказывается, то, что Турция до сих пор не вступила в войну на стороне Германии).

Из общих наблюдений зондерфюрер сделал следующий вывод: "пропаганда должна быть направлена в первую очередь на освещение экономических проблем, национальная независимость и религиозная свобода имеют для пропаганды второстепенное значение. Не обязательно давать политические обещания, лучше больше говорить о личной свободе и хозяйственном положении". Как видно, немецкие пропагандисты в принципе были готовы к обсуждению и перспектив национальной государственности, лишь бы привлечь представителей восточных народов на сторону Германии. Но в данном случае это было лишь игрой. В то же время они подметили наиболее серьезные проблемы советского общества, его основные "болевые точки" и противоречия, что использовалось при идеологической обработке военнопленных. Это ясно прослеживается в программе пропагандистских курсов, приложенной к сообщению зондерфюрера Лемана.

Основной темой первого дня занятий был "Большевизм". "Слушателям" давалось понять, что в СССР они не имели возможности сравнивать большевистскую систему с другими, что советские граждане очень мало знают о событиях, происходящих в других странах. Поэтому руководители курсов особый упор делали на сравнение большевизма и национал-социализма, революций в России и Германии. В основу их выступлений поэтому были положены следующие тезисы: "Только в Германии и Италии происходят истинные революции. В России революция привела к насилию, террору и миллионам жертв, а в Германии все делается путем мирных реформ, убеждения и практически без жертв. Немецкую революцию при этом делают простые люди, выходцы из народа (при этом обязательно упоминалось, что сам Гитлер четыре года был простым солдатом - И.Г.), а в Советском Союзе - элементы, которые далеки от рабочих и крестьян, которые не имеют родины и корней". Таким образом "слушатели" подводились к обсуждению еврейского вопроса, во время которого их знакомили с основными антисемитскими положениями теории национал-социализма. Очень много времени отдавалось в первый день и обсуждению вопроса "преступления большевизма". Свою интерпретацию при этом получали такие этапы развития СССР: гражданская война (особенно связанные с ней голод и разруха); коллективизация и раскулачивание (подчеркивалось, что целью коллективизации являлся "отрыв крестьян от земли, так как они, являясь собственниками земли, никогда не смогут стать коммунистами"); борьба с религией; уничтожение образованной верхушки нерусских народов.

На следующий день занятий речь шла о "новой Германии". Понятно, что "новая Германия" должна была начинаться с личности ее фюрера. Поэтому вначале "слушателей" знакомили с биографией Гитлера. Только затем обсуждались основные "достижения" национал-социализма: борьба с безработицей, созда-

ние рабочего фронта, современное положение немецких рабочих, твердое закрепление крестьян на земле (провозглашалась частная собственность на землю, но без права ее продажи), отсутствие эксплуатации. Главной целью немецких пропагандистов при этом виделось доказательство того, что Германия является настоящей социалистической страной, что здесь выполняется одно из основных указаний Гитлера: "Синтез национализма и социализма". "Слушателей" стремились уверить в том, что"настоящий националист должен жить и действовать по-социалистически, а настоящий социалист одновременно является и националистом".

Темой третьего дня занятий являлся обсуждение политического и военного положения в мире. Здесь говорилось о предыстории второй мировой войны, всячески превозносились военные достижения Германии ("Англия блокирована, побережье находится в наших руках, в Европе установлен новый порядок, ее экономика находится под полным контролем Германии"), объяснялась суть войны на Востоке (особый упор делался на "успехе" плана "блицкрига" - немцы взяли до четырех миллионов пленных, на оккупированных территориях находилось до 75 миллионов человек, надежды сталинского руководства на зиму следовало считать абсолютно беспочвенными, как и проведение параллелей с 1812 г.). При идеологической обработке военнопленных из нерусских народов было необходимым привлечение исторических примеров: обязательно нужно было подчеркивать, что Германия никогда не враждовала с кавказскими и мусульманскими народами, а наоборот помогала им в 1918 г. в становлении их государственности; что Германия имеет прекрасные отношения с Турцией, арабскими странами, Ираном и Афганистаном; что теперь она стремится помочь разным народам освободиться от английского колониализма и советского империализма. Под такие утверждения подводилась и "теоретическая" база: "Национал-социализм признает нации как желаемые Богом объединения, а большевизм же стремится к смешению народов".

Как видим, на кратких армейских курсах пропагандистов их немецкие руководители стремились обсудить со своими подопечными довольно широкий круг вопросов. Причем было бы неверным утверждать, что немецкая пропаганда в этой ситуации была абсолютна лжива и беспомощна. На курсах "слушателям" предлагалось оценить трагические ошибки сталинского режима, приведшие к огромному количеству жертв, и сравнить их с конкретной политикой национал-социалистов. Понятно, что на первый взгляд такие сравнения могли быть не в пользу советской реальности, чего собственно и добивалось немецкое руководство. В то же время обсуждение основ национал-социалистской теории вряд ли могло найти настоящее понимание у советских граждан. Откровенный расизм и антисемитизм нацистов должны были вызвать у "слушателей" скорее чувство неприятия и недоумения. Кроме того, довольно скользкой для немцев была и тема военных успехов Германии - первый год войны уже показал, насколько иллюзорны надежды немцев на быстрый и победоносный исход войны. Таким образом программа пропагандистских курсов при действующих армиях представляла из себя своеобразную смесь из реалий жизни с обычными штампами национал-социализма, которые были чужды для большинства "слушателей" таких курсов.

По-видимому, подобные курсы по подготовке пропагандистов из нерусских народов при отдельных армиях стали действовать в течении 1941 г. регулярно: в одном из армейских документов от 16 сентября 1942 г. встречается упоминание о седьмом выпуске пропагандистов-туркестанцев в количестве 60 человек.[135] Очевидно, что за очень короткое время было практически невозможно подготовить убежденных сторонников национал-социализма. Этого не могло не учитывать и немецкое руководство. Здесь, скорее всего, была надежда на эффект "снежного кома": выпускники курсов в большинстве своем направлялись в лагеря военнопленных для агитации в пользу Германии и проведения вербовки в Восточные легионы, использовались в составлении листовок, радиопередач, направленных на передовые части Красной Армии. Особо же "отличившиеся" после окончания курсов проходили строжайшую проверку на идеологическую "зрелость" и затем могли быть отправлены на "повышение", в специальные лагеря для более длительного обучения "искусству" пропаганды.

Пропагандистские инициативы МИД были подхвачены чиновниками Восточного министерства. Конечно, уже комиссии по работе с военнопленными проводили среди советских военнопленных определенную и целенаправленную пропагандистскую деятельность. Но со временем идеологическая "обработка" военнопленных становилась для немецкой стороны все более актуальной. 8 июля 1944 г. А.Розенберг дал подробные указания своим подчиненным по этому вопросу.[136] Рейхсминистр подчеркнул, что активизация пропагандистской работы осуществляется во исполнение поручения фюрера по политическому оформлению "восточного пространства", и объяснил, что вызывается она следующими основаниями: "необходимостью представления о том, что советские люди не являются единой серой массой, а дифференцированы по своей национальной принадлежности; осознанием того, что экономическая и политическая работа на оккупированных территориях невозможна без сотрудничества с местным населением; необходимостью выделения среди военнопленных антибольшевистских элементов и использования их в немецких интересах". Как видим, подходы изменились очень серьезно. То, о чем в первые месяцы войны даже не упоминали, вдруг стало для немцев важнейшей политической задачей. В своих указаниях Розенберг подвел своеобразный итог пропагандистской деятельности своего ведомства, не жалея красок для описания "достижений". По его мнению, именно политическая деятельность Восточного министерства "реально способствовала созданию и руководству национальных военных формирований". Особую значимость для этого имели созданные центры "переподготовки" - так называемые "особые лагеря" министерства, разнообразные курсы пропагандистов. Не мог министр упустить вопрос и о сотрудничестве различных военных и гражданских усреждений. В его оценке здесь все обстояло благополучно: Восточное министерство постоянно и плодотворно контактировало в осуществлении своей пропагандистской деятельности с МИД, Отделом пропаганды ОКВ, Министерством пропаганды. Но все же, считал Розенберг, при этом ведущая роль всегда оставалась за его ведомством. По его мнению, и в будущем такое положение должно было сохраниться, причем пропаганда среди советских военнопленных

должна была вестись с обязательным учетом их национального состава. Одним из главных и оправдавших себя методов работы министр назвал подготовку кадров из числа самих военнопленных.

Понятно, что не только чиновники МИД и Восточного министерства, но и представители военного командования, ответственные за создание Восточных легионов, обращали внимание на идеологический фактор. Так, 4 июля 1942 г. свое понимание этих вопросов предложил уже знакомый нам О. фон Нидермайер. В одной из своих многочисленных "памяток", в которых идет речь о "воспитании" восточных легионеров, он отмечал: "Пропаганда должна говорить прежде всего об освобождении от большевистского ига. Мысли о том, что легионер вместе с германскими войсками с каждым шагом приближается к своей еще угнетенной родине, должна быть учтена особенно. Конечной целью пропаганды является создание надежных во всех отношениях соединений".[137] Генерал, как видно, достаточно прямолинеен и однообразен в своих представлениях (если, например, сравнивать их с идеологическими директивами МИДа)- абстрактный лозунг "борьбы с большевизмом" для восточных народов был далеко не самым привлекательным ориентиром. Такая же прямолинейность наблюдается в рекомендованной фон Нидермайером тематике пропагандистских занятий - он считал наиболее важными для обсуждения следующие проблемы: "освобождение от большевистского угнетения; большевизм и национал-социализм, возникновение тюркских народов, их история и национальное просвещение". Обсуждение же более острых вопросов, политических и экономических, не предполагалось.

Кратковременные курсы, возникшие при армиях, впоследствии перерастали в стационарные школы пропагандистов, специально создаваемые центры. Одним из таких известных и крупных центров, где проходили подготовку представители нерусских народов СССР, был уже упоминавшийся выше лагерь в Вустрау (примерно в 60-65 км юго-восточнее Берлина).[138] Он изначально предполагался как пункт подготовки пропагандистов из народов Средней Азии, Кавказа и Поволжья. Параллельно с ним и примерно в одном районе были созданы также лагеря для русских (Циттенхорст), украинцев и белорусов (Вутцетц). Все эти лагеря именовались "особыми" и были переданы Высшим командованием вермахта в ведение Восточного министерства. Общее руководство ими осуществлял оберштурмфюрер СА Френцель, ответственным за "переподготовку" являлся доктор Кнюпфлер. Будущих пропагандистов сюда подбирали чиновники Министерства в предварительных лагерях на территории "генерал-губернаторства" (известно, например, что кадры для него подбирались в Кильце, Хельме, Львове, Берген-Бельцене, Эбенроде, Рогегене). Уже в августе 1941 г. идея создания таких пропагандистских центров начала претворяться в жизнь, так как в понимании подчиненных Розенберга лагеря создавались для решения важнейшей политической задачи, а именно идеологического обеспечения похода на Восток. Война против СССР, по их выражению, была и войной мировоззренческой. Комиссии Восточного министерства, которые тогда уже функционировали, занимались и подбором кадров будущих пропагандистов.

В ноябре 1941 г. уже подобранных для "перевоспитания" военнопленных собрали в одном центре - в Люкенвальде (по статусу это был лагерь для военнопленных офицеров - офлаг IIIа). Планировалось, что вскоре они будут разделены по национальному признаку и отправлены в "свои" лагеря. Но разразившаяся эпидемия сыпного тифа заставила германских чиновников повременить с открытием всех "особых" лагерей, поскольку был объявлен карантин. Только 8 февраля 1942 г. первые кандидаты в "пропагандисты" на автобусах прибыли в Вустрау, Вутцетц и Циттенхорст. Всего их насчитывалось 360 человек. Но к регулярным занятиям они смогли приступить только после 15 марта, когда был полностью снят карантин. В Вустрау они начались и того позже: как свидетельствует немецкий источник, "для татар и туркестанцев не хватало кадров". Статус "военнопленных" у обитателей лагеря сохранялся - им только давалось обещание, что в скором времени они будут освобождены.

На что обращалось особое внимание в ходе идеологической обработки, "перевоспитания" собранных в "особых" лагерях военнопленных? Перед руководящим немецким персоналом была поставлена следующая задача: "установить возможно более тесный контакт со слушателями и выяснить при этом их политическую благонадежность, сферу их интересов, их готовность к борьбе с большевизмом". Представители каждой национальности подразделялись на небольшие учебные группы, которые однако не были изолированы друг от друга. Занятия в группах проходили, судя по всему, довольно интенсивно. При этом, как сообщает источник, очень серьезное внимание уделялось изучению марксистской диалектики, исторического материализма - слушатели должны были уметь доказать несостоятельность марксистского учения. С татарскими, туркестанскими и кавказскими военнопленными в Вустрау проводилось меньше теоретических занятий, чем, например, в русскими в Циттенхорсте. И здесь сказывалось, вероятно, отсутствие подготовленных специалистов, знающих восточные языки. С ними, по крайней мере, на первых порах больше проводилось занятий по физической подготовке, обсуждались вопросы развития сельского хозяйства. Поэтому немецкая сторона была вынуждена прибегать к помощи старых эмигрантов, хотя, как известно, Розенберг был ярым противником привлечения их к сотрудничеству.

Уже в конце февраля 1942 г. руководство лагеря в Вустрау обратилось в Восточное министерство с предложением разделить его на две части: одна из них была названа "вступительный" лагерь, другая - "свободный" лагерь. Вторая часть становилась центром подготовки для тех лиц, с которых был снят статус "военнопленного", здесь они должны были "забыть тяготы плена, лучше познакомиться с жизнью в Германии и сравнить ее с советской действительностью". 20 марта 1942 г. Георг Ляйббрандт, руководитель Главного отдела "Политика" Восточного министерства, дал свое согласие, и началось строительство "свободного" лагеря Вустрау, который становился главным центром подготовки пропагандистов из восточных народов.

В мае 1942 г. лагерь в Вустрау посетили высокие чиновники из Восточного министерства - Г.Ляйббрандт и Г. фон Менде. Судя по всему, они были удов-

летворены увиденным, так как именно после этого визита деятельность немцев по подготовке пропагандистов заметно активизировалась: для них издавались специальные брошюры, создавались библиотеки, получавшие книги, газеты и журналы на различных языках, был организован культурный досуг (хоры, оркестры, киносеансы).

Первая партия военнопленных в Вустрау была освобождена 31 июля 1942 г. - всего 129 человек (большинство из них составляли украинцы, грузины и представители тюркских народов). Многие из освобожденных имели довольно высокий уровень образования. Среди 17 представителей народов Средней Азии и Поволжья, например, 7 человек закончили в СССР десять классов, а 5 имели высшее образование. Все они переводились вначале в "свободный" лагерь, строительство которого интенсивно продолжалось. Свой законченный вид эта часть лагеря получила к октябрю 1942 г., когда на его территории было возведено пять новых бараков для слушателей и блок для руководства лагеря. В "свободном" лагере продолжались и занятия: общее число преподавателей здесь достигло 33 (причем многие из них являлись бывшими военнопленными), в администрации работало 18 человек. К тому времени были разработаны новые учебные планы, в которых основное место занимали политическая подготовка и немецкий язык. Белорусы и украинцы, освобожденные из плена, были отправлены на родину, чтобы помогать немецким оккупационным властям. Но представители других национальностей оставались на территории Германии. Они могли работать в разных учреждениях, но формально числились находящимися в "свободном" лагере.

На протяжении 1942 г. в Вустрау было направлено 127 татар и туркестанцев, из них к концу года покинуло лагерь 45 человек. На 1 января 1943 г. здесь числилось: в "свободном" лагере 12 татар и 34 туркестанца, во "вступительном" лагере - 36 татар. В этот день в Вустрау прибыл новый транспорт с военнопленными, и по свидетельству источника, "лагерь был переполнен так, что возникла даже необходимость вновь расширить его территорию". Всего на протяжении 1943 г. в лагере, по немецким данным, прошли "подготовку" 539 человек (из них 283 украинца, 100 русских, 83 белоруса, 21 азербайджанец, 18 "фольксдойче" (этнические немцы с оккупированных территорий), 15 представителей народов Средней Азии и Поволжья, 13 грузин, 6 представителей народов Северного Кавказа). Восточное министерство уделяло все больше внимания этому лагерю, а именно, его материальному обеспечению, пересмотру учебных программ, организации культурной жизни. В одном из бараков, например, была сооружена большая сцена для проведения различных мероприятий (концертов и спектаклей). В Вустрау были организованы специальные курсы для преподавателей со своей отдельной программой, включавшей изучение истории, литературы различных народов, вопросов социальной политики в Германии, национал-социалистской пропаганды. Для слушателей организовывались специальные ознакомительные экскурсии по городам Германии, во время которых участников особенно подробно знакомили с социальной структурой общества и развитием экономики. Довольно часто в лагерь приглашались с докладами некоторые политики и ученые (доклады организовывались как для отдельных народов, так и

совместные). Присутствовать на таких мероприятиях полагалось как военнопленным, так и уже освобожденным из плена слушателям. В лагере еженедельно показывался фильм (чаще всего пропагандистского содержания). Слушателей возили в Берлин для посещения театра (в 1943 г., например, в театрах побывало в общей сложности 975 человек).

23 марта 1943 г. лагерь Вустрау посетил Розенберг в сопровождении государственного секретаря Восточного министерства А.Майера и других крупных чиновников.[139] В июне 1943 г. здесь вновь побывал Г.Ляйббрандт. Эти визиты "высокого начальства" придали еще больший политический вес деятельности пропагандистского центра.

Лагерь в Вустрау являлся в целом весьма своеобразным образованием. Через него в годы войны прошли сотни советских военнопленных (не только представителей мусульманских или тюркских народов), прежде всего тех, кто выразил согласие на сотрудничество с немцами (Р.Мустафин, например, называет цифру в 2000 человек[140]). Среди слушателей, побывавших в лагере, были разные по взглядам люди (как, например, коммунист Муса Джалиль и убежденный националист Шихап Нигмати[141]). Через подготовку национальных пропагандистов гитлеровцы пытались разрешить важную политическую задачу - идеологическими методами привлечь народы СССР на свою сторону. К сожалению, среди архивных материалов не сохранилось более подробных документов об учебных планах, о содержании занятий, которые предлагались в Вустрау советским военнопленным. Источник, ставший в данном случае основой для нашего представления о лагере, однако, позволяет предположить, что тематика занятий принципиально не отличалась от тематики, например, армейских курсов пропагандистов. "Красной нитью через все занятия проходило сравнение Германии с СССР" - так она оценивалась в немецкой справке. Слушателям давалось понять, что "социалистическая" Германия выгодно отличается от "псевдосоциалистического" Советского Союза, и эти отличия наблюдаются во всех сферах жизни. Стремление это реально доказать, безусловно, оказалось иллюзией, что особенно четко проявлялось на фоне военных поражений Германии. Хотя в цитированном документе и подчеркивалось, что слушатели в Вустрау проявляли высокую политическую убежденность, что "уже нет смысла и вспоминать о существующей будто бы пассивности восточных народов", в действительности и в этом направлении немцам не удалось добиться решающих успехов.

Необходимо отметить, что подготовка кадров пропагандистов из нерусских народов СССР велась немецкой стороной и в некоторых других центрах. Одним из них была школа в Потсдаме. Сведений о ней сохранилось очень мало. Известно, например, что 20 марта 1944 г. редакция газеты "Идель-Урал" и Татарское посредничество при поддержке ОКВ организовали встречу в этой школе. Во встрече приняло участие до 30 человек, обучавшихся в школе.[142]

Пропагандистская обработка легионеров, восточных рабочих, находившихся на территории "генерал-губернаторства" и в самой Германии, проводилась не только через листовки, брошюры или лекции. Применялись при этом и некоторые другие

методы. Министерство пропаганды совместно с военным руководством, например, снимало специальные "государственно-политические" фильмы. В марте 1943 г. был подписан приказ ОКХ о необходимости найти среди военнопленных писателей, драматургов, актеров, режиссеров, операторов, которые могли бы принимать участие в съемках подобных фильмов.[143] Для легионеров и восточных рабочих регулярно вещало и германское радио, организовавшее передачи на языках различных народов СССР - русском, украинском, армянском, грузинском, азербайджанском, узбекском, калмыцком, осетинском, чеченском, карачаевском. Передачи на татарском языке велись в апреле 1943 г., например, с 20 час. 15 мин. до 20 час. 30 мин., в феврале 1944 г. в то же время, в августе 1944 г. с 0 часов 10 минут до 0 часов 20 минут на волне 6030 килогерц или 49,75 м.[144] Когда Волго-татарский легион уже располагался во Франции, для легионеров были введены дополнительные передачи с 17 до 18 час. на волнах радиостанций Бордо, Рен-Тири и Лимура (278,6 м, 431,7 м., 312,8 м).[145] Документов о содержании радиопередач в моем распоряжении нет. Однако нетрудно догадаться, какую направленность они имели, поскольку при создании общества "Интеррадио" было заявлено: "радио является в первую очередь инструментом ведения войны, позднее же оно должно будет осуществлять в настоящем смысле слова пионерскую работу для распространения немецкой культуры, науки и экономики и тем самым ощутимо поддерживать большую политику рейха".[146]

Довольно широко практиковался и выезд в легионы и лагеря военнопленных "лекторов" из Берлина. Для такой пропагандистской работы, например, неоднократно привлекался Алимджан Идриси. 3 марта 1942 г. он выступал на узбекском языке перед военнопленными в лагере Зеленка под Варшавой. Выступление его сопровождалось раздачей религиозной литературы и сигарет.[147] 18 марта того же 1942 г. он уже выезжал в туркестанский легион, где выступил с лекцией посвященной сотрудничеству Германии с тюркскими народами.[148]

Очень "основательно" подошло к организации пропагандистской работы среди своих "подопечных" из восточных народов и руководство СС. Когда осуществлялись мероприятия по созданию Восточнотюркского боевого соединения СС, понятно, не был оставлен в стороне политический момент. Для будущих офицеров соединения, которые проходили специальную подготовку, был задуман целый цикл лекций на исторические, литературные и политические темы. Так, 27 сентября 1944 г. руководитель курсов по подготовке офицерского состава оберштурмфюрер Фюрст предложил провести со слушателями занятия по следующей проблематике: история ислама - шесть занятий (лектор - А.Идриси), самые известные представители восточнотюркской литературы - три занятия (Х.Янски), восточнотюркская история - шесть занятий (Б.Шпулер), история Азербайджана - два занятия (А.Фаталибейли-Дудангинский), история Идель-Урала - два занятия (Г.Султан), история Крыма - два занятия (А.Сойсал), история Русского государства (с упором его исторической враждебности тюркам) - два занятия (Б.Шпулер). Фюрст полагал, что дополнительно должны были быть организованы лекции по истории Туркестана, изучению биографий Чингис-хана, Тимура, Якуб-бека, краткой географии и истории исламских стран, а также истории

Германии, особо остановившись на дружественных исторических контактах этой страны с тюркскими народами.[149] Судя по всему организации таких занятий в руководстве СС придавали очень важное значение, поэтому уже на следующий день, 28 сентября 1944 г. Р.Ольша выразил свое мнение по этому поводу и направил письмо Харуну эль-Рашиду[150]. В целом согласившись с предложениями Фюрста, он одобрил названные им кандидатуры лекторов, добавив к ним еще и профессора И.Бенцинга, и уточнил некоторые требования к организации лекций и их содержанию. Было предусмотрено, например, что все лекции будут читаться на одном "общепонятном тюркском диалекте". Весь необходимый для занятий материал мог быть подобран в библиотеке "Рабочего объединения Туркестан" в Дрездене, которая получила соответствующие указания. Р.Ольша даже предложил продумать вопрос о специальной "почетной униформе" для лекторов. К сожалению, в источниках нет более подробных сведений о том, как проводились лекции для будущих офицеров ВТБС. Но даже приведенные краткие сведения свидетельствуют о том, что руководство СС пыталось найти новые подходы для идеологической обработки, для идеологического привлечения на свою сторону представителей восточных народов.

Важным "инструментом ведения войны" являлись печатные периодические издания - газеты и журналы на различных языках. Появлению их способствовали Восточное министерство и Высшее командование вермахта, так как они распространялись и среди легионеров, т.е. в войсках, и внутри самой Германии. Особая роль при этом, конечно, принадлежала посредничествам и национальным представительствам, при которых создавались редакции периодических изданий. Среди подобных было несколько и на татарском языке - это газета Волго-татарского легиона "Идель-Урал", журналы "Татар әдәбияты" и "Германча-татарча белешмә" ("Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt") и газеты Восточно-тюркского боевого соединения СС "Тюрк бирлиги" ("Идель-Урал").[151]

Газета "Идель-Урал" издавалась регулярно с 15 ноября 1942 г. один раз в неделю, как правило, на четырех страницах, но в отдельных случаях выпускались восьмистраничные (сдвоенные) либо шестистраничные номера. Печаталась она на принятом у татар в 30-е годы латинском шрифте. Редакция газеты располагалась в Берлине - в августе 1943 г. на Беренштрассе (Behrenstraße) 63, с января 1944 г. на Доротеенштрассе (Dorotheenstraße) 64, в январе 1945 г. редакция размещалась в Потсдаме по адресе: Ам Миненберг 47. Номера газеты набирались в типографии издательства "Deutscher Verlag". Главным редактором газеты являлся Кыям Галиев. Возможно, что в октябре-ноябре 1944 г. его заменил на этом посту обер-фельдфебель Ишмаев.[152] Основные материалы публиковались на татарском языке, но с номера 9 (66) от 5 марта 1944 г. регулярно издавались и приложения на языках других народов Среднего Поволжья. В этот день увидел свет первый номер чувашского приложения, которые затем появлялись еженедельно. По-видимому, рамки одной газеты для такого начинания оказались слишком узки, поэтому с июля 1944 г. в Потсдаме издавалась новая газета Волго-татарского легиона "За национальную свободу" (она появлялась по крайней мере до февраля 1945 г.) - специально для чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов. Ее две страницы содержали материалы

на русском языке, на двух оставшихся публиковались статьи на других языках. Главным редактором газеты был чуваш Ф.Пулод.

Газеты "Идель-Урал" и "За национальную свободу" с одной стороны являются, конечно, образцами пропагандистской периодики, принципиально не отличающимися по содержанию и оформлению от других изданий Восточных легионов, а также от многочисленных солдатских газет германского вермахта. Материалы публикаций, понятно, проходили тщательную проверку, и далеко не полностью отражают все происходившие в легионе события. Но даже в урезанном, старательно отредактированном и ретушированном виде они представляют определенную ценность для изучения истории Волго-татарского легиона, в какой-то степени достоверно представляет конкретные факты из жизни легиона, направленность проводимой среди легионеров пропаганды. Остановимся для примера на некоторых из материалов газеты за период с августа 1943 до начала 1945 гг.

Особым "пафосом" отличаются в газете все публикации, вышедшие из-под пера Шафи Алмаса. Так, номер 36 (42) от 5 сентября 1943 г. посвящен первой годовщине создания Волго-татарского легиона и материал Шафи Алмаса озаглавлен "Пламенный привет тюрко-татарским легионерам, поднявшим знамя независимости Идель-Урала". По мнению лидера коллаборационистов, "легион за все время своего существования не уронил чести и достоинства татарского народа, хотя и не принимал активного участия в боевых действиях". Он отмечал, что действия татарских националистов, которым оказывает поддержку "великая Германия", совершенно законны, ибо основаны на решениях меджлиса 1917 г.[153] Не смог Шафи Алмас и обойти тему недавних событий в легионе, а именно аресты членов подпольной коммунистической организации: "Некоторые "татаро-русские", продавшиеся большевикам, сгорели в огне настоящего национального чувства, которым горят сердца нашей молодежи - они выброшены, вырваны с корнями из наших рядов". Пытаясь придать больший вес Волго-татарскому легиону, автор статьи заявлял: "Похоже, что большевики уделяют нашему легиону и нашей национальной организации особое внимание, иначе они не послали бы в наши ряды своих довольно важных агентов, среди которых были и личности, более или менее признанные в мире большевизма, подвизавшиеся на ниве казенной литературы и печати, запачканные большевистской грязью". По мнению Шафи Алмаса, ничто не могло поколебать татаро-германской дружбы, он выразил полную уверенность в "скорой" победе Германии, которая явится общей победой ее союзников.

Подобных по духу публикаций, авторство которых принадлежали не только Шафи Алмасу, в газете "Идель-Урал" было великое множество. Из номера в номер можно встретить здесь статьи под названиями: "Увеличивается число национальных борцов", "Легион - наша вторая отчизна", "Почему я враг большевизма", "Национал-социализм - самый правильный путь", "Мы боремся за свободу", "Идель-Урал: борьба против большевизма", "Германия - страна социализма", "Путь борьбы" и им подобными.

Немалое место в газете "Идель-Урал" занимали разного рода репортажи, которые должны были подчеркнуть насыщенность и полноценность жизни ле-

гионеров, их верность национальным идеям и союзу с Германией, поднять их дух. Вот, например, как освещалось празднование первой годовщины легиона в номере 38 (44) от 19 сентября 1943 г. 9 сентября перед легионерами с большой поздравительной речью выступил "вождь" Шафи Алмас (по-татарски назван "юлбашчы"), на следующий день был устроен общий праздник соединения. В гости к легионерам прибыли представители полевых батальонов и рот охраны. В 7 часов утра над лагерем были подняты знамена Германии и Идель-Урала. В 8.30 начался военный парад, который принимал командир легиона фон Зеккендорф. По случаю парада была возведена и трибуна, на которой находились гости и легионеры, отмеченные орденами и медалями. Перед началом парада командир роты Рахматуллин зачитал поздравления от имени туркестанского лидера Вели Каюм-хана и газеты "Идель-Урал", а адъютант Ленц - приказ о награждении еще 60 легионеров различными германскими наградами и о присвоении воинских чинов. В 10 часов все легионеры прошли строем перед трибуной. После этого для всех участников торжества был организован обед. Во второй половине дня каждая рота по отдельности провела "товарищеские встречи" (по-видимому, свои собрания), а вечером в солдатском клубе состоялся большой концерт. О программе концерта мы узнаем из номера 39 (45) от 26 сентября 1943 г.: вначале струнный оркестр легиона под руководством Аллагулова исполнил марш Хабибуллина, затем хор - песню "На сенокосе" ("Печән өсте җыры"), шесть легионеров - песню Сабитова "Татарские сыны". Затем в исполнении хора прозвучали две песни на чувашском языке и была разыграна инсценировка легионеров Сабитова и Алишева по поэме Тукая "Шурале".

Подобные репортажи публиковались в газете постоянно - по случаю религиозных праздников, различных годовщин и т.п. При этом большое место на страницах "Идель-Урал" занимали фотографии как образные "подтверждения" всего напечатанного в газете.

По мере того, как война приближалась к своему закономерному концу, тон многих материалов газеты становился все более расплывчатым, туманным. Особенно это заметно в номерах середины 1944 - начала 1945 гг. В них, например, пропагандистские статьи занимают еще больше места, чем в ранних номерах, публикуется больше информации о социальном обеспечении восточных легионеров: об открытии новых домов отдыха, о медицинском обслуживании, о повышении зарплаты восточным рабочим. Последнее явно было сделано по указанию германского руководства, которое очевидно пыталось найти новые способы сделать "союзнические отношения" с восточными народами более привлекательными и человечными. В номере 24 (84) от 17 июня 1944 г. помещено объявление "Союза борьбы" о возможности получения паспортов для татар, находящихся в Германии. По-видимому, речь идет о так называемых "паспортах иностранцев", которые давали право свободного проживания в стране. Желающие получить эти документы должны были обращаться непосредственно в посредничество и сообщить свои полные анкетные данные.

Определенное место в газете "Идель-Урал" занимали статьи, посвященные национальной культуре, в особенности литературе (это, например, публикации

о Г.Тукае, Р.Фахретдине, Ш.Бабиче, Г.Камале и др.). Включались в газету и литературные произведения: стихи, небольшие рассказы, в большинстве своем проникнутые ностальгическими чувствами, любовью к родной земле, родному языку. В этом можно видеть как определенное своеобразие в общем-то чисто пропагандистской по характеру газеты "Идель-Урал", так и следование традициям татарской публицистики, которые сложились еще в начале 20 в. Как известно, многие из татарских газет и журналов содержали как статьи на общественно-политическую проблематику, так и литературные произведения, т.е. являлись одновременно общественно-политическими и литературно-художественными изданиями.

К сожалению, в моем распоряжении нет сведений о том, как организовывалось издание газеты "Идель-Урал", какие мнения существовали о газете в немецких инстанциях и среди самих татар, с какими проблемами сталкивалась редакция. Так что представить более подробно повседневную жизнь этого издания довольно-таки сложно, на основании же только газетных текстов воспроизвести ее почти невозможно. Поэтому особо интересен тот факт, что в Федеральном архиве в Потсдаме сохранились некоторые источники, связанные с подготовкой к выпуску газеты Восточнотюркского боевого соеднения СС. Правда, с самим этим изданием мне ознакомиться не удалось.

Вопрос издания газеты ВТБС был поднят руководством СС одновременно с проведением первых мероприятий по организации этого соединения. Он активно обсуждался с начала сентября 1944 г. Исходя из имевшихся в СС установок о единстве тюркских народов газета ВТБС предполагалась общетюркской и имеющей одно общее название "Тюрк бирлиги". 1 сентября 1944 г. точные указания о будущей газете были даны Р.Ольшей.[154] В его представлении издание должно было делиться на две части: общетюркскую и специальную. В первой части освещались бы все общетюркские проблемы (культура, история, национальная борьба, религия), во второй же - проблемы отдельных народов - туркестанцев, азербайджанцев, крымских и поволжских татар. Важно отметить, что по мнению Р.Ольши газета должна была выполнять функцию распространения единого тюркского языка, для чего создавалась специальная языковая комиссия из представителей разных народов. Поэтому публикации в общей части газеты давались в дублированном виде: на "едином" тюркском языке и в переводе на "диалект", а специальная часть содержала статьи на "родном диалекте" разных народов. При этом идель-уральское издание включало не только публикации на татарском, но и на русском, чувашском и финно-угорских языках. Руководство газетой ВТБС осуществлял возглавляемый Ольшей отдел DI/3i в контакте с представителем Министерства пропаганды доктором Хальмом. Состав редакции был следующим: немецкий руководитель Винандс, по одному шеф-редактору от туркестанцев, азербайджанцев, крымских и поволжских татар, два переводчика, четверо ответственных за общую часть газеты. Имелся и вспомогательный персонал для специальных частей газеты: для идель-уральской части, например, привлекались в качестве помощников по одному представителю от татар, башкир, чувашей. удмуртов, мордвы и марийцев. Материалы для публикации проходили сложный путь: сначала четыре редактора подбирали

подходящую информацию для общей части и совместно их обсуждали. После этого наступала очередь языковой комиссии, которая должна была "переделать" подготовленные шеф-редакторами статьи на "общетюркский" язык. Переводы затем проверялись немецкими специалистами (для этой работы привлекались, в частности, известные ученые тюркологи Иоханнес Бенцинг и Херберт Янски). Подготовленные тексты утверждались немецким руководителем газеты, но все равно дополнительно проверялись отделом DI/3i Главного управления СС. Несколько проще обстояло дело со "специальными" частями - статьи на "диалектах" составлялись сотрудниками газеты - их проверку на предмет политического содержания проводили шеф-редакторы.

В сентябре 1944 г. решались и вопросы персональных назначений в редакции. Шеф-редактором от поволжских татар стал Шихап Нигмати, и 6 сентября он рекомендовал для привлечения к работе Константина Харченко (Хамита Науруза), Газиза Уразая, Гафара Ямалиева, Ахуна Тагирова, Миннегали Газиева и Шигая Наджипа.[155] От других поволжских народов тем же Ш.Нигмати были рекомендованы: Ф.Паймук и Никита Архипов (от чувашей), Михаил Смирнов (от марийцев), Петр Лучин (от мордвы), Сергей Пронин (от удмуртов). Кроме того, он просил Главное управление СС обсудить вопрос издания газеты с Семеном Николаевым, чувашским профессором-эмигрантом, проживающим в Праге.[156]

В итоге, к началу 1945 г. в составе поволжско-татарской редакции газеты "Тюрк бирлиги" ("Идель-Урал") работали: Шихап Нигмати - шеф-редактор, Миннигул Гарипов, Константин Харченко (Хамит Науруз), Бари Фатхуллин, Фатых Азизбаев, Асфандияр (во многих немецких документах почему-то Асфальт) Чынбаев.[157] Шихап Нигмати в роли шеф-редактора вполне устраивал эсэсовское руководство. По мнению Шефера, одного из ответственных сотрудников подотдела "Туран-Кавказ" Главного управления СС, Нигмати был "самым лучшим из всех редакторов, лучшим работником, политически очень надежным, оказывающим сильное влияние на остальных сотрудников".[158]

Многонациональный состав "идель-уральцев" вызывал вопросы в Главном управлении СС, поэтому здесь пытались решить возможные противоречия по-своему: 12 сентября 1944 г. в "руководящем отделе - восточные добровольцы" ("Freiwilligen Leitstelle Ost") была проведена беседа с чувашским представителем Ф.Паймуком, итогом которой стало заявление: "В газете следует учесть многонациональный характер идель-уральцев, поэтому как минимум две страницы газеты необходимо выделять для публикации материалов на разных диалектах". Тем не менее материалы эти должны были пропагандировать "всеобщую идель-уральскую идею", чтобы народы думали не только о своих национальных особенностях, но в первую очередь о политической концепции их единого политического будущего".[159]

Согласно цитированным выше указаниям Р.Ольши в том же сентябре 1944 г. для издания газеты ВТБС была создана языковая комиссия, в которую вошли: от поволжских татар Газиз Уразай (он же стал председателем комиссии), от крымских татар - Карабаш, от казахов - Тынибек, от узбеков - Хурматов, от туркменов - Курбан, от азербайджанцев - Мамедов. Фактическое руководство

комиссией осуществлял профессор И.Бенцинг.[160] Работа ее не обошлась без серьезных противоречий в вопросах выбора языка и шрифта для газеты. На заседании 31 октября 1944 г.[161], например, были высказаны следующие мнения: И.Бенцинг, выступивший первым, предложил применять для тюркской газеты СС латинский шрифт, который использовался народами СССР в 1928-1939 гг. Однако, при этом не было сделано уточнения, о каком именно латинском алфавите идет речь (по крайней мере из протокола заседания понять это невозможно). Выступление Бенцинга поддержал Нигмати. Представитель крымских татар Абдулла Сойсал посчитал наиболее целесообразным принятие для газеты уже разработанного османского турецкого шрифта и языка. В итоге участники заседания согласились с мнением Бенцинга, но отвергли идею Сойсала, решив, что "за основу языка газеты будет положен язык Гаспринского" (очевидно, речь идет о языке, применявшемся при издании Исмагилом Гаспринским газеты "Тарджиман"). Представители туркестанского комитета, которые на указанном заседании находились в тени, почти сразу же после него выразили свой протест: комитет выступил против принятия утвержденного алфавита, по крайней мере против использования отдельных букв. Более того, представители Вели Каюм-хана прямо потребовали, чтобы в основе издания был не абстрактный "язык Гаспринского", а реальный "туркестанский (читай: узбекский - И.Г.) диалект". Об этом с тревогой докладывали 9 ноября 1944 г. на заседании языковой комиссии представители поволжских татар Нигмати и Уразай.[162] И все же принятое ранее решение осталось в силе, к тому же по предложению Бенцинга для "курирования" первых номеров газеты был привлечен и профессор Х.Янски.

Несмотря на такие "теоретические" сложности, к которым добавились сложности чисто технического характера (5 октября 1944 г. издательство "Deutscher Verlag" сообщало в Главное управление СС о серьезных трудностях с матрицами для газеты "Тюрк бирлиги"[163]), издание газеты было все же налажено. Первый пробный номер "Тюрк бирлиги" на татарском языке вышел, например, 8 ноября 1944 г.,[164] что еще не было началом регулярного издания. Оно последовало 25 ноября, когда одновременно появились первые номера татарского и крымскотатарского вариантов газеты. По поручению эсэсовского начальства 2 декабря специально проанализировал этот номер штандартенфюрер СС Шпаарман.[165] Номер, который был посвящен мусульманскому празднику Курбан-байрам, в своей общей части имел следующую проблематику. На первой странице было помещено поздравление с праздником от имени великого муфтия Амина эль-Хусейни, который призвал мусульман к "священной борьбе с врагами". Здесь же в статье "Серый волк" было рассказано о значении этого символа в жизни тюркских народов. На второй странице были помещены материалы о событиях в мире, на третьей - об исламе и об общем языке для восточных тюрков, на четвертой - фоторепортажи и литературные произведения. Последние четыре страницы газеты содержали публикации на отдельных языках. К сожалению, в справке Шпаармана они не нашли отражения.

К началу 1945 г. издание тюркских газет ВТБС было полностью налажено. 4 января 1945 г. упоминавшийся выше Шефер, отвечавший за прессу и пропаган-

ду, составил развернутую справку о состоянии газет на тюркских языках.[166] Из этого документа становится ясным, что технические и материальные вопросы издания газет к тому времени в основном были решены, но все еще непреодоленной оставалась проблема языка - представители туркестанцев все еще протестовали против применения общего "языка Гаспринского". Шефер внимательно отнесся и к содержательной стороне: общая часть газеты на четырех первых страницах содержала публикации на политическую проблематику, специальные части занимали еще четыре страницы и были посвящены вопросам, актуальным для отдельных народов. По мнению автора справки, "такое ясное расположение материала создает опасность, что читатель может просто пропускать политическую часть газеты и читать только развлекательные материалы на своем родном языке". Поэтому Шефер предлагал статьи на разную проблематику в газете располагать чересполосно. Сложность для немецкой стороны, наконец, продолжала представлять проблема подготовленных к журналистской работе кадров. По наблюдениям Шефера, немецкая редакция газеты была очень сильна, национальные же редакции все еще оставались очень слабыми. Понятно, что в тех условиях такое положение дел вряд ли может вызвать удивление, поскольку речь идет о ситуации начала 1945 г.

Газета "Тюрк бирлиги"("Идель-Урал"), судя по всему, выходила один раз в три-четыре недели и печаталась в берлинском издательстве "Deutscher Verlag". Трудно сказать, сколько номеров газеты в общей сложности увидело свет, но бесспорно, что она еще издавалась в конце марта 1945 г. Об этом свидетельствует счет на общую сумму в 11 050 рейхсмарок, присланный 20 марта 1945 г. из типографии в Главное управление СС, за печатание номеров газеты с 1 по 5.[167] Из этого документа также видно, что газета "Тюрк бирлиги" ("Идель-Урал") издавалась тиражом в 1 400 экземпляров. Вполне возможно, что издание газеты было прекращено именно в марте 1945 г. Об этом может косвенно судить рекомендация, данная 6 марта Алимджаном Идриси Шихапу Нигмати, Константину Харченко (Хамиту Наурузу) и Гафару Ямалиеву для командирования их в дрезденскую школу мулл.[168] Если учитывать, что указанные лица являлись основными членами татарской редакции, то можно предполагать, что их работа в газете к тому времени была завершена.

Газета "Тюрк бирлиги", очевидно, являлась типично пропагандистским изданием и вряд ли могла кардинально изменить положение в политическом сотрудничестве СС с восточными народами в начале 1945 г. Об общем резонансе газеты среди представителей народов Поволжья и Приуралья, находившихся в Германии, судить довольно трудно. Но один эпизод с газетой "Тюрк бирлиги" ("Идель-Урал"), который получил широкую огласку и привлек пристальное внимание как со стороны Татарского посредничества, так и эсэсовского руководства, упомянуть следует. Он к тому же дает дополнительный материал для более полного представления о политических взглядах национальных лидеров.

В номере 3 газеты была помещена статья некоего Малика Кималя "Отказаться от консерватизма". Автор предстал в ней не только защитником идеи тюркс-

кого единства, что само по себе было не ново, но и серьезным критиком деятельности национальных представительств. М.Кималь заявил, что "комитеты проводят национальную политику, которая служит большевикам, даже в тех условиях, когда на них со стороны НКВД нет никакого давления". Если раньше, по мнению автора, большевики искусственно разделили тюркские народы, используя принцип "разделяй и властвуй", то в годы войны "тюркские лидеры за границей продолжают фактически ту жу политику в узко родовых рамках". Когда началась война "появилось несколько мелких комитетов, очень слабо связанных между собой, и они не внесли ничего нового в освободительную идею". В своих рассуждениях Малик Кималь открыто обвинил руководство коллаборационистов в политическом плагиате: "руководители комитетов присвоили идеи прежних лидеров Аяза Исхаки и Джафера Сеидамета, и с целью скрыть свое коварство они приказали не только не произносить эти имена, но и спрятали их труды от широких масс. На самом же деле они сами перепевают идеи Аяза Исхаки", - заключает автор и задает вопрос: "Разве это не есть бедность политических взглядов теперешних руководителей?". По своему М.Кималь интерпретирует и позицию немецкой стороны: "вначале Германия помогала этим комитетчикам, так как для немцев единство тюркских народов было новым вопросом, и считалось, что есть разные народы, но теперь и здесь поняли, что это один народ". Автор призвал "покончить с раздробленностью и объединиться, при этом освободившись от балласта случайных попутчиков".

Статья эта, как видим, написана в русле представлений Р.Ольши о единстве тюркских народов, и в данном смысле ничего нового не содержит. Но элемент жесткой критики деятельности национальных представительств является очень примечательным. Трудно полагать, что статья была написана без каких-либо консультаций и без указаний сверху, поскольку она ясно вписывается в общий критический подход руководства СС к Восточному министерству, а значит и к созданным под его крылом посредничествам и национальным представительствам. Данный материал вызвал резко негативную реакцию критикуемой стороны: 3 января 1945 г. от имени "Союза борьбы тюрко-татар" к Р.Ольше обратился с письмом доцент С.Файзуллин.[169] Он прямо поставил вопрос, написана ли статья из провокационных целей или является следствием политической безграмотности автора? Но даже не это было для С.Файзуллина наиболее важным. Он считал, что статья "очень негативно воздействует на настроения и боеспособность тюрко-татар и других добровольцев, так как Малик Кималь призывает их не доверять национальным комитетам и их лидерам". Статья, как оказалось, возымела очень нежелательный эффект. Подобный результат обеспокоил и некоторых эсэсовских чиновников: 6 января 1945 г. оберштурмбанфюрер Ф.Арльт писал Р.Ольше, что "наша собственная пресса не способствует единству и наносит удар по существующему руководству".[170] По-видимому, заинтригованный и также встревоженный Р.Ольша затребовал от редакции газеты точный перевод статьи, который был представлен ему Шихапом Нигмати 9 января.[171] Но были ли в итоге приняты какие-либо меры - организационные или политические - неизвестно. В любом случае, однако, ясно, что публикация М.Кималя терялась на фоне тех гораздо более серьезных проблем,

которые имелись в политическом сотрудничестве немцев с представителями восточных народов в последние месяцы войны.

Безусловно, свое лицо имели и два таких периодических издания на татарском языке, как журналы "Германча-татарча белешмә" и "Татар әдәбияты". Но поскольку в моем распоряжении было только по одному сохранившемуся номеру этих журналов, то приходиться ограничиваться лишь краткими наблюдениями.

Двуязычный журнал "Германча-татарча белешмә" - Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt" издавался Татарским посредничеством с апреля 1943 г. Его главным редактором был Гариф Султан. Судя по материалам журнала, он имел ярко выраженную политико-просветительскую направленность. Поскольку большинство немцев вообще не имело никаких представлений о тюркских народах СССР, то журнал предназначался для заполнения этой ниши. В нем должны были отражаться "исторические моменты и события, культурные и этнические особенности, культура нашего народа, а также с правильной точки зрения освещаться национальные устремления".[172] Если немецкая часть издания имела именно указанную направленность, то "часть, издававшаяся на татарском языке, служила тому, чтобы использоваться как пропагандистский материал в добровольческих соединениях". Но в более широком смысле, по мнению главного редактора, журнал имел еще более актуальную и еще более важную функцию: "воздействовать на появление реальной оценки и правильного понимания восточных народов со стороны европейского культурного мира". Материалы имевшегося в моем распоряжении № 14 журнала свидетельствуют о том, что издание придерживалось этой линии: в немецкой части издания помещены материалы, посвященные празднованию первой годовщины журнала, статья Ш.Нигмати о Исмагиле Гаспринском, отрывки из книги Г. фон Менде "Освободительная борьба российских тюрков" и подробный исторический очерк "Национальное движение народов Идель-Урала". Татарская часть также начинается с материалов о праздновании годовщины издания. Кроме того, сюда включены: статья Вели Каюм-хана "Что случилось с Турцией?" с критикой позиции этой страны, которая никак не решается вступить в войну на стороне Германии, статья Г.Султана о Хайнце Унглаубе, а также материал "Национальная борьба российских тюрков" и перевод статьи Альфреда Зекса "Превращение европейской системы государственности в мировую систему государственности".

Довольно точно соответствовал своему названию журнал "Татар әдәбияты". Точную дату выхода первого номера назвать трудно, но скорее всего он увидел свет в середине 1944 г. Его главным редактором считался сам Шафи Алмас, а редактором назван Г.Хамиди. Журнал имел статус "издания "Союза борьбы тюрко-татар Идель-Урала". Вот каково содержание журнала № 4 за 1944 г.:статья Г.Хамиди о Галиасгаре Камале, подборка стихов Г.Мукамая, рассказ Ирека "Летучая мышь", очерк Уязбека "Альпийская девушка Илона", статья Г.Хамиди "Некоторые советы начинающим писателям", стихи различных авторов, очерк Ш.Нигмати "За свободу", пьеса Л.Хайруллина "Огни". Как видно, в журнале нет чисто политико-пропагандистских материалов, он носит более художественный характер, хотя совершенно ясно, что и в художественных произведениях, и публицистических

очерках авторы журнала обязаны были проводить определенную политическую линию. Скажем, пьеса Л.Хайруллина "Огни" показывает военное сотрудничество татарских легионеров с вермахтом, многие из стихов отражают ту же тему - борьбу против большевистского строя, который угнетал татарский народ, критикуют советскую колхозную систему. Журнал иллюстрирован многочисленными фотографиями, освещающими жизнь Волго-татарского легиона. В конце журнала дана краткая аннотация всех публикаций на немецком языке.

Таким образом, политическое сотрудничество нацистского режима с представителями восточных народов, организационно оформившееся позднее, чем сотрудничество военное, не могло привести и не привело к результатам, которые так ожидались немецкой стороной. Так же как и контакты в военной сфере, политические взаимоотношения с восточными народами отличались противоречивостью и непоследовательностью. Очень явственно проявились разность подходов национального движения и немецкой стороны к различным политическим проблемам, в особенности в оценках перспектив государственного развития, национальной государственности. Многие из политических табу и стереотипов, сложившихся изначально у ответственных немецких чиновников и военных, так и не были преодолены. Германское руководство, очевидно, постоянно опасалось зайти слишком далеко в политическом сотрудничестве с восточными народами. Свою роль при этом опять-таки играли "подводные течения" - соперничество между инстанциями и личностями. Допущенные немецкими функционерами ошибки почти всегда использовались их конкретными политическими противниками. Такая противоречивость, понятно, не оставалась незамеченной и вызывала естественное недоверие у национальных представителей. В то же время это открывало известный простор для политических импровизаций, по крайней для сравнительно свободного обсуждения насущных политических проблем различных народов (наиболее яркий для нас пример - курултай в Грайфсвальде). Сами национальные представительства в Германии по своему составу оказались весьма пестрыми. И здесь также не обходилось без противоречий и конфликтов, как между отдельными народами, так и внутри отдельных национальных движений. Поэтому и деятельность их в сфере политической, социальной и культурной оказалась не столь масштабной и результативной, как того ожидали наиболее активные из националистов. Татарское национальное движение в Германии к тому же не имело настоящего, авторитетного лидера, что естественно очень ослабляло его. И все же политическая деятельность татарского национального представительства в Германии в годы второй мировой войны, несмотря на ее слабость, замкнутость, даже аморфность, представляет очень важную страницу истории татарского национального движения в 20 в.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3.

1 PA AA-Bonn, Inland IIg, R 101194, без указания листа.

2 BA-Potsdam, R 58/1031, Bl. 25-26.

3 Ibid., Bl. 34-36.

4 PA AA-Bonn, Pol XIII, Bd.29, R 105196, без указания листа.

[5] Ibid., Büro Ust.S.Rußland, N 24706.

[6] Ibid., Pol.XIII, Bd. 29, R 105196, без указания листа.

[7] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 36-37.

[8] Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP), 1918-1945. Serie D: 1937-1941, **Bd. XIII**: Die Kriegsjahre, 23.Juni bis 14.September 1941. Göttingen 1970, S. 324.

[9] PA AA-Bonn, Ust.S.Panturan, N 311699-311700.

[10] Ibid., Pol. XIII, Allgemeine Akten, Bd.12, N 199756.

[11] Ibid., N 199757-199758.

[12] Ibid., N 199759-199760.

[13] Ibid., Ust.S.Panturan, N 311734-311735.

[14] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 45-46.

[15] PA AA-Bonn, Pol. XIII, Bd.5, R 105169, N 255022-255028.

[16] (ADAP), 1918-1945. Serie E: 1941-1945, Bd. I: Die Kriegsjahre, 12. Dezember 1941 bis 28. Februar 1942. Göttingen 1969, S. 208-210.

[17] Наиболее подробно "Адлониада" описана в исследованиях: **Dallin, A.**, S. 145-146; **von zur Mühlen, P.**, S.71-73.

[18] Der Prozeß gegen die Hauptkriegverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXVII, Dokument 1520-PS, S. 289-290.

[19] IfZ (München), PS-1520.

[20] BA-Potsdam, R 58/225, Bl. 20.

[21] Подробнее о Восточном министерстве см.: **Bollmus, Reinhard**. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Stuttgart 1970; **Bräutigam, O.** Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2.Weltkrieges (Studien des Instituts für Besatzungsfragen in Tübingen zu den deutschen Besetzungen im 2.Weltkrieg, Nr. 3). Tübingen 1954, S. 7-8, 22a-33; **Dallin. A.**, S. 95-100; **Grossmann, Gerhard Otto.** Die deutsche Besatzungsgesetzgebung während des 2.Weltkrieges. (Studien des Instituts für Besatzungsfragen in Tübingen zu den deutschen Besetzungen im 2.Weltkrieg, Nr. 14). Tübingen 1958, S. 22-23, 54; **Reitlinger, G.**, S.150-169.

[22] **von zur Mühlen, P.**, S.76.

[23] О Г.фон Менде см.: **Гилязов И.** Кто же он, профессор фон Менде? // Татарстан.-1996.-№ 7.- с.52-61. В книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина утверждается, что "рейхсминистр Розенберг образовал у себя "специальный "Отдел планирования национальной политики на Востоке", руководство которым возложил на эсэсовца фон Менде" (**Карчевский Ю., Лешкин Н.** Указ. соч., с. 42). Во-первых, подразделения с таким названием в Восточном министерстве не было; во-вторых, фон Менде с начала войны являлся не эсэсовцем, а официальным сотрудником Восточного министерства, и лишь впоследствии, скорее с 1944 г., выполнял отдельные консультативные поручения Главного управления СС, но уж во всяком случае фон Менде не был никогда группенфюрером СС (чин, соответствовавший генерал-лейтенанту в вермахте!), о чем пишут Ю.Карчевский и Н.Лешкин (Указ.соч., с.55).

[24] **von Mende, G.** Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin 1936.

[25] **Dallin, A.**, S. 278.

[26] По-немецки эти учреждения вначале именовались Mittelstelle, что действительно можно перевести как "посредничество". Однако позднее, уже в 1943 г. эти учреждения стали именовать Leitstelle, что скорее переводится как "руководящее учреждение", "руководящий орган" (это было сделано, по-видимому, для придания посредничествам большей весомости и авторитета). Я же буду для удобства и в том и другом случае употреблять

термин "посредничество". Не следует путать посредничества с национальными комитетами, которые были созданы именно под их крылом. Такая путаница, к сожалению, имеет место в нашей публицистической литературе (например: **Мустафин Р.** "Идель-Урал": взгляд из Германии, с. 145; **Забиров И.** Джалиль и джалильцы, с. 57)

[27] **von zur Mühlen, P.**, S.78.

[28] BStU-Zentralarchiv, AB 1494, Bl. 7; **von zur Mühlen, P.**, S.78-79.

[29] BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd 2, Bl. 116.

[30] Idel-Ural, №10-11 (67/68), 19.03.1944.

[31] См., например: **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни. М., 1974, с 133.

[32] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd 3, Bl. 3.

[33] **Sultan G.** Heinz Unglaube, in: Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt - Germanca-tatarca beleśmə, Nr 14, 1944, S. 19.

[34] Здесь и далее некоторые конкретные факты из биографии Хайнца Унглаубе даны на основании моей беседы с ним 21-22 июня 1994 г. в г.Лауэнбурге, где он в настоящее время и проживает.

[35] BA-Potsdam, NS 31/26, Bl. 193.

[36] Ibid., Bl. 195, 200-216.

[37] Неточным мне представляется мнение, высказанное Ю.Карчевским и Н.Лешкиным о том, что Татарское посредничество, не оправдав ожиданий гитлеровцев, в итоге было переименовано в "Союз борьбы против большевизма" (**Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 125). Обе эти структуры продолжали существовать до конца войны.

[38] **von zur Mühlen, P.**, S. 93.

[39] Ibid., S.92-93.

[40] Ibid., S.86.

[41] Ibid., S. 88.

[42] Об А.Темире см.: **Тайсин Э.** Әхмәт Тимер // Йөртә безне язмышлар. Казан, 1992, 108-119 б.

[43] Преподавать татарский язык в Берлинском университете А.Темир начал в зимнем семестре 1941/1942 гг. и читал курсы: "Введение в татарский язык", "Татарская грамматика" и "Чтение татарских текстов на латинском и русском шрифтах" общим объемом 10 учебных часов в неделю. Через год, в зимний семестр 1942/1943 гг., в университетских планах он упоминается лишь как преподаватель, который не имел нагрузки. Но уже в зимнем семестре 1943/1944 гг. он вновь вел курсы "Введение в татарский язык" (4 часа) и "Татарский язык для продвинувшихся студентов" (3 часа в неделю). После отъезда А.Темира в Турцию с весны 1944 г. его заменил доктор Н.Поппе. (Friedrich-Wilhelm-Universität zu Berlin. Personal- und Vorlesunsverzeichnis. Wintersemester 1941/1942. Berlin, 1941, S. 239; Trimester 1941, S. 234; Sommersemester 1942, S. 112; Wintersemester 1942/1943, S. 47; Wintersemester 1943/1944, S. 120).

[44] BA-Zehlendorf, Personalakten Abdul Raschid Malak (без указания листов)

[45] **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 131-133.

[46] **Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И.** Указ.соч., с. 52-54.

[47] **von zur Mühlen, P.**, S.97. Эта история несколько иначе интерпретируется Ю.Карчевским и Н.Лешкиным. По их мнению, Унглаубе изначально имел директиву вообще не создавать отдельное татарское представительство, а придать его к ранее созданному Туркестанскому комитету на правах отдела. Это вызвало бурную реакцию протеста со стороны татарских и башкирских националистов, и после жарких споров они предложили компромиссное решение: 1. Принять линию на объединение Туркестанского комитета с баш-

кирами и татарами при условии замены Вели Каюм-хана Заки Валидовым на посту президента. 2. Сформировать единый мусульманский легион. Но это решение идель-уральцев не нашло понимания у туркестанцев. И тогда Ахмет Темир с подачи Заки Валиди начал искать поддержки у казахов, возглавляемых Карисом Канатбаем и стремившихся устранить Каюм-хана. Такие политические игры рассердили ответственных немецких чиновников - из Германии был вначале выдворен Ахмед-Заки Валиди, а затем и Ахмет Темир. См.: **Карчевский Ю., Лешкин Н.** Указ. соч., с. 55-60. Документальных данных, подтверждающих или опровергающих подобную интерпретацию, в моем распоряжении нет.

[48] Об этом сообщала П.фон цур Мюлену вдова профессора фон Менде - Каролин фон Менде в письме от 10 декабря 1971 г., называя А.Темира "непростым, своенравным и легко ранимым человеком", которого все очень любили, но с которым в роли руководителя, вероятно, было бы гораздо больше сложностей, чем с Шафи Алмасом". Копия этого письма была любезно предоставлена мне доктором П. фон цур Мюленом.

[49] BA-Potsdam, R 6/66, Bl. 123-126.

[50] К сожалению, почти нет достоверных биографических сведений о Шафи Алмасе (во всяком случае ни в историографии, ни в архивных документах отыскать их не удалось). В исторической литературе и публицистике, в которой он часто упоминается, ничего подробного о его жизни не сообщается. Можно сослаться только на книгу Ю.Карчевского и Н.Лешкина: **Карчевский Ю., Лешкин Н.** Указ соч., с. 46-47; на публикацию Р.Мустафина, уже цитированную выше:**Мустафин Р.А.** "Идель-Урал": взгляд из Германии, с. 146 и газетную статью Г.Гилязова: **Гыйләҗев Гадел**. Шәфи Алмаз: кем син? // Ватаным Татарстан, 27 март 1996 ел. В статье Г.Гилязова содержится непонятное противоречие: в начале статьи в качестве настоящей фамилии Шафи Алмаса названа фамилия Гайнуллин, но затем в тексте он неоднократно назван Галиуллиным. Возможно, это просто редакторская недоработка.

[51] PA AA-Bonn, Pol. XIII, Bd.14, R 105182, N 218941.

[52] **von zur Mühlen, P.**, S.98.

[53] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 26.

[54] Ibid., Film 2419, A 2696277.

[55] Ibid., A 2696275.

[56] Ibid., NS 31/29, Bl. 68.

[57] BStU-Zentralarchiv, RHE 28-88/SU, Bd. 3, Bl. 121-123.

[58] Idel-Ural, № 10-11 (67/68), 19.03.1944.

[59] BA-Potsdam, NS 31/28, Bl. 1. Некоторые дополнительные сведения о названных членах комитета (из интервью с Гарифом Султаном 6 декабря 1994 г.): С.Файзуллин (Файзи) - после войны работал в татарской редакции "Голоса Америки", с 1952-1953 гг. - в геологоразведке, преподавал в Бостонском университете. Впоследствии работал в Министерстве торговли США. Умер в 80-е годы; Гариф Султан - после войны активно занимался политической деятельностью и публицистикой, долгие годы работал руководителем Татаро-башкирской редакции радио "Свобода". В настоящее время проживает в Мюнхене; Кашапов - на курултае в Грайфсвальде был избран руководителем военного отдела Союза борьбы, после войны вернулся в СССР, был арестован и осужден (вероятно, именно его судьба отражена в одной из отечественных публикацией, где Кашапов представлен под именем Махмута Байгужина или Кашаева, являвшегося будто бы заместителем руководителя военного отдела "Союза борьбы". См.: **Амири Г.** Дело Махмута Байгужина // Рассказы о чекистах. Уфа, 1977, с. 195-208); Габдулла Вафин (Вафалы) - преподавал в школе пропагандистов Русской Освободительной армии в Дабендорфе, затем ушел от Власова в "Союз борьбы тюрко-татар". В настоящее время проживает в США; Иван Скобелев - был

захвачен наступающими отрядами Красной Армии в доме отдыха Волго-татарского легиона в Даргибеле. Последующая судьба неизвестна; Шакир Алкаев - до войны был военным комендантом г.Баку. Предполагалось, что он станет руководителем Волго-татарского легиона, но, как известно, этого не произошло. Несмотря на попытки предстать перед советскими властями как антигитлеровский подпольщик (Алкаев даже сфабриковал ряд протоколов "подпольной антинацистской группы", в которых представал как руководитель этой группы), после войны был арестован и осужден. После отбытия наказания также не отличался "примерным поведением" и вновь был привлечен к суду уже за уголовное преступление в конце 50-х годов. Галим Айдагулов (Анвар Галим) - после войны работал на радио "Свобода". Затем переехал в США, где умер в марте 1988 г. (в татарской периодике опубликована часть его воспоминаний: **Галим Ә.** Муса иманлы китте //Идел.- 1993.-№ 2.- 29-34 б.); Габдулла Ишмаев - был арестован советскими властями и приговорен к заключению в лагере; Сабит Гунафин (Кунафин) - после войны проживает в США.

Очень любопытны характеристики, которые даны некоторым из названных лиц в немецких документах: Ольша о Гарифе Султане (21 августа 1944 г.): "Пламенный представитель пантюркистских воззрений, одухотворен предлагаемыми идеями" (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696291); Ольша о Кашапове (4 сентября 1944 г.): "Кашапов вследствии своей психологической точки зрения потерял внутренний подход к немецким учреждениям. Особенно резко высказывается в русском вопросе: резко критиковал мысль, что татар хотят представить врагами всего русского. По его мнению, русские никогда врагами татар не были, а наоборот, после подавления большевиков станут их друзьями" (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696290).

[60] Подробная характеристика организационной структуры и задач национальных комитетов дана в книге: **von zur Mühlen, P.**, S.82-104. Мною во многом использованы эти данные.

[61] Материалы курултая в виде брошюры были опубликованы в Берлине в 1944 г. : Idel-Ural Qurultaj. Berlin 1944 (публикация упоминается в библиографии, составленной А.Даллином - The German Occupation of the USSR in World War II. A Bibliography. Compiled by Alexander Dallin. New York 1955). Эту публикацию, к сожалению, мне не удалось обнаружить в библиотеках. Некоторые материалы Грайфсвальдского курултая опубликованы в современной периодике: **Мустафин Р.А.** "Идель-Урал": взгляд из Германии // Гасырлар авазы - Эхо веков.- май 1995.- с.137-139. Вызывает определенное недоумение, что Р.Мустафин и в этой, и в своих предыдущих публикациях постоянно располагает город Грайфсвальд "невдалеке от Дрездена", хотя он в действительности находится совсем в другом конце Германии, на северо-востоке. Мной использованы материалы курултая, сохранившиеся в Федеральном архиве в Потсдаме (BA-Potsdam, NS 31/31, Bl.1-8), а также публикация его документов в газете Волго-татарского легиона "Идель-Урал" (№ 10-11 (67/68) от 19 марта 1944 г.)

[62] Судя по всему, Национальный фонд действительно был создан: в газете "Идель-Урал" (№15 (72) от 15 апреля 1944 г.) были опубликованы правила сбора средств в Фонд. К июню 1944 г. у Фонда уже был свой особый счет в Дойче Банк, которым распоряжался Шафи Алмас (информация газеты "Идель-Урал" № 24 (81) от 17 июня 1944 г.) Реально взносы на этот счет начали поступать к концу лета 1944 г. и в той же газете (№ 42 (99) от 21 октября 1944 г.) уже были опубликованы следующие сведения: от полевой почты 42683 на тот день поступило 998 рейхсмарок, от полевой почты 42935А - 1244 рейхсмарки, от полевой почты 41286 - 110 рейхсмарок, еще 87 рейхсмарок поступило от "частных лиц". Судьбу собранных средств, к сожалению, выяснить полностью не удалось. Можно только предполагать, что ими вполне мог воспользоваться Шафи Алмас, который уже в начале 1945 г. покинул Германию.

[63] **von zur Mühlen, P.**, S.130-131.

[64] BA-Potsdam, Film 2418, A 2695716.

[65] Ibid., NS 31/31, Bl.26.

[66] Ibid., Film 2418, A 2696519.

[67] BA-Koblenz, NS 19/3573, без указания листа. Такие характеристики Вели Каюм-хану были нередки: 15 ноября 1944 г.свое мнение о нем в беседе с Р.Ольшей высказал А.Идриси, который и привез в 1922 г. Каюм-хана для учебы в Германию: "Из всех туркестанцев, которые прибыли в Германию для учебы - он самый бездарный. Он очень ненадежен - живет с тремя женщинами, купил дома в Париже, Карлсбаде и Потсдаме" (BA-Potsdam, Film 2419, A 2696519).

[68] BStU-Zentralarchiv, RHE 63-88/SU, Bd. 2, Bl. 330-332.

[69] Назову только некоторые из новейших публикаций: на русском языке: **Катусев А.Ф., Оппоков В.Г.** Движение, которого не было, или история власовского предательства // Военно-исторический журнал.-1991.-№4.- с. 18-28; № 7.- с. 12-20; № 12.- с. 31-41; **Катусев А.Ф., Оппоков В.Г.** Иуды: Власовцы на службе у фашизма // Военно-исторический журнал.- № 6.-1990.- с. 68-81; **Колесник. А.**Н. Генерал Власов - предатель или герой? М., 1991; **Левин И.И.** Генерал Власов по ту и эту линию фронта: документы, воспоминания, письма. Мурманск, 1995; **Пальчиков П.А.** История генерала Власова // Новая и новейшая история. - 1993. - № 2.- с. 123-144; **Раманичев Н.М.** Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995, с. 292-312; **Толстой Н.Д.** Жертвы Ялты.- М., 1996, с. 320-346. Очень любопытно, что по этой проблеме даже существуют учебные пособия (!): **Бахвалов А.Л.** Генерал Власов. Предатель или герой? Учебное пособие Санкт-Петербургской высшей школы МВД. СПб., 1994. Важно отметить, что в современной отечественной историографии складывается два подхода к оценкам власовского движения: одни историки абсолютно безоговорочно воспринимают его как пример масштабного предательства (А.Ф.Катусев, В.Г.Оппоков), другие стремятся к более взвешенным, осторожным и разносторонним оценкам (Н.М.Раманичев, скорее к представителям такой точки зрения можно отнести и А.О.Чубарьяна).

Выделю также две из эмигрантских публикаций, появившихся раньше: **Двинов Б.** Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950; **Поздняков В.В.** Андрей Андреевич Власов. Сиракузы, 1973, а также переведенную на русский язык книгу: **Штрик-Штрикфельд В.** Против Сталина и Гитлера. М., 1993 (эта книга была на немецком языке опубликована еще в 1970 г., в издательстве "Посев" на русском языке она увидела свет в 1981 г.); на немецком языке: **Fröhlich; S.** General Wlassow: Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. Köln, 1990; **Hoffmann, J.** Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986 (Эта книга также переведена на русский язык: **Хоффманн Й**. История власовской армии. Париж, 1990); на английском языке: **Andreyev, C.** Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet reality and emigre theories. Cambridge University Press 1987.

[70] **von zur Mühlen, P.**, S.161.

[71] BA-Potsdam, NS 31/28, без указания листа.

[72] Цит. по публикации: **Поздняков В.В.** Андрей Андреевич Власов // Новое русское слово.- 26 декабря 1971 г.

[73] Офицерский бюллетень РОА.-№ 12.- 15 сентября 1944 г.

[74] Воля народа.- № 3/4.- 22 ноября 1944 г. Газета "Воля народа" в эти недели почти постоянно обращалась к сложной проблеме межнациональных отношений: так, например, в № 2 от 18 ноября 1944 один из сподвижников Власова генерал-майор Ф.Трухин в статье "Вооруженные силы освободительного движения" отмечал, что "национальные силы приняли активное участие з борьбе с большевизмом плечом к плечу с германскими

солдатами, а сейчас, в критический момент, мы должны выступить единым фронтом всех народов, населяющих Россию", подчеркивая, что "на нашей стороне симпатии всех народов России".

[75] Воля народа.- № 8.- 9 декабря 1944 г.

[76] Цит. по публикации: **Поздняков В.В.** Андрей Андреевич Власов // Новое русское слово.- 26 декабря 1971 г.

[77] Rußland und wir. Ein Forum. Jahrgang XXXII, Nr.3, 1994, S.4-5. О Пражском манифесте см. также: **Dallin, A.**, S. 647-652. В 1944 г. в пропагандистских целях манифест издавался и в переводе на национальные языки: например, для легионеров Волго-татарского легиона он был параллельно опубликован на русском и чувашском языках в газете "За национальную свободу" (№ 11 от 29 ноября 1944 г.).

[78] Воля народа.- № 11.- 20 декабря 1944 г.

[79] BA-MA (Freiburg), RH 2/2728, Bl. 26-27.

[80] Ени Туркестан, 23 ноября 1944 г.; 14 декабря 1944 г.

[81] BA-Potsdam, NS 31/31, Bl. 32.

[82] См. об этом: **Гилязов И.А.** Там, в иных краях (Татарская эмиграция в 20-40-е гг) // Татарстан.- № 3-4.- 1994.- с. 53; **Hostler, Ch. W.** Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türken und der Türkvölker in der heutigen Welt. Frankfurt/ Main; Berlin 1960, S. 193; **von zur Mühlen, P.**, S.161.

[83] Общий анализ принципов германской политики по отношению к исламу в 1938-1945 годах дан в статье: **Höpp, G.** Der Koran als "Geheime Reichsache". Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945, in: Gnosisforschung und Religionsgeschichte. Festschrifte für Kurt Rudolph zum 65.Geburtstag. Hrsg. Holger Preißler und Hubert Seiwert. Marburg 1994, S.435-446.

[84] О личности Амина эль-Хусейни и его деятельности в послевоенное время появилось немалое количество литературы, назову лишь две, на мой взгляд, наиболее компетентные монографии: **Gensicke, Klaus.** Der Mufti von Jerusalem, Amin el Husseini, und die National-Sozialisten. Frankfurt/Main;Bern;New York;Paris 1988; **Schechtman, Joseph.** The Mufti and the Fuehrer. The Rise and Fall of Haj Amin el-Husseini. New York;London 1965.

[85] PA AA-Bonn, Großmufti, R 27324, без указания листа.

[86] Предложения Шторера, однако, никаких серьезных последствий не имели (см.: **Höpp,** G. Der Koran als "Geheime Reichssache", S. 438-439).

[87] Цит по кн.: **Gensicke, K.**, S. 81.

[88] Ibid., S.84.

[89] Ibid., S.86-91.

[90] PA AA-Bonn, Großmufti, R 27327, N 298019-298023.

[91] См. об этом подробнее: **Gensicke, K.**, S. 108-128.

[92] PA AA (Bonn), Pol. XIII, R 105165, N 250840.

[93] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, N 61175, Bl.16.

[94] Ibid., Bl.217-218.

[95] Ibid., Bl. 179.

[96] PA AA-Bonn, Pol. XIII, R 105171, N 247916.

[97] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941-1943, S. 138-139.

[98] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942-1945. Hrsg. von **Helmut Heiber**. Stuttgart 1962, S. 73.

[99] BA-Potsdam, R 58/225, Bl. 271.

[100] BA-Koblenz, NS 19/3285, без указания листа.

[101] BA-MA (Freiburg), RH 58/62, Bl. 51.

[102] BA-Potsdam, NS 31/42, Bl. 4.

[103] Ibid., NS 31/56, Bl.37.

[104] Его настоящее имя Габдулла Ильяси, сейчас проживает в г. Мюнхене.

[105] Ibid., NS 31/44, Bl. 74.

[106] IfZ (München), Zs 407/1, Bl. 28.

[107] PA AA-Bonn, R 98818, без указания листа.

[108] BA-MA (Freiburg), RS 3-39/1, без указания листа.

[109] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941-1943, S.140. Что касается длительности обучения будущих мулл на курсах, в документах можно встретить и другие сведения: в одном из сообщений ОКХ для командиров штабных офицеров Восточных легионов от 5 августа 1944 г. описан порядок зачисления добровольцев на курсы мулл: вначале они должны были подавать заявление на имя генерала добровольческих соединений с указанием своей национальности и религиозного мазхаба (суннит или шиит). Затем они проходили проходили предварительные курсы сроком в две недели, на которых выяснялась их готовность. И только “наиболее отличившиеся” кандидаты затем должны были направляться на курсы длительностью от трех до шести месяцев (BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 4, Bl. 18-20). Но, по-видимому, реальная военная ситуация заставила немецкое руководство сократить время для подготовки мулл. Поэтому цифры, приведенные в книге И.Хоффманна, представляются наиболее точными.

[110] К сожалению, сам текст этих записок, которые многократно цитируются в книге И.Хоффманна, оказался мне пока недоступен. Оригинал их или же копии находились в личном архиве доктора Хоффманна во Фрайбурге. Конкретно темой своего прежнего исследования он сейчас не занимается и потому, по его словам, передал многие документы из личного архива студентам университета. В результате многие бумаги оказались утерянными, среди них и документы, составленные Бертольдом Шпулером. Поэтому в статье мне приходится цитировать Шпулера в пересказе Иоахима Хоффманна.

[111] IfZ (München), Zs 399/1, Bl. 45.

[112] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941-1943, S.142.

[113] Ibid.

[114] IfZ (München), PS-1111.

[115] 6 ноября 1944 г. свое мнение о возможном создании муфтиата выразил в беседе с Р.Ольшей профессор Хартманн:” Если бы был назначен муфтий для всех суннитских мусульман СССР, это несомненно сыграло бы важную политическую роль, но только при наличии у всех единого мнения об этом. Существует опасность, что создаваемый муфтиат может повести не совсем подходящую политическую линию”. Хартманн обратил также внимание на отсутствие авторитетного религиозного лидера у мусульман СССР, которого можно было бы видеть на посту муфтия. (BA-Potsdam, NS 31/28, Bl.12). А.Идриси дал информационную справку для различных инстанций по поводу создания муфтиата 25 марта 1945 г. (!) Он писал в ней: “Большинство мусульманских военнопленных из России, которых я здесь много встречал во время войны, относятся к этому вопросу равнодушно, целью их думающей части является не закрытый муфтиат, а независимость и национальное единство всех тюркских народов. И они выступают против назначения с немецкой стороны одного или нескольких муфтиев для Крыма, Идель-Урала или Туркестана. К великому муфтию Иерусалимскому все военнопленные российские тюрки относятся с большой симпатией, так как он желает не создания единого исламского государства, а союза мусульманских народов. Если тюркские народы к концу войны не сумеют добиться

общенационального единства, а должны будут и далее существовать, как и до сих пор, в отдельных республиках, что невыгодно как для них самих так и для Германии, тогда они по крайней мере должны создать единую религиозную организацию. Если все сложится именно так, то лидер этой организации должен быть избран из среды самих мусульманских ученых" (BA-Potsdam, NS 31/60, Bl. 14). Очень любопытную параллель мы можем провести с событиями периода первой мировой войны: тот же А.Идриси, будучи имамом Вюнсдорфского лагеря мусульманских военнопленных, выступая с проповедью перед обитателями лагеря в сентябре 1918 г., вещал о больших успехах ислама в войне, которая стала для мусульман "сигналом для пробуждения" и высказывал полную уверенность в победе Германии - и это говорилось за несколько недель до краха Германии в первой мировой войне! Как видим, история ничему не научила А.Идриси (см.: **Höpp, G.** Die Wünsdorfer Moschee: eine Episode islamischen Lebens in Deutschland, 1915-1930, in: Die Welt des Islams, Bd. XXXVI, 2, 1996, S.209)

[116] BA-Potsdam, NS 31/45, Bl.151.

[117] Ibid., NS 31/31, Bl.70.

[118] Ibid., Bl.72.

[119] Ibid., NS 31/60, Bl.2-3.

[120] Ibid., NS 31/30, Bl. 52.

[121] Ibid., NS 31/40, Bl. 38.

[122] Однако вполне вероятно, что кандидатура А.Идриси вызывала сомнения даже у Р.Ольши, в целом благоволившего к нему. В 1944 г. в одной из своих записей, которые им были переданы в РСХА (Имперскую службу безопасности), Р.Ольша подробно описал сложившуюся ситуацию: "Личность профессора Идриса была в высшей степени спорной. (...) Против Идриса годами шла борьба, прежде всего со стороны татарской и туркестанской эмиграции. Его обвиняли в том, что он был советским агентом. (...) Кроме того, во время заседаний Имперского военного суда над татарской группой (речь идет о суде над группой М.Джалиля - И.Г.) ему вменялось в вину, что его жена сыграла весьма неясную роль. Поэтому в этих условиях мне было очень тяжело доверить профессору Идрису роль шеф-учителя в школе мулл. Тем не менее я пошел на это, поскольку он в основном должен был вести только занятия по изучению Корана и арабскому языку (чтение и письмо). Кроме того, должны были обсуждаться исторические проблемы, и любая политическая дискуссия в школе была исключена. Профессор Идрис согласился на такие условия, так что не было никакой опасности того, что он мог бы вести конспиративную работу. (...) Вполне возможно, что Идрис не был другом Германии, для того он был слишком критически настроен по отношению к германской политике. Но он казался убежденным мусульманином и исходя из этого, а также из-за своих знаний и своего возраста, особенно подходящим для школы". (BA-Zehlendorf, ZR 920 A.54, Bl. 82).

[123] IfZ (München), MA-366, A 2699233-2699234.

[124] BA-Potsdam, NS 31/40; Bl.19.

[125] Ibid., Bl. 8-9.

[126] **Dallin, A.**, S. 282.

[127] **Höpp, G.** Der Koran als "Geheime Reichssache", S. 437.

[128] PA-AA - Bonn, Pol XIII, Allgemeine Akten, Bd. 9, Nr. 200026.

[129] Ibid., Pol. XIII, Bd. 12, R 105177; Nr. 199753.

[130] Ibid., Ut.St.S.Panturan, R 29900, Nr. 311643.

[131] Ibid., Pol.XIII, Bd.15, R 105182, Nr. 218941.

[132] Ibid., R 105165, Nr. 250840.

[133] Ibid., Pol. XIII, Bd. 7, R 105171, Nr. 247926.

[134] Ibid. Nr. 247914-247925.

[135] BStU-Zentralarchiv, RHE 5-88/SU, Bd. 3, Bl. 77-81.

[136] Ibid., RHE 63-88/SU, Bd. 2, Bl. 179-185.

[137] BA-MA (Freiburg), RH 19V/79, Bl. 27.

[138] История этого лагеря наиболее подробно представлена в справке неизвестного автора под названием "Три года работы в Вустрау", датированной концом 1944 г. и сохранившейся в Федеральном архиве в Потсдаме (BA-Potsdam, R 6/592). Ниже, в основном, используются данные этого документа. Сведения об этом лагере имеются и в публикациях Рафаэля Мустафина (см., например: **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 109-114). По его данным, например, в Вустрау в первые месяцы 1943 г. проходили "переподготовку" члены группы Мусы Джалиля: Рахим Саттар, Абдулла Алиш, Фуат Булатов, Гариф Шабаев. В феврале 1943 г. они находились в "свободном" лагере.

[139] По мнению Р.Мустафина, во время посещения лагеря Вустрау состоялась встреча А.Розенберга с Мусой Джалилем (см.: **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с.126-130). При рассмотрении данного сюжета сам писатель задается вопросом, не была ли история этой встречи обычным вымыслом, и подвергает ее сомнению. В то же время он представляет разные свидетельства тому, что она все-таки действительно имела место. При этом Р.Мустафин ссылается и на знакомство с архивными материалами (к сожалению, не упомянутыми), и на свидетельства некоторых современников. На мой взгляд, однако, такая встреча является не более чем красивой легендой. По данным самого же Р.Мустафина, Муса Джалиль находился в Вустрау довольно короткое время: в январе-феврале 1943 г. "В начале марта его перевели в открытый лагерь (вероятно, имеется в виду "свободный" лагерь - И.Г.). Здесь Джалиль пробыл недолго - всего несколько дней и, получив паспорт иностранца, уехал в Берлин" (**Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 113). Если это действительно так, то указанная встреча в Вустрау состояться никак не могла, так как Розенберг побывал в лагере не в конце февраля (как пишет Р.Мустафин), а только 23 марта 1943 г., когда Джалиля в лагере уже не было.

[140] **Мустафин Р.А.** По следам оборванной песни, с. 110.

[141] Ш.Нигмати, например, находился в Вустрау с сентября по октябрь 1943 г. и выполнял обязанности "шулюнгсляйтера" (т.е. одного из руководителей переподготовки) (BA-Zehlendorf, Personalakten Schihab Nigmati (без указания листов).

[142] Idel-Ural, №12 (69), 26.03.1944.

[143] BA-MA (Freiburg), RH 19 III/492, Bl.67).

[144] BA-Potsdam, Film 2419, A 2696432; **Buchbender, O.** Das tönende Erz, S. 334-335. Собственно германская радиопропаганда в годы второй мировой войны имела следующие направления: международное вещание (осуществлялось при непосредственном участии МИДа, и в нем, кстати, принимали участие Шафи Алмас и Ахмет Темир), вещание против частей военного противника, вещание внутри страны и на оккупированных территориях для немцев и отдельно для представителей восточных народов (легионеров, рабочих и пр.). См. об этом подробнее: **Scheel, Klaus.** Krieg über Ätherwellen. NS-Rundfunk und Monopole.1933-1945. Berlin, 1970; **Schnabel, Reimund.** Mißbrauchte Mikrophone. Deutsche Rundfunkpropaganda im Zweiten Weltkrieg. Eine Dokumentation. Wien, 1969; **Goebel, Gerhard; Schwipps, Werner.** Wortschlacht im Äther. Der deutsche Auslandfunk im Zweiten Weltkrieg. Geschichte des Kurzwellenrundfunks in Deutschland 1939-1945. Berlin, 1971. По данным Клауса Шееля, радиопропаганда нацистского режима достигла своего высшего пункта к середине 1944 г., когда в Германии и на оккупированных территориях работало 107 средневолновых и длинноволновых, 23 коротковолновых передатчиков и 150 пунктов провод-

ного вещания, а число работников радио достигло 6300 чел. (**Scheel, K.** Krieg über Ätherwellen, S. 227-228)

[145] Idel-Ural, № 8 (65), 27.02.1944.

[146] **Schnabel, R.** Mißbrauchte Mikrophone, S. 153.

[147] BA-Potsdam, Auswärtiges Amt, Nr. 61175, Bl. 217.

[148] Ibid., Bl. 179.

[149] Ibid., NS 31/44, Bl. 130.

[150] BStU-Zentralarchiv, RHE 63/88-SU, Bd. 2, Bl. 325-327.

[151] Сохранность таких изданий оставляет желать лучшего: в библиотеках ни одно из них не сохранилось в полном виде. Подшивка газеты "Идель-Урал" хранится в Берлинской библиотеке - здесь имеются номера газеты, начиная с № 34 (40) от 22 августа 1943 г. до № 25 (82) от 23 июня 1944 г. Кроме того, переводы отдельных статей из газеты на немецкий язык, осуществлявшихся с целью контроля, сохранились в Федеральном военном архиве во Фрайбурге (из номеров газеты осени 1944 - начала зимы 1945 гг.) (BA-MA, MSg 123/1). Очевидно, более полные собрания материалов газеты могут находиться в личных архивах или других библиотеках. В моем распоряжении имелось лишь по одному экземпляру журналов "Татар әдәбияты" и "Германча-татарча белешмә" ("Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt"). Газету Восточнотюркского боевого соединения СС "Тюрк бирлиги" ("Идель-Урал") мне, к сожалению, найти не удалось ни в одном экземпляре. Таким образом, характеристики этих изданий опираются на достаточно ограниченный материал.

[152] Поскольку в моем распоряжении нет номеров газеты конца 1944 - начала 1945 гг. в этом вопросе приходилось опираться на не совсем ясные данные одного документа от 15 ноября 1944 г., в котором сказано: "В газете "Идель-Урал" есть сейчас опытный редактор обер-фельдфебель Ишмаев" (BA-Potsdam, Film 2418, A 2695617). Непонятно, о главном ли редакторе идет здесь речь.

[153] В одном из последующих номеров газеты "Идель-Урал (№ 46 (52) от 14 ноября 1943 г., посвященном первой годовщине газеты, Шафи Алмас назвал это печатное издание "не только газетой нескольких политиков, собравшихся в Берлине, а фактическим органом Милли меджлиса 1917-1918 гг., борющейся за его решения".

[154] BA-Potsdam, NS 31/62, Bl. 11.

[155] Ibid., Bl. 121. Рекомендации не означали, что эти лица обязательно должны были войти в состав редакции. Они могли привлекаться к работе и в качестве корреспондентов. Подобного рода рекомендации давались и позднее. Так, например, Ф.Паймук 28 сентября 1944 г. советовал включить в состав идель-уральской редакции унтер-офицера Мичурина, как человека с высшим юридическим образованием, знающего разные тюркские языки, являвшегося старшим пропагандистом в Волго-татарском легионе и закончившего школу пропагандистов в Потсдаме (BA-Potsdam, Film 2418, A 2695713). 8 ноября 1944 г. рекомендация для работы в редакции газеты была дана Р.Ольшей и Исламгулову (Ibid., NS 31/62, Bl. 36-37).

[156] Ibid., Bl. 123. На основании имеющихся документов трудно определить, был ли профессор С.Николаев действительно привлечен к изданию газеты.

[157] BA-MA (Freiburg), RS 3-39/1, без указания листа; BA-Potsdam, NS 31/61, Bl. 57.

[158] BA-Potsdam, NS 31/62, Bl. 61. В этом же документе отмечены, правда, в качестве недостатков Ш.Нигмати его чрезмерная вспыльчивость и бурный темперамент. По словам Шефера, все окружающие называли его за глаза "чокнутым поэтом".

[159] Ibid., Film 2418, A 2695716.

[160] Ibid., NS 31/62, Bl. 21.

[161] Ibid., NS 31/61, Bl.81.

[162] Ibid., Bl. 83.

[163] Ibid., NS 31/62, Bl. 22.

[164] Ibid., Bl. 38.

[165] Ibid., Film 2418, A 2695603.

[166] BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd. 3, Bl. 220.

[167] BA-Potsdam, NS 31/62, Bl. 145-146.

[168] Ibid., NS 31/40, Bl. 19.

[169] BA-MA (Freiburg), RS 3-39/1, без указания листа

[170] Ibid.

[171] Ibid.

[172] **Sultan, G.** Bedeutung und Aufgaben des Nachrichtenblattes, in: Deutsch-tatarisches Nachrichtenblatt, Nr 14, 1944, S.2.

КТО ЖЕ ОНИ, ПРЕДАТЕЛИ, ПАТРИОТЫ ИЛИ ЖЕРТВЫ?
(Вместо послесловия)

Итак, мы проследили, насколько это было возможно, историю Восточных легионов вермахта и Восточнотюркского боевого соединения СС, более подробно остановившись на сюжетах, связанных с соединениями поволжских татар, а также рассмотрели вопросы политического сотрудничества представителей нерусских народов СССР с Германией в это время. Хочу заметить, что этим самым история сотрудничества представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Приуралья с национал-социалистским режимом не исчерпывается, такая задача в этой книге не ставилась изначально. В немецких архивах же хранится еще немалое количество документов, например, из истории туркестанских и кавказских соединений, имевших бесспорно свою специфику по сравнению с формированиями поволжско-приуральских татар.

В качестве заключения мне хотелось бы обратиться к очень сложным и, можно сказать, деликатным вопросам: Почему же военные формирования вермахта и СС из нерусских народов СССР оказались "недееспособными", почему идея их использования в войне на стороне национал-социалистской Германии провалилась? Как в целом можно оценивать феномен советского военного и политического коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны?

Советская историческая литература и публицистика к этим сюжетам обращалась очень неохотно, упоминала их лишь вскользь, скорее как "досадное недоразумение" военных лет. Но если уж они затрагивались, то ответы на поставленные вопросы давались достаточно простые. Исходя из устоявшегося мнения о малочисленности коллаборационистов, активности коммунистических и прокоммунистических подпольных групп в среде военнопленных, которые насильно были загнаны в состав Восточных легионов, считалось, что главной причиной провала германских планов по привлечению на свою сторону представителей различных народов была верность советских людей своей Родине и коммунистической партии, их высокое чувство патриотизма. Порой получалось так, что почти все или многие из тех, кто переходил на германскую сторону, шли в состав легионов, чтобы развалить их изнутри или же, получив оружие, повернуть его против врага. Патриотизм в борьбе СССР против нацистской Германии в целом действительно сыграл громадную роль, и эту роль преуменьшать нельзя, но все же я считаю, что упирать только на чувство патриотизма "восточных добровольцев", которые изнутри разрушили планы гитлеровцев, это значит искусственно сузить проблему. Если ограничиваться только таким представлением, то мы в поиске ответа на непростые вопросы остановимся на полпути.

Указанная проблема требует исключительно взвешенного, спокойного подхода. Чтобы раскрыть ее, необходимо обратиться к конкретным источникам

военного и послевоенного времени, а также наиболее серьезным публикациям, посвященным теме коллаборационизма в годы второй мировой войны.

Вопрос: "Почему же все мероприятия по созданию Восточных легионов имели столь малый эффект и фактически закончились для немецкой стороны провалом?" - задавался уже в ходе войны и после ее завершения, когда продумывались и обсуждались ее последствия. Если для твердолобых нацистских фанатиков крах идеи создания Восточных легионов мог быть лишь еще одним аргументом, говорящим о "неполноценности" восточных народов, то некоторые из крупных немецких военных и гражданских чиновников выдвигали довольно любопытные суждения по этому поводу, которые вполне могут быть если не приняты, то хотя бы упомянуты.

Одним из первых обратил внимание на издержки германской политики и пропаганды в отношении восточных народов СССР один из крупных чиновников Восточного министерства Отто Бройтигам - 25 октября 1942 г. предлагал своему руководству дать "восточным народам успокаивающие обещания насчет их судьбы", поскольку "народам Востока необходимо сказать что-то конкретное об их будущем". Бройтигам сетовал по поводу того, что "все предложения такого рода были отклонены".[1] Эти наблюдения можно рассматривать как очень осторожную критику ошибок германской политики в отношении восточных народов.

В декабре 1943 г. на вопрос, почему же привлечение тюркских военнопленных на германскую службу дает такой слабый эффект, попытался ответить майор А.Майер-Мадер, который также был непосредственно подключен к этим мероприятиям.[2] Докладная записка, составленная германским экспертом, является одним из первых и довольно серьезных аналитических документов, посвященных поставленному вопросу, поэтому вполне уместно будет остановиться на его содержании подробнее.

В качестве основных причин неуспеха немецкой политики в формировании Восточных легионов в записке Майер-Мадера назывались: контрмеры со стороны СССР (создание национальных соединений и активизация пропаганды), грубые ошибки самих немцев в работе по организации восточных легионов - слабое представление вообще о тюркских народах, а особенно непонимание их менталитета; отсутствие подготовленных военных кадров для весьма специфической службы в Восточных легионах (по словам Майер-Мадера, "не бралась в расчет добровольность, офицеров просто командировали в легионы, а тот кто работает с азиатами, должен принести с собой любовь к такой работе"); пренебрежительное отношение немцев к представителям восточных народов ("немцы воспринимали мусульман не как таковых, а как большевиков, как бывших военнопленных"; "назначенные тюркские офицеры не воспринимались как равные, в худшем случае им даже не давали высказывать свое мнение"); причины конфликтных ситуаций немецкой стороной по-настоящему не изучались. Если при этом учитывать и то, что немцы не знали восточных языков, и не все легионеры в достаточной степени овладели немецким языком, то не случайно то, что в легионах, по мнению Майер-Мадера, фактически сложилось два лагеря, "пропасть между которыми до осени 1943 г. стала такой глубокой, что недовольство тюрк-

ских легионеров начало проявляться активно, и они стали беспомощны перед лицом вражеской пропаганды". Немецкий эксперт предложил и свои меры по исправлению сложившегося положения. Только активизировать пропагандистскую работу среди тюркских народов - этого, по его мнению, уже было недостаточно для создания атмосферы "доверия" между сторонами. Следовало обязательно заняться формированием национальных офицерских кадров, приравненных по статусу к немецким; в качестве конечной цели военных мероприятий Майер-Мадеру виделось объединение всех тюркских легионеров в одну дивизию. Эта дивизия должна была стать своеобразным домом для всех тюркских военнопленных. Автор записки считал: "каждый человек должен знать, что есть в Германии место, где он будет иметь все права, где он не будет чувствовать себя чужим в чужой стране. Тогда он не станет рассматривать Германию с точки зрения врага, как это было до сих пор, когда он знал, что в этой стране он не имеет никаких прав, кроме одного - права проливать за нее кровь".

Майер-Мадер был глубоко убежден, что путь "сотрудничества" Германии с восточными народами был правилен, что это "сотрудничество" при соответствующей корректировке германской политики даст свои плоды.

Когда закончилась война, многие из официальных лиц - военные и гражданские, которые в Германии были связаны с восточными народами, попытались вновь оценить это "сотрудничество" и осмыслить допущенные национал-социалистским режимом "ошибки". Скажем, тот же Бройтигам в своих воспоминаниях высказался намного более определенно, чем в 1942 г.: "Трагедия всего восточного похода в том, что не было выработано никаких политических подходов. Гитлер вообще считал, что сначала нужна победа, что только потом можно заняться политическими вопросами. До конца войны он так и не понял, какую важную роль играет политика в ведении войны, что военный успех не может прийти без успеха политического. (...) Германия должна была сразу заявить о праве народов свободно решать свою судьбу".[3]

Петер Кляйст, также один из сотрудников Восточного министерства, в своих воспоминаниях назвал в качестве одной из главных ошибок Гитлера отрицание им идеи политической войны и надежды его на чисто военные методы. По мнению Кляйста вместо призыва к национально-освободительной войне на Востоке, поставлена была солдафонская идея "колониального статуса" территорий СССР.[4]

Вторили гражданским чиновникам и генералы, командовавшие Восточными легионами. Фон Хайгендорф в своих мемуарах отмечал: "Национальные комитеты были своего рода правительствами в изгнании. В этом отношении при политической поддержке нашего руководства они могли бы достичь многого. (...) Если бы им четко и ясно сказали: все будет так и так, их деятельность была бы намного активнее. А неясность в результате порождала недоверие".[5] Задним числом и генерал Кестринг критиковал позицию высшего германского руководства: "Ошибка Гитлера - его недоверие к народам СССР. Русские и украинские соединения не были созданы вовремя, вначале только кавказские и туркестанские части, при этом наиболее крупной единицей оставался батальон. (...) У Гитлера был только один пароль - борьба с большевизмом. Идея Розенберга о

разделении России на несколько национальных государств была абсурдной. Он создал несколько "национальных комитетов", а у них тем временем была большей ненависть к сталинской системе, чем ненависть к русским".[6] В том же духе высказывался в своих мемуарах и Райнхардт Гелен - в годы войны руководитель учреждения "Fremde Heere Ost", а в 50-60-е годы президент БНД (разведки ФРГ): по его мнению, немцы могли умело использовать политические мотивы и военные акции, чтобы привлечь на свою сторону народы СССР и создать " свободное от коммунизма и дружественное Германии государство", для немцев была возможность всесторонне поддержать идеи "освобождения от сталинского ига", "осуществления национальных надежд", идеи свобода, права, собственности, и в итоге развязать "освободительную борьбу". Тогда, по мнению Гелена, стала бы реальной "вероятность успеха нашего похода". Как и многие другие современники, Гелен осуждает Гитлера за то, что он сделал войну исключительно "актом насилия" и не сделал действенным политический элемент.[7]

Итак, приведенные выше мнения германских специалистов, которые в годы войны осуществляли на практике идеи военного и политического сотрудничестве Германии с тюркскими, мусульманскими народами СССР, сводятся в основном к тому, что такое сотрудничество было вполне реальным, и лишь стойкое нежелание Гитлера изменить свою позицию помешало Германии привлечь на свою сторону народы СССР. Однако, при более внимательном отношении к фактам, такое толкование может быть поставлено под серьезное сомнение.

Прежде всего, при ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать само значение слова "сотрудничество". Оно безусловно предполагает равноправие сотрудничающих сторон. О каком равноправии может идти речь в случае с представителями народов СССР, которые в большинстве своем были военнопленными и оказались на германской службе в годы войны в основном под давлением сложившихся обстоятельств? Приведенные в тексте этой книги факты свидетельствуют как раз об обратном: немцы никак не смогли преодолеть идеологические установки национал-социализма и увидеть в "неожиданных союзниках" равноправных партнеров. На эти реалии обращал внимание еще Борис Двинов в своей публикации 1950 г., характеризуя "союз" генерала Власова и Гитлера и называя власовцев в сложившейся ситуации "прислужниками".[8]

В данном случае следует также учитывать и саму природу учения Гитлера: с самого начала настроенный исключительно расистски режим не мог изменить своим постулатам. Увидеть в других, тем более восточных народах, "равноправных союзников" режим Гитлера не мог по своей природе. Попытки отдельно взятых лиц (вроде, фон Штауффенберга или Майер-Мадера) иначе оценить представителей восточных народов, общей картины не меняли. Совершенно справедливым представляется мнение М.Геллера и А.Некрича, которые замечали: "Можно лишь гадать о том, какой оборот приняли бы события, если бы нацисты проводили не политику геноцида, репрессий, подавления национальных и просто человеческих чувств, а более умеренную, приемлемую для большинства населения, как русского, так и нерусского. Но такая политика была абсолютно исключена, ибо нацисты не были бы нацистами, да и мировой войны вероятно не было бы. Гитле-

ровская Германия стремилась к порабощению и частичному истреблению народов Советского Союза, Польши, других восточноевропейских государств".[9]

Исходя из сказанного, можно вполне обоснованно полагать, что германская политика по отношению к народам СССР изначально была тупиковой, поскольку национал-социалистской верхушкой перед ней была поставлена исключительно колониальная цель - завоевать "восточное пространство" и эксплуатировать его народы. Парадокс ситуации с представителями восточных народов, которые в период второй мировой войны оказались на стороне Германии, заключается в том, что немецкая сторона **не могла** открыть перед ними реально демократичную перспективу, ибо в таком случае это уже была бы не Германия Гитлера. Германия являлась жестко тоталитарной страной, и наивно полагать, что такой режим поддержит самостоятельное и демократическое развитие других народов, которые к тому же были покорены силой оружия. Поэтому все попытки использовать восточные народы в "борьбе против большевизма" оказались даже чисто теоретически обречены на провал. Национал-социалистская политика в отношении восточных народов, все лицемерные попытки привлечь их к военному и политическому сотрудничеству оказались масштабным блефом. Особо это стало заметным в последние годы войны, когда наметился перевес сил антигитлеровской коалиции. В таких условиях, как было показано выше, стремление использовать восточные народы на своей стороне становилось все более настойчивым. Режим упорно пытался найти выход из положения любой ценой, в том числе используя в качестве пушечного мяса советских военнопленных, представлявших разные народы. Это очевидный пример грандиозного политического лицемерия, которое, как правило, свойственно всем империям.

Теперь же обратимся к еще более сложному вопросу оценки феномена советского коллаборационизма в годы войны.

Ко всей этой проблеме, на мой взгляд, не следует подходить с уже готовыми выводами, как это часто делалось до сих пор. Довольно просто объявить всех людей, которые оказались на стороне Германии в годы второй мировой войны "предателями". Если во главу угла поставить чисто формальный юридический показатель: если ты перешел на сторону врага, нарушил присягу, надел немецкую форму и дал клятву верности Германии, то тогда ты, бесспорно, предатель. Такой подход существует до сих пор, он совершенно понятен и становится еще более ясным, если добавить к нему эмоциональной окраски. Исходя из такого подхода, после войны во всех странах коллаборационисты были преданы суду и осуждены как предатели национальных интересов.

Но если принять во внимание даже чисто количественные показатели и вдруг столкнуться с цифрой, что таких "предателей" из представителей всех народов СССР в годы войны оказалось около одного миллиона, то уже одно это заставляет основательно задуматься над природой такого сложного явления, подойти к его оценке более серьезно.

Какие же существуют общие мнения и оценки феномена коллаборационизма? Сразу после окончания войны многие из участников событий опубликовали

свои воспоминания и уже тогда высказали точку зрения о том, что генерал Власов и Русская Освободительная армия, представители нерусских народов, находившиеся на стороне Германии в годы войны имели своей целью освобождение от сталинской тирании, что они лишь временно опирались на поддержку Гитлера, что они представляли из себя некую "третью силу" в борьбе двух тоталитарных систем ("Третья сила" - так была названа, например, книга бывшего редактора власовской газеты "Воля народа" А.Казанцева). О такой точке зрения свидетельствуют и названия мемуаров В.Штрик-Штрикфельда ("Против Сталина и Гитлера"), П.Кляйста и Х. фон Херварта (двое последних, будто сговорившись, назвали свои воспоминания "Между Сталиным и Гитлером"). Такой подход, думается вполне понятен - после победы сил антигитлеровской коалиции непосредственные участники событий хотели предстать перед читателями как сознательные борцы за демократию, которые точно сориентировались в сложных условиях.

Развил и дополнил такую точку зрения современный немецкий историк Иоахим Хоффманн, который в последние годы активно занимается изучением советского военного коллаборационизма (его монографии неоднократно цитировались и упоминались в этой книге). Хотя И.Хоффманн вполне справедливо отмечает, что феномен коллаборационизма оценивался советской историографией довольно однобоко: не как проблема "духовно-политическая", а как "чисто юридическая проблема в узких границах между виной и искуплением этой вины",[10] он же сам демонстрирует не менее однобокий подход в оценке: в его интерпретации все военные формирования представителей советских народов в составе вермахта являлись частями "освободительного движения". Все военнопленные, причисленные к легионам, были в понимании Хоффманна "противниками сталинской системы". При такой интерпретации в стороне остаются причины и мотивы перехода конкретных людей на германскую военную службу, их реальные действия в той или иной ситуации, взаимоотношения с немецкой стороной и т.п. Призывая к разносторонности оценок коллаборационизма, Хоффманн тут же возводит не менее жесткие ограничения в характеристике этого явления. Вполне возможно, что немецкий историк в данном случае либо оказался в плену политических стереотипов недавнего прошлого, либо чрезмерно преувеличил количественные показатели, а именно официально зарегистрированную численность "восточных добровольцев" в Германии.[11]

Несколько иные взгляды имеет другой крупный исследователь сотрудничества восточных народов СССР с Германией - Патрик фон цур Мюлен, исследование которого также неоднократно цитировалось в этой книге. Если И.Хоффманн рассматривал проблему военного коллаборационизма, то П. фон цур Мюлен изучал вопросы политического сотрудничества представителей восточных народов с Германией. Поскольку политическое сотрудничество выдвигает на первый план идеологический фактор, то фон цур Мюлен склонен рассматривать такое сотрудничество как проявление "национализма", национальной идеи в сложных условиях войны. Хотя такое толкование и не охватывает полностью всего явления коллаборационизма, в определенной степени с таким подходом

можно согласиться, ибо национальные представители, которые работали в Восточном министерстве, посредничествах, национальных комитетах постоянно декларировали в качестве своих целей создание национальных демократических государств, представляя себя в данном вопросе политическими противниками сталинской национальной политики. Другое дело, что такие воззрения часто становились лишь политической игрой (сами "националисты" часто скрывали за ними свои личные амбиции, а немецкое руководство "благосклонно" допускало националистические лозунги, ясно понимая, что оно в любом случае является хозяином положения).

В современной историографии немало и более общих оценок явления коллаборационизма периода второй мировой войны.[12] Весьма развернутая его характеристика дана в исследовании Х.В.Нойлена.[13] Отмечая, что понятие "коллаборационизм" в современном лексиконе означает "все контакты предательского, корыстного характера с врагом", направленные "против интересов собственного народа", историк призывает акцентировать внимание на двух моментах: во-первых, явление коллаборационизма относится не только к периоду второй мировой войны, а повторяется постоянно в истории человеческого общества; во-вторых, следует осторожно относится к восприятию "коллаборационизма" как синонима предательства.[14]

Историк выделяет основные формы коллаборационизма в европейских странах в период второй мировой войны: экономическая, административная, политико-идеологическая и военная. Вполне правомерно Х.В.Нойлен считает, что их можно дифференцировать и на основании мотивов и интенсивности коллаборационизма: нейтральный, тактический, условный и безоговорочный коллаборационизм и отмечает, что последняя форма сотрудничества с врагом, предполагающая "абсолютное подчинение оккупационной власти и полное подчинение ей собственно национальных интересов" встречается в истории второй мировой войны очень редко, являясь исключением.[15]

Взяв за основу политические мотивы коллаборационизма в разных странах, историк выделяет следующие его модели:

"- антиимпериалистические и антиколониальные цели (палестинский великий муфтий, иракский премьер-министр Рашид Али аль-Гайлани, индийский борец за свободу Субхас Чандра Бозе);

- осуществление этнических целей в национальной борьбе против доминирующего в государстве народа (словаки, хорваты);

- антикоммунистические-реформаторские идеи установления новых государственных порядков (Власов и РОА, казаки и калмыки);

- антикоммунистические устремления к установлению независимости и самостоятельности (эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, грузины, народы Кавказа и пр.);

- фашистские и национал-социалистские идеи осуществления нового государственного порядка и превращение континента в германский или европейский союз государств (норвежец Квислинг, голландец Муссерт, валлон Дегрель, французы Деа и Дорио, серб Льотич);

- консервация авторитарно-антикоммунистического статус-кво с надеждой на улучшение ситуации после германской победы (француз Виши, серб Недич)".[16]

Как видим, декларированные политические цели и мотивы европейских коллаборационистов были различны и во многом зависели от конкретной ситуации, в которой находился тот или иной народ. Большинство коллаборационистов имели свои политические программы, которые почти никогда не предусматривали "тотального" подчинения национал-социалистской доктрине. Но весь трагизм такого политического целеполагания состоит в том, что коллаборационисты надеялись на помощь национал-социалистского режима, не сознавая до конца его сущности или же поняв ее лишь тогда, когда обратного пути уже не было: "они вскочили на идущий поезд национал-социализма, ошибочно полагая, что они смогут повлиять на его маршрут. Они не знали, что Освенцим и Треблинка являлись этапами этого маршрута. Они не понимали, что поезд не имеет стоп-крана и уже въехал в туннель, в конце которого не было никакого света надежды" - так образно охарактеризовал сложившееся положение Х.В.Нойлен.[17] Для случая советского коллаборационизма вспомним и резкие колебания самой официальной советской доктрины по отношению к гитлеровской Германии в конце 30-х годов: от полного неприятия до дружественных отношений. Эти политические игры диктаторов, конечно, не добавляли ясности в восприятие советских граждан. С высоты сегодняшнего дня нам довольно легко расставить акценты в событиях того времени, но наивно будет полагать, что все советские люди абсолютно адекватно воспринимали гитлеровский режим, особенно в первые годы войны.

Если более внимательно взглянуть на советский коллаборационизм, то и здесь при его оценке следует учитывать все факторы, которые его обусловливали. Это явление для условий СССР было все же не случайным, если мы будем учитывать реалии сталинского режима. Красный террор в годы гражданской войны, репрессии и чистки в 20-30-е годы затронули в нашей стране миллионы людей. Насильственная коллективизация разорила тысячи крестьянских семей. Немало представителей различных народов выражали свое несогласие с ленинско-сталинской национальной политикой. Огромное количество военнопленных оказалось уже в первые месяцы войны в гитлеровских концлагерях, и многие из них из элементарного желания выжить перешли на службу к немцам. "Все это вместе взятое и составило базу для советского коллаборационизма, который во многих случаях был следствием сталинской системы, практиковавшей на терроре, преследованиях и чистках", - отмечает А.О.Чубарьян.[18] Жестокость и бесчеловечность сталинского режима, бесспорно, сыграли свою роль в появлении немалого числа людей, которые, опираясь на Германию, надеялись уничтожить тоталитарную систему. И вовсе не случайными представляются в данном случае слова Александра Солженицына:"Если режим безнравствен, то свободен подданный от обязательств перед ним".

Мы можем убедиться и в том, что политические, экономические, идеологические, национальные предпосылки коллаборационизма у отдельных советских народов были разными, поскольку они находились в различных условиях. Скажем, русский политический коллаборационизм имеет природу несколько

отличную от коллаборационизма других народов - для него на первое место выдвигался фактор борьбы со сталинским режимом. Особняком стоит факт сотрудничества с немцами прибалтийских народов, которые только в 1939 г. оказались в составе СССР и у которых тенденции борьбы за независимое государство были очень сильны. Несколько иную природу имеет коллаборационизм тюркских, мусульманских народов - национально-освободительный, антиколониальный мотив, бесспорно, был для них очень актуален. Но и здесь в каждом конкретном случае есть своя специфика, ведь политические и экономические условия жизни, культурный уровень, даже психология поволжско-приуральских татар во многом отличались от таковых узбеков или казахов. Вероятно, свою мотивацию имел и каждый факт перехода советского гражданина в лагерь врага: среди советских коллаборационистов были и идейные враги сталинского режима, и те, кто намеревался использовать оружие против немцев, и просто надеявшиеся переждать бурные события войны, и элементарно не желавшие погибнуть от голода в концлагере. Весьма образно определил состав "восточных добровольцев", несших службу в легионах, все тот же генерал фон Хайгендорф в своих послевоенных воспоминаниях: "Совершенно ясно, что основным мотивом для перехода к немцам был не идеализм, а материализм". Исходя из этого состав "добровольцев" разделен им на три части: "материалисты" (имевшие чисто материальный интерес), "оппортунисты" (лица, которые, "поняв силу немецкого оружия", решили поменять свои позиции"), "чистые идеалисты" (численно наименьшая группа боровшихся за "идею").[19] Последние, по словам фон Хайгендорфа либо пострадали сами от большевистского режима, либо имели религиозные, политические, этнические причины бороться против большевизма, либо мечтали об освобождении своей родины (это особенно относилось к представителям кавказских или среднеазиатских народов). Развивая далее свои мысли, немецкий генерал оценивал "оппортунистов" и "материалистов": "Положение "оппортунистов" было наиболее шатким - как только такой человек понимает, что он поставил не на ту карту, он пытается что-либо предпринять чтобы спастись - переходит к партизанам, убегает и т.п. "Материалисты" чаще всего спокойно служат до тех пор, пока им лично ничего не угрожает".[20] Характеристика, как видим, достаточно откровенна.

Итак, сам феномен коллаборационизма в годы второй мировой войны предстает перед нами как явление в высшей степени сложное и многообразное. И на вопрос, поставленный в начале этого раздела книги, вряд ли можно дать простой ответ.

Если смотреть на него чисто с обывательской точки зрения (употребляя слово "обывательский" не в пренебрежительном смысле), то коллаборационисты второй мировой войны - это, безусловно, изменники и предатели.

Если оценивать это явление юридически, то здесь необходимо четкое понимание понятий "вина" или "невиновность", "военное преступление", всех норм права, привлечение всех доказательств в пользу того или иного суждения. На основании их могут быть сделаны объективные выводы по каждому факту сотрудничества с немцами в годы войны.

Если же подходить к оценке феномена коллаборационизма с точки зрения исследователя-историка, то абсолютно точно и однозначно оценить его, вероятно, невозможно. В поисках ответа на него следует трезво и максимально объективно учитывать **каждый реальный** случай сотрудничества **конкретного** лица с немцами в годы войны, выявляя те условия, которые подтолкнули его к такому нелегкому шагу. И сегодня не следует считать всех коллаборационистов из представителей разных народов СССР тривиальными предателями. В то же время ясно, что **объективно** они выступали на стороне Гитлера, "хотя вполне возможно, вступавшие в националистические антисоветские формирования совсем не поддерживали цели Гитлера и не разделяли нацистских взглядов".[21]

И в заключении хочу повторить еще раз: в данном разделе книги, пытаясь найти ответ на поставленные вопросы, я не ограничивался чисто юридическим выбором между "виновен - не виновен", "предатель - не предатель". В научной характеристике коллаборационизма такого выбора совершенно недостататочно. Мой подход в данном случае сводился к попытке **понять** трагичность и неоднозначность всего феномена советского коллаборационизма, к попытке разносторонне и максимально объективно подойти к характеристике этого сложного явления и как историку-исследователю высказать свои взгляды на него, опираясь на еще малоизвестные архивные материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в трех томах, т.2: Военные преступления. Преступления против человечности. М., 1966, с. 234-235.

[2] Текст этой докладной записки хранится в Федеральном архиве в Потсдаме (BA-Potsdam, NS 31/43, Bl.28-30). Вполне возможно, что именно такое критическое "особое мнение" сыграло роковую роль в судьбе самого майора А.Майер-Мадера - он погиб в феврале 1944 г. в Белоруссии (по мнению П. фон цур Мюлена обстоятельства его гибели остались неясными - **von zur Mühlen, P.**, S. 148-149; Х. фон Херварт, однако, прямо пишет, что Майер-Мадер был застрелен по указанию руководства СС, а его подчиненным было объявлено, что он погиб, попав в партизанскую засаду - **von Herwarth, H.** Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt/Main-Berlin-Wien 1982, S. 257-258).

[3] IfZ- München, Zs 400/II - Bräutigam, Bl. 19, 21.

[4] **Kleist. Peter.** Zwischen Hitler und Stalin. 1939-1945. Bonn 1950, S. 133-134, 137.

[5] IfZ- München, Zs 497/I - Heygendorff, Bl. 52.

[6] Ibid., Zs 85 - Köstring, Bl.35, 37, 42.

[7] **Gehlen, Reinhardt.** Der Dienst. Erinnerungen 1942-1971. Mainz-Wiesbaden 1971, S. 99, 100-101.

[8] Б.Двинов, например, замечал: "Союз" Власова с Гитлером был "тоже союзом", из коих один - Гитлер - обладал всей технической, военной и финансовой мощью, а другой - Власов - ничем, а был просто в плену и жил, и дышал, и действовал, пока то было Гитлеру угодно. (...) И Власов, и КОНР (Комитет освобождения народов России - И.Г.) хорошо знали, что они - пленники, что они в лапах Гитлера, который может их в любой момент прикончить, но что "отступления нет" и "мосты сожжены". (...) Они были не союзники, а **прислужники** (выделено автором - И.Г.)" (**Двинов Б.** Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950, с. 59). Точка зрения примечательная и, на мой взгляд,

вполне точно подходящая и для случая "сотрудничества" с Германией представителей восточных народов.

[9] **Геллер М., Некрич А.** Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1989, с.474-475.

[10] **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941-1943, S.7.

[11] Последнее особенно заметно в книге И.Хоффманна "Кавказ 1942-1943", когда автор пишет об общей численности соединений вермахта из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья, Азербайджана, Грузии, Армении, Калмыкии и Крыма. По его мнению, даже если ограничиваться цифрой 90 000 человек в составе таких соединений, то одно это является "весомым аргументом против попыток советской историографии принизить политическое или военное значение" этих соединений. Как пишет И.Хоффманн: "90 000 человек соответствует численности шести боеспособных дивизий или двух армейских корпусов, примерно такую численность имел рейхсвер Веймарской республики или, если привести иное сравнение, эта цифра в три раза превышала численность всей армии Финляндии в 1939 г."(**Hoffmann, J.** Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg 1991, S. 57).

[12] Назову лишь некоторые из исследований, в которых эта тема рассмотрена специально: **Alexiew, A.** Soviet Nationalities in German Wartime Strategie. 1941-1945. Santa Monica 1982; **Andreyev, C.** Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet Reality and Emigre Theories. Cambridge University Press 1987; **Brockdorff, W.** Kollaboration oder Widerstand? Die Zusammenarbeit mit den Deutschen in den besetzten Ländern während des Zweiten Weltkrieges und deren schreckliche Folgen. München;1968; **Lemberg, H.** Kollaboration in Europa mit dem Dritten Reich um das Jahr 1941, in: Bosl, Karl (Hrsg.) Das Jahr 1941 in der europäischen Politik. München;Wien 1972, S. 143-162; **Littlejohn, D.** The Patriotic Traitors. A History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940/1945. London 1972; **Mulligan, T. P.** The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942-1943.New York;Westport/Connecticut;London: Praeger 1988; **Neulen, H. W.** An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München 1985; **Rings, W.** Life with the Enemy. Collaboration and Resistance in Hitler's Europe. 1939-1945. New York 1982.

[13] **Neulen, H. W.** An deutscher Seite, S. 39-49.

[14] Ibid., S. 39.

[15] Ibid., S. 41-42.

[16] Ibid., S. 42.

[17] Ibid., S. 44.

[18] **Чубарьян А.О.** Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. К 50-летию Победы / Отв. ред. О.А Ржешевский. М., 1995, с. 12.

[19] IfZ - München, Zs 407/I - Heygendorff, Bl.20.

[20] Ibid.; Bl.21.

[21] **Андреев В.** "Восточные добровольцы". Новые данные об участии советских народов в гитлеровских формированиях // Новая ежедневная газета.- 6 декабря 1994 г.

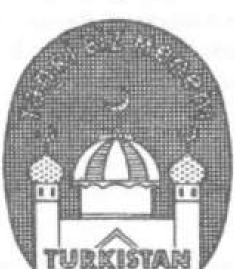
Приложения

Северо-кавказский легион

Азербайджанский легион

Армянский легион

Грузинский легион



Туркестанский легион

Волго-татарский легион

Национальная символика Восточных легионов

(опубликовано в кн.: Hoffmann, Joachim. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg 1976, S. 36.).

Татарские легионеры (Франция, 1944 г.).
(фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

Во время учений (место и дата неизвестны).
(фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

Татарские легионеры во время утренней поверки (место и дата неизвестны).
(фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

Татарские легионеры на молитве (место и дата неизвестны).
(фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

Народный танец в исполнении татарских легионеров (место и дата неизвестны). (фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

Зрители во время постановки спектакля "Шурале" (место и дата неизвестны). (фото из фондов: Bundesarchiv - Koblenz).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава 1. **ПРЕДПОСЫЛКИ** 7

Представления нацистов о восточных народах Советского Союза. Планы относительно будущего этих народов. 8

Фактор тюркский. 22

Фактор исламский. 37

Примечания к главе 1. 47

Глава 2. **ПОПЫТКИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА** 53

Военнопленные в Германии. 54

Германская пропаганда и перебежчики из Красной Армии. 57

Позиция зарубежных стран и старых эмигрантов. 62

Создание Восточных легионов. 64

Вопросы общей истории Восточных легионов: их статус, внутренняя структура и организация. 72

Задачи Восточных легионов, их оценки и характеристики германской стороной. 85

Проявления протеста в легионах и реакция немецкой стороны. 94

Восточные легионы в военных операциях на Востоке. 98

Восточные легионы во Франции. 99

Волго-татарский легион - легион "Идель-Урал". 102

825-й батальон. 106

826-й батальон. 109

827-й батальон. 110

828-й батальон. 113

829-й батальон. 116

830-й батальон. 117

831-й батальон. 118

Прочие татарские формирования в составе вермахта. 118

Восточнотюркское боевое соединение СС (ВТБС). 125

Примечания к главе 2. 144

Глава 3. **ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С НАЦИСТСКИМ РЕЖИМОМ** 159

Нацистская Германия и представители предвоенной эмиграции. 159

Восточное министерство и Посредничества. 165

Национальные комитеты и "Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала". 170

Генерал Власов и национальные представительства. 186

Исламский фактор в годы войны. 191

Пропагандистская деятельность МИД, Восточного министерства, национальных представительств и СС. 205

Примечания к главе 3. 225

КТО ЖЕ ОНИ: ПРЕДАТЕЛИ, ПАТРИОТЫ ИЛИ ЖЕРТВЫ? (Вместо послесловия). 237

Примечания. 246

Приложения. 248